

РИЧАРД ЛЭЙМОН

Подвал

ДЖОН ФАРРИС

Когда
звонит Майкл

РИЧАРД ЛЭЙМОН

Подвал

ДЖОН ФАРРИС

Когда
звонит Майкл

Москва
Компания «Ключ-С»
1993

Переводы с английского

Иллюстрации
В. Федорова

Л $\frac{4703040100 - 2933}{И 38(03) - 93}$ 2933 — 93

ISBN 5—253—00752—0

- © Чичина Т. В.
Составление 1993.
- © Блинов Ю.
Терещенко В.
Алукард С.
«Подвал». Перевод. 1993.
- © Павлова М.
Яковлева М.
«Когда звонит Майкл».
Перевод 1993
- © Брылев Л. В.
Оформление. 1993.
- © В. Федоров.
Иллюстрации. 1993.

РИЧАРД ЛЭЙМОН

Подвал

ПРОЛОГ

Дженсон схватил микрофон рации. Его большой палец замер на кнопке вызова. Он снова посмотрел на крайнее верхнее окно старинного, выстроенного в викторианском стиле дома на другой стороне улицы, но увидел лишь отражение луны в стекле и медленно опустил микрофон на колени.

И вдруг луч фонаря вновь блеснул в темноте за окном. Тогда он поднес микрофон к губам и без колебаний вышел на связь.

— Дженсон вызывает дежурного,— произнес он, с силой надавив клавишу передачи.

— Слушаю, дежурный,— раздалось в ответ.

— В «Доме чудовища» кто-то бродит.

— Не понял, Дэн. Что случилось? Повтори!

— Я сказал, в «Доме чудовища» кто-то бродит!

— Так зайди туда и проверь.

— Мне нужно подкрепление.

— У Суини сейчас перерыв. Его нет в участке.

— Ну найдите его! Он всегда ходит перекусить в ресторанчик «Добро пожаловать». Позвоните туда.

— А ты сам там не справишься?

— Нет уж, дудки! Один я в этот чертов дом не пойду. Или вы пришлете сюда Суини, или я могу насрать на все это дело.

— Ладно, попробую его разыскать, а ты оставайся пока на месте и следи за дверью, если боишься войти внутрь. И выбирай выражения, приятель, когда говоришь по радио.

— Вас понял. Конец связи.

Патрульный Дэн Дженсон положил микрофон на место и опять посмотрел на дальнее верхнее окно дома напротив. Никаких проблесков света не было. Затем его взгляд скользнул по другим окнам, по темному балкону над крыльцом,

по фонарю мансарды с остроконечной крышей. Все, казалось, спокойно.

И тут в ближайшем окне первого этажа тонкий желтый луч описал замысловатую дугу и исчез.

Дженсон почувствовал, как мороз пробежал по коже, будто по спине его поползли насекомые.

Он быстро закрыл в машине все окна и локтем нажал кнопку замка двери. Но мурашки на коже не проходили.

* * *

Внутри дома мальчик старался не заплакать от страха, пока отец тащил его за руку из одной темной комнаты в другую.

— Видишь, здесь никого нет! Ты видишь кого-нибудь?

— Нет,— хныкал мальчик.

— Ни призрака, ни оборотня, ни чудовища?

— Нет.

— Хорошо.

— Теперь мы можем уйти? — спросил мальчик.

— Нет, молодой человек, пока не можем. Мы еще не видели чердака.

— Но она сказала, что чердак заперт.

— Все равно мы туда зайдем.

— Не надо, пожалуйста!

— А вдруг чудовище ждет нас на чердаке, а? Ну, где оно?..

Мужчина открыл еще одну дверь и включил фонарик, осветив лучом пустую пыльную комнату. Затем грубо потащил мальчика дальше по коридору к другой двери.

— Папа, пойдем домой!

— Боишься, что чудовище схватит тебя? — Отец громко расхохотался. — Так вот: мы не выйдем из этого дома, пока ты не признаешь, что здесь нет никаких чудовищ. Я не хочу, чтобы мой сын вечно хныкал и боялся всего на свете, даже собственной тени и простой темноты.

— Но здесь правда есть чудовище! — продолжал настаивать мальчик.

— Так покажи мне его!

— А та женщина-экскурсовод сказала, что...

— Она еще не то наплетет! Это ее работа. А ты должен научиться сразу понимать, когда тебя водят за нос. Все чудовища — это вздор, чушь собачья. Призраки и ведьмы — тоже. А здешнее чудовище — тем более!

Мужчина решительно схватился за ручку двери и рывком распахнул ее настежь, направив луч фонарика внутрь. Перед ними была узкая крутая лестница, ведущая к закрытой двери наверху.

— Псшли! — приказал он.

— Папа, не надо, пожалуйста!

— Не говори мне, что надо, а что не надо!

Мальчик попытался высвободить свою руку, но не смог. Он опять начал хныкать.

— Перестань реветь, трусишка.

— Я домой хочу.

Отец грубо дернул его за руку.

— Сперва мы поднимемся по этой лестнице, — назидательным тоном объявил он, — зайдем на чердак и поглядим на твое чудовище. И чем скорее мы это сделаем, тем скорее ты попадешь домой. Но ни минутой раньше, ты меня понял?

— Да, — еле слышно проговорил мальчик.

— Хорошо. Тогда пошли.

Не отставая от отца, мальчик начал подниматься по лестнице. Деревянные ступени под их ногами прогибались и громко скрипели. Луч фонаря слабо освещал обшарпанные темные стены.

— Папа!

— Тихо...

Круг света от фонаря скользнул вверх по лестнице и образовал пятно на чердачной двери высоко над их головами.

Мальчику захотелось чихнуть, но он боялся шуметь и сдержался. Из его носа на верхнюю губу потекла густая теплая жидкость, соленая на вкус.

— Видишь, — прошептал отец, — мы уже почти...

И тут сверху донесся звук, будто там фыркнула большая собака.

Пальцы отца больно сдавили ладонь сына. Мальчик невольно шагнул назад, нащупывая ногой нижнюю ступеньку. И вдруг дверь чердака медленно распахнулась.

Луч фонаря провалился в темноту открывшегося проема, и в тот же миг в тишине дома раздался громкий хриплый смех. Мальчику показалось, что смеется какой-то дряхлый старик. Но то, что через секунду набросилось на них из открытой двери, совсем не походило на старика. Выпавший из отцовской руки фонарь осветил странную безволосую белесую морду.

Когда в доме прозвучал первый крик, Дэн Дженсон понял, что не сможет дожидаться Суини. Выхватив из кобуры пистолет, он распахнул дверцу патрульной машины, выскочил на улицу и бегом пересек ее. Будка билетной кассы была ярко освещена уличным фонарем. Над ней на широкой деревянной вывеске красовались слова «Дом чудовища» со стекающими с букв нарисованными красными каплями, которые должны были символизировать кровь.

Дженсон хотел повернуть турникет перед входом, но тот не поддавался. Тогда он перепрыгнул через вертушку.

Из дома раздались новые крики. Голос был детский, и в нем отчетливо звучали боль и нешуточный страх.

Пробежав по гравиевой дорожке, Дженсон одним прыжком взлетел на крыльцо и попытался открыть парадную дверь. Заперта. Тогда он передернул затвор, прицелился в замок и нажал спусковой крючок пистолета. В двери образовалась неровная сквозная дыра. Он ударил ногой по замку, дверь открылась, и Дженсон оказался в темном фойе.

Откуда-то сверху доносилось чавканье, приглушенный хруст и ворчание невидимого животного.

При свете луны Дженсон заметил начало уходящей вверх лестницы и, ухватившись за перила, стал с осторожностью подниматься. Вскоре он оказался в сплошной темноте, но все равно продолжал идти, держась одной рукой за перила. Добравшись до верхней площадки лестницы, полицейский остановился и прислушался. Ворчание и рык неслись откуда-то слева.

До боли сжав влажной рукой пистолет, он прыгнул в коридор и отскочил к стене, готовый выстрелить в любую секунду.

Вокруг было совершенно темно, если не считать узкой полоски света, идущей по полу от лежащего на нем электрического фонаря.

Дженсону сейчас очень нужен был этот фонарь, но он лежал слишком далеко — за непонятным темным бугром в середине коридора, от которого и шли эти громкие чавкающие звуки.

Подняв сжатый в руке пистолет, полицейский двинулся к фонарю. Его шаги гулким эхом разносились по коридору, а собственное тяжелое дыхание почти заглушало все остальные звуки.

Вдруг под ногой его оказалось что-то мягкое и круглое. Возможно, часть какого-то тела. Другая нога ударилась о непонятный твердый предмет. И тут Дженсон услышал, как рядом лягнули чьи-то зубы, и, потеряв равновесие, растянулся на полу во весь рост. При падении пистолет больно ударил его по пальцам.

Но, вытянув вперед правую руку, он все же схватил фонарик и направил его туда, откуда исходили громкие стоны.

Сидящее на полу существо разжало зубы, оторвавшись от шеи распростертого рядом мальчика, и повернуло к полицейскому свою лысую голову. Кожа на его морде была бледная и рыхлая, как брюхо давно сдохшей рыбы. Казалось, что эта тварь улыбается. Потом она скорчилась и отступила от мальчика. Дженсон бросил фонарь и уже поднимал было свой пистолет, как вдруг услышал негромкий смех, и в тот же миг неведомый зверь набросился на него.

Глава первая

1

Донна Хейз опустила телефонную трубку на рычаг, вытерла об одеяло дрожащие руки и напряженно села в кровати.

Она знала, что это случится, ждала этого каждый день, представляла себе, как это будет, и все сильнее боялась. И вот это произошло и дамокловым мечом нависло над ней.

— Прошу прощения, что беспокою вас в такой час,— послышался из трубки знакомый приятный баритон,— но я думаю, что должен немедленно сообщить вам кое о чем. Ваш муж освобожден. Вчера утром. Я сам только что узнал об этом.

Довольно долго Донна неподвижно сидела на кровати, уставившись в темноту спальни. Ей не хотелось спускать ноги на холодный пол. Постепенно темнота в комнате стала рассеиваться. Наступало воскресное утро. Дольше она ждать не могла.

Когда Донна поднялась наконец с постели, утренний воздух обдал ее тело колючим холодом. Мелко дрожа, она закуталась в теплый халат и направилась в коридор. По размеренному дыханию, доносившемуся из-за соседней двери, женщина поняла, что ее двенадцатилетняя дочь еще спит.

Она вошла в спальню девочки и подошла к кровати. Детское плечико, прикрытое фланелевой ночной рубашкой, выбилось из-под одеяла. Донна взяла дочь за плечо и тихонько встряхнула. Повернувшись на спину, девочка открыла глаза. Донна поцеловала ее в лоб.

— Доброе утро.

Девочка улыбнулась, откинула со лба пушистые светлые волосы и потянулась всем телом.

— Мне снился сон, — сказала она.

— Хороший? — спросила мать.

Дочь кивнула с серьезным видом.

— Мне приснилось, будто у меня есть лошадь — вся белая и такая большая, что мне приходилось вставать на нашу кухонную табуретку, чтобы взобраться на нее.

— Действительно, очень большая лошадь, — через силу улыбнулась Донна.

— Да, это была лошадь-великан! — подтвердила девочка. — А почему ты встала так рано?

— Я подумала, что, может быть, мы с тобой упакуем вещи, сядем в наш «маверик» и отправимся в путешествие?

— В путешествие?

— Ага.

— А когда?

— Прямо сейчас.

— Вот здорово!

Почти час ушел на то, чтобы умыться, одеться и собрать необходимое на неделю количество белья и одежды. Когда они несли багаж к автомобильной стоянке, Донна боролась с сильным искушением не медля рассказать Сэнди обо всем, чтобы девочка знала, что никогда уже не вернется в этот дом, в свою спальню, не будет больше нежиться на пляже Сорренто-бич, никогда не увидит своих школьных друзей.

Но, испытывая сильное чувство вины перед дочерью, Донна все же промолчала об этом.

Когда они выезжали со стоянки на дорогу, небо над заливом Санта-Моника было серым, как и всегда по утрам в июне. Донна внимательно оглядела шоссе в обоих направлениях, но ничего подозрительного не заметила. Тюремные власти распрощались с ним на автобусной станции в Сан-Рафаэле вчера в восемь утра. Значит, у него было достаточно времени, чтобы приехать сюда, узнать ее адрес и прийти к ней. Но пока его нигде не было видно.

— Ты куда больше хочешь поехать? — спросила она у дочери.

— Мне все равно, — ответила та еще сонным голосом.

— Как насчет того, чтобы двинуть на север?

— А что значит «на север»? — оживленно спросила Сэнди.

— Ну, это такое направление, как юг, запад, восток.

— Ну мама!

— В Сан-Франциско, например. Посмотрим, в хороший ли цвет они там покрасили свой мост. А еще дальше находятся Портленд, Сиэтл, Джуно, Анкоридж, Северный полюс...

— И мы доедем туда за неделю?

— Если мы захотим, то сможем и продлить немного наш отпуск.

— А как же твоя работа?

— Я думаю, пока нас не будет, ее выполнит кто-нибудь другой.

— Ладно. Поехали на север.

В пригородах Санта-Моники шоссе было почти пустым. Такой же оказалась и дорога из Сан-Диего. Старый «маверик» Донны бежал отлично, делая больше шестидесяти миль в час.

До Гавиоты шоссе шло вдоль побережья, а затем круто сворачивало на восток, через леса и туннель.

— Я проголодалась,— нарушила наконец молчание Сэнди.

— Хорошо, давай сделаем небольшой привал.

Вскоре они подъехали к ресторанчику «Деннис» возле Санта-Марии и заказали себе по порции сосисок с яичницей. Донна облегченно вздохнула, впервые за этот день отхлебнув ароматного горячего кофе. Сэнди, держа в руке стакан с апельсиновым соком, сию же секунду передразнила ее.

— Неужели так смешно? — удивилась Донна. Следующую остановку им предстояло сделать на заправочной станции не меньше чем через час, поэтому она позволила себе еще две чашки крепкого черного кофе.

Когда тарелка Сэнди опустела, Донна спросила дочь, готова ли та к отъезду.

— Да, только по дороге надо будет остановиться, чтобы я отлила,— ответила девочка.

— Сэнди, где ты подхватила это словечко?

Сэнди пожала плечами и усмехнулась.

— Уверена, что у дяди Боба,— вздохнула мать.

— Наверное.

— Ну что же, тогда мне тоже придется отлить за компанию.

Они тронулись дальше и в нескольких милях севернее Сан-Луис-Обиспо заехали на бензоколонку компании «Шеврон», заправили полный бак и воспользовались туалетом

при станции. Через два часа, проезжая по знойной долине Сан-Хоакин, они сделали еще одну остановку у придорожного кафе, чтобы съесть по бутерброду с сыром и выпить кока-колы из холодильника. Казалось, этой долине не будет конца, но скоро дорога повернула на запад, к морю, и стало слегка прохладнее. Приемник в машине уже легко ловил местные радиостанции Сан-Франциско.

— Значит, мы уже почти приехали? — спросила Сэнди.

— Куда?

— В Сан-Франциско.

— Да, почти. Осталось около часа.

— Так долго?

— Боюсь, что да.

— И мы там остановимся на ночь?

— Не думаю. Мне хочется уехать подальше. А тебе разве нет?

— Куда подальше? — удивилась Сэнди.

— На Северный полюс!

— Ну, мама!

Шел уже четвертый час дня, когда по сто первому шоссе они въехали в тенистые окраины Сан-Франциско. Остановившись у светофора, Донна поискала указатель на авеню Ван-Несс, потом свернула на улицу Ломбард и, наконец, по узкой извилистой дороге повела машину к Золотым Воротам.

— Помнишь, как ты была разочарована, когда впервые увидела этот пролив и мост через него? — спросила Донна.

— Я и сейчас разочарована. Мост ведь не золотой, а раз так, то нечего и пролив называть Золотыми Воротами. Правильно?

— Конечно. Но все равно красиво.

— Но ведь мост оранжевый, а не золотой! Значит, и пролив надо было назвать Оранжевыми Воротами.

Бросив взгляд на открытое море, Донна заметила надвигающийся туман. При солнечном свете он казался ослепительно белым.

— Посмотри, какой туман, — кивнула она в сторону океана. — Разве не красиво?

— Нормально, — коротко ответила Сэнди.

Вскоре мост и пролив остались позади и внизу. Дальше дорога шла через тоннель, въезд в который был раскрашен всеми цветами радуги. Теперь они приближались к развилке шоссе перед южными окраинами Сосалито.

— Слушай, ма, а мы можем заехать в Стинсон-бич? — спросила Сэнди, увидев указатель у светофора.

Донна пожала плечами.

— А почему бы и нет? Правда, по этой дороге нельзя ехать так быстро, но зато она гораздо приятнее.

Донна включила сигнал левого поворота, пропустила поток встречных машин, плавно съехала с шоссе номер 101, и потрепанный «маверик» помчался по живописному Прибрежному шоссе. Дорога здесь была очень узкой, слишком узкой и извилистой, к тому же с левой стороны шел почти отвесный обрыв. Донна старалась держаться в самом правом ряду.

С востока на берег надвигался туман. Он был густой и белый, и напоминал гигантские клочья ваты. Туман медленно плыл над заливом, неумолимо приближаясь к побережью, но все же был еще далеко, когда они въехали в Стинсон-бич.

— Мы здесь переночуем? — спросила Сэнди.

— Нет, давай проедем немного дальше. Хорошо?

— А зачем это нужно?

— Ты никогда не бывала в городке Бodega-бей на заливе?

— Нет.

— Там снимали фильм «Птицы».

— О, это был очень страшный фильм!

— Ну что, поедem туда?

— А это далеко? — скривилась Сэнди.

— Где-то час езды, — ответила Донна. Все ее тело ныло, особенно спина. Однако сейчас важно было уехать как можно дальше. Ради этого стоило еще немного потерпеть надоевшую боль.

Но когда они добрались до Бodega-бей, Донна вдруг предложила:

— Давай поедem еще дальше!

— Зачем? Я уже так устала!

— Скажите на милость, она устала! Я, например, вообще просто умираю!

Но едва они выехали из городка, как клочья густого тумана стали отовсюду наползать на дорогу, быстро ухудшая видимость. Потом туман заволок все шоссе, будто асфальт начал играть с ними в прятки, забавляясь своим внезапным исчезновением.

— Ма, я ничего не вижу!

Из-за сплошной белой пелены Донна и сама уже едва

различала край капота собственной машины. Наконец она нажала на тормоза, моля Бога, чтобы следом за ними не ехал никакой другой автомобиль, и повернула руль влево. Колеса зашуршали по гравию. Но вдруг машина нырнула куда-то вниз и резко остановилась, ткнувшись бампером во что-то твердое.

2

За миг до того, как их «маверик» был остановлен внезапным препятствием, Донна больно ударилась грудью о руль, но все же успела правой рукой схватить Сэнди. Хотя ремень безопасности и удержал дочь на месте, она сильно стукнулась головой о приборную панель и заплакала. Донна быстро выключила мотор.

— Что с тобой?

От удара о край мягкой приборной панели на лбу девочки появилась широкая красная полоса.

— Еще что-нибудь болит? — встревоженно спросила Донна.

— Вот здесь. — Сэнди показала на живот.

— Там, где тебя держит ремень?

Девочка кивнула, еще сильнее захлебываясь от слез.

— Хорошо, что ты была пристегнута.

И Донна живо представила себе, что могло бы случиться, не застегни Сэнди ремень безопасности. Она пробила бы головой лобовое стекло и, вся изрезанная его осколками, вылетела бы вперед в туманную мглу. И тогда Донна навсегда потеряла бы свою дочь.

— Нет уж, лучше бы мне не пристегиваться, — просто-нала Сэнди.

— Ладно, давай теперь освободимся от этого ремня.

Сэнди оперлась руками о переднюю панель, втянула живот, и Донна отстегнула ремень.

— Вот так. Теперь надо выбраться из машины. Я вылезу первой. А ты ничего не делай, пока я не скажу.

— Хорошо.

Ступив на землю, Донна сразу же поскользнулась на влажной от тумана траве. Но она ухватилась руками за дверь и нащупала под ногой твердую почву.

— У тебя все в порядке? — спросила Сэнди.

— Пока да. — Выпрямившись, Донна внимательно огляделась, стараясь рассмотреть местность через туман.

Очевидно, она начала тормозить на повороте — дорога здесь уходила влево, и поэтому они скатились с нее в кювет. Задние колеса машины стояли на самом краю обочины, и если туман будет не слишком плотным, их заметят водители проезжающих автомобилей.

Донна осторожно двинулась вперед вдоль машины. Передний бампер «маверика» уперся в противоположный край кювета. Из-под капота двигателя со свистом выходил пар. Донна переползла через капот, опустилась на землю с другой стороны машины и, подойдя к двери, за которой сидела Сэнди, помогла девочке выбраться наружу. Потом они вместе спустились на дно канавы.

— Ну вот,— произнесла Донна, стараясь придать своему голосу бодрое выражение.— Теперь давай посмотрим на твои раны.

Сэнди расстегнула блузку и приподняла ее. Донна, присев на корточки, приспустила ей джинсы. Широкая красная полоса шла по всему животу девочки, а кожа на бедрах выглядела так, будто по ней прошлись шкуркой.

— Очень больно?

Сэнди кивнула. Донна натянула джинсы обратно.

— Мне нужно отойти,— попросилась девочка.

— Сходи за дерево. Только подожди минутку.

Донна поднялась к машине и достала из бардачка коробку с бумажными салфетками.

— Возьми вот это.

Держа коробку в одной руке и поддерживая другой джинсы, Сэнди пошла по дну кювета и скоро скрылась в тумане.

— Эй, здесь есть тропинка! — крикнула она минуту спустя.

— Только не уходи далеко! — предупредила Донна.

— Я только отойду немножко от дороги.

Донна слышала хруст сухих веток и шорох сосновой хвои под ногами дочери, но вскоре и эти звуки стали едва различимыми.

— Сэнди! Не ходи дальше!

Но то ли Сэнди остановилась, то ли ее шаги уже стихли настолько, что перестали быть слышны за шелестом леса...

— Сэнди!

— Что? — в голосе девочки промелькнуло раздражение.

— Ты сама доберешься назад?

— Конечно, мам.

— Хорошо.— Донна подошла к машине и прислонилась спиной к закрытой двери. Она уже начинала дрожать от холода. Блазка была слишком тонкой и совсем не грела ее. Она дожидается Сэнди, а потом достанет из сумок теплые куртки — они лежат на заднем сиденье. Но ей не хотелось двигаться до возвращения дочери. Она ждала, уставившись в серую мглу туманного леса, где скрылась ее Сэнди.

Внезапный порыв ветра слегка развеял туман, и Донна увидела свою дочь.

«Неужели ей нужно столько времени, чтобы оправиться?» — удивилась она.

Но Сэнди молчала и не двигалась.

— Что случилось, доченька?

Однако Сэнди продолжала молча стоять над ямой.

— Сэнди, с тобой все в порядке?

Чувствуя, как неприятный холодок пробежал по спине, Донна резко обернулась и посмотрела назад. За спиной у нее никого не было. Тогда она снова повернула голову к Сэнди.

— Бог ты мой, что случилось?!

Оттолкнувшись от машины, Донна со всех ног бросилась вперед. Она мчалась к окаменевшей фигуре дочери, неподвижно стоящей над ямой на опушке леса. Сквозь серую мглу тумана она пыталась разглядеть силуэт девочки. Но, подбежав поближе, обнаружила, что это не дочь, а просто маленькая сосенка.

— О Боже,— пробормотала Донна. И громко крикнула: — Сэнди!

— Ма! — раздался голос где-то вдали.— Я, кажется, заблудилась.

— Не сходи с места.

— Не буду.

— Не двигайся. Оставайся там, где стоишь! Я иду к тебе!

— Скорее!

Узкая тропинка, вьющаяся между соснами, вела в направлении голоса. Донна быстро пошла по ней.

— Сэнди!

— Я здесь.

Теперь голос звучал ближе. Донна шла все быстрее, зорко всматриваясь в туман.

— Сэнди?

— Мам!

Теперь голос был совсем близко, но доносился откуда-то справа.

— Я почти уже добралась до тебя!

— Скорей!

— Сейчас-сейчас.— Донна свернула с тропинки и стала пробираться сквозь густую поросль молодых сосен.

— Где ты, дорогая?

— Я здесь.

— Где?

— Здесь.

— Где здесь?..— Но прежде чем девочка успела ответить, Донна раздвинула ветви и увидела ее.

— Мама!

Сэнди стояла, прижимая к груди коробку с салфетками, будто та могла спасти ее от какой-то беды.

— Наверное, я пошла не в ту сторону,— испуганно пробормотала она.

Донна обняла ее.

— Ну, теперь все в порядке, дорогая. Все хорошо. Ты сделала свои дела?

Сэнди кивнула.

— Хорошо. Тогда пошли к машине.— «Если мы найдем ее»,— подумала она про себя.

Но они без труда отыскали тропинку, и та вывела их к глубокой яме с водой на опушке леса. Донна опустила глаза, проходя мимо сосенки, которую по ошибке приняла за Сэнди. Конечно, все это глупо. Но мысль снова увидеть это деревце почему-то пугала ее. Что, если оно опять покажется ей в виде Сэнди? Или кого-то еще? Вдруг ей придется какой-нибудь незнакомец... или даже ОН?

— Ну, мама, не гляди ты, как сумасшедшая!

— Кто, я? Я не сумасшедшая.

— У тебя сейчас вид, как у помешанной.

— Правда? — Донна через силу улыбнулась. Они спустились в кювет, где безнадежно застряла их машина с пробитым радиатором.— Я просто думала...— начала она.

— О папе?

Донна с трудом заставила себя скрыть реакцию на это замечание дочери. Она ни единым движением не выдала своего внезапного шока. Очень спокойным голосом мать ответила:

— А почему я должна о нем думать? — Девочка пожала плечами. — Нет уж, с меня хватит. И ты выбрось это из головы.

Вдруг прямо перед ними из густого тумана проступили темные очертания их застрявшего «маверика».

— А я все время о нем думала, — тихо сказала Сэнди.

— Но почему?!

— Там было очень страшно.

— Только поэтому?

— Я очень озябла, как тогда. И у меня были спущены штаны.

— О Господи!..

— Я испугалась, что он, может быть, подсматривает за мной...

— Да, это действительно очень страшно.

— Ага.

Они остановились возле машины. Сэнди посмотрела на мать и почти шепотом произнесла:

— А что, если он нас найдет здесь? Мы ведь сейчас совсем одни.

— Нет. Это невозможно.

— Он ведь тогда убьет нас, да?

— Нет, конечно же, нет. А потом, он и не найдет нас.

— А может и найти, если ему удастся сбежать. Или если его отпустят.

— Даже если его и отпустят, он все равно никогда нас здесь не найдет.

— Найдет. Он сам мне это сказал. Он сказал, что все равно найдет нас, куда бы мы ни уехали. И еще сказал: «Я вас обоих прикончу!»

— Тссс!..

— Что такое? — прошептала Сэнди.

Какое-то время Донна еще надеялась, что она слышит шум прибоя. Но берег находился далеко внизу за дорогой. И кроме того, почему же она не слышала его раньше? Шум усиливался.

— Кто-то едет, — тихо сказала Донна.
Девочка побледнела.

— Это он! — прошептала она.

— Нет, это не он. Залезай в машину.

— Это он! Он убежал! Это он!

— Нет! Залезай в машину! Быстро!

Сперва Донна увидела мужчину в зеркале заднего вида.

Он согнулся над их багажником и, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, старался разглядеть, кто внутри. Его пороссячи глазки, нос, ухмыляющийся рот — все было настолько маленьким, что, казалось, принадлежало другому лицу, размерами вдвое меньше его собственного. Рукой в перчатке он постучал в заднее стекло машины.

— Мама! — испуганно вскрикнула Сэнди.

Донна посмотрела на дочь, сжавшуюся на полу под приборной панелью.

— Все в порядке, дочурка.

— Кто это?

— Я не знаю.

— Это он?

— Нет.

Когда незнакомец потянул на себя дверную ручку, машина закачалась. Он постучал в окно. Донна повернулась на стук. На вид мужчине было лет сорок, хотя лицо его уже избороздили глубокие морщины. Казалось, что его интересует не столько Донна, сколько кнопка блокировки замка двери. Он показал на нее пальцем, еще раз постучав при этом в стекло.

Донна отрицательно покачала головой.

— Я войду, — сказал он.

Донна снова покачала головой.

— Нет.

Мужчина улыбнулся, будто эта была какая-нибудь игра.

— Я войду в машину, — повторил он, а затем отпустил ручку двери и спрыгнул на дно кювета, чуть не упав при этом в лужу собравшейся там грязной воды. С трудом сохранив равновесие, он обернулся и посмотрел вверх через плечо, желая увидеть, какое впечатление произвел на Донну его ловкий прыжок. Потом ухмыльнулся и заходил по канаве, довольно сильно прихрамывая. Но тут волна густого тумана накатила на него, и незнакомец растворился во мгле.

— Что он там делает? — спросила Сэнди, по-прежнему сидя на полу.

— Не знаю.
— Он ушел?
— Нет, кажется, он в канаве. Я не вижу его. Туман слишком густой.

— Может, он заблудился?

— Может быть.

— А кто он такой?

— Я не знаю, доченька.

— Он нас хочет обидеть?

Донна не ответила. В тумане вновь показался темный силуэт. Постепенно фигура приближалась и становилась все более отчетливой. Это был тот же самый хромой мужчина. Но на сей раз в левой руке он держал большой камень.

— Он вернулся? — шепотом спросила Сэнди.

— Подходит.

— И что он делает?

— Дорогая, я хочу, чтобы ты поднялась на сиденье.

— Что?

— Сядь на сиденье. И как только я тебе скажущу, выпрыгивай из машины и беги. Беги в лес и там прячься.

— А ты?

— Я тоже побегу. Но ты должна убежать и спрятаться отдельно.

— Нет, я без тебя никуда не пойду.

— Сандра!

— Не пойду!

Донна с напряжением следила за тем, как мужчина выбрался из кювета и вновь приблизился к боковому стеклу. Чтобы быть повыше, он ухватился за ручку двери, подтянулся и постучал в окно, как и раньше, указывая на кнопку замка. При этом он опять улыбался.

— Я войду, — повторил он.

— Уходите отсюда! — строго крикнула ему Донна.

Тогда мужчина поднял зажатый в левой руке увесистый острый камень и тихонько постучал им по стеклу. Затем опять посмотрел на Донну.

— Хорошо, — ответила та.

— Мама, не надо! — взмолилась Сэнди.

— Но мы же не можем вечно сидеть тут, как в западне, — тихо ответила Донна.

Мужчина ухмыльнулся, увидев, как Донна потянулась пальцами к кнопке.

— Приготовься, дочурка! — шепнула она Сэнди.

— Нет!

Но Донна уже подняла кнопку, потянула за ручку замка и всем телом толкнула дверь. Дверь распахнулась и с силой ударила незнакомца в грудь. С криком удивления он отлетел назад и, перевернувшись в воздухе, упал на дно глубокой канавы. Камень вывалился из его рук.

— Давай! — крикнула Донна, обернувшись к дочери.

— Нет, мама!

— Пошли!

— Он поймает нас!

Донна выглянула и увидела незнакомца. Тот неподвижно лежал на спине прямо в луже на дне кювета. Глаза его были закрыты.

— Все в порядке. — Она подмигнула Сэнди: — Видишь, он потерял сознание.

— Нет, мама! Он просто притворился. Он нас поймает!

Повиснув на открытой дверце машины и стоя одной ногой на скользкой влажной траве, Донна внимательно изучала человека внизу. Похоже, он действительно был без сознания. Об этом свидетельствовало и странное положение его неестественно раскинутых рук и ног. Конечно, он без сознания! Или даже мертв. Нельзя же так притворяться!..

Донна убрала ногу, закрыла дверцу машины и заперла ее.

— Ладно, — решила она, — останемся пока здесь.

Девочка вздохнула и снова опустилась на пол перед сиденьем.

Донна посмотрела на дочь и ободряюще улыбнулась ей.

— С тобой все в порядке?

Сэнди кивнула.

— Тебе не холодно?

Сэнди снова кивнула. Донна повернулась и протянула руку назад через спинку сиденья. Сперва она достала курточку Сэнди, потом свою собственную. Съездившись и прислонившись к двери машины, Сэнди закуталась в куртку, оставив открытым только лицо. Потом и Донна надела свою голубую ветровку.

Человек в канаве не шевелился.

— Уже почти стемнело, — прошептала Сэнди.

— Да.

- Он придет за нами, когда будет совсем темно.
- Зачем ты говоришь такие глупости?
- Прости, пожалуйста,— сказала девочка.
- Кроме того, я не думаю, что он вообще сможет встать. Мне кажется, он здорово ранен.
- Он только притворяется.
- Не знаю.

Нагнувшись вперед и положив подбородок на руль, Донна стала внимательно наблюдать за незнакомцем. Она ждала, не пошевелит ли он рукой или ногой, не повернет ли голову, не откроет ли глаза. И пыталась определить, дышит он вообще или нет. Во время падения майка под его курткой высоко задралась, обнажив рыхлый волосатый живот. И сейчас Донна пристально смотрела на него. Ей казалось, что живот этот совершенно неподвижен, однако расстояние было слишком большим, и она могла просто не заметить легких движений диафрагмы, особенно если дыхание у незнакомца не очень глубокое. Тем более трудно было что-либо разглядеть под такой обезьяньей растительностью; казалось, что все тело мужчины покрыто густой шерстью от головы до кончиков пальцев ног. Впрочем, нет — голова его была гладко выбрита, даже ее верхняя часть. Создавалось впечатление, что безволосый скальп этого странного субъекта обрамляет корона из свалывшейся темной щетины, будто он не брил ее несколько дней.

«Лучше бы он побрил свой живот», — с отвращением подумала Донна.

Она еще раз посмотрела в кювет, но не заметила там никакого движения.

Из-под низко спущенных серых брюк незнакомца выглядывали полосатые спортивные трусы. Донна посмотрела на его ноги. Заляпанные грязью кроссовки были старые и рваные, подошва у одного отклеилась и держалась теперь лишь на оранжевой изоленте.

- Сэнди?
- Мам?
- Оставайся в машине.
- Что ты собираешься делать? — В голосе девочки послышался страх.
- Я выйду на минутку.
- Нет, не надо!
- Не бойся, он не сможет причинить нам вреда.
- Ну, пожалуйста!
- Я думаю, он мертв.

Донна тихонько открыла дверь и осторожно выбралась из машины. Потом закрыла дверцу, заперла ее на ключ и на всякий случай проверила. Держась руками за край левого крыла, она медленно спустилась на дно канавы. Теперь она стояла прямо над незнакомцем. Он не шевелился. Донна застегнула свою куртку и опустилась перед ним на колени.

— Эй! — тихо позвала она и слегка встряхнула его за плечо. — Эй, с вами все в порядке?

Молчание.

Тогда Донна положила ладонь на грудь неизвестного и сразу же почувствовала, как она медленно поднимается и опадает. Потом ее рука ощутила и слабое биение его сердца.

— Вы можете проснуться? — уже громче спросила она. — Я хочу вам помочь. Вы не ранены?

В темноте Донна не заметила, как рука в перчатке медленно потянулась к ней. И вдруг незнакомец крепко схватил ее за запястье.

4

От неожиданности Донна вскрикнула и стала отчаянно крутить рукой, пытаясь высвободиться, но незнакомец держал ее крепко.

Глаза его медленно открылись.

— Отпустите меня. Пожалуйста, — тихо просила Донна, больше всего опасаясь перепугать дочь.

— Мне бо-ольно, — протянул он.

Мужчина еще крепче сжал запястье Донны. Но то, как он схватил ее руку, показалось Донне немного странным. Она опустила глаза и увидела, что он держит ее почему-то только тремя пальцами: большим, указательным и средним. Два других пальца его перчатки оставались неподвижными и какими-то... мягкими. С чувством еще большего отвращения Донна осознала, что остальных пальцев на его руке просто нет.

— Я очень сожалею, что вам больно, — как можно спокойнее сказала она, — но теперь больно делаете мне вы.

— А вы убежи-ите.

— Нет. Я вам обещаю.

Наконец незнакомец ослабил свою чертову хватку.

— Я не хотел делать вам ничего плохого, — сказал он с грустной улыбкой. — Я просто думал войти в машину. —

Казалось, что он вот-вот заплачет.— Я только хотел войти внутрь. Не надо было так со мной поступать.

— Но я испугалась!

— А я просто хотел войти внутрь.

— Где у вас болит?

— Здесь.— Он показал на свой затылок.

— Мне не видно.

Мужчина со стоном перевернулся. Донна увидела большой камень на том месте, где только что лежала его голова. Хотя темнота и не позволяла ей быть до конца уверенной, Донне показалось все же, что крови на его голове нигде нет. Она осторожно потрогала лысоватый затылок и под щетиной обрамляющих плешь волос нащупала огромную шишку. Потом посмотрела на свои пальцы и потерла ими один о другой. Крови не было.

— Меня зовут Аксель,— внезапно сообщил незнакомец.— Но вообще-то я — Е Шао Ли.

— Как это?..— растерялась Донна.

— О-о! Это очень древнее имя.— Он многозначительно поднял вверх указательный палец.— Это целая тайна. И сие человеку не ведомо. Но так оно и есть... А как зовут вас?

— Меня — Донна. Кажется, крови у вас нет.

— Дон-на,— произнес он по слогам.

— Да.

— Донна,— уже легче повторил он, сосчитав что-то на пальцах.

Наконец мужчина встал на колени и, всем телом развернувшись на них прямо в грязи, словно не мог повернуть одну голову, предстал перед ней анфас.

— Я только хотел войти внутрь.

— Хорошо-хорошо, Аксель. То есть Е Шао..— как?

— Это жуткий секрет! Мне сейчас надо уйти?

— Нет, как хотите...

— А можно я останусь с вами?

— Может быть, нам всем лучше уехать отсюда? Вы отвезете нас куда-нибудь, где есть автосервис? Нужно вытащить нашу машину. И еще радиатор...

— Я хорошо вожу машину.

Донна помогла ему подняться на ноги.

— Наверное, все же следует подождать, пока рассеется туман, а потом вы отвезете нас куда-нибудь, где можно вызвать техпомощь.

— Домой.

— К вам домой?

Он кивнул.

— Там безопасно. Там живет Аксель Кутч.

— А где вы живете?

— В Малкаса-пойнт.

— Это далеко?

— Я там живу.

— Где это, Аксель? То есть Е...

Он показал рукой в темноту, на север, и повторил:

— Мы поедем домой. Там безопасно. Е Шао Ли.

— Хорошо, только надо дожидаться, когда рассеется туман. А пока вы побудьте в своей машине, а мы — в своей, ладно?

— Поедем домой.

— Когда кончится туман. А пока — до свидания.

Донна боялась, что он не позволит ей сесть в машину, но странный тип не двигался с места. Она с облегчением закрыла дверь, но после минутного колебания все же опустила боковое стекло.

— Простите, можно вас на минутку?

Хромая и что-то насмистывая, он подошел к двери.

— Познакомьтесь, это моя дочь Сэнди.

— Сэн-дии,— произнес он, опять загибая пальцы.

— Сэнди, а это Аксель Кутч, то есть — прошу прощения! — Е Шао Ли.

— Привет,— кивнула Сэнди. В ее голосе звучало легкое любопытство.

— Ну, еще увидимся,— улыбнулась Донна, помахала ему рукой и подняла стекло.

Несколько секунд Аксель молча смотрел на них, потом выбрался из кювета и исчез в темноте.

— Что это с ним? — недоуменно спросила девочка.

— По-моему, он... слегка недоразвитый.

— Ты хочешь сказать, долбанутый?

— Ну, что ты за слова употребляешь, Сэнди!

— А что, у нас в школе есть такие. Дебилы. Знаешь, как их называют? «Не от мира сего».

— Вот это уже звучит гораздо лучше!

— И куда он пошел?

— Наверное, в свою машину.

— Так он сейчас уедет? — с надеждой спросила Сэнди.

— Нет. Мы подождем, пока рассеется туман, а потом он вывезет нас отсюда.

— И мы поедem в его машине?!

— Но наша-то все равно сейчас никуда уже не сможет поехать.

— Я знаю, но...

— Неужели тебе хочется торчать здесь всю ночь?

— Нет, но... я боюсь его!

— Это просто потому, что мы его мало знаем. Но если бы он хотел сделать с нами что-то плохое, то у него для этого была уже масса возможностей. Да и лучшего места для таких дел во всем этом округе, наверное, не сыскать.

— Может быть. Но все-таки...

— Нам в любом случае нельзя больше здесь оставаться.

— Я знаю. Тут до нас доберется папа...— Глаза девочки казались двумя черными провалами на фоне бледного овала ее лица.— Он ведь больше не в тюрьме?

— Нет, не в тюрьме. Окружной прокурор... Ты помнишь мистера Гольдштейна?.. Он позвонил мне сегодня утром. Папу вчера выпустили. Мистер Гольдштейн специально звонил, чтобы предупредить нас.

— И мы бежим сейчас от него?

— Да.

Сэнди, сидевшая на полу, замолчала. Донна, прижавшись к рулю, закрыла глаза. Через какое-то время она незаметно уснула, но вскоре проснулась от тихого всхлипывания.

— Сэнди, в чем дело?

— Ничего из этого не выйдет.

— Из чего не выйдет?

— Он доберется до нас.

— Доченька!

— Обязательно доберется!

— Не надо так думать. Постарайся заснуть, дорогая. Все будет в порядке, вот увидишь!

Девочка замолчала и теперь лишь изредка шмыгала носом. Донна снова привалилась к рулю и попыталась заснуть. Но едва сон одолел ее, как понеслась нескончаемая вереница жутких кровавых видений — одно ярче другого. Этого она уже вынести не могла. Ей надо было срочно выйти на воздух. Даже если душа Донны и осилила бы такой кошмар, то уж мочевого пузыря явно не был готов терпеть.

Прихватив с собой коробку с салфетками, лежавшую на полу рядом с Сэнди, Донна бесшумно вылезла из машины. Ледяной воздух вызвал дрожь во всем ее теле. Она глубоко вздохнула, затем энергично повертела головой, стара-

ясь размять затекшие мышцы шеи. Однако это почти не помогло. Предварительно нажав кнопку замка, она тихонько захлопнула дверь.

Но прежде чем отпустить ручку двери, дав замку окончательно защелкнуться, Донна пристально осмотрела дорогу поверх крыши машины. На обочине, менее чем в двадцати футах от ее «маверика», стоял старенький грузовой пикап.

«Е Шао Ли» сидел на крыше кабины, свесив ноги на ветровое стекло, и вполголоса заунывно напевал что-то о своем желании поскорее попасть в профилакторий на Марс. Его обращенное вверх лицо освещала яркая полная луна, и он смотрел на нее как замороженный.

Донна бесшумно спустилась вниз по склону кювета. Но и со дна канавы ей все еще была видна голова Акселя. Она внимательно следила за ним, расстегивая брюки. Большая лысая голова была по-прежнему откинута назад, рот широко открыт. Донна подо двинулась ближе к машине. Холодный порывистый ветер резко обдувал ее тело, покрывая кожу мурашками. Ей вспомнились слова Сэнди: «Мне было холодно, как тогда, и у меня были спущены штаны».

«Все будет хорошо»,— подумала Донна, но в голове почему-то сразу же пронеслись слова дочери: «Он убьет нас».

Закончив свои дела, Донна выбралась из кювета на обочину шоссе. Аксель, по-прежнему сидящий на крыше грузовика, казалось, не замечал ее.

— Е Шао Ли! — окликнула его Донна.

Он вздрогнул, испуганно посмотрел на нее сверху, что-то быстро пересчитал и, наконец, улыбнулся.

— Донна! — радостно произнес он.

— Туман рассеялся. Мы можем ехать отсюда хоть сейчас.

Не говоря ни слова, Аксель прыгнул на землю, при этом левая нога его неестественно подогнулась, но он все же сумел удержать равновесие.

— Что там у вас? — крикнула им из машины Сэнди.

— Мы уезжаем,— ответила Донна.

Все трое перетаскивали сумки из «маверика» в кузов пикапа. Потом залезли в кабину. Донна села между Акселем и дочерью.

— Постарайся запомнить, где мы оставили наш «кадиллак»,— подмигнула она Сэнди.

— А мы разве еще вернемся сюда?

— Конечно, вернемся,— ответила Донна.— Надо же забрать машину.

Аксель вывел свой пикап на дорогу и широко улыбнулся Донне. Та вежливо улыбнулась в ответ.

— Ты хорошо пахнешь,— сказал он.

Донна поблагодарила его за этот странный комплимент.

Потом он надолго замолчал. По радио Джинни Рэйли пела популярную песенку о долине Харпер. Донна заснула, не дождавшись конца этой песенки. Снова открыв глаза через какое-то время, она увидела в свете фар только выходящую впереди узкую асфальтированную дорогу и опять закрыла глаза. Потом ее разбудил голос Акселя, во все горло подхватившего марш «Слепой на спортивной трибуне». Голос у него был густой и низкий. Когда он закончил петь, Донна еще раз задремала, а проснулась, лишь почувствовав на своем колене чью-то руку.

Это была рука Акселя.

— Вот мы и приехали,— сказал он.

Сняв руку с ее колена, он размашистым жестом указал перед собой.

Фары осветили металлический щит, на котором было написано:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МАЛКАСА-ПОИНТ.

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА — 400 чел.

ВОДИТЕЛЕЙ ПРОСИМ ПРОЯВЛЯТЬ ОСТОРОЖНОСТЬ»

Донна посмотрела вперед и за кованой чугунной оградой увидела темное здание в викторианском стиле — причудливое сочетание высоких окон-фонарей, остроконечных крыш и вычурных полукруглых балконов. С одной стороны над коньком крыши виднелась узкая коническая башня, уходящая шпилем в темноту ночи.

— Что это за дом? — шепотом спросила она.

— «Дом чудовища»,— ответил Аксель.

— Тот самый «Дом чудовища»?

Аксель кивнул.

— Там, где недавно были убийства?

— Это были дураки.

— Кто?

— Те, кто ходил туда ночью.

Машина замедлила ход.

— Что вы собираетесь...

Но Аксель уже свернул на гравиевую дорожку как раз напротив билетной кассы «Дома чудовища». Прямо перед ними примерно в пятидесяти ярдах стоял двухэтажный кирпичный особняк с гаражом.

— Мы приехали,— объявил Аксель.

— Что это такое?

— Мой дом. Здесь безопасно.

— Мам!..— еле выдавила из себя Сэнди. Ее голос был полон ужаса.

Донна взяла руку девочки в свою. Ладонь Сэнди взмокла.

— Здесь безопасно,— повторил Аксель.

— Но в этом доме нет окон! Ни одного!..

— Да, нету. Но здесь безопасно.— Он продолжал стоять на своем.

— Извините, Е Шао Ли, но мы здесь остаться не можем,— решительно заявила Донна.— Нет ли здесь другого места, где можно было бы провести ночь? — спросила она немного погодя.

— Нет, его нет.

— Неужели ни одного?

— Я хочу, чтобы вы остались.

— Нет, мы не останемся. В таком доме мы ни за что не останемся.

— Здесь моя мама.

— Дело не в этом. Просто отвезите нас куда-нибудь еще. Здесь же должен быть какой-то мотель или что-нибудь в этом роде?..

— Вы сердитесь на меня? — спросил Аксель.

— Нет, не сержусь. Просто отвезите нас куда-нибудь еще, где мы могли бы спокойно переночевать.

Аксель снова вывел пикап на дорогу и проехал мимо нескольких кварталов деловой части города. В северном конце улицы находилась автозаправочная станция фирмы «Шеврон». Но она была закрыта. Проехав еще с полмили, Аксель притормозил у ярко освещенной стоянки мотеля «Уэлком-инн». Наверху над зданием мигал неоновый щит «Есть свободные места».

— Вот и отлично,— облегченно вздохнула Донна.— Теперь давайте выгрузим наши вещи, и все будет в полном порядке.

Они вылезли из кабины пикапа, и Аксель достал из кузова их багаж.

— Я поеду домой,— сказал он.— Там безопасно.

— Большое вам спасибо за помощь.— Донна дружески похлопала его по плечу.

Аксель улыбнулся и развел руками с легким поклоном.

— Да-да,— закивала Сэнди.— Огромное спасибо!

— Подождите! — Глуповатая улыбка на обрюзгшем лице стала еще шире. Аксель полез в карман и достал оттуда старый бумажник из грубой черной кожи. Он весь лоснился от долгого употребления и по углам уже протерся до дыр. На широкую ладонь волосатой руки дебила высыпалась целая куча всякой всячины. Но в основном здесь были не деньги, а какие-то корочки, семена и бумажки. Поднеся все это к самому носу, Аксель принялся тщательно исследовать содержимое кучи и даже начал что-то бормотать про себя. Потом мельком взглянул на Донну с молчаливой просьбой подождать еще чуть-чуть и виновато улыбнулся Сэнди.

— Один момент! — загадочно промышчал он и, повернувшись к своим спутницам спиной, ухватил зубами кончики пальцев правой перчатки.

Донна посмотрела на конторку портье. Она оказалась пустой, хотя была ярко освещена. А вот кафетерий напротив въезда на внутреннюю стоянку мотеля был до отказа заполнен публикой. Донна даже почувствовала, как оттуда пахнет чили и жареным картофелем. Желудок тут же нетерпеливо заурчал.

— Ага! — Аксель повернулся к ним лицом, все еще держа перчатку в зубах. В его руке — вернее, в том, что от нее осталось,— были зажаты две одинаковые голубые карточки. Всю кисть бедняги покрывали глубокие шрамы. Вместо мизинца и безымянного пальца торчали уродливые обрубки длиной на полдюйма, на среднем не хватало последней фаланги, а большой был замотан старым грязным бинтом.— Это мне Киприан откусил,— виновато улыбнулся Аксель, протягивая глянцевого картонные прямоугольнички.

Донна взяла карточки и улыбнулась, хотя при виде этой руки ее невольно начало тошнить. Пробежав глазами верхнюю карточку, она первым делом заметила на ней два ярких слова, набранных жирными красными буквами: «ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ». Дальше шла надпись уже более мелким шрифтом, которую труднее было разобрать при тусклом свете уличных фонарей, но Донна все же умудрилась прочесть и это, громко произнося каждое слово:

— *«Сей документ дает его владельцу драгоценную возможность бесплатно посетить с экскурсоводом всемирно известный «Дом чудовища» в Малкаса-пойнт, штат Калифорния».*

— Это тот самый отвратительный старый дом с забором, который мы видели? — тут же спросила Сэнди.

Аксель, радостно улынувшись, кивнул. Донна обратила внимание на то, что его правая рука уже снова в перчатке.

— Что ж, прекрасно, — сказала она.

— Я там работаю, — пояснил он с неподражаемо гордым видом.

— А там действительно есть чудовище? — спросила девочка.

— Оно появляется только ночью. Поэтому после четырех часов не бывает никаких экскурсий.

Донна подняла с земли дорожную сумку.

— Спасибо вам, Е Шао Ли, за билеты. И еще раз — за то, что вы нас так любезно подбросили.

— Ну, вы придете?

— Мы постараемся, — уклончиво ответила Донна. У нее не было никакого желания отправляться на такую экскурсию.

— А вы там экскурсоводом работаете? — спросила вдруг Сэнди.

— Нет. Я там все убираю, корм задаю, хлопочу по хозяйству...

Наконец, помахав им на прощание рукой, Аксель взобрался в свой выдавший виды пикап. Донна и Сэнди подождали, пока он покинет стоянку. И вот грузовичок с дебилом исчез на дороге, ведущей назад в Малкаса-пойнт.

— Ну вот и все. — Донна вздохнула полной грудью, почувствовав огромное облегчение после отъезда Акселя. — Пойдем запишемся у портье, а потом сразу же чего-нибудь перекусим.

— «Перекусим» — слишком слабо сказано, — улыбнулась Сэнди.

— Тогда мы опустошим весь их буфет.

И, подняв свои сумки, они направились к конторе мотеля.

— А мы пойдем завтра на эту экскурсию? — как бы невзначай поинтересовалась Сэнди.

— Там видно будет.

— Это значит «нет»?

— Ну, если тебе так хочется, то пойдем.
— Если только я не просплю...— Сэнди протяжно зевнула.

Глава вторая

Рой позвонил в дверь десятой квартиры и несколько минут подождал. Изнутри не доносилось ни звука. Тогда он быстро нажал кнопку звонка еще раз три.

«Чертова сука! — думал он, все больше наливаясь яростью. — Откроет она, наконец?»

А может, ее и дома нет?

Нет, она должна быть дома. В воскресенье вечером все сидят по домам. Уж, во всяком случае, в половине двенадцатого.

Может быть, она спит?

Рой постучал в дверь. Подождал. Потом стукнул еще раз, уже сильнее.

В глубине коридора открылась другая дверь и выглянул мужчина в пижаме.

— Перестаньте вы, ради Бога, стучать, — скрипучим голосом начал он.

— Иди ты на х...! — незамедлительно рявкнул Рой.

— Послушай, парень, я...

— Еще одно слово — и я из тебя все твое поганое дерьмо вышибу!

— Ты бы лучше сам отсюда валил, а то я сейчас в полицию позвоню! — пригрозил мужчина.

Рой сделал несколько тяжелых шагов в его сторону. Тот быстро захлопнул дверь, и за ней послышался звук вращаемого телефонного диска.

«Так. Значит, этот урод уже названивает легавым, — пронеслось в голове Роя. — Но фараоны по воздуху не летают. У них уйдет минут пять, чтобы добраться сюда...» И Рой решил воспользоваться этим временем.

Отойдя к противоположной стене коридора, он всем телом бросился на дверь десятой квартиры и сильно ударил по ней ногой. С адским треском и грохотом дверь распахнулась. Затем Рой наклонился, приподнял правую брючину и из пристегнутого к голени чехла достал большой охотничий нож, купленный накануне в спортивном магазине соседнего округа. Держа нож в руке, он по-хозяйски вошел в темную прихожую.

Здесь он первым делом включил свет. Затем прошел через гостиную в маленький коридор. Левая спальня — очевидно, комната Сэнди — была пуста. Пустой оказалась и спальня справа. Рой начал лихорадочно раскрывать шкафы. Большинство вешалок пустовало.

Вот дерьмо!

Выскочив из квартиры, он спустился по пожарной лестнице на боковую аллею квартала. За аллеей темнел ряд гаражей. Рой побежал мимо них и через узкую калитку в заборе вышел во двор соседнего многоквартирного дома. Отсюда дорожка вывела его прямо на улицу.

Машин поблизости не было.

Рой быстро пересек проезжую часть.

На другой стороне улицы стояли двухэтажные особнячки, а не высокие многоквартирные дома. А это для Роя было гораздо лучше. Вдали показался одинокий автомобиль. Рой спрятался за деревом и переждал, пока он проедет мимо. Когда машина скрылась, он неторопливо двинулся по тротуару, внимательно разглядывая каждый дом, в поисках самого подходящего.

Наконец он выбрал небольшой, тщательно оштукатуренный домик, в окнах которого не было света. Но не потому, что в доме было темно — просто он заметил, что во дворе у крыльца стоит велосипед для девочки-подростка.

Глупо бросать так велосипед. Его же могут украсть!.. Или они думают, что этот невысокий забор защищает их?

Нет, забор никого не защищает.

Рой подошел к калитке и осторожно поднял щеколду. Калитка скрипнула. Он бесшумно закрыл ее за собой и поспешил к крыльцу. Глазка в двери не было. Что ж, тогда все значительно проще.

Он громко и требовательно постучал в дверь. Подождал немного и постучал снова.

В окне гостиной зажегся свет.

— Кто там? — спросил заспанный мужской голос.

— Полиция, — ответил Рой. Потом отошел немного и слегка пригнулся, нацелив на дверь правое плечо.

— Что вам нужно?

— Мы эвакуируем население из этой местности.

— Что?

— Мы эвакуируем население. В вашем районе лопнула газовая магистраль.

Дверь открылась.

Рой рванулся вперед. Цепочка на двери натянулась и вместе с креплением вылетела из косяка. Дверь сбила с ног стоявшего за ней мужчину, и тот упал навзничь. Рой бросился на него, закрыл ему рот рукой и вонзил в горло нож.

— Марв? — послышался невдалеке женский голос. — Что там случилось?

Рой тихо закрыл за собой входную дверь.

— Марв? — опять позвала женщина. На этот раз в ее голосе уже звучала тревога. — Марв, с тобой все в порядке?

И тут до Роя донесся тихий мелодичный звук набираемого на кнопочном телефоне номера. Мгновенно оценив обстановку, Рой бросился по коридору, в конце которого из приоткрытой двери струился слабый розовый свет. Он почти достиг этой двери, когда из другой темной комнаты вышла девочка, посмотрела на него и чуть не задохнулась от ужаса. В тот же миг Рой схватил ее за волосы.

— Мамочка! — громко позвал он. — Положи трубку на место или я перережу твоей дочери горло.

— Боже мой! — воскликнула женщина за незапертой дверью.

— Делай, что говорят! — Он рванул девочку за волосы. Та громко вскрикнула от неожиданной боли. Раздался звук брошенной трубки.

— Я положила трубку! Я ее положила.

Рой накрутил волосы девочки на кулак, заставляя ее повернуться к нему спиной.

— Топай вперед! — скомандовал он.

Прижав острие окровавленного ножа к ее горлу, он пошел позади девочки к приоткрытой двери дальней спальни.

Возле кровати стояла высокая худая женщина средних лет. Она вытянулась в струнку и сильно дрожала. Кроме тапочек, на ней была лишь прозрачная нейлоновая ночная рубашка. Женщина судорожно скрестила на груди бледные руки, будто озябла и хотела согреться.

— Что... что вы сделали с Марвом?

— Он уже в полном порядке.

Но тут взгляд женщины упал на руку Роя, в которой тот сжимал нож. Вся рука была залита кровью.

— Что ж, я немного наврал тебе,— криво усмехнулся Рой.

— О Боже! О Боже милостивый! — запричитала женщина, закрывая лицо руками.

— Заткнись!

— Вы убили моего Марва!..

Рой грубо швырнул девочку на кровать и подбежал к рыдающей в истерике женщине. Она уже широко раскрыла рот, приготовившись закричать. Но он схватил ее за рубашку и глубоко вонзил нож в живот. Женщина стала судорожно хватать ртом воздух.

— Ну, теперь ты заткнешься? — злобно прошипел Рой ей прямо в лицо и ударил ножом в живот еще раз.

Женщина начала медленно оседать, и Рой отпустил ее. Она тут же упала на колени, прижав руки к кровоточащему животу, а затем беспомощно повалилась на пол.

Девочка на кровати не шевелилась. Она лишь молча смотрела на происходящее широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Ну, а ты тоже хочешь, чтобы тебя проткнули? — жутким шепотом спросил Рой.

Девочка слабо покачала головой. Шоковая вялость не позволяла ей даже ответить.

Рой посмотрел на себя в зеркало. Вся его рубашка и брюки были насквозь пропитаны кровью.

— Кажется, у меня ужасный вид,— невозмутимо заключил он.

Девочка напряженно молчала.

— Как тебя зовут?

— Джони,— еле слышно прошептала она.

— Сколько тебе лет, Джони?

— Скоро десять.

— Пойдем со мной. Поможешь мне привести себя в порядок.

— Я не хочу.

— Хочешь, чтобы я проткнул тебя?

Девочка снова покачала головой. Губы ее дрожали.

— Тогда пошли!

Взяв Джони за руку, Рой стащил ее с кровати и повел по коридору в поисках ванной. Там он зажег свет и втолкнул девочку внутрь.

Ванная комната оказалась просторной и длинной. С одной стороны были умывальник, шкафчик и унитаз, а с другой — широкая ванна, отгороженная раздвижной узорчатой ширмой из оргстекла. Рой подвел девочку к унитазу, закрытому крышкой в пушистом чехле в тон коврику на полу.

— Сядь сюда! — приказал он.

Джони послушно села.

Опустившись на колени, Рой расстегнул пуговицы на рубашке ее пижамы. Девочка зарыдала.

— Прекрати! — рявкнул он, срывая с нее рубашку. — Мы будем чистенькими и хорошими.

Потом Рой стащил с девочки и пижамные штаны. Джони судорожно сжала вместе колени. Скрестив руки на своей детской груди, она низко наклонилась вперед и замерла, почти касаясь головою колен.

Рой открыл кран с горячей водой. Пока вода грела ванну, он неторопливо разделся, а затем вставил пробку и отрегулировал краны так, чтобы вода была очень горячей, но все же не обжигала.

Джони по-прежнему сидела на крышке унитаза, обхватив руками колени.

Рой потянул ее за плечо. Девочка попыталась вырваться, но он тут же сильно ударил ее коленом по голове. Джони вскрикнула, но не двинулась с места. Тогда, опустившись перед нею на корточки, Рой схватил Джони за обе ноги и грубо поволок по полу, больно выкручивая лодыжки.

— Нет! — пронзительно завизжала девочка, когда Рой швырнул ее в ванну, и стала отчаянно отбиваться ногами. Но тут левой голенью она задела горячий кран и еще громче закричала от боли. Рой чуть не выпустил ее и сам едва удержался на ногах, но все же сохранил равновесие, медленно залез в ванну и опустился на колени рядом с Джони.

— Хватит орать, — сурово предупредил он. — Сиди спокойно!

Девочка лягнула его ногой. Удар пришелся по ягодице.

— Ну, ладно, — прошипел Рой, вновь хватая ее за лодыжки. Потом встал в полный рост и потянул девочку за ноги вверх. Голова Джони скрылась под водой. Глаза и рот ее были раскрыты. Руками девочка отчаянно била по краям ванны и искала, за что ухватиться. Но ухватиться здесь было не за что. Рою нравилось смотреть, как она

беспомощно барахтается в горячей воде. Его возбуждал вид ее худого голого тела, особенно та ложбинка, где ноги девочки сходились вместе под ягодицами.

Наконец он отпустил ее щиколотки. Голова Джони показалась над водой. Казалось, на лице ее написано изумление. Она безудержно кашляла, хватала ртом воздух и часто моргала. Рой позволил ей сесть.

— И чтобы больше без фокусов! — пригрозил он.

Джони чихнула и вытерла нос тыльной стороной ладони. Потом снова скрестила руки на груди и наклонилась вперед.

Рой опустился в ванну и начал крутиться по сторонам. Потом выключил холодную воду, оставив на время одну горячую. Вскоре ванна почти набралась, и он покрепче завернул оба крана.

— Давай меняться местами, — сказал Рой, вставая, и перешагнул через Джони. Девочка отодвинулась от него в другой конец ванны. Рой сел у нее за спиной и откинулся на прохладную кафельную стену. Потом вытянул свои ноги по обе стороны от девочки.

— А теперь давай-ка помоемся, — с плотоядной улыбкой произнес он, поворачиваясь к туалетному столику.

Взяв с полочки кусок мыла, Рой начал медленно намыливать Джони спину. Когда вся спина стала скользкой, он притянул девочку к себе, так что она была вынуждена плотно прижаться к нему всем телом. Перекинув руку с мылом через плечо Джони, он стал намыливать ей грудь и живот. Теперь ее кожа была теплой, приятной и скользкой. Он еще сильнее прижал тело Джони к себе. Потом бросил мыло на полку и положил свою руку между ее ног.

И в этот самый момент в дверях ванной показалась мать Джони. Она сильно шаталась и сжимала в правой руке длинный кухонный нож. С хриплым стоном она медленно подошла к ванне и занесла над ней блестящее лезвие. Но Рой левой рукой быстро задвинул ту половинку ширмы, за которой стояла женщина. Острие ножа несколько раз ударило по пластмассе. Рой оттолкнул девочку прочь. Удерживая ширму закрытой, он быстро поднялся на ноги. Мать Джони все сильнее качалась из стороны в сторону. Она отняла руку от пропитанной кровью ночной рубашки и ухватилась ею за вторую половинку ширмы, однако Рой легко воспрепятствовал ее желанию раздвинуть прозрач-

ные пластмассовые створки. Женщина иступленно била ножом по оргстеклу в том месте ширмы, за которым находилось лицо Роя, будто никакой преграды между ними и не было. Под ударами ножа пластмасса дрожала и гнулась, и на ней появлялись глубокие кривые царапины. А женщина все била и била. Из ее горла вырывались жуткие булькающие звуки и прерывистый отчаянный вой.

И вдруг Джони высунулась из ванны, схватила Роя за ногу и стала тащить ее на себя.

— Отпусти ногу, сука! — страшно взревел он и, на мгновение выпустив ширму, правой рукой наотмашь ударил Джони кулаком в лицо. От удара она сильно стукнулась затылком об стену и на секунду потеряла сознание.

Женщина потянулась к свободной от рук Роя половине ширмы, но тот успел схватиться за нее раньше и удержал закрытой. Рыча от ярости, мать Джони вцепилась в торчащую из стены трубу, подтянулась и встала ногами на край раковины. Ее лицо с дикими от гнева глазами оказалось над Роем. Она резко размахнулась правой рукой с ножом, целясь ему прямо в макушку. Но Рой ловко пригнулся, и нож не достал его.

Окровавленная ночная рубашка прилипла к запотевшему пластику и оставляла на нем мутные розовые следы. Женщина всем телом прижалась к ширме, стоя босыми ногами на краю раковины.

Она все громче стонала. Лезвие ножа то и дело свистело над Роем. Наконец она оперлась левым коленом на вешалку для полотенец и стала переваливаться через ширму.

«Вот дерьмо! Она ползет прямо ко мне!» — с изумлением подумал Рой.

Резким движением он открыл дальнюю половинку ширмы, и створка с грохотом ударилась о стену. Потом выставил в образовавшийся проем обе руки, схватил женщину за щиколотку и потянул на себя. Его руки скользнули по окровавленной ноге, но он тисками сдвинул ее голень и с силой рванул еще раз. С воплем смертельного ужаса женщина грохнулась навзничь. Ударившись головой об пол, она тут же обмякла. Все еще держа ее за ногу, Рой вылез из ванны, ухватился за вторую ногу и оттащил тело в сторону.

Потом поднял принесенный ею же нож, перерезал ей горло и только после этого вернулся назад за ширму.

Джони, сидя в ванне боком к нему, молча наблюдала за всем этим остановившимся отсутствующим взглядом.

Вода в ванной была уже чуть теплой. Рой добавил горячей, через пару минут закрыл кран и шагнул к девочке.

Здесь он сел и блаженно откинулся назад.

Взяв Джони под мышки, Рой усадил ее между своих вытянутых ног и прижал к себе так, чтобы чувствовать членом ее маленькие упругие ягодички.

— Ну вот,— облегченно вздохнул он и потянулся за мылом. Сладостный спазм сдавил его горло. Этой минуты он ждал столько лет! Он так давно уже мечтал об этом.— Ну вот,— повторил он.— Все и устроилось.

Глава третья

1

Нубийские гвардейцы, разодетые, как на парад, наступали на Рэккера со всех сторон. Их черные лица лоснились от пота, а крупные белые зубы ярко сверкали. Некоторые направляли ему в лицо свои винтовки, другие поливали его огнем из автоматов Калашникова. Он уже уложил почти всех, но на смену им бежали другие. Они кричали и размахивали длинными кривыми саблями. Его раскалившийся от стрельбы пулемет прожигал одну дыру за другой в их щегольских белоснежных мундирах. Нубийцы падали, но на место убитых тут же вставали новые.

«Откуда, черт возьми, они лезут?» — в ужасе думал Рэккер.

И з а д а!!

И он продолжал стрелять... Сто семьдесят выстрелов за шесть секунд. Шесть долгих секунд...

Круг неумолимо сужался. Солдаты подходили все ближе. У некоторых в руках были пики, другие, с ножами, оказались совершенно голыми. Рэккер отбросил в сторону пустой диск, вставил в пулемет новый и дал еще одну длинную очередь.

Теперь уже все нубийцы перед ним были голые. Их черная кожа блестела при лунном свете, на лицах сияли широкие белозубые улыбки. И ни у кого не осталось огнестрельного оружия. Только ножи, пики и ятаганы.

«Я ведь только что перебил всех мерзавцев,— удивлялся он.— Откуда же взялись эти?.. Ага, значит, это их последний резерв! И когда я покончу с ним, можно будет возвращаться домой».

Но вдруг его охватил жуткий страх. Рэккер понял, что ему грозит смертельная опасность. Он выглянул из окопа и увидел, что ствол его пулемета расплавился от перегрева и теперь на глазах сгибается под собственной тяжестью.

«О Боже мой! Господи! — пронеслось в воспаленном мозгу.— Теперь они схватят меня и разорвут на куски! Они отрежут мне голову!.. О мой Бог, только не это!..»

Задыхаясь, с бешено колотящимся сердцем, Рэккер вскочил и очутился в своей постели. Причем совершенно один. Струйка липкого пота стекала по его спине. Он провел ладонью по взмокшему лбу и вытер руку о простыню.

Потом посмотрел на будильник.

Всего лишь пять минут первого. Вот черт! На этот раз все случилось гораздо раньше обычного. Когда эти кошмары одолевали его в четыре или пять утра, он мог спокойно пойти позавтракать, а потом начать свой обычный рабочий день. Но когда это происходило так рано, было совсем хреново.

Рэккер медленно встал с кровати. От холодного пота его сразу же бросило в озноб. Он зашел в ванную, обтерся сухим полотенцем, надел халат и пошел в гостиную. Там он зажег все лампы, какие только можно было зажечь в этой комнате, потом включил телевизор. Прошелся по каналам. Местная станция опять крутила «Сыщик из банка». Очевидно, фильм только что начался. Достав из холодильника в кухне банку пива и прихватив в буфете пакетик орешков, Рэккер снова вернулся в гостиную.

Открывая пиво, он заметил, что руки его все еще дрожат.

На работе с ним такого никогда не случалось.

У Джаджмента Рэккера стальные нервы — так говорили о нем все сослуживцы.

Видели бы они его сейчас!..

И все из-за проклятых кошмаров.

«Ладно, посмотрю телевизор», — решил он, начав лениво следить за сюжетом фильма.

Когда пиво кончилось, Рэккер сходил на кухню за второй банкой, открыл ее и выглянул из окна. Лунный свет оставлял на воде длинную серебряную дорожку. За зали-

вом туман покрывал холмы над Сосалито плотным, белым как снег ковром. Молочная дымка обволакивала и почти весь мост над Золотыми Воротами. Все, кроме северной башни с ее вечно мигающим красным огнем, было окутано непроглядной белесой мглой. Возможно, видна и другая башня, но отсюда ее закрывал остров Бельведер. Рэккер прислушался к протяжным сигналам туманного горна на маяке, а потом понес свое пиво в гостиную.

Он уже собирался устроиться на диване, как вдруг тишину ночи прорезал полный ужаса мужской крик.

2

Перед дверью квартиры 315 Джад остановился и с тревогой прислушался. Но изнутри доносились лишь звуки тяжелого прерывистого дыхания. Тогда он тихонько постучал по замку.

Тут в конце коридора открылась другая дверь, и из нее высунулась женская голова в бигуди.

— Хотите успокоить его, да? Ничего у вас не выйдет! Я лучше полицию вызову. Вы хоть знаете, который час?
— Да.— Джад дружелюбно улыбнулся ей.

Сердитое лицо женщины немного смягчилось. Она сдержанно улыбнулась в ответ.

— Вы ведь новый жилец, не так ли? Из триста восьмой квартиры? А меня зовут Салли Леонард.

— Уже поздно. Ложитесь спать, мисс Леонард.

— Вы думаете, с Ларри что-то случилось?

— Не волнуйтесь, я все улажу.

Все еще улыбаясь, Салли втянула голову назад и закрыла дверь на два замка и цепочку.

Джад снова постучал в квартиру 315.

— Кто там? — раздался из-за двери глухой мужской голос.

— Я слышал крик...

— Прошу прощения. Он разбудил вас?

— Нет, я не спал. А кто кричал, вы не знаете?

— Я. Но это ерунда. Просто мне приснился кошмар.

— И вы это считаете ерундой?

Джад услышал звук снимаемой цепочки. Дверь открыл мужчина в полосатой пижаме.

— Вы говорите так, будто неплохо разбираетесь в кошмарах,— произнес он с легкой улыбкой на губах. Его

спутанные со сна волосы были белыми, как туман, но все же выглядел он никак не старше сорока лет.

— Меня зовут Лоренс Мейвуд Эшер,— представился мужчина и протянул Джаду руку. Рука была худая, влажная и холодная. Его слабое рукопожатие выдавало глубокую усталость, и казалось, что он пытается почерпнуть силы из широкой и крепкой ладони Джада.

— А я — Джад Рэккер,— просто ответил гость.

Эшер закрыл за вошедшим дверь.

— Ну, Джадсон...

— Нет, мое полное имя — Джаджмент.

Ларри удивленно вскинул на него глаза.

— Ну и ну! Последний раз я встречал это слово в Библии, и там оно означало, кажется, Страшный Суд. Надеюсь, вы не обиделись?

— Да нет, Ларри; мой отец был баптистским священником...

— А-а... Так, значит, Джаджмент Рэккер? Отлично! Хотите кофе, Джаджмент?

Джад подумал о начатой банке пива, оставшейся на столе в гостиной. «Ну и черт с ней,— решил он.— Допью завтра».

— Конечно,— ответил он.— Кофе — это просто замечательно.

— Вы большой любитель кофе?

— Не то чтобы очень, но...

— И тем не менее я собираюсь предложить вам не совсем обычное угощение. Вы когда-нибудь пробовали горный ямайский кофе?

— Нет, даже не слышал о таком.

— Ну что ж, значит, у вас будет прекрасная возможность испытать нечто новое. Вам привалила удача!

Джад усмехнулся, удивляясь столь внезапному оживлению человека, который только что кричал от страха.

— Только пойдемте на кухню.

— Хорошо.

На кухне Ларри открыл небольшой коричневый пакет и дал Джаду понюхать. Рэккер вдохнул густой аромат свежеподжаренного маслянистого кофе.

— Да, пахнет здорово,— признался он.

— Так и должно быть. Это самый лучший сорт! А чем вы занимаетесь, Джаджмент?

— Я инженер.

— Вот как?

— Да, работаю в компании братьев Брехт.

— Звучит как немецкая фирма по производству капель от кашля.

— Нет, мы строим электростанции, мосты... А вы где работаете?

— Я преподаю.

— В средней школе?

Боже упаси! Я навсегда покончил с этими грубыми, нахальными, сквернословящими негодяями лет десять тому назад. И никогда больше к этому не вернусь. Ни за что!

— А где же вы преподаете теперь?

— Мои нынешние ученики относятся к очень узкому избранному кругу, — ответил Ларри, вертя ручку кофейной мельницы. — Я преподаю американскую литературу представителям высшего общества. Главным образом, в университете Сан-Франциско.

— И там студенты не сквернословят?

— Во всяком случае, их ругательства относятся не ко мне.

— Ну, так это совсем другое дело! — усмехнулся Джад, стараясь быть не очень язвительным. Он внимательно наблюдал за Ларри, пока тот засыпал размолотый кофе в турку, наливал воду и разогревал на газу песок.

— Да, в этом вся разница. Ну что ж, присядем?

Они переместились в гостиную. Ларри сел на диван, а Джад опустился в кресло с пружинной спинкой, но откидываться не стал.

— Я очень рад, что вы заглянули ко мне, Джаджмент.

— Зовите меня просто Джад.

— А что если я буду называть вас Джадж?

— Но ведь «джадж» — это значит судья, а я даже не юрист.

— А с виду можно сказать, что вы заправский судья. Должно быть, вы неплохо судите и о характере людей, и об их поступках, и вообще о том, что правильно, а что — нет...

— И все это вы можете сказать по одному моему внешнему виду?

— Разумеется! Итак, я буду называть вас Джаджем.

— Идет!

— Так скажите мне, Джадж, что же все-таки застави-

до вас подойти к моей двери в такой час, да еще постучаться?

— Я просто услышал крики.

— И решили, что они вызваны кошмарным сном?

— Нет.

— Может быть, вы подумали, что меня убивают?

— Да, это пришло мне в голову,— признался Рэккер.

— И тем не менее вы пришли. Причем пришли без оружия. Должно быть, вы бесстрашный человек, Джадж.

— Вряд ли.

— Или, может быть, вам известно, что вероятность столкнуться с убийцей на месте преступления ничтожно мала?

Джадж засмеялся.

— Возможно,— сказал он.

— Но как бы там ни было, я очень рад вашему приходу. Против ужасов ночи нет лучшего средства, чем видеть рядом дружеское лицо.

— И часто вас охватывает такой ужас?

— Каждую ночь в течение уже трех недель. Хотя это не совсем точно, ведь три недели — это двадцать одна ночь, а кошмары преследуют меня только последние девятнадцать ночей. Всего лишь!.. Но я должен сказать, что для меня это — все равно что девятнадцать лет.

— Я вас понимаю...

— Иногда я задаю себе вопрос: а было ли такое время, когда меня не одолевали кошмары? Конечно, да. Я ведь не сумасшедший, просто нервы у меня уже на пределе. Я всегда был до крайности нервным, таким и остался: но почему надо сразу же говорить, что я спятил?

— Я этого не говорил.

— Нет, конечно, нет.— Ларри усмехнулся краешком рта.— Это сказал Эдгар По в рассказе «Сердце-обличитель» об одном несчастном человеке, доведенном своим горем до грани безумия. А как я, на ваш взгляд,— не выгляжу еще сумасшедшим?

— Вы выглядите усталым.

— Все-таки девятнадцать ночей!..— Эшер шумно вздохнул.

— А вы сами-то знаете, чем вызваны ваши кошмары?

— И даже вам могу показать.

Из-под раскрытого на кофейном столике журнала «Тайм» Ларри извлек небольшую газетную вырезку.

— Вы пока почитайте, а я пойду посмотрю, как там кофе.

С этими словами он встал с дивана и протянул Джаду вырезанную колонку «Калифорнийского калейдоскопа».

Оставшись в комнате наедине с собой, Джад откинулся в кресле и начал читать.

МАЛКАСА-ПОЙНТ:

ТРОЙНОЕ УБИЙСТВО В «ДОМЕ ЧУДОВИЩА»

«В «Доме чудовища» — аттракционе ужасов для туристов, расположенном в Малкаса-пойнт, в ночь со среды на четверг были обнаружены изуродованные тела двух мужчин и одиннадцатилетнего мальчика.

По сообщению местных властей, патрульный полицейский Дэниэл Дженсон вошел в этот дом в 23.45, чтобы выяснить, не забрались ли туда воры. Когда связь между ним и полицейским участком прервалась, на место происшествия была послана вторая машина. С помощью добровольной пожарной дружины сотрудники полиции окружили квартал и после тщетных обращений к предположительно укрывшимся в музее преступникам проникли в это таинственное заведение.

В коридоре верхнего этажа были найдены тела полицейского Дженсона, мистера Мэтью Зиглера и его сына Эндрю. Очевидно, все трое явились жертвами нападения с применением холодного оружия.

Как сообщила впоследствии Мэри Зиглер, жена погибшего, ее муж Мэтью был сильно рассержен на сына, напуганного экскурсией в «Дом чудовища», который они посетили накануне днем, и поклялся «показать ему это чудовище». Вскоре после одиннадцати вечера он приехал с мальчиком к зданию музея с намерением проникнуть в него и доказать сыну беспочвенность его страхов.

Таким образом, «Дом чудовища», построенный в 1902 году вдовой Лайла Торна, главаря известной гангстерской банды, за время своей недолгой истории стал местом уже одиннадцати убийств. Его нынешняя владелица Мегги Кутч в 1931 году переехала на другую квартиру после того, как ее муж и трое детей были «разорваны на куски бешеным белым монстром», который, как сообщалось, проник в дом через окно первого этажа. Вскоре после этих зверских убийств миссис Кутч открыла дом для посещения

туристами и стала проводить в нем платные экскурсии в светлое время суток.

Новых трагедий в доме не происходило до 1951 года, когда после наступления темноты туда проникли два двенадцатилетних мальчика, жители Малкаса-пойнт. Одному из них, Ларри Мейвуду, удалось спастись, отделавшись легкими травмами. А изуродованный труп его товарища Тома Бэгли был обнаружен на рассвете следующего дня.

Комментируя последние убийства, семидесятилетняя владелица музея повторила, что «после наступления темноты дом принадлежит чудовищу». Однако начальник полиции Малкаса-пойнт мистер Билли Чарльз придерживается иного мнения. В своем интервью он категорически заявил, что никакого чудовища не нападало на полицейского Дженсиона и обоих Зиглеров, а убиты они человеком, который пользовался острым режущим оружием.

В скором будущем полиция надеется выйти на след убийцы».

Джад выпрямился в кресле и встретил тревожный взгляд нервно улыбающегося Ларри, когда тот входил в комнату с чашками кофе. Рэккер взял одну, подождал, пока Ларри усядется на диван, а потом спросил:

— Если не ошибаюсь, вы представились как Лоренс Мейвуд Эшер?

— Да, вы правы. Дело в том, что я всегда был большим поклонником Эдгара По. И полагаю, что именно влияние его творчества побудило меня той ночью обследовать «Дом чудовища» вместе с Томми. Потому я и решил, что после всего случившегося это новое имя эмоционально поможет мне выжить. Вот я и взял себе часть имени одного из героев Эдгара По — Родерика Эшера, в доме которого жили призраки.

3

Лоренс Мейвуд Эшер с наслаждением потягивал кофе из тонкой фарфоровой чашечки. Джад наблюдал за тем, как Ларри перед каждым новым глотком долго держит кофе во рту, будто вино.

— Какой аромат! — в упоении произнес Ларри и внимательно посмотрел на Джада.

Тот тоже поднял свою чашку. Ему нравился этот насыщенный терпкий запах, и он сделал осторожный глоток.

На вкус кофе оказался даже резче, чем можно было предположить.

— Неплохо! — с долей легкого удивления заметил Рэккер.

— Вы же так все хорошо понимаете, Джадж! — начал Ларри, и на лице его проступило тревожное напряжение. — Вам действительно понравился этот кофе?

— Кофе чудесный. Очень хороший. Я просто не привык к таким угощениям!

— Никогда не привыкайте к тому, что вы любите. Привычка притупляет остроту восприятия.

Джадж кивнул и вновь поднес чашку к губам. На этот раз кофе показался ему еще вкуснее.

— Скажите, а ваши кошмары связаны только с «Домом чудовища»? — наконец спросил он.

— Всегда, — последовал незамедлительный ответ.

— Но меня удивляет то, что эти кошмары начались лишь после прочтения газетной статьи. Ведь в свое время вы пережили все это сами.

— Эта статья так или иначе лишь возобновила мои кошмары. А поначалу страшные сны продолжались в течение нескольких месяцев после того, что со мной тогда... произошло. Врачи даже советовали, чтобы я прошел курс лечения у психиатра, но мои родители и слышать об этом не захотели. Они хоть и были грамотными людьми, но все же считали, что к психиатрам обращаются только полные идиоты и старые маразматика. Мы же просто уехали из Малкаса-пойнт, и очень скоро мои кошмары прошли сами собой. Я потом всегда считал это победой здравого смысла над шарлатанством.

Он улыбнулся, очевидно, довольный собственным остроумием, и принялся дальше смаковать свой ароматный напиток.

— Но, к сожалению, — продолжал Ларри, — мне так и не удалось до конца забыть обо всем происшедшем. Время от времени какой-нибудь ретивый журналист выслеживал нас, чтобы написать очередную статью об этом злосчастном туристском аттракционе. И после этого мои кошмары возобновлялись опять. И уж, конечно, каждый крупный журнал не преминул поместить об этом по пространной статье.

— Я, кажется, видел несколько подобных статей.

— А вы их читали?

— Нет, не читал.

— Невежественная стряпня! Продажные шелкоперы!.. Вы знаете, кто такой репортер? Это грязный писака, который с трудом нащупывает впотьмах извилистую тропинку к правде, а потом сам же закапывает ее с помощью потока ненужных слов. Примерно так сказал Амброз Бирс, а он был большим философом!.. Единственный раз я позволил одному из таких любителей покопаться в грязи, взять у меня интервью. И он до того переврал все мои слова, что я был выставлен просто круглым дураком. А в заключение он еще написал, что в результате этого происшествия я слегка помешался! Вот тогда-то я и решил поменять фамилию, чтобы ни один из этих мерзавцев никогда больше не смог меня отыскать. А кошмары понемногу прекратились... до недавнего времени. Но теперь чудовище опять взялось за свое! Оно продолжает убивать, как и тогда!..

— Оно? — переспросил Джад.

— Официально, со времени нападения на семью Лайла Торна, это был ОН — человек с ножом, наподобие Джека-потрошителя. Но в каждом следующем убийстве подозревался новый преступник.

— А разве это было не так?

— Абсолютно не так! Все это совершало чудовище. Причем всегда одно и то же чудовище.

Джад даже не пытался скрыть своего сомнения, которое, как он знал, уже ясно читалось на его лице.

— Давайте, я налью вам еще кофе,— нервно сказал Эшер и вышел из комнаты.

4

— Я не знаю, кем является эта тварь,— возбужденно говорил Ларри.— И очевидно, этого не знает никто. Хотя я лично видел его. И за исключением старой Мэгги Кутч, я, вероятно, единственный живой человек, который видел все своими глазами.

Но это не человек, Джадж. А даже если это существо и было когда-то человеком, то все человеческое давно уже деформировалось в нем до самых крайних пределов. И оно очень, очень старо. Ведь первое нападение произошло еще в 1903 году! Тогда Президентом был Теодор Рузвельт. В том же году братья Райт впервые поднялись в воздух на своей этажерке «Китти-хок». И тогда же чудовище убило троих.

— И первого владельца этого дома?

— Нет, вдова Лайла Торна уцелела. А вот сестра ее была зверски убита вместе с двумя своими племянниками. Тогда власти обвинили в этом одного слабоумного, который ошивался на окраине города. Его судили, вынесли приговор и повесили на балконе «Дома чудовища». Ведь все случилось как раз перед самыми выборами шерифа, и полиции до зарезу требовалось любой ценой закрыть это дело. Хотя они прекрасно знали, что тот парень ни в чем не виновен.

— Откуда же им было знать об этом?

— У чудовища огромные когти,— пояснил Ларри.— Они длинные и острые, как гвозди. Оно раздирает ими жертву, срывая одежду и кожу. Эти когти впиваются в тело как ножи и держат его, пока чудовище не закончит... свое гнусное надругательство.

Чашка с кофе на его блюде задрожала. Ларри поставил ее на столик и сцепил пальцы замком.

— И вас?..

— О нет! Меня, слава Богу, чудовище пощадило. Оно не прикоснулось ко мне. Но я видел, что оно делало с Томми там, в спальне... Тварь была слишком занята, чтобы думать еще и обо мне. Сначала ей надо было разделаться с Томми. Только это меня и спасло. Правда, выпрыгивая из окна, я сильно порезался о стекло, а при падении сломал себе руку. Но все же мне удалось уйти. Я выбрался, черт возьми! Я остался в живых, чтобы рассказать всем об этом.— Он отхлебнул кофе и дрожащей рукой поставил чашку на стол. Казалось, напиток помогает ему восстановить душевное равновесие. Потом тихим голосом Ларри продолжил: — Конечно, никто тогда не поверил моей истории. И со временем я научился держать ее при себе.— Он выжидательно помолчал.— Ну, теперь, наверное, у меня есть уже все основания полагать, что вы считаете меня сумасшедшим?..

Однако Джад с сомнением покачал головой и ткнул пальцем в газетную вырезку.

— Здесь все-таки говорится, что в этом доме погибло уже одиннадцать человек!

— Все правильно. Эти цифры абсолютно верны.

— Но это же очень много убийств!

— Согласен. Даже слишком много. Ну и что?

— Значит, кто-то должен положить им конец, вы не находите?

— Да я бы и сам убил чертову тварь, если б только у меня хватило на это храбрости. Но стоит мне лишь подумать о том, чтобы идти туда ночью!.. Нет, я никогда не смогу сделать этого.

— А кто-нибудь другой ходил туда после вас? Я имею в виду, в темное время суток.

— Ночью? Только дурак...

— Или человек, у которого есть на это достаточно веские основания...

— Какие основания? — не понял Ларри.

— Ну, например, деньги, месть, желание прославиться, на худой конец. Разве за это никогда не назначали награды?

— За убийство чудовища? Что вы! Никто ведь не допускает и мысли о возможности его реального существования. Никто, кроме старухи Кутч и ее полоумного сына. А уж они-то, ясное дело, не хотят, чтобы ему был причинен какой-либо вред. Ведь зловещая репутация этого проклятого монстра — единственный источник их доходов. И это, кстати, пожалуй, единственное, что позволяет процветать всему городку. Конечно, «Дом чудовища» — это не замок Хёрста и не дом Винчестера, но вы удивились бы, узнав, сколько наших с вами сограждан готово выложить по четыре доллара с носа за экскурсию по этой пыльной халупе, хозяйка которой может похвастаться не только легендарным чудовищем, но еще и тем, что в ее доме произошло одиннадцать зверских убийств. Туристы валом валят и со всей Калифорнии, и из соседних штатов, и вообще черт знает откуда. А уж если какая-нибудь американская семья катит на машине по любой из дорог и оказывается ближе пятидесяти миль от Малкаса-пойнт, то дети поднимают в ней такой визг, требуя посетить «Дом чудовища», что родители бывают просто не в силах им отказать. И так год за годом доллары туристов питают главную жизненную артерию этого Богом забытого городка. И если бы кто-нибудь убил вдруг чудовище...

— А вы не думали, сколько туристов привлек бы труп этого монстра? — с легкой усмешкой спросил Джад, однако голос его был серьезным.

— Но ведь тогда исчезла бы тайна! Поймите: чудовище — сердце этого дома. Дом без него просто умер бы. А вслед за ним умер бы и весь город. А я не думаю, чтобы жители Малкаса-пойнт сильно хотели этого.

— Значит, они хотят, чтобы убийства продолжались?

— Конечно! Время от времени убийства совершают настоящие чудеса в бизнесе.

— Ну, если так настроен весь город, то он просто не достоин существования на Земле.

— Я вижу, ваш отец был очень проницательным человеком, дав вам имя Джаджмент¹, — улыбнулся Ларри, но ответа на свою шутку не получил.

— Так вы сказали, что убили бы чудовище сами, если б смогли? — вполне серьезно переспросил Джад.

— Да. Если бы у меня хватило смелости.

— А вы никогда не думали нанять кого-нибудь, чтобы он сделал это за вас?

— Кого же я могу подбить на такое дело? — Ларри горестно усмехнулся и устало потер лоб рукой.

— Все зависит от того, сколько вы готовы предложить за эту услугу.

— Вы призываете меня заплатить столько, сколько стоит мой спокойный сон, да? — Улыбка на лице Ларри стала гротескной.

— Ну почему же! На это дело можно ведь посмотреть и с другой стороны — как на помощь обществу... — заметил Рэккер, задержав на Ларри долгий выжидательный взгляд.

Наконец тот усмехнулся и, склонив голову набок, слегка прищурился:

— Мне кажется, вы знаете человека, который за определенную сумму согласился бы войти ночью в этот дом и покончить с чудовищем.

— Может, я и знаю такого.

— И сколько же он запросит?

— Все зависит от риска, на который ему придется пойти. Нужны дополнительные сведения, прежде чем он возьмет на себя какие-либо обязательства.

— А вы можете назвать хотя бы примерную сумму?

— Его минимум будет пять тысяч.

— А максимум?

— Максимум пока что не установлен.

Последовала недолгая пауза, после которой Ларри сказал:

¹ Джаджмент (англ. judgement) — в т. ч. судебное решение, приговор. (Прим. перев.)

— Разумеется, мои капиталы не безграничны, но я думаю, что при необходимости смогу вложить их значительную часть в такого рода проект.

— А что вы собираетесь делать завтра? — неожиданно спросил Рэккер.

— Готов вести переговоры, — с пониманием ответил Ларри.

— Тогда почему бы нам двоим не прокатиться с утра пораньше по прибрежному шоссе и не посетить «Дом чудовища»?

5

Две чашки кофе не разогнали сон Джада, и, едва вернувшись в свою квартиру, он тут же уснул. Но даже если что-то и снилось ему этой ночью, он не запомнил ни одного из ночных видений, и когда звон будильника прервал его сон в половине шестого, голова Рэккера была легкой и ясной, какой она и должна быть поутру в понедельник.

Глава четвертая

Рой проснулся на широкой двуспальной кровати. Рядом с ним, лицом вниз, со связанными за спиной руками, лежала девочка Джони. Она была голая. Короткий кусок бельевой веревки шел от ее запястий и затягивался на правой руке Роя тугой петлей. Сперва Рой освободил свою руку, потом развязал руки Джони.

Затем перевернул девочку на спину. Ее глаза были широко раскрыты. Но она смотрела не на него, а куда-то дальше, в пустоту, будто была слепая.

— Хорошо поспала? — спросил он.

Джони даже не шевельнулась в ответ.

Тогда Рой положил руку на ее грудь и почувствовал, как ровно бьется там сердце и как грудь поднимается и опускается при каждом глубоком вздохе.

— Где же твое хорошее настроение? — спросил он и пощекотал ей живот.

Джони не двигалась и не моргала. Даже когда он ущипнул ее за сосок. И даже потом, когда он начал гладить и ощупывать ее тело, жадно лизать и покусывать складки кожи. Она лежала неподвижно и молчала даже тогда, когда

Рой с громким стоном глубоко вошел в нее и тут же содрогнулся от бурного болезненного оргазма.

Наконец он перестал истязать почти бесчувственное тело девочки, тяжело отвалился в сторону и минуту спустя встал с кровати. На всякий случай он снова связал ее.

Потом оделся в пижаму ее отца, прошел на кухню и поставил кофе. Пока кофе варился, Рой отрезал шесть толстых кусков бекона, зажарил три яйца и два тоста, принес все это в гостиную и включил телевизор.

Зазвонил телефон. Рой лениво потянулся за трубкой.

— Да? — невозмутимо ответил он.

— Алло! — послышался смущенный женский голос. — Можно мне поговорить с Марвом?

— Его нет дома. Что ему передать?

— Это Эстер. А вы его секретарь?

— Вас, вероятно, интересует, почему он не пришел на работу?

— Да, он даже не позвонил...

— К сожалению, он не мог позвонить. Сегодня ночью у него был сердечный приступ. Вернее, рано утром.

— Да что вы! — ахнула женщина.

— Увы, это действительно так. Последнее, что я видел, — это как его относили к машине «скорой помощи».

— А он... он жив?

— Насколько мне известно — да. Но с тех пор, как они уехали, я сижу здесь с Джони, и никакой новой информации пока не было.

— А в какую больницу его отвезли? — спросила женщина после короткой заминки.

— Дайте подумать... Вы знаете, я, честное слово, даже не помню. Все так смешалось...

На том конце провода послышался тяжелый вздох.

— Но вы дадите нам знать, когда что-нибудь прояснится?

— Непременно.

Эстер продиктовала ему номер служебного телефона. Рой даже не записал его.

— Я вам обязательно позвоню, — заверил он. — Как только будут новости из больницы.

— Большое спасибо.

— Не за что. Надеюсь, все обойдется.

Дождавшись гудков, он повесил трубку, поудобнее устроился на диване и принялся есть. Завтрак был еще теплым.

Подкрепившись, Рой стал искать телефонную книгу и нашел ее в верхнем ящике кухонного стола. Потом налил себе еще кофе и вернулся в гостиную.

Первым делом он просмотрел частные телефоны на букву «Х». Но Хейз Донны в списке не было. Правда, в другом разделе обнаружилась миссис Д. Хейз, однако это был номер телефона той самой квартиры, в которой он уже побывал прошлым вечером. В том, что квартира эта именно ее, сомневаться не приходилось — Рой даже узнал там кое-какую мебель. «Но, может быть, Донна все еще работает в своем вонючем бюро путешествий? Вот только как же оно называется?.. — Рой напряженно наморщил лоб. — У этого бюро был еще такой броский рекламный лозунг...» Наконец он вспомнил: «Пусть Гоулд станет вашим гидом!» Да, бюро называлось именно «Гоулд трэвел». Рой полистал справочник, нашел нужный телефон и набрал его.

— Туристическое бюро «Гоулд трэвел». С вами говорит мисс Уинноу, — раздался в трубке мягкий певучий голос.

— Я хотел бы поговорить с миссис Хейз, если можно.

— Простите, как вы сказали? Хейз?

— Да, с Донной Хейз.

— Но по этому номеру нет никакой Донны Хейз, — слегка удивилась девушка.

— А мне сказали, она работает у вас. Или раньше работала...

— Пожалуйста, подождите минуточку.

Рой прождал ровно минуту и наконец услышал:

— Да, сэр. Донна Хейз работала здесь, но уволилась из нашего бюро уже четыре года назад.

— А вы не знаете, куда она перешла?

— К сожалению, нет. Могу ли я быть чем-нибудь еще вам полезна?.. Если вы хотите совершить путешествие, у нас есть множество прекрасных маршрутов.

— Спасибо, нет. — Рой нажал на рычаг.

Потом отыскал в справочнике фамилию Бликс. Джон Бликс, отец Донны. Наверняка ее родители знают, где она. Он списал адрес и номер телефона.

Но до чего же ему не хотелось возиться с ее стариками!.. Во всяком случае, он готов был увидеть их только в самую последнюю очередь.

А как насчет Карен?.. Рой хищно усмехнулся. Нет, он совсем не против повидаться с ней. На самом деле, ему очень даже хочется ее навестить... А заодно она, может быть, знает, где найти этих двух сучек.

Непременно стоит попробовать!

Даже если она ничего и не знает, все равно не помешает побывать у нее. Ему она всегда нравилась.

«А как же зовут того парня, за которого она вышла замуж?.. Боб,— стало быть, Роберт,— а как дальше?.. Что-то связанное с шоколадом. «Млечный путь»? Нет. «Марсбар»? Боб Марсбар? Чушь какая-то... А-а, вспомнил: Марстон!»

Рой раскрыл справочник на букву «М» и очень быстро нашел: Марстон Роберт. И тут же переписал себе адрес и телефон.

Уж он-то нанесет им оч-чень хороший визит!.. Но не все сразу. Ему не хотелось так быстро уходить отсюда. Да и к чему спешить? Вполне можно остаться тут еще на какое-то время. Здесь ведь так хорошо!..

Рой направился в спальню.

— Эй, Джони! О чем задумалась?

Девочка лежала на спине, уставившись пустым бессмысленным взглядом в потолок.

Глава пятая

1

Яркий солнечный луч подкрался к закрытым глазам Донны и разбудил ее. За окном пронзительно кричали чайки. Донна перевернулась на другой бок и попыталась снова уснуть. Но на узкой продавленной старой кровати сделать это ей уже не удалось. Тогда она встала и потянулась, разминая затекшие со сна мышцы.

Сэнди еще спала в соседней кровати.

Донна на цыпочках прошла по холодному крашеному полу к окну, подняла жалюзи и выглянула наружу. На другой стороне двора из маленького зеленого домика какой-то мужчина выносил чемоданы. Женщина и двое детей уже ждали его в припаркованном рядом семейном фургоне. Почти перед всеми домиками мотеля стояли машины или прицепные трейлеры. Где-то неподалеку лаяла собака. Донна опустила жалюзи.

Потом поискала глазами телефон, но его в комнате не оказалось.

Пока она одевалась, проснулась Сэнди.

— Доброе утро, доченька. Хорошо спала? — Донна ласково улыбнулась.

— Отлично! А куда это ты собралась? — На лице девочки тут же появилась тревога.

— Хочу найти телефон и позвонить тете Карен, чтобы она за нас не беспокоилась.

— Можно, я пойду с тобой?

— Не стоит. Побудь лучше здесь, умойся пока, оденься. А я выйду всего на минутку, и потом мы сразу же пойдем завтракать.

— Хорошо. — Сэнди серьезно кивнула.

Донна завязала шнурки на кроссовках и взяла сумочку.

— Только никому не открывай дверь, ладно? Я возьму ключ.

— Ладно, — тихо ответила девочка.

На улице свежий утренний воздух был наполнен бодрящим запахом сосен. Этот терпкий смолистый аромат напомнил Донне долгие походы с рюкзаком за плечами по горным тропинкам Сьерра-Мадре, которые она регулярно совершала с сестрой еще до того, как познакомилась с Роем. Но его поведение в горах отбило у нее всякую охоту к таким путешествиям. Ну, ничего; когда она окончательно избавится от этого ублюдка, они с Карен и Сэнди снова отправятся по знакомым местам. И возможно, будет все это довольно скоро.

Донна поднялась на крыльцо конторы мотеля и через стекло в двери увидела в другом конце холла телефонную будку. Она направилась туда. Деревянный пол скрипел и стонал под ее ногами, как истерзанный морем настил старого пирса.

Войдя в кабину, Донна плотно закрыла за собой дверь, вызвала оператора и попросила перевести стоимость предстоящего разговора на счет оплаты ее домашнего телефона. После этого ее соединили с сестрой.

— Алло? — слышался в трубке заспанный женский голос.

— Проснись, Карен, уже солнышко встало!

— Ты с ума сошла! Который час?

— Это вместо «доброго утра»?

— О Боже, Донна, только не говори мне, что у тебя опять сломалась машина.

— Ты просто ясновидящая!

— Тебя подбросить?

— Нет, сегодня не надо, обойдусь.

— Так мы же ведь собирались...

— Я звоню тебе совсем не поэтому, — перебила ее Донна.

— Вам что, перенесли выходные? Вот наказание! А как было удобно по понедельникам!.. Все корты свободные... А когда же теперь — в пятницу и субботу, или опять разбили среди недели?

— Нет, Карен, на этот раз твое ясновидение тебя подвело.

— Правда?

— Я говорю сейчас из очаровательного курортного местечка под названием Малкаса-пойнт, в котором находится небезызвестный «Дом чудовища».

— Ты что, пьяная?

— К сожалению, трезвая. И насколько я понимаю, мы уже где-то милях в ста к северу от Сан-Франциско. Плюс-минус пятьдесят миль.

— Боже мой, ты даже не знаешь точно, где находишься?

— Нет. Конечно, если бы у меня сейчас под рукой была карта...

— Что ты там делаешь, в этом чертовом месте? — Но прежде чем Донна успела что-либо ответить, Карен поняла все сама: — О Господи, его выпустили?!

— Да, выпустили.

— Боже мой!..

— И я решила, что нам лучше скрыться.

— Правильно. А что теперь делать мне? — Карен была в растерянности.

— Для начала передай маме и папе, что у нас все в порядке.

— А как быть с вашей квартирой?

— Ты сможешь отправить на хранение наши вещи?

— Конечно.

— Тогда позвони Бикону или еще в какую-нибудь компанию. А потом сообщи мне, сколько это стоит, и я пришлю тебе чек.

— Как же я тебе сообщу?

— Я еще буду звонить.

— А ты вернешься когда-нибудь? — Голос Карен дрожал.

— Не знаю.

— Ну как они могли его выпустить! Кто им позволил?..

— Наверное, он там хорошо себя вел, — мрачно усмехнулась Донна.

— Боже мой! Что же теперь делать?.. — Карен была в отчаянии.

— Все будет о'кей, Карен. Не вешай нос.

— Когда же я теперь увижу тебя? — Донна чувствовала, что сестра вот-вот расплачется.

— Я думаю, скоро. Все образуется.

— Как же, образуется!.. Если только Рой помрет вдруг от сердечного приступа или свалится на машине в пропасть, или... — Послышались сдавленные рыдания. — О Господи, какой ужас! Как они могли допустить?

— Эй, успокойся! Все будет хорошо. Главное — передай родителям, что у нас все нормально, и что мы будем держать с тобой связь.

— Ладно... А я... я позабочусь о вашей квартире.

— Только осторожней, когда будешь заниматься этим.

— Конечно. Но и ты там тоже смотри! Поцелуй от меня Сэнди.

— Ладно. Ну пока, Карен. Не раскисай.

— Хорошо...

Донна первая повесила трубку. С минуту она глубоко дышала, пытаясь прийти в себя. Она чувствовала, что сама готова разреветься в любую секунду. Потом вышла из будки и уже начала спускаться с крыльца, как вдруг услышала за спиной скрип открываемой двери.

— Мадам! — окликнул ее звонкий голос.

Донна обернулась и увидела на пороге конторы девочку лет пятнадцати.

— Да?

— Это у вас сломалась машина?

Донна кивнула.

— Только что звонил Бикс с заправочной станции. Они с чокнутым Кутчем из музея уже поехали за ней. Бикс сказал, что найдет вас, когда вернется.

— Но у них же нет ключей от машины!

— Биксу не нужны ключи.

— Он что-нибудь просил меня сделать?

Девочка пожала одним плечом. Плечо было совсем голым, если не считать бретельки от легкой облегающей маечки. Девочка, очевидно, не носила лифчика, и ее крупные темные соски просвечивали сквозь тонкую розовую ткань. Донна удивилась, почему родители позволяют ей ходить в таком виде.

— Хорошо. Спасибо за сообщение.

— Пожалуйста.

Девочка повернулась. Ее обрезанные джинсы были распороты по бокам, обнажая загорелые ноги до самых бедер.

«Эта девчонка явно хочет, чтобы ее изнасиловали,— подумала Донна.— Если бы Сэнди хоть раз так вырядилась...»

Донна спустилась с крыльца, пересекла стоянку машин и вошла в свой домик. Ей пришлось подождать, пока Сэнди закончит утренний туалет.

— Ну что, будем завтракать здесь, в мотеле, или попытаем счастья в городе? — спросила Донна.

— Пойдем лучше в город,— вертясь перед зеркалом, ответила Сэнди. В голосе ее чувствовалось нетерпение.— Я надеюсь, там где-нибудь делают пончики. Просто умираю, как хочется пончиков!

— А мне — кофе.

Они вышли на улицу. Сэнди, щурясь от яркого солнца, открыла свою полотняную сумочку и достала дымчатые очки. Их круглые стекла казались огромными на ее детском лице. Донна, которая сама редко носила очки, подумала, что они сейчас придадут ее дочери сходство с клопом. Миловидным, но все же клопом. Однако она не стала говорить Сэнди об этом сходстве.

— Что сказала тебе тетя Карен? — поинтересовалась девочка.

— Передавала тебе привет.

— Вы же с ней собирались сегодня на теннис...

— Да.

— Держу пари, ты ее здорово огорошила!

— Нет, она все правильно поняла.

Выбравшись на шоссе, Донна показала рукой налево.

— Город там,— сказала она, и обе зашагали в сторону Малкаса-пойнт. Молчание затягивалось, и Донна решила нарушить его первой:

— Но по тому, как разговаривала тетя Карен, я догадалась, что она никогда в жизни не слышала об этом месте. Хотя здесь неплохо, правда?

Сэнди кивнула, и ее очки соскочили с носа. Указательным пальцем она водворила их на место.

— Конечно,— проговорила она.— Здесь все хорошо, но...

— Что?

— Да ничего...

— Нет, скажи мне. Ну, говори!

— Зачем ты рассказала все тете Карен?

— Что я ей рассказала? — не поняла Донна.

— Куда мы поехали.

— Но она же должна знать, где мы, как у нас дела...

— Угу.— Сэнди кивнула и снова поправила очки.

— А что?

— Ты думаешь, надо было сообщать ей об этом?
Я имею в виду, что теперь она в курсе, как нас найти.

— Но она ведь никому не скажет!..

— А если он заставит ее?

Они сошли с асфальта и переждали на обочине, пока мимо с грохотом пронесся фермерский грузовик.

— Как это он ее заставит? — с наигранным недоумением спросила Донна.

— Ну, просто заставит, и все. Как раньше тебя заставлял говорить...

Донна шла молча. Ее уже больше не радовал прохладный, пахнущий хвоей воздух. Она представила себе сестру, лежащую на кровати, совершенно голую и крепко связанную, а рядом Роя, нагревающего в пламени зажигалки жало отвертки.

— Но ты же никогда не видела, что он делал со мной, разве не так? Он ведь всегда запирал дверь.

— Да, этого я никогда не видела. Я не знаю, что он делал с тобой в спальне. Зато я видела, как он тебя бил. А кстати, что он делал с тобой в спальне?

— Он... причинял мне боль.

— Это, наверное, было ужасно.

— Да.

— И как он причинял тебе боль?

— По-разному.

— Я уверена, что он так же поступит и с тетей Карен.

— Не говори глупостей! Он не осмелится.— Донна нахмурилась.— У нее ведь есть муж...

— А когда мы сможем уехать отсюда? — нервно спросила девочка.

— Как только починят нашу машину.

— Это скоро?

— Не знаю. Недавно Аксель отправился туда вместе с механиком с бензоколонки. Если машине не нужен большой ремонт, мы сможем уехать сразу же, как только ее доставят сюда.

— Хорошо бы,— вздохнула Сэнди.— Мне кажется, нам надо побыстрее уносить отсюда ноги.

Они решили позавтракать в ресторане «У Сары», расположенном как раз напротив автозаправочной станции. Посмотрев на выставленные в витрине пончики, Сэнди передумала есть их. Вместо пончиков она заказала себе яичницу с ветчиной.

— Какое мерзкое заведение! — надменно фыркнула она, критически оглядывая обшарпанный зал.

— Да уж! Мы сюда больше не придем, — в тон дочери ответила Донна.

Сэнди хихикнула, сунула руку под стол и брезгливо поморщилась.

— Под столом жвачка прилеплена.

— Под стол всегда приклеивают жвачку. Надо иметь соображение и не совать туда руки.

Сэнди понюхала пальцы.

— Фу, гадость!

— Пойди вымой руки.

— Держу пари, что туалет здесь — просто дырка и выгребная яма, — сказала она и встала из-за стола с таким видом, будто делала это специально для того, чтобы подтвердить свое предположение.

Донна с улыбкой смотрела, как Сэнди нерешительно идет в дальний конец ресторана. Подошла официантка и налила кофе в тяжелую глиняную чашку с оббитыми краями.

— Спасибо.

— Пожалуйста, милочка.

Донна рассеянно наблюдала, как официантка направляется к другому столику. Потом ее внимание привлекла открывшаяся входная дверь.

В ресторан зашли двое мужчин. Один был худой и с седыми волосами, хотя показался ей чересчур уж молодым для такой седины. Одет он был в дорогой синий прогулочный костюм, но, несмотря на это, лицо его выглядело изможденным, как у бездомного или какого-нибудь беглеца. Второй мужчина, ростом повыше, вполне мог бы быть его телохранителем. Его лицо с глубоко посаженными голубыми глазами казалось выточенным из хорошо отполированного дерева. Держался он очень уверенно, как полицейский. Или солдат. Или как егерь из Колорадо, который сопровождал их вместе с отцом и Карен на охоте много лет тому назад.

Пришедшие уселись за стойкой.

У второго, высокого и крепкого мужчины, были каштановые волосы, аккуратно подстриженные ровной скобкой над воротничком рубашки. Его широкую спину плотно обтягивала выцветшая полотняная куртка, а джинсы поддерживал толстый черный ремень. Сами же джинсы были настолько старыми, что одна из петель для ремня уже оторвалась и болталась над правым задним карманом, а спортивные ботинки на резиновом ходу казались еще старше, чем джинсы.

Словно почувствовав ее пристальное внимание, мужчина обернулся и посмотрел на Донну через плечо. Она пересилила себя и не отвела глаз. На мгновение их взгляды встретились, потом она окинула равнодушным взглядом всю стойку, чуть задержавшись на втором посетителе. После этого подняла свою чашку. Пар от кофе уже не шел; на поверхности была лишь тонкая маслянистая пленка, переливающаяся всеми цветами радуги. Но Донна все равно выпила его. Поставив чашку на место, она еще раз посмотрела на высокого мужчину за стойкой.

Но он больше не оборачивался. И ее чувство облегчения тут же омрачилось легким разочарованием.

Донна заказала еще кофе и стала уже в открытую наблюдать за ним. Тот слегка наклонил голову, слушая своего нервного седовласого спутника. За плечом этого странного типа она не видела его рта, а могла разглядеть лишь небольшой бугорок на переносице — очевидно, след от старого перелома. От конца брови по щеке шел кривой белый шрам. Наконец Донна опустила глаза к своей чашке, боясь вновь привлечь внимание незнакомца.

Но услышав знакомые быстрые шаги, она заметила, как мужчина резко повернул голову, пристально посмотрел на Сэнди, затем на Донну, а потом снова повернулся к своему приятелю.

— Ну, теперь руки чистые? — спросила она, вероятно, излишне громко.

— Ты представляешь, там нет ничего, чем можно было бы вытереть или высушить руки! — возмутилась Сэнди и села за стол.

— Обо что же ты их вытерла?

— О свои штаны. Ну и где наша еда?

— Может быть, нам повезет, и ее забудут принести.

— А я голодная!..

— Ну что ж, тогда давай подождем.

Вскоре подошла официантка и поставила перед ними тарелки с яичницей, сосисками и тушеными овощами. Как ни странно, еда выглядела вполне прилично, и когда Донна начала резать сосиску, в ее желудке раздалось громкое урчанье.

— Мама! — приснула Сэнди.

— Кажется, надвигается гроза, — с загадочной улыбкой сказала Донна.

— Не ври! Это у тебя в брюхе.

— Дорогая, неприлично так говорить.

Девочка улыбнулась. Потом с брезгливой гримаской вытащила из своей тарелки веточку петрушки и выбросила ее.

Донна опять бросила взгляд на того мужчину. Он допивал кофе. Пока они с Сэнди ели и разговаривали, Донна еще несколько раз посматривала на него и заметила, что он ничего не ест. Очевидно, они зашли сюда только для того, чтобы выпить по чашечке кофе. Вскоре оба мужчины поднялись из-за стойки.

Когда они направлялись к кассе, высокий полез в карман джинсов за кошельком. Его приятель пытался протестовать, но у него ничего не вышло. Уплатив по счету, «телохранитель» достал из кармана рубашки тонкую сигару, развернул ее, скатал целлофановую обертку в шарик и поискал глазами, куда бы его выбросить. Не найдя нигде урны для мусора, он сунул ненужную обертку в карман и зажал сигару в зубах. Внезапно он в упор посмотрел на Донну, задержав на ней долгий пристальный взгляд. Донна икнула и перестала жевать, впад в полное замешательство, как олениха на шоссе при свете ярких автомобильных фар. Мужчина неотрывно смотрел на нее, автоматически чиркая спичкой и раскуривая сигару. Потом погасил спичку, отвернулся и толкнул дверь на выход.

Донна с дрожью перевела дыхание.

— Эй, ты в порядке? — встревоженно спросила Сэнди.

— Да, все нормально.

— Что случилось-то?

— Да ничего, все хорошо.

— А чего ты такая бледная? У тебя, наверное...

— Ты наелась? — прервала ее Донна.

— Кажется, да. — Сэнди кивнула.

— Можем идти?

— Я готова. А ты разве не будешь доедать?

— Нет, что-то не хочется. Пойдем.

Донна взяла счет и стала внимательно изучать его, понимая, что если сразу полезет в кошелек за мелочью, то трясущиеся руки тут же выдадут ее состояние. Наконец она достала три двадцатипятицентовые монеты, положила их под край тарелки и быстро встала из-за стола.

— Что случилось, ма? — не отставала Сэнди.

— Тут душно. Я хочу выйти на свежий воздух.

— Ладно, — сказала девочка с сомнением в голосе и последовала за матерью к кассе.

На улице Донна огляделась по сторонам. В квартале от них пожилая женщина прогуливалась с пуделем. Двоих мужчин из кафе не было видно. Донна еще раз осмотрела окрестности.

— Ты что-то ищешь? — спросила Сэнди.

— Стараюсь решить, куда нам лучше пойти.

— Но там мы уже были. — Девочка кивнула в левую сторону.

— Хорошо. — Они развернулись и пошли направо.

— Как ты думаешь, мы до обеда успеем уехать? — спросила Сэнди.

— Я не знаю, сколько будут возиться с машиной. Отсюда до того места, где мы застряли, не меньше часа езды. А девочка в мотеле не сказала, когда Аксель отправился за нашей колымагой.

— Тогда, если мы еще не едем, может быть, сходим в «Дом чудовища»?

— Не знаю, милая.

— Но у нас ведь уже есть билеты. Тебе же Аксель дал приглашения. Ничего платить не придется...

— А ты уверена, что действительно хочешь посетить это место?

— А что тут такого?

Донна пожала плечами.

— Говорят, в этом доме живет ужасное чудовище, которое убивает людей и разрывает их на куски. А еще там несколько недель назад были убиты сразу три человека.

— Ух, ты! Прямо в этом доме?

— Да. Причем один из них был, кажется, полицейский.

— Так давай туда сходим!

— Я не уверена, что меня там не вырвет.

— Ну, мама! Мы ведь уже почти пришли. Ну, пожалуйста!

Донна все еще колебалась.

— Ладно, давай сначала узнаем, когда там начинаются эти экскурсии.

3

Стоя у северного угла литой чугунной решетки, Донна смотрела на мрачный, потемневший от времени дом и чувствовала сильное нежелание даже близко подходить к нему.

— Знаешь, Сэнди, мне что-то совсем неохота идти туда.

— Но ты же сказала, что мы можем узнать, когда начинаются экскурсии.

— Я не знаю, смогу ли я вообще войти в этот дом.

— Почему?

Донна пожала плечами, не желая передавать на словах свое мрачное настроение.

— Просто не знаю,— сказала она.

Донна перевела взгляд от стрельчатого окна мансарды на веранду первого этажа, над которой располагался балкон с балюстрадой, затем скользнула глазами по островерхой крыше и уставилась на башню в ее южном конце. Окна башни отражали пугающую пустоту. Ее шпиль представлял собой острый конус и напоминал колпак ведьмы.

— Ты боишься, что этот дом выведет тебя из себя? — Сэнди заглянула в глаза матери.

— Нет, я думаю, ты своими вопросами доконаешь меня гораздо раньше.

Сэнди засмеялась и поправила спадающие очки.

— Хорошо, мы посмотрим расписание экскурсий, но я пока ничего не обещаю,— вздохнула Донна.

Она направилась к билетной кассе.

— Я могу и одна сходить, если ты так боишься.— Сэнди явно дразнилась.

— Нет уж, мадам, одна вы туда не пойдете.— Донна показала дочке язык.

— Но все равно же бесплатно!

— Не в этом дело.

— А в чем?

«Ты можешь никогда не выйти оттуда!» — хотела уже страшным голосом сказать Донна, но передумала. Настроение у нее снова упало. Она сделала глубокий вдох, и горный воздух, пахнувший травами и сосновым лесом, успокоил ее.

— Так в чем же дело? — не отставала Сэнди.

Донна состроила дочери мрачную рожу и монотонно пробормотала:

— У меня предчувствие, что это чудовище тебя съест.

— Ты просто ужасна! — расхохоталась Сэнди.

— А этот монстр еще хуже!

— Ну, мама! — Звонко смеясь, Сэнди замахнулась на Донну своей полотняной сумочкой.

Донна закрылась от удара рукой, посмотрела на кассу и увидела возле нее того самого мужчину из кафе. Он с улыбкой смотрел на них. Улыбнувшись в ответ, Донна отвела еще один удар сумочки.

И тут в руках у мужчины она увидела голубой квадратик — билет.

— Ладно, милая, хватит. Пойдем на эту экскурсию.

— Правда? — обрадовалась Сэнди.

— Да. Мы мужественно встретим эту жуткую тварь, стоя плечом к плечу, — патетическим голосом изрекла Донна.

— А я прибью ее своей сумкой, — со смехом поддержала ее Сэнди.

Подойдя к очереди, собравшейся у калитки в заборе, Донна увидела, что мужчина из кафе уже повернулся к своему нервному спутнику и о чем-то с ним разговаривает.

— Гляди! — Сэнди указала пальцем на деревянный часовой циферблат, установленный на крыше билетной кассы. Над циферблатом была дощечка с надписью: «Начало следующей экскурсии». Стрелки стояли на десяти.

— А сейчас сколько? — спросила Сэнди.

— Почти десять, — ответила Донна.

— Значит, сейчас и пойдем?

— Хорошо. Давай займем очередь.

Они пристроились в конце очереди за толстым мальчиком лет тринадцати, который стоял с важным видом, сложив руки на животе. Не переставая ног, он обернулся и смерил Донну и Сэнди высокомерным критическим взглядом. Потом презрительно хмыкнул, будто был оскорблен их присутствием, и отвернулся, высоко подняв голову.

— Что это с ним? — прошептала Сэнди.

— Тссс! Наверное, это родственник Е Шао Ли.

Сэнди зажала рот ладонью, давясь безудержным смехом.

Впереди себя Донна насчитала в очереди еще сорок четыре человека. И хотя восемь из них были явно школьного возраста, только двое подпадали под категорию «детей»

до 12 лет», для которых полагалась пятидесятипроцентная скидка. Если ни у кого больше нет бесплатных приглашенных билетов, подсчитала она, то эта экскурсия принесет музею чистый доход в пятьдесят два доллара. Следовательно, что для такого заведения это весьма недурно.

Мужчина из кафе стоял в очереди третьим.

К билетной будке подошла молодая чета с двумя белокурыми девочками.

— Вот уже шестьдесят четыре,— вслух заметила Донна.

— Чего? — тут же спросила Сэнди.

— Доллара!

— А который час?

— Осталось две минуты.

— До чего не люблю ждать!..

— А ты посмотри на людей.

— Зачем? — удивилась Сэнди.

— Они интересные.

Сэнди пристально посмотрела на мать. Хотя солнечные очки закрывали добрую половину ее лица, скептическое выражение на нем было хорошо заметно. Но она все же вышла из очереди, чтобы, следуя совету Донны, рассмотреть людей более внимательно.

— Дьяволы! — раздался вдруг сзади чей-то пронзительный крик. — Вурдалаки!

Донна обернулась. На середине улицы стояла, согнувшись, худая светловолосая женщина и указывала пальцем то на нее, то на Сэнди, то на других экскурсантов, собравшихся у калитки. На вид женщине было не больше тридцати лет. Коротко стриженные, как у мальчика, волосы клоками торчали в разные стороны. Измятое желтое платье без рукавов было сплошь заляпано грязью и развевалось на ветру, обнажая тонкие бледные ноги с грязными подтеками от самых бедер. Стояла женщина босиком.

— Вы, вы и вы! — пронзительно кричала она. — Вы все дьяволы! Осквернители могил! Вампиры, пожиратели мертвецов!

Дверь билетной будки с треском распахнулась настежь. Оттуда выскочил мужчина-кассир с побагровевшим лицом.

— Убирайся отсюда, черт тебя подери!

— Похабники! — не унималась женщина. — Все вы платите деньги, чтобы жрать эту грязь! Стервятники! Людоеды!

Кассир вытащил из брюк толстый кожаный ремень и сложил его вдвое.

— Последний раз предупреждаю! — с угрозой в голосе проговорил он.

— Здесь насилуют трупы! — продолжала истошно вопить женщина.

— Заткнись! — рявкнул кассир.

Женщина испуганно отскочила назад, а кассир бросился к ней, держа наготове ремень. Тут она, споткнувшись, упала и во весь рост растянулась на асфальте.

— Давай, начинай, похабник! Дьяволы любят это! Смотри, как они глазают! Дай же им крови! Они за этим сюда и пришли!

Поднявшись на колени, женщина разорвала на себе спереди платье. Обе груди тут же вывалились наружу, и Донна невольно отметила, что они слишком велики для ее роста. Грудь свисала на живот, как два полных мешка.

— Устрой-ка им представление! Пусть подавятся моей кровью! Они так любят это!

Кассир занес ремень над ее головой и уже готов был привести его в действие.

— Стой! — Окрик прозвучал грозно и резко.

Кассир оглянулся.

Повернувшись, Донна увидела, как тот самый мужчина из кафе отделился от очереди и решительно направляется вперед.

— Стой, где стоишь, парень! — строго крикнул он на ходу.

Кассир попробовал улыбнуться.

— Спасибо, я улажу все без вашей помощи.

Но мужчина ничего не сказал кассиру с ремнем, а прошел мимо него прямо к женщине и помог ей встать на ноги. Потом поднял с земли ее платье, накинул его ей на плечи и стянул спереди двойным узлом. Дрожащими руками женщина пыталась соединить разорванные половинки платья и прикрыть ими грудь.

Мужчина стал тихо говорить с ней о чем-то. Внезапно женщина прижалась к нему, страстно поцеловала в губы и сразу же отскочила.

— Бегите! Спасайтесь! — закричала она. — Спасайте свои души! — И бросилась по улице прочь от дома.

Некоторые в толпе засмеялись. Кто-то пробормотал, что эта сумасшедшая наверняка является первой частью начавшегося представления. Другие не согласились с ним.

Мужчина из кафе вернулся в очередь и встал рядом со своим приятелем.

— Все в порядке, друзья! — с бодрой улыбкой объявил кассир. Он возвращался к будке, на ходу вдевая в брюки ремень. — Мы извиняемся за непредвиденную задержку, хотя я уверен, что каждый из вас готов понять беду этой несчастной женщины. Три недели назад чудовище разорвало ее мужа и единственного сына. После этого бедная женщина сошла с ума и теперь бродит вокруг дома вот уже несколько дней — с тех пор, как мы возобновили экскурсии. Но есть здесь и другая женщина, которая прошла через очищающий огонь трагедии и вышла из него сильнее, чем была. Эта женщина — владелица «Дома чудовища» и ваш гид во время сегодняшней экскурсии.

Широким жестом он указал на аккуратно подстриженную лужайку перед домом, по которой ковыляла к будке сутулая плотная старушка с увесистой тростью.

— Ну что, ты все еще хочешь пойти туда? — с тайной надеждой на отказ спросила Донна.

Сэнди пожала плечами. Лицо ее было бледным. Очевидно, ее потрясла истерика этой женщины.

— Да, — все же сказала она. — Хочу.

Глава шестая

1

Экскурсанты прошли через турникет и собрались на лужайке перед старухой. Она терпеливо ждала, пока подтянутся опоздавшие, опираясь на трость из черного дерева, прижатую к правому бедру. Цветастое платье слегка колыбалось вокруг ее ног. Несмотря на то, что день был удивительно теплый, она зачем-то обмотала шею зеленым шелковым шарфом. Какое-то время женщина теребила шарф пальцами, а потом сказала:

— Добро пожаловать в «Дом чудовища». — Это было произнесено низким торжественным голосом. — Меня зовут Мэгги Кутч, и этот дом принадлежит мне. Я открыла его для посетителей в тридцать первом году, вскоре после трагедии, унесшей жизни моего мужа и троих детей. Вы можете спросить себя, с чего это вдруг женщина захотела водить посторонних людей по дому, где разыгралось ее личное горе. Ответ простой: ДЕНЬ-ГИ.

В толпе раздался тихий смешок. Старуха мило улыбнулась, повернулась и заковыляла к дому по гравиевой дорожке. У начала ведущей на веранду лестницы она остановилась, обхватила рукой в садах колонну, подпирающую балкон, и показала вверх тростью.

— Именно тут они повесили бедного Гэса Гаучера. Ему тогда только исполнилось восемнадцать, и он был здесь проездом, направляясь в Сан-Франциско к своему брату, который работал там в банях Сутро. Гэс зашел сюда во второй половине дня второго августа 1903 года и взялся колоть дрова для миссис Лили Торн, которая была первой хозяйкой этого дома. В качестве платы за работу Лили накормила его, и он собирался вскоре отправиться дальше. Но в эту ночь чудовище нанесло свой первый удар. Никто, кроме самой Лили, не остался в живых. Она же выскочила на улицу и кричала так, будто встретила лицом к лицу с самим дьяволом.

В ту же ночь шериф собрал отряд добровольцев. Они обыскали весь дом от подвала до чердака, но не увидели ни единой живой души. Только разорванные и изувеченные тела сестры Лили и двух ее мальчиков. Тогда стали прочесывать лесистые склоны близлежащих холмов, и вскоре на одной из полян был обнаружен Гэс Гаучер, который спал крепким сном.

Некоторые горожане припомнили, что видели его накануне вечером возле дома Торнов. И, недолго думая, власти решили, что он и есть преступник. Его судили. Но на этом суде не было свидетелей, поскольку в живых осталась одна только Лили, а она все время находилась в бреду. Гэса признали виновным, причем сделали это довольно быстро. Вечером разъяренная толпа вытащила его из старой тюрьмы. Они приволокли бедного парня на это самое место, перекинули веревку через перила балкона и вздернули его.

Но, конечно, Гэс Гаучер никого не убивал. Как выяснилось впоследствии, убийства в доме совершило чудовище. А теперь давайте войдем внутрь.

Все поднялись по шести деревянным ступенькам на широкое крыльцо дома.

— Вы видите здесь новую дверь. В прежнюю недавно стреляли, чтобы открыть ее. Вы, наверное, и сами знаете об этом из новостей. Один из местных полицейских несколько раз выстрелил в дверь из пистолета, чтобы сломать замок и проникнуть внутрь. Но лучше бы он остался снаружи...

— Скажите,— произнес критически настроенный толстый мальчик,— а как попали в дом Зиглеры?

— Они пробрались сюда, точно воры, выбив для этого заднее окно.

— Спасибо.— Он улыбнулся всей группе, очевидно, очень довольный своим вполне уместным вопросом.

— Таким образом,— продолжала Мэгги Кутч,— наша полиция испортила ценный антикварный запор. Но нам удалось сохранить старые петли и дверное кольцо.— Она постучала тростью по бронзовому кольцу.— Как видите, оно отлито в форме обезьяньей лапы — у Лили Торн была страсть к обезьянам.

Мэгги открыла дверь. Группа проследовала за ней внутрь дома.

— Я попрошу кого-нибудь закрыть дверь, а то сюда залетят мухи.— Она подняла трость.— А вот вам еще одна обезьяна.

Донна услышала, как ее дочь тихо вскрикнула, но ничуть не рассердилась на девочку. У стены стояло чучело отвратительной гориллы, кольцом выставившей перед собой передние лапы. Зверь оскалился и, казалось, готов был укунить любого входящего.

— Это подставка для зонтов,— пояснила Мэгги. Она бросила трость в кольцо, образованное обезьяньими лапами, и тут же вытащила ее обратно.— А теперь я покажу вам то место, где произошло самое первое нападение. Пройдемте в гостиную.

Сэнди взяла Донну за руку и с тревогой посмотрела на мать, входя в просторную комнату слева от вестибюля.

— Когда я въехала в этот дом в тридцать первом году,— продолжала рассказывать Мэгги,— он был точно таким же, каким его оставила Лили Торн в ту роковую ночь за двадцать восемь лет до моего приезда, когда чудовище совершило нападение на ее семью. С того времени в доме никто не жил. Ни один человек не отваживался поселиться здесь.

— А как же вы отважились? — скептически спросил все тот же круглощекий надменный мальчик.

— Мы с мужем были простыми и бесхитростными людьми,— ответила Мэгги.— И в то время искренне верили, что именно Гэс Гаучер совершил это грязное преступление. Ведь никому тогда даже в голову не приходило, что в доме может существовать какое-либо чудовище.

Донна посмотрела на мужчину из кафе. Он стоял впереди нее со своим тощим седым приятелем. Донна подняла руку.

— Миссис Кутч!

— Да?

— Скажите, а это совершенно точно известно, что Гэс Гаучер был ни в чем не виновен?

— К сожалению, я не застала его в живых и не успела лично спросить у него об этом.— Кое-кто из посетителей засмеялся. Стоявший перед Донной мужчина обернулся и с интересом посмотрел на нее. Донна отвела взгляд.— Может быть, он был хулиган, мелкий жулик,— продолжала Мэгги,— и вообще никудышный человек. И наверняка не отличался большим умом... Но каждый в Малкаса-пойнт, кто хоть раз видел его, мог с уверенностью сказать, что он не нападал на Торнов.

— А почему все так уверены в этом?

— У него не было когтей, милая.

Некоторые захихикали. Круглощекий мальчик с удивлением покосился на Донну, хмыкнул и отвернулся. Но мужчина из кафе продолжал неотрывно смотреть на нее, и, наконец, их глаза снова встретились. Его взгляд держал Донну в напряжении, одновременно вызывая где-то внизу живота странную слабость.

Потрясенная всем этим, Донна постаралась привести свои чувства в порядок и, через силу отвернувшись от него, вновь обратила внимание на происходящее вокруг.

— ...через окно кухни,— продолжала говорить Мэгги Кутч.— Пожалуйста, пройдите за эту ширму.

Когда группа приблизилась к трехсекционной ширме из папье-маше, которая отделяла часть комнаты, кто-то сдавленно вскрикнул. Некоторые экскурсанты тяжело задышали, у других вырвались стоны отвращения. По толпе прокатился невнятный ропот. Донна тоже прошла вслед за дочерью в отгороженную часть помещения, увидела лежащую на полу окровавленную руку и тут же столкнулась с Сэнди, испуганно отскочившей назад.

Мэгги ухмыльнулась, довольная произведенным эффектом.

Донна отвела Сэнди к другому концу ширмы. На полу лежало некое подобие женщины с нелепо задранной на высокую пыльную кушетку ногой. Блестящие немигающие глаза были устремлены в потолок, на окровавленном лице встала гримаса ужаса и агонии. Куски ночной сорочки в

кровавых пятнах едва прикрывали ее тело на животе и груди.

— Чудовище разорвало эту ширму, — сказала Мэгги, — и через кушетку прыгнуло на Этель Хьюз, сестру Лили, застав ее врасплох, когда та читала журнал «Сэтердей ивнинг пост». Вот тот самый журнал. — Мэгги указала тростью на измятую выцветшую брошюру. — Все здесь осталось в точности так, как было в ту ужасную ночь. — Она приятно улыбнулась гостям. — Кроме, конечно, тела. Его восковая копия была изготовлена по моей просьбе мсье Клодом Дюбуа в 1936 году. Все раны на теле полностью соответствуют реальным повреждениям трупа, даже след от укуса на шее. Для воссоздания таких мельчайших подробностей мы использовали полицейские фотографии, запечатлевшие убийство в морге. А вот эта ночная рубашка — именно та самая, которая была на Этель в роковую ночь ее гибели. Темные пятна, которые вы здесь видите, — натуральные следы ее крови.

— Скажите, а подверглась ли она при нападении изнасилованию? — натянутым голосом спросил седоволосый мужчина.

Доброжелательные глаза Мэгги стали жесткими, когда она повернулась к нему.

— Нет, — ледяным тоном отрезала она.

— А я слышал совсем другое.

— Я не могу отвечать за все, что вы слышали, сэр. Я знаю только то, что я знаю. А это гораздо больше, чем кто-либо другой, живой или мертвый. Но мне доподлинно известно, что чудовище этого дома никогда не совершало сексуального насилия над своими жертвами.

— Тогда я прошу прощения, — с холодной иронией произнес мужчина.

— Когда чудовище покончило с Этель, — продолжала рассказчица, — оно учинило погром в гостиной — скинуло гипсовый бюст Цезаря с каминной доски и отломило ему нос. — Нос лежал на полу рядом с бюстом. — Потом бросило с полдюжины статуэток в камин и сломало все стулья. Этот чудесный столик из розового дерева был выброшен на улицу через окно. Разумеется, звон и грохот разбудили остальных обитателей дома. Комната, в которой ночевала тогда Лили, находится сейчас прямо над нами. — Мэгги указала тростью в высокий потолок. — Очевидно, чудовище услышало шум наверху и кинулось к лестнице.

Мэгги молчаливо повела группу из гостиной к широкой лестнице, ведущей в коридор второго этажа. Там она повернула налево и вошла в дверь одной из спален.

— Сейчас мы находимся как раз над гостиной. В этой комнате Лили Торн спала в ту страшную ночь.

На кровати сидела восковая фигура женщины, одетой в розовую с кружевами ночную рубашку. Ее полный ужаса взгляд был обращен на украшенную бронзовым литьем спинку кровати.

— Когда шум внизу разбудил Лили,— продолжала Мэгги,— она передвинула туалетный столик отсюда,— трость коснулась тяжелого трюмо из красного дерева,— вот сюда и забаррикадировала им дверь. Затем вылезла из спальни через окно на крышу выступающего фонаря гостиной, а оттуда уже спрыгнула на землю.

Для меня всегда оставалось загадкой, почему она даже не попыталась спасти от гибели своих детей,— сказала в заключение Мэгги.

Вся группа вслед за ней молча вышла из спальни.

— Когда чудовище обнаружило, что не может проникнуть в спальню, оно направилось по коридору в другую сторону,— продолжала Мэгги.

Посетители миновали верхнюю площадку лестницы. Впереди центральную часть коридора преграждали четыре резных стула, между спинками которых была натянута веревка, отделяющая длинный прямоугольник. Экскурсенты прошли по одному между стеной и веревкой в дальний конец коридора.

— Здесь будет установлена новая экспозиция, посвященная недавнему убийству Зиглеров и полицейского. Восковые фигуры уже заказаны, но до весны мы их вряд ли получим,— объяснила Мэгги.

— Какая жалость! — саркастическим тоном произнес мужчина с двумя детьми, обращаясь к своей жене.

Мэгги подошла к одной из дверей по правую сторону.

— Здесь чудовище увидело, что эта дверь приоткрыта,— сказала она, широко распахнув ее.

Окна комнаты выходили на заросший кустарником склон холма. В комнате стояли две бронзовые кровати — такие же, как и в спальне Лили,— но постельное белье на них было смято и забрызгано кровью. В углу рядом с умывальником стояла детская лошадка-качалка с выгоревшими за долгие годы цветными узорами.

— Эрлу было десять лет,— сообщила Мэгги.— Его брату Сэму — восемь.

Восковые фигуры двух изуродованных мальчиков лежали лицом вниз на полу между кроватями. На их обезображенных телах были лишь клочья пижамных штанишек, слегка прикрывающие расцарапанные ягодицы.

— Пошли отсюда! — решительно сказал жене мужчина с двумя детьми. — Это самое гнусное и омерзительное зрелище, которое я когда-либо видел.

Его жена посмотрела на Мэгги с виноватой улыбкой.

— И еще платить за это двенадцать долларов! — Мужчина сплюнул. — Какое скотство!

Вслед за ним жена и дети тихо вышли из комнаты.

Стоявшая в середине группы стройная женщина в белой блузке и шортах взяла за локоть своего сына, подростка лет четырнадцати.

— Мы тоже уходим, — заявила она.

— Ну, мама!

— Никаких разговоров! Мы уже достаточно нагляделись этой гадости.

— Ну, пожалуйста!

Женщина молча вывела сына в коридор.

Когда обе семьи ушли, Мэгги слегка усмехнулась.

— Они ушли, так и не увидев самого главного, — сказала она.

Среди оставшихся раздался тихий нервный смешок.

2

Рассказ продолжался:

— Мы прожили в этом доме шестнадцать дней, прежде чем чудовище нанесло свой второй удар, на этот раз — уже по моей семье.

Мэгги вновь провела группу по коридору мимо участка, отгороженного веревкой и стульями, и устремилась в противоположный конец этажа.

— Моему мужу Джозефу не нравились комнаты, в которых произошли убийства, и поэтому мы редко заходили туда, а сами поселились в другой половине дома. Но две мои дочери — Синтия и Диана — не были столь щепетильными и выбрали себе спальню мальчиков, из которой мы только что вышли.

Мэгги пригласила всех в комнату, расположенную с правой стороны коридора, напротив спальни Лили. Донна поискала глазами очередные восковые фигуры, но ничего подобного не увидела, хотя угол комнаты и окно были отгорожены высокой ширмой из папье-маше.

— Мы с Джозефом спали здесь. Беда пришла к нам в ночь на седьмое мая 1931 года, более сорока лет тому назад... Но эти события до сих пор стоят у меня перед глазами, будто случилось все только вчера... Накануне вечером шел сильный дождь, который начал стихать лишь после захода солнца. Окна в комнате были открыты, и шум дождя заглушал все остальные звуки. Девочки крепко спали в том конце коридора, а маленький Тедди спокойно посапывал в своей детской.

Я тоже заснула с чувством спокойствия и уверенности, что нам ничего не грозит. Но около полуночи меня разбудил страшный грохот и звон бьющегося стекла, доносящийся откуда-то снизу. Джозеф, который тоже услышал его и проснулся, тихо встал и бесшумно подошел к комоду. Он всегда держал в нем свой пистолет.

Открыв верхний ящик, Мэгги достала из него старый кольт сорок пятого калибра.

— Вот этот пистолет,— показала она.— Он всегда производил ужасно громкий звук, когда Джозеф перезаряжал его.— Зажав трость под мышкой, Мэгги правой рукой с громким лязгом передернула черную крышку затвора. Потом осторожно спустила курок и положила пистолет назад в ящик комода.

— Джозеф взял с собой пистолет и вышел из комнаты. Когда я услышала, что он спускается вниз по лестнице, я тоже встала с кровати. Осторожно, стараясь не шуметь, я выбралась из комнаты в коридор. Мне надо было проверить своих детей, я страшно волновалась за них...

Группа вышла вслед за ней в коридор.

— Я была как раз здесь, на верхней площадке лестницы, когда услышала внизу выстрелы. Потом раздался громкий крик Джозефа — я никогда раньше не слышала, чтобы он так кричал. Вслед за этим послышался шум борьбы, а потом чьи-то шаги. Я стояла здесь, скованная страхом, и прислушивалась к приближающимся шагам. Мне хотелось скорее броситься к детям и увести их в какое-нибудь безопасное место, но от страха я буквально окаменела и была не в силах пошевелиться.

И вдруг из темноты снизу возникло это чудовище, этот зверь. Я не разглядела его как следует, но заметила, что идет оно прямо, как человек. Затем существо издало звук, похожий на смех, прыгнуло вперед и повалило меня на пол. Придавив сверху лапами, оно стало рвать на мне одежду своими острыми, как бритвы, когтями. Я сопротивлялась,

как могла, но чудовище было сильнее меня. Я уже готова была отдать Богу душу, когда из детской в конце коридора вдруг послышался плач моего маленького Теодора. И тогда чудовище слезло с меня и огромными шагами кинулось к детской.

Хотя я была уже сильно ранена, я вскочила и бросилась вслед за ним, чтобы спасти своего ребенка.

Группа проследовала за Мэгги в самый конец коридора. Перед закрытой дверью старуха остановилась.

— Тогда эта дверь была открыта, — трагическим голосом сказала она и постучала по ней тростью. — И при свете, падавшем из окна, я увидела, как эта жуткая белесая тварь вытащила ребенка из кровати, бросила его на пол и навалилась сверху всем телом. Я поняла, что ничем уже не смогу помочь моему бедному мальчику.

Охваченная ужасом и отчаянием, я смотрела на происходящее передо мной, когда чья-то рука потянула меня сзади за рубашку. Я повернулась и увидела, что за спиной у меня стоят Синтия и Диана, обе в слезах. Я взяла их за руки и молча увела прочь отсюда.

После этого группа снова прошла мимо обвязанных веревкой стульев.

— Мы были именно здесь, когда рычащая тварь выскочила из детской. Вот эта дверь оказалась к нам самой близкой. — Мэгги отворила ее, и свет из коридора упал на узкую крутую лестницу, ведущую к другой двери наверху. — Мы втиснулись сюда, и я успела закрыть замок буквально за секунду до того, как зверь достиг этого места. Потом мы все трое стали подниматься по этой лестнице на чердак, то и дело спотыкаясь и громко плача от страха. Затем прошли через ту верхнюю дверь, и я заперла ее с другой стороны. Там мы долго сидели в сплошной темноте, дыша спертым чердачным воздухом, и ждали своей участи. И через какое-то время с ужасом услышали, как чудовище поднимается по этой внутренней лестнице. Оно издавало прерывистые шипящие звуки, напоминающие сиплый смех. Подойдя к верхней двери, оно обнюхало ее. А потом дверь внезапно с грохотом распахнулась, и чудовище оказалось прямо перед нами. Все это произошло до того быстро, что мы не успели даже пошевелиться. Монстр тут же убил Синтию и Диану, а потом снова набросился на меня. Он повалил меня на спину и в таком положении удерживал своими когтями. Я лежала на полу и молила Бога, чтобы тварь поскорее прикончила и меня. Однако этого не слу-

чилось. Чудовище неподвижно лежало на мне, и я чувствовала на своем лице его отвратительное дыхание. Не знаю, сколько времени так прошло, но потом оно слезло с меня, пробежало по чердаку и куда-то скрылось. И с той ночи я его больше не видела. Но зато его видели другие...

3

— Почему же чудовище не убило вас? — спросила девочка с круглым прыщавым лицом.

— Я и сама потом часто думала об этом. И хотя я никогда уже не узнаю наверняка, почему осталась тогда в живых, мне кажется, что чудовище помиловало меня просто для того, чтобы я смогла все о нем рассказать. Может быть, оно не хотело, чтобы люди стали искать еще одного Гэса Гаучера и вешать его за преступления, которых он не совершал...

— Судя по всему, — заметил нервный седой мужчина, — вы относитесь к этому упырю с большим уважением!..

— А давайте осмотрим чердак, — предложил ехидный круглощекий мальчик.

— Я никого не вожу туда, — ответила Мэгги. — И всегда держу его на замке.

— Тогда откройте нам детскую, — насупился он.

— Ее я тоже никому не показываю.

— Неужели у вас тут нет больше никаких других восковых фигур? — Он недоверчиво прищурился.

— Своих близких я не стала изображать, — ответила Мэгги. — Это было бы слишком тяжело для меня.

Нахмурив брови, круглощекий мальчик окинул взглядом остальных посетителей, ища среди них недовольных экскурсоводом.

— Ну, хорошо, — продолжал он. — А как насчет тех двух парней? Они ведь не были вашими родственниками?

— Те два парня, о которых говорит нам молодой человек, — Мэгги обратилась ко всем присутствующим, — это Том Бэгли и Ларри Мейвуд. — Она закрыла чердачную лестницу и повела гостей назад к своей спальне. — Тому и Ларри было тогда по двенадцать лет, и я их хорошо знала. Они часто приходили сюда на экскурсии и знали о «Доме чудовища» гораздо больше других своих сверстников. Одному Богу известно, зачем им понадобилось залезать сюда ночью. Они ведь были не такими глупцами, как эти Зиглеры, и прекрасно понимали, чего можно здесь ожидать.

И тем не менее однажды вечером они пробрались в дом. Это было в пятьдесят первом году.

Внутри они находились довольно долго, рыская по всем комнатам, даже пытались открыть двери детской и чердака, но не смогли. Они обследовали как раз эту комнату, когда появилось чудовище. Сперва оно набросилось на маленького Тома Бэгли, а Ларри Мейвуд в это время отбежал к окну.

Мэгги отодвинула в сторону еще одну ширму, которая отгораживала окно и часть комнаты перед ним. Некоторые из посетителей в ужасе ахнули и отпрянули назад. Девочка с прыщавым лицом отвернулась и зажала рот рукой. Какая-то женщина с отвращением пробормотала: «Ну и мерзость!..»

Восковая фигура Ларри стояла у окна. Судя по позе, он судорожно пытался открыть раму, а взгляд его был устремлен на изувеченное тело друга, распростертое перед ним на полу. На него же смотрели сейчас и все собравшиеся в комнате.

Одежда на убитом была разорвана в клочья и надежно прикрывала лишь ягодицы. Вся спина была покрыта глубокими ранами. Оторванная голова лежала лицом вверх на расстоянии полуфута от окровавленной шеи, глаза были широко открыты, а на губах застыла гримаса ужаса.

— Оставив своего друга на милость чудовища, Ларри Мейвуд спасся бегством через...

— Я Ларри Мейвуд! — громко выкрикнул вдруг мужчина с седой головой. — И вы все лжете! Томми был тогда уже мертв! Он был мертв еще до того, как я выпрыгнул из окна. Я сам видел, как чудовище оторвало ему голову. И я не такой трус, чтобы бросать друга, если еще можно его спасти!

Сэнди сильно сжала руку Донны.

Кто-то из детей начал плакать.

— Это гнусная клевета! — продолжал яростно кричать мужчина. — Наглая ложь! — И вдруг, резко повернувшись, он быстро вышел из комнаты. Его друг из кафе тут же последовал за ним.

— Все. С меня хватит. Я уже сыта всем этим по горло, — прошептала Донна. Во рту у нее пересохло.

— Я тоже, — тихо ответила Сэнди.

— На этом, леди и джентльмены, наша утренняя экскурсия заканчивается, — невозмутимо проговорила Мэгги и вышла из комнаты, а вслед за ней и все посетители. — На

первом этаже есть магазин сувениров, где вы сможете купить красочные буклеты с видами нашего музея. Там же можно приобрести и цветные слайды дома, включая сцены убийств. У нас имеются также майки с изображением «Дома чудовища», наклейки на автомобильные бамперы и другие интересные вещицы. Сцена убийства Зиглеров будет готова весной будущего года. Обязательно посмотрите ее.

Глава седьмая

1

— Ты представляешь, эта наглая карга, оказывается, заявляет тут всем туристам, будто я бросил Томми, чтобы спасти свою шкуру! Несчастный мешок с дерьмом, мерзкая вонючка! Да я на нее в суд подам!

— Тебе не надо было называть себя.

— Да, извини, пожалуйста.— Ларри покачал головой и нахмурился.— Но все-таки, Джадж, ты слышал, что она обо мне сказала?

— Слышал.

— Вот чертова тварь!

— Прошу прощения,— раздался сзади женский голос.

— Только этого не хватало! — с досадой пробормотал Ларри и помрачнел еще больше.

Приятель обернулся и увидел спешащую к ним вдоль забора женщину, которая тащила за собой за руку симпатичную белокурую девочку. Джадж сразу узнал их обеих.

— Быстро к машине! — прошептал Ларри.

— Думаю, в этом нет пока острой нужды,— отозвался его приятель.

— Ну, пожалуйста, Джадж! Это наверняка репортер или какой-нибудь гнусный сыщик.

— Это ты зря. Мне она не кажется такой гнусной.

— Ну, ради Бога! — Ларри нетерпеливо топнул ногой.— Я прошу тебя!

— Ладно. Иди, если хочешь, к машине, а я проверю, кто она такая.— Джадж протянул ему ключи. Ларри схватил их и бегом бросился к автомобилю, стремясь скрыться в нем, пока женщина не подошла слишком близко.

— У него вполне понятный страх перед прессой,— с улыбкой объяснил Рэккер.

— Но я не из прессы!..

— Он не знал этого. Простите его.— Джадж дружелюбно развел руками.

Донна тоже улыбнулась.

— Но если вы не журналистка, то зачем же тогда преследуете нас?

— Я боялась, что вы уедете,— простодушно призналась она.

— Вот как?

— Да.— Чуть склонив голову набок, она виновато пожала плечами.— Меня зовут Донна Хейз.— Она протянула ему руку. Джад слегка сжал ее ладонь в своей.— А это моя дочь Сэнди.

— Джаджмент Рэккер,— представился он, не отпуская ее руки.— Чем могу быть полезен?

— Мы видели вас за завтраком...

— А я не видела,— вмешалась Сэнди.

— Ну, хорошо, я видела. Не вредничай!

Джад нахмурился, хотя в душе был очень доволен. Он все еще держал Донну за руку.

— Да-да,— наконец сказал он.— Припоминаю. Вы сидели за столиком позади нас, не так ли?

Донна кивнула.

— Мы тоже были на экскурсии.— Она явно не знала, с чего начать.

— Я заметил. Ну и как, вам понравилось?

— Мне кажется, это было ужасно.

— А мне очень понравилось,— заявила девочка.— Все было просто великолепно!

— Действительно, лучше некуда.— Джад иронично улыбнулся Донне и замолчал, ожидая, что будет дальше.

— Да уж...— неуверенно произнесла она и глубоко вздохнула, опуская глаза. Несмотря на улыбку, на лице ее была какая-то озабоченность.

— А что вы думаете о той сумасшедшей женщине, которая появилась на улице перед экскурсией? — опять влезла Сэнди.

При этих словах дочери выражение озабоченности исчезло с лица Донны, и она совершенно искренне сказала:

— Именно поэтому я и хотела догнать вас, и поэтому... так преследовала.— Она робко улыбнулась.— Я хотела сказать, что вы очень хорошо поступили, защитив эту женщину. Если б не вы, никто бы ей не помог...

— Спасибо.

— Надо было дать этому мерзавцу по роже! — встала Сэнди.

— Именно за этим я к нему и пошел.

— Все-таки жаль, что вы ему хорошенько не врезали.

— Но он же отступил...

— У Сэнди возрастная склонность к насилию,— улыбнулась Донна.

— Понятно,— кивнул Джад. Казалось, этим замечанием он подвел черту под всем предшествующим разговором.

— Ну, ладно,— сказала Донна. И хотя на ее лице продолжала играть мягкая приветливая улыбка, Джад заметил, что она погрузилась. — Я просто хотела, чтобы вы знали... как я восхищаюсь вашим поступком. Остальные мужчины сделали вид, что ничего не произошло...

— Спасибо. Было очень приятно познакомиться с вами обоими.

— Нам тоже.— Сэнди кокетливо улыбнулась.

Донна хотела уже освободить ладонь из руки Джада, но тот еще крепче сжал ее.

— А у вас не найдется немного времени, чтобы выпить по стаканчику «Кровавой Мэри»? — неожиданно спросил он.

— Вы знаете...— Донна растерялась.

— Сэнди! — обратился Джад к девочке. — Как насчет того, чтобы осушить бутылочку лимонада или кока-колы?

— С удовольствием!

— Ну так как? — повернулся он к Донне.

— Конечно. А почему бы и нет?

— Я думаю, в мотеле «Уэлком-инн» найдется все, что нам нужно. Вы пешком?

— Да, мы уже целое утро на своих двоих,— вздохнула Донна.

— В таком случае я с радостью подвезу вас прямо к дверям мотеля.

Все трое дружно направились к «крайслеру» Джада. Но, подойдя к машине, обнаружили, что двери заперты изнутри. За рулем сидел Ларри и ехидно ухмылялся, явно довольный своей выходкой. Джад жестом показал ему, чтобы он опустил боковое стекло. С легким шумом окно открылось.

— Да? — спросил Ларри с невинным видом.

— Все в порядке. Это наши друзья.

— Может быть, это твои друзья?

Джад повернулся к Донне.

— Попробуйте очаровать этого человека.— Он беспомощно развел руками.

Донна склонилась к окну машины.

— Меня зовут Донна Хейз.— Она протянула Ларри руку. Тот ответил ей коротким рукопожатием, изобразив на лице натянутую улыбку.

— Признайтесь, вы репортер? — глухо спросил он.

— Совсем нет, я агент по обслуживанию пассажиров авиакомпании «Трансуорлд эрлайнз».

— Этого не может быть! — убежденно заявил он.

— Да, я там работаю.

— Она там работает, — подтвердила Сэнди.

— А тебя кто просил вмешиваться? — смешно нахмурился Ларри.

Сэнди захихикала.

— Кто это? — Он удивленно поднял брови, словно только что заметил девочку.

— Это Сэнди, моя дочь, — ответила Донна.

— Дочь, да? Значит, вы замужем?

— Теперь уже нет.

— Ага, так вы феминистка? — На лице Ларри появилось такое выражение, будто он поймал с полочным карманника.

Сэнди отвернувшись, ее безудержно разбирал смех.

— А вы что, не любите феминисток?

— Люблю, — ответил он. — С соевым соусом.

Когда Донна засмеялась на его замечание, уголки рта Ларри задрожали от удовольствия.

— Я чувствую... — он запнулся, — все идет к тому, что теперь мне придется отчаливать на заднее сиденье и трястись там вместе с этой юной мисс Хохотуньей.

Он открыл дверь и как бы нехотя выбрался из машины,

Донна пригнулась и залезла на середину широкого переднего дивана.

— По-моему, — сказала она, — мисс Хохотунья управится там и без вас.

— Леди! — воскликнул Ларри. — Я встретил настоящую леди! — И снова сел впереди, справа от Донны.

Она впустила за руль Джада, а Ларри перегнулся через спинку сиденья и открыл для Сэнди заднюю дверь.

— Ну, куда путь держим? — деловито спросил Ларри, хлопая себя по ляжкам.

— В мотель «Уэлком-инн», дорогой, — ответил Джад с видом человека, не желающего волновать душевнобольного. — Там малость выпьем, пообедаем, и тебе сразу полегчает...

— Ура! У нас будет вечеринка! — продолжал дура-

читься Ларри.— Обожаю веселиться в мотелях. В прошлой жизни я, наверное, был рокером.— Он обернулся через плечо и многозначительно подмигнул.— А вы любите такие вечеринки, мисс Хохотунья?

— Я от них просто таю,— ответила Сэнди и снова залилась звонким смехом.

Когда они подъехали к заправочной станции, Сэнди воскликнула:

— А вот и наша машина!

— Она сломана? — повернулся Джад к Донне.

Та ответила:

— Да, у нас была вчера небольшая авария недалеко отсюда.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— По-моему, только радиатор помяли.

— Может быть, остановимся? — предложил Джад.

— Если вам не трудно...

Джад заехал на станцию. Ларри выскочил первым, чтобы выпустить Донну, потом сел обратно и закрыл дверь.

— Я где-то читал, что женщине одной очень трудно угробить машину,— сказал он, строго глядя на Сэнди.— Как же ты довела мать до такой жизни?

Джад не слышал, что ответила девочка. Все его внимание было поглощено Донной. Он смотрел, как в лучах солнца переливаются ее нежно-золотистые волосы, как она идет по стоянке к стеклянной будке конторы, грациозно покачивая бедрами в узких вельветовых джинсах. Из конторы навстречу ей вышел служащий в синей спецовке. Они о чем-то поговорили, потом Донна прошла вместе с ним к машине, где тот открыл капот и покачал головой.

Джад увидел, как упавшие со лба волосы закрыли ее лицо, когда она склонилась над поврежденным мотором. Потом Донна выпрямилась и о чем-то спросила механика.

— Ого! — услышал он ее голос.

Служащий опустил капот и стал объяснять что-то Донне, при этом оживленно жестикулируя. Она молча слушала его, сунув руки в карманы, и, переминаясь с ноги на ногу, время от времени кивала. Потом повернулась и быстро пошла к «крайслеру» Джада. Вид у нее был раздраженный и озабоченный, но, подойдя ближе, она все-таки улыбнулась.

Ларри опять вышел из машины, чтобы пропустить ее на середину сиденья.

— Значит, дело обстоит так,— сказала она.— Машина еще в рабочем состоянии, но придется менять радиатор, а за ним надо ехать в Санта-Розу.

— Это дня на два? — недовольно сморщилась Сэнди.

— Нет, он сказал, что мы уже завтра сможем уехать отсюда.

— Точно? — Сэнди, казалось, была чем-то встревожена.

— Ничего не поделаешь, милая,— вздохнула Донна.

— А вам нужно срочно куда-то ехать? — спросил Джад, выруливая на дорогу.

— Да нет. В общем-то, никуда. Просто мы не планировали проторчать здесь так долго.

— А я вот провел в этом замечательном месте целых двенадцать лет! — гордо заявил Ларри.— Вы будете просто удивлены, узнав, как много здесь способов увлекательно провести время.

— Например? — тут же спросила Сэнди.

— Самый популярный вид спорта — это сидеть на перекрестке Фронт-стрит и Дивиден-стрит и следить, как меняются огни единственного во всем округе светофора.

— О Боже! — Сэнди закатила глаза.

— У вас есть, где остановиться? — спросил Джад.

Донна утвердительно кивнула.

— Мы сняли комнату в «Уэлком-инн».

— Да ну! — оживился Ларри.— Какое счастливое совпадение! И мы там же. И наверняка вы все играете в бридж...

— С детства ненавижу карты,— заявил Джад.

— Не притворяйся!

— Кроме того, у нас ведь есть на сегодня кое-какие планы... — напомнил он приятелю.

— Вот как? — вставила Донна.

— Да, мы тут намечали одно дело... — кивнул Джад.

— Но вечером вы еще будете в городе? — с затаенной тревогой спросила она.

— Я думаю, мы проведем здесь еще несколько дней. Пока трудно сказать, сколько именно. Все зависит от того, как пойдут наши дела.

— А чем вы занимаетесь, если не секрет?

— Мы-то?... — Джад внезапно почувствовал, что очень не хочет лгать этой женщине. Но хотя необходимость хранить тайну уже не казалась ему такой важной, все же пренебрегать этой мерой предосторожности, по его мнению, не следовало.

— Мне не хотелось бы говорить об этом,— признался он.

— Ой, извините, что я вмешалась в ваши дела.

— Да нет, ничего...

— А я с удовольствием расскажу вам о нашем деле,— раздался вдруг голос Ларри.

— Ларри!

— Мы собираемся...

— Замолчи!

— ...убить чудовище.

— Ух ты! — радостно закричала Сэнди. — Правда?

— Да. Эту тварь, которая живет в «Доме чудовища». Джаджмент Рэккер и я решили разделаться с ней!

— Вы это серьезно? — спросила Донна, повернувшись к Джаду.

— А вы сами-то верите, что чудовище действительно существует? — ответил он вопросом на вопрос.

— Ну, как я понимаю, что-то ведь убило этих людей...

— Или кто-то убил их,— с мрачным скепсисом сказал он.

— Убийца Тома Бэгли не был человеком! — тут же решительно заявил Ларри.

— А что же это было? — с интересом спросила Сэнди.

— Когда мы вам покажем труп этого монстра,— ответил Ларри,— вы сами решите, что это такое.

— Сперва надо побольше выяснить об убийце, кем бы он ни был,— заметил Джад. — А уж потом действовать соответственно.— Он улыбнулся Донне. — Держу пари, вы до сих пор не догадывались, что едете в машине с двумя сумасшедшими.— Он немного помолчал. — Ну как, вы все еще настроены выпить с нами по коктейлю?

— Теперь я, пожалуй, закажу себе даже два,— со смехом ответила она.

2

— Извините,— улыбнулась Донна, вставая из-за стола. — Я на минуточку. Если коктейли принесут раньше, начинайте без меня.

— Я тоже с тобой! — вскочила Сэнди.

Джад проводил их взглядом до дверей шумного зала, потом наклонился к Ларри и тихо сказал:

— Ты очень зря устроил все это в машине. Если еще хоть один человек узнает, что мы здесь делаем, то на всем

нашем предприятии можно будет поставить крест. Я тебе еще раз советую: возвращайся лучше в Сан-Франциско и жди меня там.

— Ну, Джадж! Какой может быть вред от того, что...

— Если хоть кто-нибудь еще узнает...

— Хорошо-хорошо! Если ты так настаиваешь...

— Да, настаиваю.

Во время обеда о «Доме чудовища» никто больше не заговаривал. Под конец десерта Ларри вдруг сообщил, что знает короткую дорогу на побережье, которая проходит по горному ущелью и не обозначена ни на одной из карт.

Выйдя из ресторана, все пошли в контору мотеля и продлили срок проживания еще на сутки. Затем группа разделилась, и Донне с дочерью была предоставлена возможность отправиться к себе и надеть купальники. Джад улегся на своей кровати и, положив руки за голову, тут же уснул. Но с криком «они идут!» Ларри вскоре разбудил приятеля. Потом отошел от окна и стал разглядывать себя в зеркале, висящем на обратной стороне двери.

— Как я тебе? — обратился он к Джаду.

Джад критически осмотрел его гавайскую рубашку в огромных красных цветах и белые шорты.

— А где же твоя панاما? — спросил он. — И удочки?

— Я не успел собрать все необходимое за столь короткий срок.

Они вышли из домика. Ларри кинулся вперед, чтобы первым поприветствовать женщин, а Джад немного отстал от него, с наслаждением глядя на Донну. На ней была просторная голубая блузка навыпуск с закатанными по локоть рукавами. Из-под подола виднелись стройные загорелые ноги.

— Я надеюсь, на вас что-нибудь надето под этой блузкой? — осведомился Ларри.

— Подождите, и все сами увидите.

— А можно нам сейчас посмотреть? Хоть одним глазком. Ну, пожалуйста...

— Ни в коем случае!

— Ну, я прошу вас!

— Нет-нет, сперва об этом надо хотя бы полчаса помечтать.

Сэнди выскочила вперед и с громким смехом замахнулась на него своей сумочкой. Ларри увернулся, и сумка лишь слегка задела его спину.

— Ах ты, бессердечная маявка! — воскликнул он.

Девочка снова замахнулась на него.

— Хватит, милая, — вмешалась Донна.

— Но он же чокнутый! — оправдывалась Сэнди, захлебываясь от смеха.

— А он всегда такой? — спросила Донна у Джада.

— Трудно сказать. Я сам только вчера с ним познакомился.

— Это правда? — удивилась она.

— Джаджмент никогда не лжет, — заверил Ларри. — Ему имя не позволяет...

Они сели в машину и потихоньку поехали. Ларри указывал дорогу: сперва по Фронт-стрит мимо бензоколонки и ресторанчика неведомой Сары, потом еще мимо двух однотипных кварталов. Вскоре впереди слева показался «Дом чудовища». Разговоры и смех в машине сразу же стихли, но о доме никто даже не заикнулся.

Первым тишину нарушил Ларри:

— Сейчас — направо на грунтовую дорогу.

Джад свернул.

— Это тот дом, где живет Аксель с мамочкой, и где ему «безопасно»? — ехидно спросила Сэнди, показывая на кирпичное здание.

— Да, тот самый, — улыбнулась Донна.

Джад посмотрел на приземистое строение слева и с удивлением обнаружил, что в нем совсем нет окон.

— Странно, — пробормотал он, проезжая мимо ворот.

— Действительно странно, — нахмурился Ларри и обратился к Донне: — А вы откуда знаете Акселя?

— Он подвозил нас вчера, когда мы застряли. Очень своеобразный парень!..

— Он debil, — пояснила Сэнди.

— Кто бы не стал debilом, живя с такой матерью, как Мэгги Кутч? — фыркнул Ларри.

— Что? — не поняла Сэнди.

— Мать Акселя — Мэгги Кутч, хозяйка «Дома чудовища» и экскурсовод.

— Неужели она? — удивилась Донна.

— Да, она.

— А разве она снова вышла замуж после того убийства в тридцать первом году?

— Держись правее, Джадж! Там впереди ухабы... Нет, она не вышла замуж, но у нее были, так сказать, многочисленные приятели... В городке ходят слухи, что отец Аксе-

ля — Вик Хэпсон. Он с самого начала работает с Мэгги, и они живут вместе в этом доме.

— Это тот мужлан из билетной кассы? — уточнила Донна.

— Именно он.

— Чудесная семейка! — заметил Джад. — Даже окон в доме нет...

— Их и правда нет, — подтвердил Ларри. — Ни одного.

— А почему? — спросила Сэнди.

— Разумеется, чтобы чудовище туда не залезло.

— А-а!.. — Судя по голосу, Сэнди уже сожалела о том, что задала этот вопрос.

Наконец, грунтовая дорога расширилась и закончилась небольшим пятачком.

— Вот мы и приехали! — радостно сообщил Ларри.

Джад развернул «крайслер» и остановил его на обочине.

— Вы будете в восторге от этого пляжа! — просиял Ларри, неуклюже вылезая из автомобиля.

Прежде чем открыть дверь, Джад еще раз внимательно посмотрел на Донну. Как он и предполагал, под блузкой на ней оказался купальный костюм. Во всяком случае, была видна завязка на шее, и голубая тесьма ярко засияла, когда Донна нагнулась, чтобы выбраться из машины.

Вслед за ней вышел и Джад. Разогнув спину и с наслаждением потянувшись, он присоединился к остальным. Дул прохладный ветерок, приятно остужая кожу.

— Ну что, можно идти? — спросил Ларри Донну.

— Пошли? — переспросила она Джада.

— Я готов. А ты, Сэнди? Ноги уже работают?..

— Вы все здесь чокнутые!

Они двинулись гуськом по узкой тропинке, уходящей вниз между песчаными дюнами. Джад упивался прохладным ветерком, который заглушал в его ушах все, кроме громкого разглагольствования Ларри о том, как он любил в детстве ходить с ребятами на этот пляж.

Преодолев последний извилистый участок тропы, все четверо увидели океан. Его волнистая поверхность то там, то тут вскипала белыми шапками пены. Волны с шумом разбивались о скалистую часть берега, а по другую от скал сторону мягко накатывались на широкий песчаный пляж. Внизу никого не было.

— Как чудесно! — закричал Ларри, широко раскинул руки и сделал глубокий вдох. Потом обернулся к осталь-

ным и громко продекламировал: — Уважаемые туристы, я скажу вам так: кто придет на пляж последним, тот большой дурак! — И первый вприпрыжку побежал к воде. Сэнди кинулась вдогонку за ним.

Джад повернулся к Донне.

— А вы не хотите наперегонки?

— Нет. — Ветер трепал ее волосы. Джад протянул руку и убрал с лица непослушную прядь. Он не мог оторвать взгляда от ее глаз.

— И я даже знаю, почему, — тихо сказал он.

— Почему же?

— Вы боитесь, что я вас обгоню.

— Вот как? — В ее глазах светилось радостное возбуждение, хоть она и пыталась выглядеть нейтрально и серьезно.

— Именно так, — отозвался он.

— Скажите, а Джаджмент — это ваше настоящее имя?

— Да, настоящее.

— Так вот, Джаджмент: больше всего я сейчас хотела бы, чтобы мы с вами остались одни...

Он положил руки ей на плечи и притянул Донну к себе, сразу почувствовав, как ее тело доверчиво прижалось к нему; потом ощутил нежное прикосновение пальцев к своей спине и увидел перед собой ее полуоткрытый рот с влажными ищущими губами.

— Но мы здесь, к сожалению, не одни, — вздохнула она немного погодя.

— Нам надо прекратить это, да?

— Да, пока не поздно. Так будет лучше.

— Я бы не сказал, что это лучше.

— Я тоже...

Взявшись за руки, они стали спускаться по тропинке на пляж. Внизу Сэнди уже бежала по песку впереди Ларри и с ходу бросилась в океан. Ларри остановился у самой кромки воды и опустил на колени. Девочка помахала ему рукой, приглашая последовать ее примеру, но он отрицательно покачал головой.

— Ну давайте же! — услышал Джад голос Сэнди, перекрывающий шум прибоя.

Девочка била по воде руками, осыпая Ларри потоком брызг.

— По-моему, нам лучше поспешить, — усмехнулась Донна, — пока моя очаровательная дочь не утопила его.

Но едва она произнесла это, как Сэнди выскочила на берег и потянула Ларри за руку в воду.

— Эй, оставь его! — крикнула Донна.

Ларри, все еще стоя на коленях, повернулся к ним с широкой улыбкой.

— Все о'кей, я с ней справлюсь!..

И тут, отпустив его руку, Сэнди как бы невзначай зашла сзади и вдруг прыгнула Ларри на спину.

— Попался! — закричала она.

Ларри резко наклонился вперед, потом стал извиваться, ползая по песку на четвереньках и издавая при этом странные звуки, напоминающие конское ржание. Затем неожиданно вскочил на ноги. Сэнди, крепко обхватив его руками за шею, оглянулась на Донну и Джада. И хотя она ничего не сказала, на лице ее был написан страх. Ларри вертелся из стороны в сторону, пытаясь сбросить с себя девочку, и Джад увидел в его глазах неподдельный ужас. Издаваемые им звуки выражали теперь искреннее отчаяние. Он прыгал и извивался, стараясь расцепить детские руки на своей шее.

— Боже мой! — закричала Донна и бросилась вперед.

Джад обогнал ее и первым подбежал к Сэнди, которая сама теперь визжала от страха.

— Ларри, прекрати! — крикнул Джад.

Но Ларри, казалось, не слышал его. Он продолжал вертеться и прыгать, изо всех сил стараясь разжать пальцы Сэнди. Наконец она отпустила руки и стала падать назад, однако ногами все еще держалась за бедра Ларри. Некоторое время ее руки беспомощно болтались в воздухе, но потом ей удалось все же схватиться за ворот его рубашки. Ткань на спине Ларри лопнула, расплываясь надвое, и он издал пронзительный вопль. Джад подхватил падающую девочку и снял ее со спины приятеля.

Ларри обернулся и уставился на них неподвижным безумным взглядом. Потом медленно попятился и, сделав несколько нетвердых шагов, без сил упал на песок. Приподнявшись на локте, он продолжал с ужасом смотреть на девочку. Постепенно дикое выражение на его лице исчезло, дыхание стало более ровным.

Джад отнес Сэнди к матери и вернулся назад.

— Ей не надо было... прыгать мне на спину.— Голос Ларри был глухим и дрожал.— Только не на спину!..

— Все уже кончилось,— успокаивал его Джад.— Теперь все в порядке...

— Только не на спину,— еще раз повторил Ларри. Он лежал на песке, закрыв руками лицо, и беззвучно плакал. Джад опустился возле него на колени.

— Все нормально, старик. Уже все прошло.

— Нет, не прошло. Это никогда не пройдет. Никогда!..

— Ты ужасно напугал девочку.

— Зна-а-аю,— с досадой протянул Ларри и стукнул кулаком по песку.— Прошу прощения... Мне, наверное, следует извиниться.

— Да уж, это не помешает.

Ларри пошмыгал носом и вытер глаза. Когда он сел, Джад увидел на его спине глубокие шрамы. Они начинались от самых плеч и шли книзу, разбегаясь во всех направлениях. На фоне его бледной кожи шрамы казались совсем белыми.

— Эти шрамы не от чудовища, если ты так думаешь. Это от падения из окна. Чудовище не прикоснулось ко мне. Ни разу!..

Глава восьмая

Рой еще раз удостоверился, что Джони надежно связан. Хотя в этом, наверное, теперь и не было большого смысла. Очевидно, для нее уже все равно все потеряно. Но Рой ничего не хотел оставлять на волю случая.

Пройдя в гостиную, он поставил на пол свечу, обложил ее жгутами из смятых газет, тщательно проследив за тем, чтобы газеты касались самой свечи, потом наклонился и поджег фитиль. После этого пошел на кухню, высоко поднимая ноги, чтобы не примять газетные жгуты и одежду, предусмотрительно разбросанную по всему полу.

Конечно, пожар, может быть, и не уничтожит всех следов, но все равно он не повредит.

В кухне Рой надел темные очки и фирменную кепку с эмблемой спортивного клуба «Доджер», которая раньше принадлежала Марву, и через заднюю дверь вышел на улицу, не забыв протереть ручку двери, чтобы уничтожить свои отпечатки пальцев.

Потом спустился по трем ступенькам на мощный внутренний дворик и, миновав его, оказался в боковом проезде между участками. Посмотрев в сторону улицы, на которую вел проезд, Рой увидел, что ворота в общем заборе закрыты. Он небрежной походкой направился к ним, отодвинул засов и открыл обе створки.

Соседний дом стоял совсем рядом. Рой заглянул в его окна, но никого там не увидел и пошел назад, по дорожке по направлению к гаражу. Это был большой гараж на две машины, причем для каждой имелись свои ворота. Рой наугад открыл левые и увидел внутри красный «шевроле». Он залез в машину и, взглянув на три связки ключей, захваченные из дома, сразу нашел нужные, завел мотор и вырулил из гаража. Подъехав вплотную к задней двери дома, он вышел из машины и открыл багажник. Потом вынес из спальни Джони, положил ее в багажник и захлопнул крышку.

Поездка до дома Карен заняла меньше десяти минут. Рой надеялся, что еще издали узнает их дом, но тот оказался ему совсем незнакомым. Он еще раз перепроверил адрес, а потом вспомнил, что Карен с Бобом переехали сюда как раз накануне суда, когда сам он был уже в тюрьме. Значит, это и есть их дом.

Обогнув лужайку, Рой припарковал машину перед самым входом и посмотрел на часы, доставшиеся ему «в наследство» от Марва. Была уже почти половина третьего.

Вокруг все казалось спокойно. Подходя к двери, Рой огляделся по сторонам. Справа стояли еще четыре дома, у одного из них садовник-японец подстригал кусты. Слева на соседнем газоне ободранный бездомный кот крался к своей добыче. Но Рой даже не подумал разглядывать его жертву. У него была своя собственная.

Довольно ухмыльнувшись, он позвонил в дверь. Подождал немного и позвонил еще раз. Потом решил, наконец, что никого нет, но счел нелишним на всякий случай обойти дом вокруг. Повернув за угол, он сделал пару шагов и тут же остановился.

Он увидел ее. Конечно, может быть, что это вовсе не Карен, но там в шезлонге сидела какая-то женщина и слушала музыку из маленького приемника. Однако шезлонг был повернут к нему спиной, и Рой мог видеть только стройные загорелые ноги, левую руку и верхушку шляпки — белого цвета, как у моряков.

Рой внимательно оглядел двор. С боков и сзади он был огорожен густым высоким кустарником. Хороший, уединенный дворик. Низко нагнувшись, он приподнял штанину и вытащил из-под нее пристегнутый к голени нож.

Бесшумно ступая по ухоженному газону, Рой подкрался к женщине почти вплотную. На ней было лишь белое бикини со спущенными с плеч бретельками лифчика. Кожа

блестела от крема для загара. В правой руке она держала журнал, стараясь, чтобы тень от него не падала ей на живот.

Рука женщины дернулась и журнал выпал, когда Рой зажал ей ладонью рот и приставил к горлу острое ножа.

— Ни звука, или перережу глотку! — тихо сказал он.

Женщина пыталась что-то ответить.

— Заткнись! Сейчас я уберу руку, но ты будешь молчать. Ясно?

Она кивнула.

Рой убрал руку, сбросил с головы шляпку и намотал на ладонь длинные каштановые волосы.

— Так, теперь встань. — Он потянул ее за волосы и, когда женщина встала, повернул лицом к себе. Это загорелое лицо, несомненно, принадлежало Карен. Значит, пока все по плану.

— Ни слова! — процедил Рой и повел ее к задней двери дома.

— Открой дверь, — приказал он.

Карен открыла, и они вошли в кухню. После яркого солнечного света Рою показалось, что в доме очень темно, однако руки у него были заняты, и он не мог пока снять дымчатые очки.

— Мне нужна веревка, — потребовал он. — Где вы ее держите?

— Теперь можно говорить? — хрипло спросила Карен.

— Давай веревку. Где она?

— У нас нет веревки.

Рой сильнее прижал нож к ее горлу.

— Тебе лучше вспомнить, где она. Так где же?

— Я не знаю... — В тот же миг Карен задохнулась от боли: Рой с силой рванул ее за волосы.

— Вспоминай!

— Может быть, в туристическом снаряжении...

— Покажи, где это! — Он немного отстранил лезвие от ее горла. Другой рукой Рой крепко держал ее за плечо. — Шевелись!

Они вышли из кухни и мимо закрытых дверей встроенных шкафов двинулись по коридору налево. Затем миновали ванную и, наконец, вошли в комнату с правой стороны. Это был кабинет, до потолка уставленный книжными полками. У стены стоял письменный стол, рядом с ним — кресло-качалка.

— Дети есть? — спросил Рой.

— Нет.

— Очень плохо.

Карен остановилась возле узкой двери позади кресла-качалки.

— Здесь,— сказала она.

— Открой!

Она открыла дверь. За ней оказался чулан, доверху набитый всевозможным туристским инвентарем. Под толком проветривались два раскрытых спальных мешка, на полу стояли спортивные ботинки, у стены — рюкзаки. Над ними висел алпеншток с металлическим наконечником, а рядом — две фетровые шляпы. Возле рюкзаков стояли аккуратно свернутые в рулоны подстилки из толстого желтого поролона. На верхней полке лежал длинный красный мешок. Очевидно, в нем хранилась горная палатка. Кроме того, здесь была масса различной одежды: плащи, ветровки, прорезиненные комбинезоны и даже пара высоких кожаных сапог.

— Где веревка?

— Наверное, в рюкзаках.

Рой отпустил ее волосы, отвел нож от горла и приставил его острие к спине Карен.

— Достань ее.

Карен вошла в чулан, наклонилась, открыла один из рюкзаков, пошарила внутри и достала оттуда моток толстого капронового шнура.

— Еще есть? — Рой взял у нее моток и бросил его на пол позади себя.

— А здесь не хватит?

— Поищи в другом мешке!

Не закрывая первый, Карен принялась за второй рюкзак. Но когда она расстегнула его, ее рука на мгновение замерла, и это не ускользнуло от внимания Роя.

— Даже не думай,— тихо проговорил он и медленно поднял нож вдоль спины Карен, вновь приставив лезвие к ее горлу. Она сделала быстрый вдох. Держа нож у ее подбородка, Рой наклонился и через плечо женщины достал из рюкзака небольшой топорик с прочной деревянной рукояткой. Он был в кожаном чехле. Рой снял чехол и потрогал большим пальцем лезвие.

— Отлично,— сказал он.— Теперь слушай: сейчас мы пойдем в спальню и там спокойно поговорим. Только без фокусов — ты меня знаешь!..

Карен покорно кивнула.

Одной рукой Рой прихватил топор и моток веревки, а другой крепко схватил Карен за волосы.

— Пошли,— коротко приказал он.

Добравшись до спальни, они сели на кровать. Топор и веревку Рой положил рядом с собой так, чтобы Карен не смогла дотянуться до них даже в том случае, если он отпустит ее волосы.

— Сначала скажи, где твой муж,— потребовал он.

— На работе, но должен скоро прийти.

— Когда?

— После трех.

Рой взглянул на часы. Стрелки показывали без четверти три.

— Ты догадываешься, зачем я к тебе пожаловал? — спросил он.

— Нет,— тихо сказала Карен. Голос ее дрожал.

— Мне нужно узнать, где Донна.

— Наверное, на работе. Или дома, если у нее выходной... Она ведь работает по скользящему графику.

— Дома ее нет. И вещей тоже. Она куда-то уехала.

— Я не знаю. Она ничего мне не говорила.— Карен старалась не смотреть на Роя.

— Врешь, знаешь! Послушай, Карен, я не собираюсь здесь долго торчать. Но мне очень нужна Донна. Очень!..

Карен молчала.

— Ну что ж, если ты не хочешь по-хорошему, я ведь могу и по-другому.— Кончик ножа ужалил Карен под левым ухом.

— Я... я не знаю! — прохрипела она.

Нож еще сильнее впился в тело. Показалась кровь.

— Говори!

— Ка... Кажется, они собирались куда-то на север.

— Куда именно?

Перед глазами Карен все поплыло. «Что будет, если я не скажу?» — мелькнуло у нее в голове. Боль стала нестерпимой.

— В Мал... Малкаса-пойнт,— еле слышно проговорила она.

— Куда?

— В Малкаса-пойнт.

— Где это?

— Маленький городок к северу от Сан-Франциско.

— Не врешь?

— Нет.— Руки Карен ходили ходуном, ее била нервная дрожь.

— Ладно,— буркнул Рой.— Теперь я свяжу тебя и уеду.— Он еще раз взглянул на часы. Было без пяти три.

Принесенной веревкой он крепко связал Карен по рукам и ногам и прикрутил тело к кровати. Она не сопротивлялась, надеясь, что после этого он сразу уедет. Но он не уехал. Вместо этого Рой оторвал от простыни длинный кусок материи и стал запихивать ее Карен в рот. В глазах женщины появилось удивление, смешанное со страхом. Она начала мычать. Тогда Рой одной рукой зажал ей рот, другой — нос. Карен судорожно задергалась, но вскоре стихла.

Теперь Боб... Его оставлять в живых никак нельзя. Самый лучший свидетель — мертвый свидетель. И тут в голове Роя созрел новый план. Он улыбнулся...

Минут через десять послышался шум подбегавшего автомобиля. Рой замер за портьерой напротив спальни. Острый топорик был зажат в его правой руке, готовый в любой момент прийти в действие.

Через пару минут входная дверь отворилась. Рою не было видно, кто вошел, но он знал, что это вернулся Боб.

— Карен,— послышался его голос.— У нас гости?

Ответа не было.

— Карен! — еще раз позвал он.

Наконец Рой услышал шаги совсем рядом с собой. Но вот они замерли, и из груди Боба вырвался отчаянный стон. Рой выглянул из-за портьеры. Боб стоял спиной к нему и ошалело качал головой. Он смотрел на прибитое к двери спальни мертвое тело своей жены и громко стонал. Потом упал на колени.

Рой вышел из своего укрытия, занес топор и с размаху обрушил его на голову Боба. Послышался громкий треск.

Ну, все!.. Дело сделано. Оставалось лишь закончить его. Но это было уже для Роя привычным.

Он принес из кухни свечу и газеты и разложил на полу знакомую комбинацию.

Потом обшарил карманы Боба, предварительно вдавив его тело в спальню. Достал бумажник. Кредитные карточки, документы на машину, несколько десятидолларовых купюр... «В дороге все пригодится!» — решил он и сунул бумажник к себе в карман. Потом нашел ключи от машины и тоже забрал себе.

Терять время не входило в его планы. Неизвестно еще, сколько Донна и Сэнди пробудут в этом чертовом город-

ке... Надо обязательно застать их! Но уезжать с пустыми руками тоже не хотелось!

«Да! — вспомнил Рой. — Ведь предстоит где-то ночевать... Пожалуй, стоит прихватить спальные принадлежности».

Он прошел в кабинет. Дверь чулана была открыта. Рой взял рюкзак, вытряхнул из него все лишнее и бросил на дно спальный мешок. «Может, взять два?» — подумал он. Но потом решил, что хватит и одного. Вслед за мешком в рюкзак отправилась легкая синтетическая подстилка. Потом ему очень понравились походные ботинки Боба. Рой примерил их: как раз. Ну, кажется, хватит.

Проходя мимо кухни, он заглянул и туда. Открыл холодильник и достал из него шесть банок пива — целую упаковку. Пиво было холодное, банки покрывал легкий иней. Остаться здесь дольше не имело смысла. Рой вернулся в спальню и зажег свечу.

Выходя из дома, он привычным жестом стер с ручек отпечатки пальцев.

Следом за его машиной стоял шикарный «понтиак» Боба. «Годится», — подумал Рой.

Он огляделся по сторонам, открыл обе левые двери «понтиака», и бросил на заднее сиденье рюкзак. Потом отпер багажник и подошел к «своему» «шевроле». Там в багажнике лежала на боку Джони и отсутствующим взглядом смотрела на запасное колесо.

— Пошли, крошка! — скомандовал он. Девочка не отвечала. Тогда, еще раз осмотревшись, Рой накрыл ее ветoshью и перенес в багажник «понтиака».

Через пять минут машина уже плавно катила по направлению к Сан-Франциско.

Глава девятая

1

Со своей позиции на Фронт-стрит возле южного угла кованой чугунной ограды Джад наблюдал, как из «Дома чудовища» не торопясь выходят туристы. Закончилась последняя в этот день экскурсия. Джад посмотрел на часы. Было почти четыре.

Мэгги Кутч вышла из дома вслед за группой и заперла за собой парадную дверь. Потом медленно двинулась к лестнице на крыльце, тяжело опираясь на свою толстую

тлость. По походке ее было видно, что работа экскурсоводом не лучшим образом сказывается на здоровье старухи.

У билетной кассы Мэгги встретилась с Виком Хэпсоном, и вдвоем они закрыли все остальные двери. Потом, взяв Мэгги под руку, Вик повел ее на другую сторону улицы, оттуда они свернули на гравиевую дорожку и вскоре скрылись в доме без окон.

Джад достал очередную сигару, сорвал с нее обертку, скатал шарик и бросил на пол машины. Затем вынул спички, прикурил и стал ждать.

В двадцать пять минут пятого из гаража возле кирпичного дома Кутчей вырулил старый «пикап» и двинулся к музею, поднимая за собой клубы пыли. Выехав на Фронт-стрит, он свернул в сторону Джада. Тот сразу же сделал вид, что изучает карту дорог. Грузовичок замедлил ход и пересек улицу. Выглядывая из-за карты, Джад увидел, как из машины вылез небольшого роста мужчина и, прихрамывая, заковылял к другому концу ограды. Там на углу были узкие служебные ворота из металлической сетки, закрытые на цепь с замком. Мужчина отпер замок, снял цепь и распахнул ворота настежь. Потом въехал на машине во двор и снова запер их на замок.

Джад с удивлением наблюдал, как грузовик проехал прямо по газону и остановился возле «Дома чудовища». Водитель вышел из кабины, открыл задний борт, вытащил из кузова две доски, опустил их концы на землю и скатил по ним газонокосилку с мотором. Потом зачем-то вынул доски из кузова и отнес их на крыльцо. Джад подумал было, что он собрался косить что-то в доме и будет сейчас закатывать туда свой агрегат. Но мужчина вернулся назад к «пикапу» и стал заводить мотор газонокосилки. Однако не обычным способом, с помощью стартера, а что называется «с толкача», бегая с тяжелой машиной по всему газону и периодически включая сцепление. Тут только Джад догадался, что это тот самый дебильный Аксель, которого Донна называла еще каким-то китайским именем.

Как только ему удалось завести газонокосилку, Джад развернул свой «крайслер» и медленно поехал вперед, внимательно изучая левую сторону шоссе. В двух милях к югу от Малкаса-пойнт в лес уходила проселочная дорога. Ближе никаких ответвлений не было, и это ему не понравилось. Здесь Джад притормозил, развернулся и поехал назад к городу.

За сто ярдов до того места, откуда он наблюдал за домом накануне, Джад съехал на обочину, остановился и вышел из машины. Но, кроме извилистого шоссе и покрытых лесом склонов холмов, отсюда ничего не было видно. Несколько секунд он стоял, не двигаясь, и внимательно прислушивался. Издали доносился треск мотора газонокосилки, а сверху — шум листвы и голоса бесчисленных птиц. Какая-то муха назойливо жужжала над его головой. Джад отогнал ее и открыл багажник машины.

Оттуда он извлек кожаную куртку на меху и облачился в нее, несмотря на жару. Под куртку надел пояс с кобурой и убедился, что кобура застегнута. Потом достал рюкзак и взгромоздил его на спину. Последним, что он вынул из багажника, была винтовка в чехле. После этого Джад опустил крышку и закрыл ее на замок.

Путь его лежал по лесу к вершине холма. Джаду постоянно приходилось перепрыгивать через валуны и стволы многочисленных поваленных деревьев. Подъем занял немало времени. Наконец он добрался до освещенной солнцем поляны на самом верху, стер с лица щипавший глаза пот и отпил из фляжки немного теплой воды. Затем стал спускаться по противоположному склону холма, стараясь отыскать на нем большие голые камни, которые он приметил еще утром из задних окон «Дома чудовища».

Наконец Джад увидел их и быстрее пошел вперед, легко перепрыгивая с уступа на уступ. Вскоре он достиг своей цели и взобрался на большой гранитный валун. Отсюда весь «Дом чудовища» был у него, как на ладони.

Хромоногий коротышка, видимо, уже закончил косить газон перед домом и теперь подстригал траву с другой стороны. Джад видел, как он медленно проехал по заднему двору, на секунду скрывшись за выцветшим бельведером, и тут же снова появился в его поле зрения.

Джаду предстояло долгое ожидание. Но он не собирался просто так сидеть, сгорбившись, на этом камне и неотрывно смотреть на дом. Это было бы чертовски неудобно. Оглядевшись вокруг, он нашел невдалеке небольшую ровную площадку между двумя молодыми соснами. Сюда Джад положил чехол с винтовкой, снял рюкзак и прислонил его к стволу дерева. Потом быстро скинул куртку. Ветерок приятно остудил его мокрую от пота рубашку. Джад снял и ее, вытер рукавом лицо и разложил рубашку на камне, чтобы та просохла под солнцем.

Потом открыл рюкзак, достал оттуда футляр с биноклем и большой бумажный пакет с сэндвичами, который сушила ему перед самым отъездом Донна.

После того, что случилось с Ларри на пляже, они сразу же вернулись в мотель. Донна и Сэнди пошли к себе переодеваться, а Ларри немедленно отправился в бар, чтобы хлебнуть чего-нибудь покрепче. Затем Джад в сопровождении женщин прогулялся до города, где в бакалейной лавке возле ресторанчика Сары они купили необходимые продукты.

Вернувшись в мотель, Донна приготовила ему четыре больших вкусных сэндвича. На ее вопрос, где он собирается провести ночь, Джад ответил лишь, что вернется утром.

Держа в руках сэндвичи и бинокль, он стал искать подходящее место для наблюдения и, наконец, увидел то, что ему было нужно — небольшой плоский участок, со всех сторон прикрытый камнями.

Перед тем как спуститься туда, Джад достал из пакета сэндвич. Разрезанная пополам мягкая булочка из дрожжевого теста, а внутри — майонез, деревенский сыр и салями, — все это вызывало аппетит. Он ел и внимательно смотрел на музей.

Тот парень все еще стриг газон. Джад приложил к глазам бинокль. Безволосая голова Акселя блестела от пота. Несмотря на жару, на нем были толстый вязаный свитер, сапоги и перчатки. Время от времени он вытирал лицо рукавом свитера.

Бедный урод!..

Джад смотрел на мучения несчастного идиота и радовался своему комфорту. Его голую спину обдувал нежный прохладный ветер, чудно пахло сосновой хвоей, а еще были вкусные сэндвичи и сознание того, что сегодня он встретил женщину, которая стала многое для него значить.

Покончив с едой, Джад поднялся к тому месту, где остались его рюкзак и винтовка. Рубашка еще не высохла. Он снял ее с камня, положил в рюкзак вместе с биноклем и курткой, закинул его на одно плечо и, взяв винтовку, вернулся на свой наблюдательный пункт.

2

После того как «пикап» Акселя выехал с территории «Дома чудовища», в пределах ограды никого не осталось. По крайней мере Джад не замечал движения ни позади дома, ни с южной его стороны.

Фасад музея Джада не интересовал. Ведь в случаях убийства Торнов и Кутчей нападающий наверняка проникал в дом через одно из задних окон, и, вероятнее всего, приходил из леса, а не из города. Так что, если сегодня кто-нибудь попытается пробраться туда, Джад непременно разглядит его.

Но стрелять пока что не будет.

С этим можно и подождать. Нельзя же убивать человека только из-за того, что он приходит по ночам в музей и при этом еще надевает на себя костюм обезьяны. Здесь надо как следует разобраться...

Джад еще раз осмотрел всю территорию через бинокль, потом съел второй сэндвич и запил его водой из фляжки.

Когда солнце опустилось пониже и перестало так нещадно палить, он надел рубашку. К этому времени она уже успела просохнуть и от соли стала немного жесткой. Джад заправил ее в джинсы.

Прикурив, он откинулся на широкий плоский камень за спиной. За день камень накалился на солнце и теперь отдавал тепло Джаду, согревая его в предвечерних сумерках. Другой большой валун впереди слегка ограничивал видимость, но вся задняя сторона дома была открыта для наблюдения. И это вполне устраивало Джада. Во всяком случае, ему не придется всю ночь корчиться в неудобной позе.

Пронаблюдав за домом примерно час, он вынул из рюкзака меховую куртку, свернул ее и подложил под себя. Эта подстилка не только сделала его сиденье мягким, но и неожиданно улучшила обзор, так как теперь он сидел немного повыше.

Джад о многом передумал за эти часы. Он старался припомнить все, что ему удалось узнать о загадочном звере-убийце, и искал правдоподобное объяснение существованию этого монстра. Не раз он возвращался к фактору времени. Ведь первое убийство произошло в 1903 году, а последнее — в 1977. Поэтому возможность того, что все эти преступления совершил один и тот же человек, автоматически исключалась.

С другой стороны, Джад не мог согласиться с тем, что убийца — это некое не имеющее возраста чудовище с огромными длинными когтями. И никакие рассказы Ларри и Мэгги Кутч не могли его в этом убедить. Однако шрамы на спине Ларри все-таки были...

Впрочем, эти шрамы могли легко появиться и в результате нападения человека. Если даже не от ногтей, то от каких-нибудь искусственных приспособлений типа лезвий на пальцах. Наконец, кто-то мог просто нарядиться в шкуру гориллы или другого зверя и поцарапать Ларри имеющимися на ней естественными когтями.

Но все равно оставался непонятным почти семидесяти-пятилетний разрыв между датами совершенно аналогичных событий.

Хотя костюм чудовища могли надевать и разные люди. Вот только кто и зачем?..

И вдруг у Джада возникла версия. И чем больше он над ней думал, тем яснее и правдоподобнее она становилась. Теперь надо было подумать о том, как собрать нужные доказательства...

Тут только Джад заметил, что стало уже совсем темно.

Он привстал и облокотился на край лежащего впереди камня. Весь газон вокруг дома казался сейчас сплошным темным пятном, как поверхность озера в непогожую ночь. Джад повернулся к рюкзаку, достал со дна увесистый кожаный футляр и извлек из него прибор ночного видения «Старлайт-ноктрон». Включив питание и приставив окуляр к глазу, он быстро отрегулировал яркость, осмотрел дом и газон, но в мрачном красноватом свете не заметил никакого движения.

Когда ноги его устали от неподвижного сидения за камнем, Джад поднялся, отошел в сторону, положил «Старлайт» на куртку и немного передохнул. Потом вернулся на прежнее место и продолжил наблюдение.

«Если моя теория верна,— размышлял он,— то я ничего не добьюсь, просидев здесь даже десять ночей. Никакого чудовища, разумеется, не будет...»

Правда, и вреда от подобного дежурства тоже не будет никакого. А чтобы получить результаты, надо поместить кого-нибудь внутрь дома в качестве приманки. Но кто согласится пойти на это? Конечно, он сам, кто же еще!..

Нет, слишком рано играть в такую игру. Сейчас время для наблюдений. Пока надо хорошенько следить за домом с безопасного расстояния и выяснять природу своего противника.

«Даже если ничего не произойдет,— думал Джад,— я, по крайней мере, буду уверен, что этой ночью никто не проник в дом через заднюю дверь или окно. Хотя, скорее всего, просто так туда и раньше по ночам никто никогда не ходил».

Прибор в руках Джада казался все тяжелее. Он опустил его на камень и достал из пакета последний сэндвич. Во время еды Джад продолжал наблюдение, но уже без «Старлайта», и поэтому, кроме темноты, ничего не увидел. Он быстро доел сэндвич и снова взял прибор в руки.

Через какое-то время он опустился на колени и уперся локтями в камень. Раз за разом Джад внимательно осматривал двор, опушку леса, бельведер и даже окна дома, хотя стекла и не пропускали инфракрасных лучей, которые улавливал его прибор.

Наконец, оставив «Старлайт» на камне, он встал, обошел рюкзак и помочился в темноту, но тут же снова вернулся назад и еще раз внимательно осмотрел местность. Никаких результатов. Часы показывали половину одиннадцатого. Джад уселся поудобней и продолжал вести наблюдение еще в течение часа, прежде чем изменил свою позу.

Все это время он не переставал думать об убийце, отшлифовывая детали своей теории. Вспоминал он и другие ночи, которые ему пришлось провести наедине со «Старлайтом» и винтовкой. А потом начал думать о Донне: как она выглядела утром в своих вельветовых джинсах и блузке, как мило ходила, засунув руки в карманы... Потом почему-то ее руки превратились в его собственные и стали гладить плавные изгибы ее бедер. Затем Джаду представилось, как он расстегивает пуговицы на ее блузке, трогает ее нежную грудь, которую он, правда, ни разу еще не видел, но мог живо себе представить.

«Думай о деле!» — приказал себе Джад.

И сразу же в мозгу возникло жирное черное лицо генерального фельдмаршала и пожизненного императора Евфрата Д. Кениаты. Один его глаз исчез, когда туда вошла пуля и снесла по пути половину черепа императора.

Чудовище Кампалы умерло.

Стражники... Если бы они схватили его тогда!.. Но они не схватили. Они даже близко к нему не подошли. Во всяком случае, не ближе, чем он им это позволил. И все же, если бы они схватили его...

Наконец!

Какое-то движение с этой стороны ограды.

Джад вцепился в прибор. И хотя что-то мешало ему видеть все четко — возможно, это были кусты, задерживающие инфракрасное излучение, — ему удалось разглядеть согнувшуюся фигуру, похожую на человека. Существо что-то просовывало под ограду, а потом и само пролезло во двор.

Оказавшись по ту сторону забора, оно подхватило просу- нутый им предмет и встало на две ноги, оглядевшись по сторонам.

Когда существо повернулось к Джаду в профиль, он заметил у него женские груди.

Потом фигура побежала через газон к задней стороне дома, поднялась по ступенькам и скрылась на крыльце запасного выхода.

Прошло несколько секунд, и до ушей Джада донесся слабый звон разбитого стекла.

3

Когда Джад добежал до ограды, задыхаясь и ощущая боль во всем теле после быстрого спуска по крутому склону холма, у него уже не было времени искать подкоп, через который существо проникло во двор. Он бросил фонарик через забор, подпрыгнул и ухватился обеими руками за его верхнюю перекладину. Потом подтянулся и закинул наверх правую ногу. Из дома послышался приглушенный крик. Джад рванулся вперед и перевесился через ограду, сразу почувствовав, как одна из ее острых пик уперлась ему в живот. Он немного отодвинулся и, поджав левую ногу, нащупал коленом верхнюю перекладину. Потом резко оттолкнулся и отпустил руки. Джаду показалось, что он падал чересчур долго. Очутившись на земле, он сразу же вскочил на ноги и подхватил с газона фонарик. После этого стремглав бросился к задней двери дома.

Подбегая к крыльцу, он на ходу выхватил из кобуры автоматический «кольт» сорок пятого калибра. На секунду Джад задумался, не стоит ли заменить обычный семизарядный магазин на специальный двадцатизарядный, который лежал у него в кармане куртки. Но черт возьми!.. Если он не сможет расправиться с этой тварью семью выстрелами... Тогда что же это за существо?

Задняя дверь дома была распахнута. Кто-то разбил в ней стекло и открыл с той стороны английский замок.

Джад вошел внутрь, включил фонарик и осветил стены. Это была кухня. Из нее он выбежал в узкий коридор и увидел впереди чучело обезьяны — подставку для зонтиков. За ней — еще одну дверь, главного входа. Потом повернул фонарь влево, и луч выхватил из темноты перила лестницы. Джад бросился к ней, освещая себе дорогу, и, подбежав, направил луч на ступеньки.

Примерно на середине лестницы на боку лежала красная бензиновая канистра с завинченной крышкой. Через ручку была продета и затянута петлей веревка длиной фута в три. Получилось что-то вроде пращи. Когда Джад поставил канистру прямо, внутри заплескалась жидкость. Он убрал пистолет в кобуру, отвинтил крышку и понюхал горловину. В канистре действительно был бензин. Джад хотел уже закрыть ее, как вдруг услышал наверху чей-то громкий вздох, а затем над его головой раздался громкий старческий смех.

Луч фонаря тут же скользнул вверх по лестнице и осветил чью-то окровавленную босую ступню, потом бедро, изуродованную женскую грудь и, наконец, голову. Слипшиеся волосы свисали на лицо, почти полностью закрывая его. Из рта текла кровь и часто капала с подбородка. Правый глаз загораживал большой кусок кожи, оторванный со лба вместе с бровью и верхним веком.

Снова раздался смех, и Джаду показалось, что он идет из уст этой женщины вместе с кровью.

— Мэри? — тихо позвал он. — Миссис Зиглер?

И тут она начала стремительно приближаться к нему, но очень странным образом, как бы скользя по воздуху. Ее руки беспомощно болтались из стороны в сторону, а ноги почти не двигались. Джад направил свет вниз и увидел, что ступни женщины не достают до пола добрых два дюйма.

— О Боже, — пробормотал он, хватаясь за пистолет. Тело несло прямо на него.

Джад упал на ступеньки и закрыл голову руками. Труп ударил его подогнувшимися ногами, которые с мягким шорохом проволочились по его спине и загромыхали дальше вниз по лестнице.

Потом еще что-то стукнуло Джада в бок.

Он нанес ответный удар локтем и ощутил попадание во что-то мягкое, а потом услышал над собой неизвестно чей шумный выдох, и в тот же миг был придавлен к лестнице огромной тяжестью. Закашлявшись от неприятного кислого запаха, резко ударившего в нос, он повторно пнул невидимого врага локтем и рывком повернулся на бок. Тут же что-то острое вонзилось в его плечо, разорвав сразу и толстую куртку, и его собственную кожу, однако тяжесть со спины исчезла.

От резкой боли Джад выронил пистолет и начал ощупывать ступеньки в надежде найти его, но вместо этого паль-

ды наткнулись лишь на канистру с бензином. Джад схватил ее и вскочил на ноги. Снизу послышался громкий стон, переходящий в рычание.

Размахивая канистрой, Джад стал выплескивать бензин в темноту. И тут у подножия лестницы появилось какое-то бледное горбатое существо и прыжками кинулось вверх. Джад слышал, как брызги бензина попадают на эту тварь. Она размахивала лапами и рычала. Приблизившись к Джаду, тварь выбила канистру из его рук и с силой толкнула в раненое плечо. Он не смог устоять на ногах и, упав на ступеньки, тут же полез в нагрудный карман, где вместе с коробкой сигар у него лежали и спички.

Вдруг бедро Джада обожгла острая боль: тварь полоснула по нему когтями, оставив на ноге глубокие раны. Наконец он нашел спички, достал одну, чиркнул ею, но увидел лишь короткую тусклую вспышку.

Спичка не загорелась.

В это время непонятное существо было уже в воздухе, перелетая через перила. Потом тяжело грохнулось на пол, охнуло, поднялось и убежало по направлению к кухне.

Джад стал шарить по лестнице и вскоре нашел пистолет и фонарь. Потом сел на ступеньку повыше растерзанного тела Мэри Зиглер и, затаив дыхание, прислушался.

Глава десятая

Все тело Роя противно ныло. Особенно плечи и спина. У него было такое ощущение, будто он сидит за рулем уже целую вечность, хотя на самом деле он крутил баранку всего восемь часов. Нет, он не должен так паршиво себя чувствовать после каких-то восьми часов езды!..

Рой потрогал лежащий рядом пакет и через пластик почувствовал, что «биг маки», купленные им в придорожном «Макдональдсе», еще теплые. Он хотел было достать один, но потом передумал. Можно немного и подождать. Все равно скоро придется останавливаться на ночлег; вот тогда и наступит время для ужина.

Проезжая через Золотые Ворота, он не смог одолеть искушения бросить взгляд вправо, на Алькатрац¹. Но бы-

¹ Алькатрац — остров в заливе Сан-Франциско, на котором в 1934—63 гг. находилась крупнейшая в США федеральная тюрьма для особо опасных преступников. В настоящее время в здании тюрьмы расположен музей. (Прим. перев.)

ло слишком темно, и Рой ничего не увидел, кроме красных сигнальных огней на вышках. Что ж, тем лучше! И чего это его снова дернуло глазеть на эту хренову тюрьму?..

«Но ведь там больше не тюрьма», — напомнил он сам себе.

Все равно тюрьма! Тюрьма однажды, она навсегда останется тюрьмой. И ничем другим никогда уже стать не сможет...

А если бы он проехал по сто первому шоссе еще десяток миль, то мог бы увидеть и «Сан-Квентин». Вот дерьмо!.. Разве он не достаточно еще нахлебался этих помоев?

Рою не хотелось больше думать о тюрьмах.

Он потянулся к пакету, достал из него гамбургер и стал медленно есть, внимательно следя за дорогой. Проглотив последний кусок, он включил указатель поворота и свернул на путепровод в Милл-Валли.

Машина шла ровно. Рою нравилось управлять ею. Да, Боб Марстон понимал толк в машинах.

Милл-Валли нисколько не изменился. Он все еще производил впечатление маленького провинциального городка. Даже здание театра «Тамалпиас» не было освещено. Старый автовокзал выглядел как обычно. Интересно, продают ли в нем до сих пор дешевые книжки в мягких обложках?.. А вот и новшество: с левой стороны на месте старых домишек было построено огромное кирпичное здание. Конечно, город менялся, но очень медленно.

Внезапно на перекресток выскочила большая собака — помесь лабрадора еще с кем-то. Рой дал полный газ и повернул руль, чтобы задавить ее, но чертовой сучке удалось отскочить в сторону.

В конце городка он свернул на шоссе, ведущее в Маунт-Тамалпиас, Мьюр-Вудс и Стинсон-Бич. Дорога уходила в горы, склоны которых были сплошь покрыты сосновым лесом. Некоторое время он еще ехал мимо разбросанных по холмам темных домиков, но скоро исчезли и они. Рой все дальше углублялся в лес, периодически снижая скорость, а то и совсем останавливаясь на закрытых крутых поворотах.

Наконец, увидев отходящую в сторону проселочную дорогу, он свернул на нее, затормозил и выключил фары. Машину окутала темнота. Рой открыл дверь, и на потолке салона зажглась лампочка. Выйдя наружу, он достал с заднего сиденья красный рюкзак, вынул из бокового кармашка фонарик, потом взвалил рюкзак на плечи, закрыл дверь машины и направился к лесу.

Местность, по которой он шел, постепенно поднималась все выше. Джинсы то и дело цеплялись за колючий кустарник. Сойдя с дороги, Рой сразу же напоролся на клубок старой колючей проволоки, порвал штанину и сильно оцарапал ногу. Он со злостью отшвырнул проволоку в сторону и продолжил свой путь.

У вершины холма он начал искать подходящее место для ночлега, но все вокруг было покрыто невысоким кустарником. Рой хотел уже прекратить поиски и вернуться в машину, как вдруг луч фонаря упал на небольшую травянистую поляну. Рой подошел ближе и улыбнулся.

На этой лужайке шириной не более двадцати футов было хорошее ровное место для спального мешка. В середине кто-то уже выложил до него круг из камней — видимо, разводили костер. Здесь же валялось с полдюжины обгорелых консервных банок. Рой нагнулся и потрогал одну из них. Холодная.

Потом он осторожно обвел вокруг фонарем. Лес был темным и молчаливым.

Все очень хорошо.

Рой поставил рюкзак на землю и открыл его. Сверху лежала пластиковая подстилка. Он разложил ее на траве, потом достал спальный мешок Боба и бросил поверх подстилки.

«Надо было взять один из тех поролоновых ковриков», — подумал он. Жаль, что эта мысль не пришла ему в голову чуть пораньше...

После этого Рой отправился в лес за хворостом, набрал сухих веток для растопки и положил их в каменный круг. Потом наломал крупных сучьев. Когда он сложил их рядом, получилась довольно внушительная куча. Обгоревшие банки он побросал за деревья.

С помощью туалетной бумаги из рюкзака Рой разжег хворост и начал подбрасывать в огонь сучья. Костер быстро разгорался, потрескивая и выбрасывая вверх снопы искр. Пламя грело ему руки и отбрасывало дрожащий свет на траву. Он подбросил еще крупных дров. По мере того, как костер разгорался сильнее, Рой добавлял в него новую порцию топлива.

— Ну вот, не хуже, чем в крематории, — наконец удовлетворенно пробормотал он.

Как-никак, за один день он уже трижды успел развести огонь. Значит, появляется опыт...

Рой немного постоял у костра, наблюдая, как извиваются языки пламени, обдающего жаром все его тело. Потом отошел назад, нагнулся, взял фонарь и двинулся обратно к машине. Время от времени он оглядывался через плечо. Огонь еще долго был виден, а на стволах окружавших поляну сосен плясал призрачный оранжевый свет. Но когда он достиг того места, откуда уже показалась машина, костер скрылся из виду.

Рой осторожно спустился на дорогу и подошел к автомобилю. С переднего сиденья он достал пакет из «Макдональдса», потом подошел к багажнику и открыл его.

Джони зажмурилась, когда луч фонаря ударил ей в глаза. Она лежала на боку, прикрывшись завалявшимся в багажнике пледом.

— Голодная? — спросил Рой.

— Нет, — обиженно ответила девочка.

Раньше, когда он по дороге из Санта-Моники каждый час открывал багажник, чтобы проверить ее, она не разговаривала и не двигалась. Фактически с того вечера в ванной девочка не произнесла ни слова.

— Ну, ладно. Думаю, ты не совсем еще спятила, — проворчал он и потянул за плед. Джони попыталась удержать его, но не смогла. Рой грубо вырвал ткань из ее рук.

Джони сжалась еще сильнее.

— Вылезай! — приказал он.

— Нет.

— Вылезай, или я сделаю тебе больно.

— Нет.

Рой сунул руку под ее короткую плиссированную юбочку и ущипнул Джони за ляжку. Она начала плакать.

— Ну, что я тебе говорил? Вылезай сейчас же!

Девочка на четвереньках выползла из багажника и опустилась на землю.

Рой захлопнул крышку и взял Джони за руку.

— Сейчас мы устроим хороший пикник на свежем воздухе, — сказал он и начал взбираться на холм, волоча Джони за собой. По тому, как она спотыкалась и вскрикивала, он понял, что ей трудно идти по такой земле босиком.

— Хочешь, я понесу тебя? — спросил он.

— Нет.

— Полезай ко мне на закорки — и кусты перестанут царапаться.

— Я ничего от тебя не хочу. Ты злой.

— Я не злой.

— Нет, злой. Я знаю, что ты сделал.

— Ничего я не делал...

— Ты...

— Что?

— Ты...— Внезапно она издала громкий протяжный крик:

— Уаааа! — совсем как младенец.

— Вот дерьмо,— буркнул Рой.

Ее монотонный плач изредка прерывался громким всхлипыванием, а потом начинался снова. Казалось, он не кончится никогда. И тут Рой наотмашь ударил ее рукой по щеке. Громкий плач оборвался, остались лишь глухие рыдания.

— Садись,— приказал Рой, когда они дошли до поляны.

Джони опустилась на спальный мешок, обхватила руками колени и съежилась. Рой наломал еще сучьев и побросал их в огонь. Когда костер разгорелся, он сел рядом с Джони.

— Правда, красиво? — спросил он.

— Нет.

— А ты раньше ходила в поход с ночевкой?

Джони отрицательно покачала головой.

— Знаешь, что тут лежит? — Он поднял большой белый пакет из «Макдональдса» и поднес его к лицу Джони. Та тут же отвернулась, но Рой успел заметить в ее глазах жадный блеск и с показным наслаждением понюхал пакет. Вокруг распространился запах жареной картошки и кетчупа. Рой запустил в пакет руку, нащупал упаковку с хрустящим картофелем и достал один ломтик.

— Смотри, что у меня есть! — Он высоко поднял ломтик и покачал им перед лицом девочки.— Это все тебе. Бери!

Джони сжала губы и отвернулась.

— Делай, как знаешь.— Рой махнул рукой, запрокинул голову, открыл рот и кинул туда ломтик. Картофель оказался очень соленым.

Он вынул из рюкзака банку пива. Она была сухая и теплая. Рой вспомнил, какими холодными были банки, когда он доставал их из холодильника Карен, и как его ладони сразу покрылись влагой от прикосновения к ним. Ну что ж, теплое пиво — все же лучше, чем вообще никакого. Когда он открывал банку, пиво случайно брызнуло в лицо Джони. Она вздрогнула, но вытираться не стала. Рой сделал несколько глотков, чтобы смыть соль во рту.

— Поешь картошки,— снова предложил он и протянул ей другой ломтик.— Не хочешь? Ладно.— Он съел и его. Потом достал весь пакетик с картофелем.— Там лежит еще твой «биг мак». Я специально брал два. Свой я уже съел.— Сам он продолжал уплетать картошку.— А этот есть не буду. Он твой.

— Я не хочу.

— Да хо-очешь!..— недоверчиво скривился Рой.

— Нет.

— Я купил его для тебя, и ты его съешь! — Он начал раздражаться.

— Ты не мой папа...

Черт! Надо быть осторожным, пока она снова не заскулила.

— Ну, как хочешь. В общем, он твой.

— Я не хочу. Может, ты его уже отравил.

— Ничего я не отравлял.— Он снова захрустел картошкой и запил ее пивом. Потом бросил пустой промасленный пакетик в костер и, наблюдая, как пламя пожирает его, взял еще банку пива. На этот раз Рой встряхнул его перед тем как открыть, а затем умышленно направил струю пены в лицо Джони. Девочка закусилась нижнюю губу. Пиво капало с ее носа и подбородка. Рой засмеялся.

— Жалко, что ты сама этого не видишь! — Он достал из пакета оставшийся «биг мак» и развернул его.— Так будешь?

— Нет.

Рой широко открыл рот и «угрожающе» приблизил к нему «биг мак». Джони бросила на еду быстрый взгляд, но тут же отвела глаза.

— Ты же хочешь его!

Она отрицательно замотала головой.

— Конечно, хочешь. Я вижу... На! — Рой поднес сэндвич к ее лицу, но она плотно сжала губы и опустила подбородок на грудь.

— Открой рот! — потребовал он.

Джони снова покачала головой.

Тогда Рой прижал «биг мак» к ее закрытому рту и повел им по губам. Вокруг рта девочки остались следы соуса. Он опустил сэндвич и стал ждать, когда Джони начнет облизываться.

Но ее рот оставался закрытым.

— Ладно, открой рот.— Он снова потер «биг маком» ее губы, выдавив побольше подливки.— Делай, что я говорю!

Джони отрицательно промычала, не разжимая рта. Рой поставил банку с пивом на землю и встал рядом на колени.

— Ешь, Джони!

Она резко замотала головой.

«Будь проще — и к тебе люди потянутся», — вспомнил вдруг Рой любимую фразу своего начальника тюрьмы, зажал ей левой рукой нос, повалил девочку на спину и придал свержу коленом. Джони долго не открывала рот. Но, наконец не выдержала и, расслабив губы, глотнула воздух. Рой тут же сунул ей сэндвич и начал крутить им, размазывая содержимое по носу и подбородку. Когда девочка стала задыхаться, он отпустил ее и выбросил остатки «биг мака» в костер.

Джони села и, закашлявшись, начала пальцами выбирать изо рта куски пищи.

— Смотри, не испачкай мне спальный мешок! — предупредил Рой и толкнул ее в спину.

Она упала на четвереньки и так, стоя возле самого костра на локтях и коленях, еще долго кашляла и отплевывалась.

Рой смотрел сзади на ее короткую плиссированную юбочку и вспоминал, как сам одевал ее утром. Он выбрал свежую белую блузку и эту зеленую юбку. Джони, лежа на кровати, не сопротивлялась ему и не помогала. Казалось, будто он одевал куклу. Но тут как раз имелась большая разница. У этой куклы все части тела были настоящие, и Рою нравилось трогать их. Он не надел на нее никакого нижнего белья. Ему было приятно, что под юбкой у нее ничего нет.

Когда кашель прекратился, Джони так и осталась стоять на четвереньках и сразу заплакала.

Рой погладил ее ногу. От его прикосновения все тело девочки вздрогнуло и судорожно напряглось, а он стал водить пальцами по бедру вверх и вниз, получая удовольствие от плавных изгибов ее тела и прохладной гладкости кожи. Потом поднял руку повыше. Джони повернулась и отпихнула его.

Рой тут же схватил ее и притянул к себе. Из носа у Джони текло. Он вытер ее своим носовым платком и бросил платок в костер.

Когда Рой начал расстегивать на ней блузку, Джони ударила его по рукам, но он не обратил на это никакого внимания. Тогда она размахнулась и с силой стукнула его

кулаком в нос. Это уже было больно; Рой схватил ее за волосы и резко рванул. От неожиданной боли Джони чуть не задохнулась, но он и не думал отпускать ее. Больше она его бить не решалась. Рой снял с девочки блузку и только тогда медленно отпустил ее волосы. Джони обхватила себя руками и задрожала, покрывшись мурашками. Рой убрал блузку в рюкзак.

— Что, холодно? — спросил он.

Она ничего не ответила.

Тогда Рой сел позади нее и начал гладить ее спину и плечи. Потом расстегнул «молнию» на юбке.

— Встань, — сказал он.

Джони покачала головой.

Рой ущипнул ее за спину.

— Встань, говорю!

Джони встала, и Рой стащил с нее юбку.

— Мне холодно, — тихо сказала она.

— Иди к огню.

Джони не хотелось сходить с мягкого спального мешка, но все же она передвинулась вперед, поближе к угасающему костру.

— Подложи еще дров, если хочешь.

Рой смотрел, как она наклонилась, взяла из кучи несколько сучьев и бросила их в костер. Он наблюдал, как поднимающиеся языки пламени бросают на ее кожу дрожащий оранжевый отсвет. Потом Джони присела на корточки, повернувшись к нему боком.

Рой развязал шнурки на ботинках. Настоящие фирменные ботинки!.. Да, Боб был большой дока в туристическом снаряжении... Рой разулся.

— Встань на другую сторону, — приказал он Джони. — Лицом ко мне.

И тогда она побежала.

Рой засучил штанину и достал свой нож. Перевернув его, он ухватил лезвие большим и указательным пальцами и с силой метнул оружие вслед убегающей девочке. Нож полетел, переворачиваясь в воздухе, и блеснул несколько раз в свете костра.

Джони почти уже добежала до края лужайки, когда нож настиг ее. Рой услышал глухой удар. Девочка вскрикнула и лицом вниз упала на траву.

Он не спеша надел ботинки, но завязывать их не стал, а просто засунул концы шнурков внутрь и поднялся на ноги.

Ветки и хвоя захрустели под его подошвами, когда он подходил к распростертому на земле телу Джони.

Тихий стук в дверь разбудил Донну. С трудом оторвав голову от подушки, она увидела, что окно в комнате находится не на месте. Оно было где-то в стороне, а не прямо над ее кроватью. Странно... На улице еще темно. И кто-то стучится. От страха у нее защемило в животе.

Но тут она вспомнила, где находится, и узнала свой гостиничный номер.

Джад! Конечно, это пришел Джад.

Донна встала с кровати. Холодно. Но искать в темноте халат не было времени. Она быстро подошла к двери и открыла ее.

На пороге стоял Ларри в полосатой пижаме и ежился на холодном ветру, обхватив тело руками.

— Что случилось? — прошептала Донна, и тревога тут же закралась в ее сердце.

— Джад... вернулся. Он ранен.

Донна глянула через плечо на кровать Сэнди и решила не будить девочку. Она тихо вынула из замка ключ, вышла, закрыла дверь и заперла ее снаружи.

Шагая за Ларри через автостоянку, Донна ощущала пронизывающий холод и еще чувствовала, как качаются под ночной рубашкой ее груди, будто она совсем голая. Впрочем, это не важно. Сейчас только Джад имел для нее значение. А кроме того, в их комнате она наверняка найдет, что накинуть.

— Как он? — с дрожью в голосе спросила Донна.

— На него напало чудовище.

— О Боже! — воскликнула она, вспомнив восковые фигуры растерзанных трупов. Не может быть, чтобы и он сейчас был в таком состоянии. Только не Джад. Он ранен, но не мертв. С ним все будет в порядке...

Наконец Ларри открыл дверь их коттеджа номер 12. Между кроватями горел торшер, но обе койки были пусты. На одной из них, кажется, еще даже не спали. Донна с недоумением оглядела комнату.

— Где же он? — спросила она.

Ларри молча закрыл дверь и запер ее на шпингалет и замок.

— Ларри, где Джад?..

Донна заметила, как он скользнул взглядом по ее фигуре и был будто бы удивлен тем, что увидел сквозь ночную рубашку.

— Его же здесь нет! — возмутилась она.

Ларри медленно кивал головой.

— Если вы думаете, что можете...

— Что? — вздрогнул Ларри и, оторвав взгляд от ее груди, посмотрел, наконец, Донне в лицо. При этом глаза его не выражали ровным счетом ничего.

— Я ухожу, — тихо сказала Донна.

— Подождите, почему?.. Я прошу прощения, если смутил вас... Я просто...

— Я знаю, что вы «просто». Просто вы подумали, что можете использовать его имя, чтобы заманить меня сюда и...

— О Боже, ну что вы! Конечно, нет! — Он нервно засмеялся. — Это Джад просил меня вас привести.

— Ну и где же он?

— Вон там.

Донна прошла за ним через комнату.

— Он не хотел пачкать кровью кровать...

Ларри открыл дверь в ванную. Донна увидела на полу груды одежды, а потом и самого Джада, который сидел в пустой ванне. Его спина была вся в крови, бурые пятна покрывали и заднюю часть трусов. Джад как раз накладывал на бедро широкую бинтовую повязку.

— Ну вот, с этим вроде бы все, — облегченно вздохнул он и посмотрел на Донну.

Она опустилась на колени, наклонилась и поцеловала его. Потом провела рукой по его влажному лбу.

— Что-то ты неважно сегодня выглядишь. — Донна попробовала улыбнуться.

— Видела бы ты меня до того, как я принял душ!

— А ты всегда стоишь под душем в трусах?

— Нет. Просто не хотел тебя шокировать раньше времени...

— Понятно. — Она снова поцеловала его. На этот раз поцелуй был намного дольше. Донну охватило приятное чувство растущего возбуждения. Она хотела, чтобы Ларри вышел из ванной.

— Я не собираюсь всю ночь смотреть, как вы тут целуетесь, — сказал он, неуверенно улыбаясь. — В конце концов, у этого человека идет кровь!..

— Ты можешь забинтовать мне плечо? — спросил ее Джад.

— Конечно.

— А то Ларри слишком брезглив...

— Да, вид крови вызывает у меня тошноту, — объяснил он и вышел из ванной.

Когда Донна выжимала в раковину влажную махровую салфетку, которой было прикрыто плечо Джада, вода стала ярко-красной от его крови.

— На тебя напало чудовище? — тихо спросила она.

— Пока скажем «нечто», — ответил Джад.

— Похоже на следы когтей.

— Мне тоже так кажется.

Донна осторожно промокнула салфеткой края ран.

— Полей перекисью водорода, — попросил Джад. — Пузырек, кажется, на полу возле твоих ног.

Донна обработала раны шипящей пенящейся жидкостью. После этого достала из аптечки большой кусок марли, свернула ее и наложила на плечо, а сверху залепила лейкопластырем.

— Ну вот, кажется, все, — сказала она, заканчивая укреплать повязку.

— Угу, — удовлетворенно промычал Джад.

— Еще что-нибудь залепить?

— Да нет, спасибо. С меня и этого хватит, — улыбнулся Джад.

— А теперь надо тебя помыть. Ты сможешь держать ногу сухой, если я пушу воду?

— Если ее будет не очень много...

Донна вставила в ванну пробку и открыла краны. Подняв колено повыше, Джад старался не замочить наложенную на бедро повязку. Через минуту Донна закрыла воду и стала намыливать его губкой.

— Ты заходил внутрь дома? — спросила она.

Джад утвердительно кивнул.

— Ну, зачем? Это же так опасно!

— Не одобряешь мой риск? — Он усмехнулся.

— Тебя ведь могли убить!

— Да, был такой шанс...

— Как же тебе удалось выбраться?

— Я облил его бензином... И он, по-моему, испугался, что вспыхнет.

Теперь кожа Джада стала чистой и гладкой. Перегнувшись через край ванны, Донна поцеловала его в спину и слизнула несколько капель воды.

— Готово! — объявила она.

— Благодарю вас, мэм. Не откажите в любезности передать мне во-он то полотенце.

Донна дала ему полотенце и стала смотреть, как он поднялся и начал вытирать ногу, стараясь, чтобы вода не капала на повязку.

— Я буду через минуту,— сказал Джад, выбираясь из ванны.

— Где будешь? — Донна удивленно подняла брови, делая вид, будто не поняла, что он просит ее удалиться.

— Ты хочешь остаться? — с теплой улыбкой спросил он.

Донна кивнула. Потом подошла к двери и закрыла ее. Замок громко щелкнул, когда она повернула щеколду.

— Вообще-то это не самое удобное в мире место,— тихо произнес Джад.

— Для меня сгодится.— Донна призывно улыбнулась.

Поглаживая ее плечи, Джад откинул в стороны бретельки ночной рубашки, и рубашка упала на пол. Это возымело на Джада мгновенное действие. Опустившись перед ним на одно колено, Донна высвободила его отвердевший член и стянула с Джада трусы. Затем опять поднялась во весь рост. Сперва он ласкал ее одними глазами. Потом стал нежно гладить шею, плечи, полные округлости груди, и, наконец, привлек Донну к себе, заключив в крепкие объятия ее жаждущее любви тело.

Когда их губы слились в поцелуе, руки Донны запорхали по его рельефной мускулистой спине, постепенно опускаясь вдоль позвоночника к твердым полушариям ягодиц.

Джад отбросил ногой в сторону сваленную на полу одежду, постелил на кафель два банных полотенца, и Донна легла на них спиной, подняв колени и широко разведя их в стороны. Джад склонился над ней.

Она почувствовала легкое прикосновение его языка сначала к одной груди, потом к другой, а после этого — легкий толчок между ногами и следом — плавное движение его члена внутри. Он глубоко вошел в нее, заставив сладостно содрогнуться все ее тело.

Тяжело дыша открытым ртом, Донна старалась вести себя поспокойней, потому что очень не хотела, чтобы их услышал Ларри. Но дыхание ее становилось все громче, и она была уже не в силах сдержаться. А потом и вовсе перестала обращать на это внимание. Теперь она чувствовала только Джада. Он был над ней, был в ней, он наполнял ее, и его движения возбуждали все растущее желание разрядиться. И, наконец, эта разрядка произошла — она не могла больше терпеть.

Джад заглушил ее крик своим поцелуем.

— Боже мой, неужели можно так долго оказывать первую помощь? — с ехидной ухмылкой спросил Ларри, оторвавшись от телевизора. — Разве у вас в школе не было занятий по гражданской обороне?

— Да? А мне показалось, что все, наоборот, произошло очень быстро... — Донна смущенно улыбнулась.

Джад, на котором кроме бинтов было лишь полотенце, достал из шкафа халат, надел его, а потом снял свою «набедренную повязку».

— Итак, — Ларри энергично потер руки, — теперь, когда ты пришел в себя после такого грамотного лечения, будь любезен, расскажи наконец, что там произошло?

— Ты останешься? — спросил Джад Донну.

— Да, я тоже хочу послушать, — ответила она. — Только мне очень холодно. Можно прилечь?

— Конечно, устраивайся поудобней. — Он кивнул ей на неразобранную постель.

Донна сняла с кровати покрывало, прислонила подушки к изголовью и села, блаженно откинувшись на них.

— Я готова, — сказала она, натягивая на себя одеяло.

Джад рассказал им, что и как было. Он поведал о том, как наблюдал за домом с холма, как заметил пробравшуюся внутрь женщину, последовал за ней, нашел канистру с бензином, а потом и труп Мэри Зиглер.

— Жаль, — вздохнул Ларри. — Это была порядочная женщина, раз она собиралась превратить весь этот грязный вертеп в кучу пепла.

— Но интересно, почему она так долго ждала? — удивилась Донна.

— Это могло зависеть от целого ряда причин, — предположил Джад. — Во-первых, она, скорее всего, уехала из города после убийства, чтобы похоронить своего мужа и сына... Ты, кстати, не знаешь, откуда они? — спросил он у Ларри.

— Из Розвилла. Это неподалеку от Сакраменто.

— Но ведь для того, чтобы похоронить их и вернуться сюда, ей хватило бы и нескольких дней, — заметила Донна. — Что же она делала все остальное время?..

— Может быть, раздумывала, как лучше отомстить за их смерть. А потом готовилась к исполнению своего плана... Между прочим, когда я сегодня выбирался оттуда, я воспользовался ямой, вырытой под оградой. И я думаю, что этот подкоп сделала именно она... Ну, вот. А когда все

приготовления были закончены, она решила привести свой план в действие.

Ларри нахмурился.

— Хорошо, но ты хоть пытался остановить ее?

— Вообще-то я пошел к дому не для того, чтобы ее останавливать. Я решил проникнуть туда, чтобы выяснить, кто она такая и что там собирается делать. Но даже при всем желании я не успел бы уже помешать ей: едва она скрылась за дверью, как я услышал ее последний крик...

— О Боже! — Донна почувствовала, как мороз побежал у нее по коже, несмотря на теплое одеяло. — Она была... в плохом состоянии?

— Она была мертва, — ответил Джад.

— И похожа на все предыдущие жертвы? — уточнил Ларри, проницательно улыбаясь.

— Да, особенно на ту женщину в гостиной. Ее, кажется, звали Этель?.. Так вот: Мэри Зиглер была точно в таком же виде, как и Этель, если, конечно, восковая фигура верно все воспроизводит. Я внимательно осмотрел тело после того, как этот... убийца... скрылся.

— А ты мог бы сказать, что над ней было совершено сексуальное насилие? — спросил Ларри.

Джад кивнул головой.

— Да, это совершенно очевидно.

Мысль об этом заставила Донну плотно сжать ноги. Но потом до ее сознания дошло, что она все еще чувствует внутри себя Джада, будто он оставил в ней некий отпечаток. Ее страх и отвращение сразу же улеглись. На миг она задумалась о том, как бы еще раз устроить так, чтобы они с Джадом остались наедине.

— Я знал, что она окажется изнасилованной, — сказал Ларри. — У чудовища... Это его главный мотив. Половое удовлетворение... Конечно, я должен радоваться, что это именно так. Ведь тогда это и спасло мою жизнь... Чудовище было занято тем, что удовлетворяло свою похоть с Томми...

Но Джад с сомнением покачал головой.

— Нет, я не думаю, что секс здесь — главное.

— Неужели? — Голос Ларри звучал почти издевательски.

— Дай мне изложить мою версию до конца... Я считаю, что это чудовище — человек.

— Тогда любая твоя версия — просто дерьмо.

— Да ты послушай!.. Это обыкновенный человек в костюме. И на костюме имеются когти,

— Нет.— Ларри решительно замотал головой.

— Да послушай ты, черт побери! И ты тоже, Донна. А потом скажите мне свое мнение... Самые первые убийства — сестры и детей жены Торна — были действительно совершены Гэсом Гаучером, которого за них и повесили.

— Это не так,— настаивал Ларри.

— Ну, почему нет?

— Потому что убитые были разорваны на части когтями.

— Хорошо. Откуда это известно лично тебе?

— Это видно по фотографиям, сделанным в морге.

— А ты сам видел эти фотографии?

— Нет, но их видела Мэгги Кутч...

— Если, конечно, ей можно верить...— Джад скептически усмехнулся.— А у кого сейчас эти снимки?

— Наверное, у самой Мэгги.— Ларри пожал плечами.

— Ну, тогда, может быть, и мы сумеем на них посмотреть...

— Оч-чень сомневаюсь.

— Ладно. Отложим это на время. В конце концов, это не так уж важно. Главное, что их видели присяжные, которые рассматривали дело Гаучера. И они должны были выслушать показания свидетелей.

— Согласно газетным отчетам, так все и было,— насмешливо подтвердил Ларри.

— И то, что слышали присяжные, оказалось для них достаточным, чтобы осудить этого человека...

— Да уж, с этим историческим фактом трудно не согласиться.— Сарказм Ларри не знал границ.

Однако Джад спокойно продолжил:

— Мы, конечно, должны еще это проверить, но у меня сложилось впечатление, что до убийства Кутчей тридцать лет спустя никто не сомневался в том, что именно Гаучер виновен в гибели семьи Торнов.

— Ну, так все было представлено...— фыркнул Ларри.— Им же нужен был козел отпущения!

— Нет, им был нужен подозреваемый. А Гэс Гаучер как раз очень похож на такого. И вполне возможно, что он на самом деле совершил эти убийства.

— Да, но ведь Гаучера повесили,— напомнила Донна.— Поэтому ясно, что он не виновен в нападении на Мэгги и ее семью.

— Каким-то образом, может быть, и виновен,— не согласился Джад.— Косвенно... Вы вспомните, что сделала Мэгги сразу после убийства ее семьи: она выехала из дома, поселила к себе Вика Хэпсона и открыла «Дом чудовища» для туристов... Честно говоря, я думаю, что они с Виком просто решили, что им будет лучше без мистера Кутча. И убили его тем же способом, каким была убита семья Торнов за тридцать лет до того. А потом сочинили историю про чудовище, чтобы отвести подозрение от себя. Но когда они увидели, какой интерес вызвало это чудовище у людей, они решили извлечь из него максимальную выгоду, открыв дом для экскурсий.

Ларри лишь покачал головой и ничего не сказал.

— Один вопрос...— вступила в разговор Донна.— Я не могу представить себе, чтобы женщина убила своих собственных детей.

— Вот именно это до сих пор и не укладывается у меня в голове,— вздохнул Джад.— Хотя для того, чтобы история выглядела правдоподобной, дети тоже должны были умереть.

— Нет, она не могла этого сделать. Ни одна мать такого не сделает! — убежденно заявила Донна.

— Скажем лучше, что это маловероятно,— поправил ее Джад.— Все-таки известны случаи, когда матери убивают своих детей. Однако здесь больше похоже на то, что с ее детьми расправился Вик.

— Твоя теория просто смехотворна! — фыркнул Ларри.

— Почему же?

— Потому что в этом доме есть настоящее чудовище.

— Это чудовище — всего лишь резиновый костюм с приделанными к нему когтями! — Джад уже исчерпал все разумные аргументы.

— Нет,— не сдавался Ларри.

Донна нахмурилась.

— Вы думаете, что сегодня там был Вик Хэпсон?

— Если это и Вик, то он чертовски силен для человека своего возраста,— с сомнением ответил Джад.

— Тогда Аксель?

— Нет, это не мог быть Аксель. Аксель слишком мал ростом, широк в плечах и довольно неуклюже двигается.

— Тогда кто же?..

— Пока не знаю.— вздохнул Джад.

— Зато я знаю. Это было чудовище,— сказал Ларри.—

Не человек в резиновом костюме, а именно самое настоящее чудовище!

— Ну скажи, ради Бога, почему ты так в этом уверен? — взмолился Джад.

— Я это знаю.

— Откуда?

— Знаю, и все. Чудовище не может быть человеком.

— Хорошо, а ты поверишь мне, если я покажу тебе этот костюм?

Как-то странно улыбнувшись, Ларри кивнул.

— Конечно. Покажи мне его, и я тут же поверю. Сделай это!..

— Договорились. Как насчет завтрашней ночи?

— Завтра ночью... — Ларри замолчал, потому что в дверь в этот момент постучали.

3

Джад пересек комнату, подошел к двери и открыл ее.

— Привет! — сказал он.

— Моя мама здесь?

— Конечно, здесь. Заходи.

В комнату вошла Сэнди с растрепанными со сна волосами. На ней был голубой халат, из которого она уже немного выросла. Увидев Донну, девочка вздохнула с преувеличенным облегчением.

— Вот ты где! А что ты делаешь в этой кровати?

— Согреваюсь. А ты что делаешь? Как ты вышла из номера?

— Через окно. — Сэнди виновато улыбнулась. — Тебя долго не было, я начала волноваться...

— Но я же здесь всего несколько минут. — Донна посмотрела на Джада. — Наверное, мне пора.

Она выбралась из постели и направилась вместе с Сэнди к выходу. Джад проводил их до двери. Донне хотелось поцеловать его на прощанье, крепко прижать к себе, вновь почувствовать силу и тепло его тела... Но не при Сэнди. И без Ларри.

— Увидимся утром, — улыбнулась она.

— Я провожу вас.

— Спасибо, в этом нет необходимости.

— Как раз необходимость-то есть... — вздохнул Джад.

Он шел рядом с Донной, почти не касаясь ее. Сэнди убежала вперед. Взяв у матери ключ, она открыла дверь и ждала.

— Заходи в дом! — издали крикнула ей Донна. — Я держусь на минуточку.

— Только не долго!

— Закрой дверь, дорогая. А то всю комнату выступишь.

Девочка послушно закрыла дверь.

Прижавшись спиной к двери, Донна протянула Джаду обе руки. Он подошел к ней вплотную и обнял. От него еще слегка пахло мылом.

— Здесь холодно, — прошептала она, — а ты такой теплый...

— Сегодня утром ты, кажется, говорила Ларри, что не замужем?

— Я развелась с ним, — ответила Донна. — А ты?

— А я никогда не был женат.

— Не нашлось подходящей девушки?

— Да нет, «подходящие» как раз были. Но моя профессия... Она слишком рискованная. И я не хотел никого впутывать в такую жизнь.

— Что же это за профессия?

— Я убиваю чудовищ.

Донна улыбнулась.

— Это правда?

— Да. — Он поцеловал ее. — А теперь, спокойной ночи.

Глава двенадцатая

1

Джада разбудил истошный вопль ужаса. Он посмотрел в темноте на Ларри.

— Эй! С тобой все в порядке?

— Нет! — Ларри сел на кровати и, обхватив колени руками, прижал их к груди. — Нет. Со мной никогда все не будет в порядке. Никогда!.. — И он тихо заплакал.

— Нет, Ларри, — убежденно сказал Джад. — Как только мы завершим это дело, ты почувствуешь себя совсем другим человеком!

— Мы никогда его не завершим! Ты ведь даже не веришь, что чудовище действительно существует. Тоже мне, компаньон!..

— Что бы это ни было, я убью его, — твердо пообещал Джад.

— Убьешь?

— Но ты же мне за это и платишь...

— И ты отрежешь у него голову для меня?

— Ни в коем случае!

— А я хочу, чтоб ты это сделал. Я хочу, чтобы ты отрезал у него голову...

— Забудь об этом как можно быстрее, ладно? Я просто убью его, и все. И никаких бредовых разговоров о расчленении трупов! Я уже достаточно посмотрелся этого.

— Насмотрелся? — В голосе, раздавшемся из темноты, звучали удивление и интерес.

— Да, я выполнял одно задание в Африке... И там видел много расчлененных трупов. Один парень даже хранил отрубленные головы в холодильнике и любил кричать на них по ночам...

До ушей Джада донесся сухой каркающий смех с соседней кровати. И этот смех показался Джаду настолько странным, что он невольно занервничал.

— Может быть, мне лучше отвезти тебя завтра домой? — спросил он. — Я могу закончить тут все и без тебя.

— Нет-нет, не надо. — Ларри с трудом сдерживал свой приступ хохота.

— Ларри, подумай! Может, так будет лучше для нас обоих?..

— Нет, я должен быть здесь, когда ты убьешь это чудовище. Я должен лично убедиться, что оно умерло. Мне надо видеть все своими глазами.

2

В шесть утра будильник поднял на ноги Джада, но Ларри его звон нисколько не потревожил. Выбравшись из постели, Джад встал на холодный пол и снял повязку с бедра. Четыре параллельные царапины уже подсохли, оставив на ноге темные корки свежих шрамов длиной около трех дюймов. Раны еще болели, но Джад сразу определил, что скоро они сами заживут без всяких проблем. Он зашел в ванную, бросил пропитанный кровью бинт на грудку одежды и наложил новый. Потом осмотрел через зеркало повязку на плече. Сквозь марлю кое-где проступила кровь, но сама повязка была сухой. Может, попозже он попросит Донну или Ларри сменить ее.

Джад умылся и переоделся во все чистое. После этого его чемодан стал почти пустым. Он выбросил остатки содержимого на кровать, отнес чемодан в ванную и там сло-

жил в него всю порванную и окровавленную одежду. Потом бросил туда же старый бинт и полотенце с пятнами крови, закрыл крышку и вместе с чемоданом вышел на улицу.

Утро было тихое и спокойное, будто все, кроме птиц, еще спали. Джад окинул взглядом девятый коттедж. Там сейчас Донна... Наверное, она еще спит. Джаду очень хотелось провести это чудесное утро рядом с ней. Но он, конечно, не станет будить ее.

Положив чемодан в багажник своей машины, Джад тихо закрыл его и вернулся к себе. С помощью тряпки и мыла он тщательно оттер все видимые следы крови в ванной. Белые гостиничные полотенца выглядели нормально, вторая тряпка тоже. Но та, которую он держал в руке, стала розовой от крови.

Джад заглянул в стоящую у двери корзину для мусора. В бумажном мешке внутри корзины лежали обрывки бинта, лейкопластыря, окровавленные салфетки и клочья ваты, упаковки от перевязочных материалов. Джад добавил туда свою тряпку и вынул мешок из корзины.

Потом отнес аптечку и мешок с мусором к машине и, убедившись, что вокруг никого нет, сунул их в багажник.

Теперь, когда уборка была закончена, он присел на ступеньку крыльца перед домиком и закурил первую утреннюю сигару. Было приятно — ароматный дым смешивался с запахом свежего, пахнущего сосной воздуха.

Джад откинулся немного назад, облокотившись о верхнюю ступеньку, и улыбнулся. Несмотря на раны, он почему-то чувствовал себя исключительно хорошо.

Когда с сигарой было покончено, Джад сел в машину и выехал на Фронт-стрит. В городке стояла полная тишина. У поворота он немного притормозил, давая возможность рыжему лохматому псу убраться с дороги. Перед ресторанчиком Сары была припаркована бело-голубая полицейская машина. Единственным движущимся автомобилем, который он заметил, оказался красный «порше», до странности медленно проехавший ему навстречу. Водитель будто специально старался соблюдать установленное в городке ограничение скорости в тридцать миль в час.

Наконец, с левой стороны показался «Дом чудовища», вокруг которого никого не было. С правой — дом без окон. Возле него тоже не наблюдалось никакого движения. Джад снизил скорость, оглядывая скопление камней на

склоне холма за музеем. Надо будет побыстрее сходить туда и забрать снаряжение, которое он там оставил.

Но не сейчас.

Выехав за город, Джад развернулся и скоро опять был на прежнем месте. Проехав мимо двух знакомых домов, он остановился в следующем квартале перед закрытой еще парикмахерской, вышел из машины и направился к билетной кассе «Дома чудовища».

На стенах кассы в рамках под стеклом были развешаны газетные вырезки. В одних сообщалось о происшедших в доме убийствах, другие рассказывали об экскурсиях. Джад прочел бы их все, но на это требовалось слишком много времени, а ему не хотелось привлекать к себе излишнее внимание.

Он посмотрел на фанерный циферблат на крыше кассы, потом взглянул на свои часы. До первой экскурсии, которая начиналась в десять, оставалось еще без малого три часа.

Засунув руки в карманы брюк, Джад зашагал дальше по тротуару. Через несколько секунд он остановился и посмотрел через решетку забора на выцветшее деревянное здание музея, а потом пошел дальше, стараясь выглядеть, как настоящий турист, у которого уйма свободного времени, и он может позволить себе наслаждаться пешей прогулкой.

Дойдя до поворота, Джад скрылся в лесу и обратный путь проделал уже за деревьями.

За несколько ярдов до ограды он обнаружил удобное место, с которого можно было наблюдать за фасадом «Дома чудовища», оставаясь при этом незамеченным, и остался там ждать.

3

Вскоре после половины десятого на Фронт-стрит остановился семейный микроавтобус. Из него вышел мужчина, прочел вывеску на будке кассы и вернулся назад к машине, откуда навстречу ему вышла женщина и трое детей. Потом приехала молодая пара в «фольксвагене».

Джад вышел из своего укрытия и присоединился к первым гостям. В кассе никого еще не было.

В доме тоже, видимо, было пусто, если, конечно, кто-нибудь не зашел туда еще до того, как Джад начал вести наблюдение. Но он мог с уверенностью сказать, что после семи утра никто даже близко не подходил к ограде.

Пока Джад ждал возле билетной кассы, прибывали новые посетители. А он тем временем внимательно разглядывал дом без окон на другой стороне улицы. Его дверь была закрыта, зеленый «пикап» Акселя все еще стоял перед гаражом.

Наконец, за десять минут до начала экскурсии, Джад увидел, как оттуда вышли Мэгги и Вик. Взяв Вика под руку, Мэгги медленно шагала рядом, не прибегая пока к помощи своей трости. Путь до Фронт-стрит занял у них довольно много времени. Там они подождали, пока мимо проедет ярко раскрашенный фургон, а затем перешли улицу.

Вик помог Мэгги подняться на тротуар и отпустил ее. Старуха тяжело оперлась на трость.

— Добро пожаловать в «Дом чудовища»,— сказала она низким, но чистым голосом.— Меня зовут Мэгги Кутч, я хозяйка этого дома. Билет вы можете купить у моего помощника.— Она указала тростью на кассу. Вик как раз входил внутрь.— Экскурсия стоит четыре доллара для взрослых и два — для детей до двенадцати лет. Но за эти деньги вы получите впечатление, которое останется у вас на всю жизнь.

Люди молча слушали ее и не двигались. Но когда Мэгги кончила говорить, многие из собравшихся потянулись к кассе.

Мэгги отперла турникет и прошла во двор.

— Явились во второй раз, а? — весело спросил Вик, когда Джад наклонился к окошку.

— Не могу пройти мимо, не заглянув сюда,— ответил Джад и просунул за стекло пятидолларовую бумажку.

— А ваша подружка, кажется, больше не появлялась.

— Это какая же?

— Ну, та женщина, которая прыгала вчера по улице и демонстрировала всем свои сиськи.— Вик протянул ему билет и сдачу.

— Интересно, где же она сейчас? — как бы невзначай спросил Джад.

— Наверное, уже в сумасшедшем доме.— Вик хихикнул, показывая свои кривые желтые зубы.

Джад прошел через турникет. Когда вся группа собралась на дорожке, Мэгги заговорила:

— Я начала показывать свой дом экскурсантам в 1931 году, вскоре после трагедии, унесшей жизни моего мужа и троих детей. Может быть, вы спросите себя, с чего это вдруг женщина захотела водить посторонних людей по до-

му, где разыгралось ее личное горе. Что ж, ответ прост: ДЕНЬ-ГИ.

Некоторые неловко засмеялись.

Мэгги заковыляла к крыльцу, показав тростью на балкон, и продолжила:

— Именно тут они повесили бедного Гэса Гаучера...

Джэд внимательно слушал уже знакомую ему историю Гэса Гаучера и сопоставлял каждую деталь рассказа со своей версией о том, что Гэс действительно был виновен. Пока ничего из того, что говорила Мэгги, не противоречило его теории. Потом он проследовал за Мэгги вверх по ступенькам, где она рассказала о старой двери и о том, как неосторожно полицейский Дженсон открыл ее с помощью пистолета.

Тут она указала на дверное кольцо в виде обезьяньей лапы, постучала им и отперла замок.

В нос Джэду ударил резкий запах бензина.

— Я должна извиниться за этот запах,— сказала Мэгги, входя в дом.— Мой сын вчера случайно пролил здесь бензин. Но когда мы уйдем от лестницы, запах будет почти незаметен.

Джэд вошел внутрь.

— Видите, какие следы оставил этот бензин на ковре?..— Мэгги сокрушенно покачала головой.

Джэд обошел группу и встал так, чтобы ему хорошо было видно всю лестницу. Там, где лежало тело Мэри, осталось лишь влажное темное пятно. Все следы крови были тщательно смыты, а потом кто-то полил это место бензином.

Глава тринадцатая

1

Рой проснулся от лучей солнца, бьющих ему прямо в лицо. Он поднял голову со скатанных валиком джинсов, на которых спал, и приподнялся на локте. Костер погас. Вокруг угольков прыгал воробей и подбирал хлебные крошки, которые выплюнула вчера Джони. Рюкзак стоял на месте в целости и сохранности.

При дневном свете лужайка уже не показалась Рою такой уединенной, как в темноте. Окружающие ее деревья росли довольно далеко друг от друга, и сквозь них пространство вокруг проглядывалось гораздо лучше, чем он

предполагал это ночью. Хуже того — с вершины холма вся поляна была как на ладони.

Обозревая окрестности, Рой услышал вдруг шум мотора, а затем увидел голубую крышу проезжающей мимо машины.

— О ч-черт,—пробормотал он и расстегнул «молнию» на спальном мешке.

Стоя на траве, Рой раскатал джинсы, положил их на землю, потом достал из мешка оставшиеся там трусы. Балансируя то на одной, то на другой ноге, он надел их.

И тут же услышал недалеке чьи-то голоса.

— Вот дерьмо! — буркнул Рой, быстро сел на край спального мешка и стал натягивать джинсы.

Сверху по склону холма к лужайке приближались два туриста — какая-то молодая пара. На них были мягкие фетровые шляпы, как те, что Рой видел в шкафу у Карен и Боба.

Они подходили все ближе.

Поднявшись с мешка, Рой застегнул «молнию» на джинсах, а потом и ремень.

Молодая пара вышла на поляну.

Рой не мог поверить этому: какая-то вонючая туристская тропа проходила прямо по тому месту, где лежал его спальный мешок!

— Привет! — дружелюбно улыбнулся мужчина. Кажется, он был приятно удивлен, встретив здесь Роя.

— Привет,—повторила девушка. На вид ей было не больше восемнадцати лет.

— Здравствуйте,—ответил Рой.—Вы чуть не застали меня без штанов.

Девушка засмеялась. У нее был большой рот с крупными ровными зубами. И большие груди, которые колыхались из стороны в сторону под тугой зеленой кофточкой. Костюм ее дополняли белые парусиновые шорты. Ноги — сильные и загорелые.

Мужчина тоже был в шортах, из кармана которых он как раз доставал дорогую вересковую трубку.

— Вы выбрали для ночлега очень удачное место — как раз посреди туристской тропы,—сказал он, видимо, находя это забавным.

— Я боялся заблудиться,—улыбнулся Рой.

Мужчина вынул из заднего кармана кожаный кисет с табаком и начал набивать трубку.

— А чем вы тут пользуетесь вместо воды? — спросил он.

— Я обошелся без воды.

— Так ведь в миле отсюда есть стояночный лагерь.— Он показал трубкой на вершину соседнего холма.— Там и краны с водой, и туалет...

— Теперь буду знать. Может, я туда и отправлюсь. Мужчина зажег спичку и раскурил трубку.

— А вы в курсе, что устраивать здесь ночевку — это нарушение закона?

— Нет, не знал этого. Спасибо, что предупредили. А здесь что, заповедник?

— Да. Так что привалы разрешены только на общественных стоянках, и больше нигде.

— Честно говоря, я терпеть не могу такие места,— сказал Рой.— Там всегда полно народа. Лучше уж я вообще останусь дома.

— Да, там ужасно,— согласилась девушка.

— Точно,— подтвердил ее спутник, попыхивая трубкой.

— А вы куда направляетесь? — спросил Рой, надеясь, что после этого они продолжат свой путь.

— В Стинсон-Бич.

— Это далеко?

— Думаем добраться к полудню.

— Ну, ладно,— сказал Рой.— Счастливого путешествия.

— Я вижу, у вас хорошее снаряжение,— заметил мужчина.— Где вы его покупали?

— Я из Лос-Анджелеса,— неопределенно ответил Рой.

— Правда? — обрадовался мужчина.— Вы, наверное, часто бываете у старины Келти в Глендейле?

— Да, там я и приобрел большую часть своей амуниции.

— Я тоже заходил к нему и купил вот эти ботинки.— Он с гордостью оглядел свою обувь.— Вы не поверите, но им уже шестой год!..

— А кто это у вас в спальном мешке? — поинтересовалась девушка.

Желудок Роя сжался в комок. Мелькнула мысль о ноже. Он был завернут в рубашку, до которой можно было дотянуться правой рукой.

— Это моя жена,— сказал он.

Мужчина улыбнулся, сжав трубку зубами.

— И вы оба умещаетесь в одном мешке?

— Так очень уютно,— улыбнулся Рой.

— А у вас хватает там места, чтобы двигаться? — хитро прищурился мужчина.

— Вполне.

Он засмеялся.

— Нам тоже надо так попробовать, а, Джек?

Девушка по имени Джек не пришла в восторг от этой идеи.

— Наши спальные мешки соединяются вместе «молнией», — объяснил Рой. — И получается гораздо больше пространства.

— А с ней ничего не случилось? — спросила вдруг Джек.

— Нет, а что?.. Вы имеете в виду, почему она не вылезает из мешка? — Рой усмехнулся. — Любит поспать подольше...

— Как же она там дышит? — удивился мужчина.

— Сам не пойму, — развел руками Рой. — Но она всегда так спит. Ни разу голову не высунет — боится простудить.

— Да? — Девушка по имени Джек подозрительно посмотрела на него.

— Ну, нам пора, — сказал мужчина.

— Счастливого пути, — отозвался Рой.

— И вам того же.

Они прошли мимо него. Рой проводил их глазами до деревьев, а когда они скрылись, развернул рубашку, задрал штанину и опустил нож в чехол, пристегнутый ремешками к лодыжке. После этого надел рубашку.

Потом достал из рюкзака юбку и блузку Джони и склонился над спальным мешком, предварительно еще раз оглядев лужайку и окружающий лес. Никого видно не было.

Джони застонала, когда он вытащил ее за руку из мешка, и открыла один глаз. Но тут же снова закрыла его. Рой положил ее на подстилку лицом вверх. Вид освещенного солнцем голого тела девочки вызвал у него возбуждение.

Но не сейчас, черт побери... Не сейчас.

Он натянул на нее юбку и застегнул «молнию». Потом усадил девочку и стал надевать блузку. Просунув руки Джони в рукава, он отпустил ее. Та безвольно упала на спину. Рой быстро застегнул блузку.

— Проснись! — сказал он и тут же хлестнул ее по щеке.

От внезапной боли девочка сжала веки, но вскоре подняла их, открыв глаза.

— Вставай.

Она медленно повернулась и встала на колени. На затылке, где рукоятка ножа рассекла ей кожу, волосы слиплись от крови и свалились в грязный комок.

Ликвидация следов ночевки и упаковка вещей отняли у Роя немало времени. Занимаясь всем этим, он внимательно следил за Джони и прислушивался к шуму леса, постоянно поглядывая то на тропу, идущую по склону холма, то на дорогу внизу. Наконец, все было собрано и упаковано в рюкзак. Рой взвалил его на плечи, взял Джони за руку и повел к машине.

Мимо проехал грузовой «форд».

Рой помахал рукой и улыбнулся.

Когда дорога вновь опустела, он открыл багажник «понтиака».

— Залезай, крошка!

2

По дороге Рой услышал по радио сообщение о пожаре в частном доме в Санта-Монике и об убийстве двух его обитателей. Имена убитых не сообщались, но было сказано об исчезновении из дома восьмилетней девочки. О Карен и Бобе Марстоне не прозвучало ни слова.

И это вызвало у Роя беспокойство.

Он еще раз припомнил, как все было: как Карен постепенно сообщила ему о Малкаса-пойнт, как удивилась, когда он не ушел сразу же после этого, а вставил ей в рот кляп и занялся ею уже более основательно, пока она не отдала концы; как ждал потом Боба, спрятавшись в коридоре, как Боб стонал и качал головой, увидев распятое на двери спальни тело своей жены, как раскололась голова Боба от удара топором, а он поставил на пол свечу и окружил ее обрывками газет, перед тем как зажечь. Все было точно так же, как и в предыдущем доме.

Может, кто-то зашел туда и успел предотвратить пожар? Или свеча погасла?..

Если погасла свеча, то возможно, что их тела еще не нашли.

Однако рисковать все же не стоит. Он должен действовать так, будто эта машина уже находится в розыске. Поэтому теперь ему срочно надо добыть новую.

Рой съехал на грунтовую обочину шоссе, подняв за собой облако пыли, вышел из Машины, открыл капот, пригнулся под ним и стал ждать.

Вскоре послышался шум приближающегося автомобиля. Рой оставался под капотом, еще ниже склонившись к мотору. Но машина пронеслась мимо, даже не снизив скорость. Он проделал такой же трюк и с двумя другими машинами, но ни одна из них не остановилась.

В следующий раз, когда послышался шум мотора, Рой склонился под капотом и подождал, пока машина подъедет ближе. Тогда он выпрямился, сделал удрученное лицо и замахал руками. Но водитель отрицательно покачал головой. На лице его ясно читалось: «Ни в коем случае, приятель».

— Ну и черт с тобой! — крикнул вдогонку Рой.

Показался еще один автомобиль. На сей раз Рой не стал прятаться, а просто поднял руку и увидел, как сидящая рядом с водителем женщина повернулась к своему спутнику и отрицательно покачала головой. Машина промчалась мимо. Следующая тоже не остановилась.

Рой захлопнул капот, подошел к багажнику и тут увидел приближающийся микроавтобус. Спереди на нем было нарисовано большое желтое солнце с разноцветными лучами. За рулем сидела женщина с гладкими черными волосами. На ней была кожаная жилетка, на лбу — ленточка для волос. Рой увидел, как она показывает на него пальцем. В ответ он помахал рукой — женщина ему понравилась.

Но совсем не по душе пришелся сидящий рядом с нею мужчина, который выглянул из окна и спросил:

— Неприятности с машиной?

На нем была выцветшая ковбойская шляпа, джинсовая куртка-безрукавка и солнцезащитные очки. Рой успел заметить густые черные усы, а на правой руке — яркую татуировку: стилет с капающей с него кровью в обрамлении кокарды морской пехоты.

— Все нормально. Я остановился отлить.

— Действуй. — Мужчина поднял сжатый кулак, приветствуя Роя, и автобус уехал.

Рой подождал, пока он скроется из виду, и открыл багажник. Джони окинула его измученным взглядом. Бутерброда с сосиской, который он купил утром в Стинсон-Бич и бросил в багажник, уже не было. Банка из-под пепси-колы тоже лежала пустая. «Надо же изловчиться выпить ее в багажнике!..» — подумал он.

— Вылезай, — скомандовал Рой и помог ей выбраться из багажника. Затем закрыл его.

Джони огляделась вокруг, как бы стараясь понять, где и зачем они остановились. Но, похоже, ответа так и не нашла. Она вопросительно посмотрела на Роя.

— Нам нужна новая машина, — сказал он, — и ты можешь мне достать ее.

Рой повел девочку по обочине дороги назад. Когда они отошли от «понтиака» футов на пятьдесят, он приказал ей лечь на проезжую часть шоссе.

Джони отрицательно покачала головой.

Что ж, ладно... Он в любом случае не мог доверять ей. Девчонка наверняка опять попробует убежать...

Рой стал думать, как заставить ее выполнить приказание, не давая большого труда рукам. Не можно ударить камнем, палкой или ручкой ножа — все подошло бы. Но ведь так он может и убить ее, а он этого не хотел... Пока не хотел. Поэтому и решил действовать все же руками. Схватив Джони за ворот блузки, он рванул ее на себя и с силой ударил правым кулаком в висок. Ноги у девочки подкосились, и она без сознания рухнула на асфальт. Рой вытащил ее на середину дороги и быстро придал телу неестественную позу: руки и ноги вывернуты и раскиданы в стороны. Потом вернулся к своей машине и спрятался за деревьями у обочины.

Долго ждать не пришлось.

Он не смог сдержать улыбку, увидев, какая ему привалила удача: из-за поворота показался черный «роллс-ройс». За рулем сидел крупный мужчина, рядом с ним — женщина.

Лимузин резко вильнул, объезжая Джони, и остановился за «понтиаком» Роя. Водитель тут же выскочил из машины и, оставив дверь открытой, побежал назад к Джони. Это был редкостный здоровяк — заметно выше шести футов ростом и никак не менее двухсот фунтов¹.

«Чертов футболист!» — подумал Рой.

Да, дело дрянь...

Мужчина опустился рядом с Джони на колени, очевидно, пытаясь нащупать пульс. «Роллс-ройс» стоял примерно в двадцати футах от Роя. Все стекла в окнах были подняты. Оставшаяся внутри женщина повернулась и неотрывно смотрела через заднее стекло. Мужчина как раз стал сни-

¹ Более 183 см и 91 кг (Примеч. перс.).

мать с себя спортивный пиджак, когда Рой выскочил из-за деревьев. Его ботинки с шумом топтали молодую сосновую поросль. Водитель резко оглянулся через плечо, женщина тоже начала поворачивать голову в сторону Роя, когда он с разбегу вскочил на капот «роллс-ройса». Машина просела под его тяжестью. Мужчина уже поднимался на ноги. Рой спрыгнул с капота у открытой двери, женщина пронзительно закричала, когда он плюхнулся рядом с ней на водительское сиденье и тут же захлопнул дверь. Он успел запереть ее на замок буквально за мгновение до того, как водитель оказался возле машины.

Кричащая женщина попыталась плечом открыть свою дверь. Рой схватил ее за ворот черного бархатного жакета. Жакет порвался, но Рой успел перехватить ее за волосы и рванул к себе. Женщина ударилась щекой о руль. Затем он пригнул ее голову к своим коленям и изо всех сил ударил ребром ладони по горлу. Внутри что-то хрустнуло.

Мужчина прижался лицом к окну, в глазах его была ярость. Он беспрестанно барабанил по стеклу кулаками.

И тут Рой осознал, что мотор машины все это время работал. Он включил заднюю передачу и до упора вдавил педаль газа. Взвигнув шинами, лимузин рванулся назад. Его бывший водитель еще покачивался на ногах, успев отскочить немного в сторону, когда Рой посмотрел на него через поднятое машиной облако пыли, и тот, казалось, все понял...

Рой включил переднюю передачу и снова дал полный газ. Мужчина в ужасе вскочил на багажник «пontiака». Рой напрягся и с разгону ударил «пontiак» мощным бампером. Ноги мужчины оторвались от опоры, и он тяжело грохнулся на капот лимузина. Быстро включив задний ход, Рой сбросил его с капота.

Теперь тот лежал на шоссе прямо перед ним.

Рой снова рванул вперед. Автомобиль подпрыгнул, переезжая своего недавнего владельца.

Рой улыбнулся. Но очень быстро улыбка сошла с его лица. Что если на шоссе появится кто-нибудь еще?..

Женщина на его коленях не двигалась. Наверное, уже умерла.

Оставив мотор работающим, Рой выскочил из машины. Раздавленное тело лежало рядом с багажником «пontiака». Рой открыл багажник. Ему не хотелось ни смотреть на труп, ни тем более трогать его. Голова мужчины была раздроблена. Но у Роя не оставалось выбора. Когда он

поднимал тело, внутри раздались хлюпающие и булькающие звуки. Он бросил труп в багажник, и его тут же вырвало. Немного отдышавшись, Рой закрыл крышку.

Подбегая к девочке, он мельком взглянул на свою одежду. Вся его рубашка и джинсы были в крови. Задышавшись от отвращения, Рой схватил Джони на руки и, оставляя на ней следы крови убитого, потащил назад к «роллс-ройсу». Положив девочку на заднее сиденье, Рой опять кинулся к «понтиаку», вытащил рюкзак и бросил его на пол лимузины рядом с Джони. Потом сел за руль и вывел автомобиль на дорогу.

3

Двигаясь на предельной скорости, Рой провел на шоссе почти час, прежде чем заметил слева съезд на грунтовую дорогу, которая ему сразу же очень понравилась. Дорога шла на запад по пустынным холмам, и Рой был уверен, что этот путь выведет его к океану.

Джони уже пришла в сознание, но продолжала неподвижно лежать на заднем сиденье, бессмысленно уставившись перед собой. Женщина спереди была мертва. Рою не нравилось, что ее голова до сих пор лежит у него на коленях, но он все же решил не усаживать ее прямо: хотя крови на теле не было, лицо женщины посинело и распухло, пока она медленно погибала от удушья. И если бы Рой усадил ее, неестественный цвет ее кожи мог бы привлечь внимание проезжающих во встречных и попутных машинах. Поэтому ему пришлось смириться с существующим положением, как, впрочем, и с тем, что его рубашка, джинсы и руки перепачканы кровью. Что ж, придется терпеть, пока он не найдет подходящего укромного места на побережье, а оно непременно должно быть уже где-то недалеко.

Дорога окончилась за сто ярдов до берега. Рой припарковал машину в тени деревьев. Поблизости никого видно не было. На пологом склоне холма в полумиле от Роя паслось стадо коров. Рой вышел из машины и огляделся. Слева от дороги почва резко уходила вниз, образуя глубокий, поросший кустарником овраг. По дну оврага шла узкая тропинка к пляжу.

Сперва Рой хотел утопить труп подальше от берега, но потом передумал. Тащить его к воде было бы слишком тяжело. И к тому же небезопасно. Об этом придется забыть. Он просто сбросит его в овраг, и все.

Но не сейчас. Это он сделает после того, как они с Джони отстирают одежду и будут готовы к отъезду. Однако оставлять женщину на переднем сиденье тоже нельзя. Вдруг кто-нибудь пройдет мимо...

Первым делом Рой подумал о вместительном багажнике «роллс-ройса».

Но потом ему в голову пришла другая мысль. Еще раз убедившись, что за ним никто не следит, Рой вытащил труп из автомобиля. Когда ноги женщины ударились о грунт, одна туфля слетела. Рой положил тело на дорогу перед машиной и развернул его по ходу движения. Хотя руки и ноги убитой уже успели окоченеть, он все же выпрямил их, слегка надрезав ножом сухожилия.

Вытанув ноги вместе и положив руки вдоль туловища, Рой вернулся к машине, завел ее и медленно поехал вперед, наблюдая, как труп исчезает за краем широкого черного капота. Лимузин будто бы проглатывал женщину.

Наконец он остановился и вылез из машины. Ему пришлось опуститься на колени и пригнуться к самой земле, чтобы разглядеть тело в темноте под машиной.

Замечательное укрытие!..

После этого Рой вытащил с заднего сиденья Джони и повел ее по направлению к пляжу.

4

Сначала вода показалась Рою холодной, но он быстро привык к ней, и через несколько минут она будто бы потеплела. Джони все еще стояла на берегу, и только самые высокие волны докатывались до ее ног.

Рой зашел в воду по грудь, снял рубашку и стал тереть ее обеими руками, пытаясь отмыть пятна крови. Изредка волны подхватывали его, отрывали от дна и нежно переворачивали. Когда они относили его слишком далеко, Рой снова подплывал ближе к Джони. Наконец он решил повнимательнее рассмотреть рубашку в солнечном свете. Пятна крови на ней до конца, естественно, не отмылись, но теперь они были едва заметны.

— Эй, Джони! — крикнул он. — Иди сюда, помойся.

Девочка покачала головой, отошла от воды подальше и села на песок.

— Ты ведь знаешь, что случается, когда ты не делаешь то, что я тебе говорю, — предупредил ее Рой.

Джони тоскливым взглядом окинула пляж. Справа, ярдах в двухстах, к самой воде подступали скалы. Волны разбивались о камень, поднимая белую пену. Слева береговая линия изгибалась и исчезала за горизонтом.

— Даже не вздумай бежать! — крикнул Рой, подплывая к ней ближе.

Джони встала и, как робот, зашагала к воде. Вода дошла ей уже до колен, а она все продолжала двигаться дальше. Наконец, набежавшая волна окатила ее до пояса, отчего плиссированная юбка тут же прилипла к телу.

Джони остановилась. Наклонившись, она стала плескать воду на блузку, пытаясь отмыть засохшие кровавые пятна. Снова набежала волна, и на этот раз опрокинула девочку на спину. Джони упала, и белые буруны закружились над ее головой.

Рой подошел к ней и поднял на ноги. Потом поцеловал девочку в лоб и, повесив мокрую рубашку себе на шею, стал сам смывать кровь с ее блузки. Пятна становились бледнее, но совсем не исчезали. В конце концов он бросил эту затею.

Потом Рой затащил Джони поглубже и начал смывать кровь с ее волос. Когда он прикасался к ране на затылке, оставленной рукояткой ножа, девочка отдергивала голову. Наконец ее волосы, по мнению Роя, стали уже достаточно чистыми, и он вывел ее из воды.

На берегу он раздел Джони догола и расстелил ее юбку и блузку на песке для просушки. Потом разделся сам и положил свои вещи сушиться рядом.

Они долго сидели в полном молчании. Песок под Роем был очень горячим и почти обжигал его.

— Постарайся уснуть, — сказал он.

Джони легла на спину и закрыла глаза. Рой стал смотреть на нее. Вода оставила крохотные капельки на ее длинных ресницах. Кожа девочки была слегка загорелой, кроме тех мест, которые закрывались обычно купальником. Здесь тело осталось бледным. Ну совсем как маленькая дама!..

Капли воды изредка скатывались по ее коже, ярко блестя на солнце. Вот если бы у него был крем!.. Для загара или детский. Он втирал бы его по всему телу девочки. И тогда ее кожа стала бы скользкой и горячей.

Рой лежал на боку, опершись на локоть, чтобы удобнее было смотреть на Джони. Ее веки вздрагивали. Конечно, она только притворялась, что спит.

Когда он прикоснулся к ней, она тут же открыла глаза, повернула голову и уставилась на него. На минуту Рой задумался, почему у нее такой несчастный вид. То ли из-за того, что случилось с ее родителями, то ли потому, что ей не нравится все, что он делает с ней...

Впрочем, ему было на это наплевать.

Рой придвинулся ближе и поцеловал Джони в губы, а рука его начала двигаться по ее горячей от солнца груди.

Глава четырнадцатая

1

— Мы должны получить его сегодня, мэм. Это все, что я могу вам сказать. Как только мы его получим, я сразу все сделаю.

— Так машина будет готова к вечеру? — с раздражением в голосе спросила Донна.

— Я же говорю: все зависит от того, когда нам привезут радиатор.

— А до которого часа вы работаете? — поинтересовалась она.

— До девяти.

— И тогда я смогу забрать ее?

— Если машина будет готова, Стью отдаст ее вам. Но я ухожу отсюда в пять, а Стью не механик. Поэтому, если я не успею сделать все до пяти, значит, вы получите ее только завтра.

— Спасибо.

Донна разыскала Сэнди у торгового автомата.

— Можно мне купить картофельных чипсов? — спросила девочка.

— Ну, Сэнди!..

— Пожалуйста... Я уже проголодалась.

— Скоро мы пойдем завтракать. Подожди немного, и поешь свои чипсы в другом месте.

— И где же мы будем есть? — с кислым видом спросила она, отходя от автомата.

— Пока не знаю, — ответила Донна.

— Только не в том кафе, где вчера. Там ужасно.

— Давай пойдем вон туда, — указала рукой Донна, и они направились по Фронт-стрит на юг.

— А когда будет готова машина?

— Кто его знает... — вздохнула Донна.

— Опять неизвестно? — Сэнди наморщила нос.

Когда она вернула ему нормальную форму, ее большие солнечные очки соскользнули вниз, и она водрузила их на место указательным пальцем.

— Этот механик так и не сказал мне, когда он все сделает, — ответила Донна. — Но у меня такое чувство, что нам придется проторчать здесь еще и завтрашний день.

— Если только он не доберется до нас раньше...

Упоминание о Рое всколыхнуло Донну. После знакомства с Джадом все ее страхи, связанные с бывшим мужем, как бы отошли на второй план и были уже почти забыты.

— Но он же не знает, где мы, — сказала Донна.

— Зато тетя Карен знает...

— Вот что: давай-ка позвоним тете Карен, — предложила она.

Осмотревшись, Донна заметила невдалеке телефонную будку. Будка стояла возле автозаправочной станции, откуда они только что отошли. Пришлось поворачивать назад.

— Сколько стоят твои чипсы? — спросила она.

— Тридцать пять центов, — сказала Сэнди.

Донна дала ей долларовую бумажку.

— Иди разменяй у кассира.

— А тебе что-нибудь надо?

— Нет, спасибо. Ступай.

Донна подождала, пока дочь уйдет, и вошла в будку. Опустив в автомат монеты, она набрала вызов станции и попросила телефонистку перевести счет за разговор на ее домашний адрес. Когда соединение установилось, раздался длинный гудок — телефон в доме ее сестры зазвонил. Трубку сняли после второго гудка. Донна ожидала услышать Карен, но в трубке была полная тишина.

— Так? — раздался глухой мужской голос.

— Боб? — спросила она, хотя голос был явно не его. — Боб, это ты?

— Кто говорит?

— А кто у телефона?

— Сержант Моррис Ву из полицейского управления Санта-Моники.

— О Боже! — У Донны все похолодело внутри.

— Так. Какое у вас дело к миссис Марстон?

— Я просто хотела... Она моя сестра. С ней что-нибудь произошло?

— Откуда вы говорите?

«А откуда я знаю, что ты полицейский? — подумала

Донна и сама же себя ответила: — Не знаю я этого...»

— Я звоню из Таксона, — сказала она.

— Так.

Она представила себе, как этот человек вешает трубку и с улыбкой до ушей поворачивается к Рою, радуясь тому, как легко он получил нужную информацию. Однако мужчина на другом конце провода трубку не повесил.

— Сообщите, пожалуйста, ваше имя.

— Донна Хейз.

— Так. Ваш адрес и номер телефона.

— А что с Карен?

— Пожалуйста, сообщите, есть ли у вашей сестры родственники в Лос-Анджелесе или поблизости.

— Да что случилось, черт побери?!

— Так. Миссис Хейз, я очень сожалею, но ваша сестра скончалась.

— Скончалась?!

— Да. Она и ее муж Роберт Марстон — оба умерли вчера вечером. Так. Если есть родственники...

— Наши родители... — Донна оцепенела. — Джон и Ирэн Бликс.

— Бликс. Так, миссис Хейз, сообщите, пожалуйста, их адрес.

Донна назвала ему адрес и телефон.

— Так.

— Скажите, они... убиты?

— Да, убиты.

— Я знаю, кто это сделал.

— Так...

— Вы что, издеваетесь? Что значит это «так»?! Черт возьми, я знаю, кто их убил!

— Так. Сообщите мне, пожалуйста.

— Это сделал мой бывший муж. Его зовут Рой Хейз. Его выпустили вчера... То есть, я хотела сказать, в субботу. По-моему, утром.

— Так. Откуда выпустили?

— Из тюрьмы «Сан-Квентин»!

— Так.

— Он отсидел там шесть лет за изнасилование нашей дочери...

— Так.

— Он, должно быть, убил Карен, чтобы узнать, где я нахожусь.

— А она знала это?

— Да.

— Так. Вы сейчас в серьезной опасности. Опишите, пожалуйста, вашего Роя Хейза.

Пока Донна давала полицейскому словесный портрет своего бывшего мужа, она заметила краем глаза, как возвращается Сэнди с пакетом картофельных чипсов. Пакет был уже раскрыт, и девочка вытаскивала оттуда по одному ломтику и засовывала в рот.

— Так. Он водит машину?

— Да, но я не знаю какую. Он мог взять одну из машин Карен. У них есть желтый «фольксваген» и белый «понтиак гран-при».

— Так. Какого года выпуска?

— Не знаю.— Донна посмотрела на дочь, лениво жующую возле будки, отвернулась и заплакала.

— Пожалуйста, миссис Хейз, вспомните: это были новые машины?

— «Фольксваген» новый, а про другую машину я точно не знаю. Наверное, семьдесят второго или семьдесят третьего года.

— Так. Очень хорошо, миссис Хейз. Очень хорошо. Теперь немедленно звоните в полицию Таксона. Сообщите им о вашей ситуации. Может быть, вам понадобится сопровождение до аэропорта.

— До какого еще аэропорта? — не поняла Донна.

— Ну-у... Я думаю, во время такой трагедии ваши родители не должны оставаться одни.

— Нет, конечно. Вы правы... Я немедленно вылетаю к ним,— нашла она.

— Так.

— Благодарю вас, мистер Ву.— Она повесила трубку. Сэнди постучала по стеклянной двери будки, но Донна, не обращая на нее внимания, нашла в сумочке еще монеты и набрала следующий номер.

— Полицейское управление Санта-Моники,— ответил женский голос.— Говорит дежурная Блэри. Чем могу вам помочь?

— У вас работает Моррис Ву?

— Одну минуту.

Донна услышала, как девушка соединяет ее с кем-то по внутренней связи.

— Отдел расследования убийств,— ответил мужчина.— Инспектор Хэррис, слушаю вас.

— Скажите, у вас работает Моррис Ву? — спросила она.

— Его сейчас нет на месте. Чем могу вам помочь?

— Понимаете, я только что разговаривала по телефону с каким-то мужчиной... — Донна засопела и потеряла переносицу. — Он назвался сержантом Моррисом Ву. Я хотела убедиться, что он действительно ваш сотрудник.

— Так?..

2

После короткого разговора со слезами, во время которого Донна сообщила родителям печальную новость, она повесила трубку и вышла из будки.

— Пойдем в мотель, — сказала она дочери.

— Что случилось? — Сэнди тоже заплакала. — Скажи мне!

— Тетю Карен и дядю Боба убили.

— Нет, не может быть!

— Может, милая. Я только что говорила с полицией...

— Нет!!! — отчаянно закричала Сэнди.

— Успокойся, Сэнди! Давай вернемся в мотель.

Девочка бросилась к матери и стала с плачем обнимать ее.

Глава пятнадцатая

1

Когда Джад вышел из машины и увидел, что Донна сидит на ступеньках перед своим коттеджем, он понял, что случилось что-то серьезное. Он тут же направился к ней. Увидев его, Донна встала. Джад обнял ее, и она заплакала, горько и безутешно. Джад чувствовал, как вздрагивает от беззвучных рыданий ее спина, и гладил Донну по голове. Она прижалась мокрой от слез щекой к его лицу. Джад долго еще держал ее в своих объятиях, не спрашивая ни о чем. Потом Донна шмыгнула носом, виновато улыбнулась и вытерла лицо рукавом блузки.

— Спасибо, — сказала она.

— Да что там! — Он махнул рукой. — Ну как, все в порядке?

Донна кивнула, плотно сжав губы.

— Мы с тобой можем сейчас пройтись? — спросила она.

— Конечно! Я знаю одно чудное место. Хотя туда нам придется ехать на машине.

— Хорошо. Только сначала мне надо сходить в контору и продлить срок проживания здесь еще на один день.

— Неплохая мысль, — кивнул Джад. — Мне тоже надо это сделать.

Они вместе направились к конторе мотеля, там доплатили за номера и вернулись к машине Джада.

— А где Сэнди? — спросил он.

— Спит.

— По-моему, она слишком много спит, тебе не кажется?

— Ну, это самый лучший способ забыться... — Донна пожала плечами.

— С ней что-то случилось?.. — насторожился Джад.

— Нет. Все нормально. Я дала ей снотворное...

Они сели в «крайслер», и Джад вывел автомобиль на Фронт-стрит.

— Мы утром видели в городе твою машину, — сказала Донна, пытаясь изменить тему разговора.

— Я снова ходил на экскурсию, — ответил он.

— Ты хочешь сказать, что они продолжают свои экскурсии? Я думала, что полиция уже...

— Полиция, видимо, ничего еще не знает об этом убийстве. Тело Мэри исчезло, как и все следы крови. Кто-то там хорошенько все вычистил.

— Вычистил?.. — Донна посмотрела на Джада и нахмурилась. — Этим занимается Аксель. Он говорил мне, что чистит и убирает дом.

— Аксель по горло замешан в этом деле, — кивнул Джад. — И его мать тоже. Они все там замазаны. Это же целое семейное предприятие!.. И для привлечения туда туристов им надо, чтобы время от времени там случались убийства.

— Но если тело исчезло...

— Я думаю, они просто испугались. Ведь убийство Мэри не было запланировано и произошло вскоре после гибели сразу трех человек. И они решили не перегибать палку, пока их «чудовищем» не занял ФБР. Поэтому и убрали все следы...

— Тогда зачем они убили ее? Я говорю «они», потому что ты так считаешь... Почему они убили ее, если им не нужна пока дополнительная реклама?

— Но она же собиралась сжечь дом...

— Да, это веская причина...— Донна покачала головой.— И что ты теперь будешь делать? Попытаешься найти ее труп?

— Нет, это ничего не даст. Искать надо человека в костюме чудовища.

— А что дальше?

— Если будет необходимо, я убью его.

— Ты в самом деле намерен убить его? — Она снова нахмурилась.

— Сомневаюсь, что он предоставит мне возможность действовать как-то иначе,— усмехнулся Джад.

Они молча проехали мимо «Дома чудовища» и свернули на проселочную дорогу.

— А ты много людей убил за свою жизнь? — тихо спросила Донна.

— Да.

— И ты... часто об этом думаешь?

Джад посмотрел на нее, потом съехал на обочину и остановился.

— Ты хочешь спросить, беспокоит ли меня моя совесть?

— Да, именно это я и хотела сказать.

— Я не убил ни одного человека, который не заслуживал бы смерти,— ответил он.

— А кто может об этом судить?

— Я. Я сам сужу людей и приговариваю некоторых к смерти.

— Как же ты можешь?! — поразилась Донна.

— Я слышу внутренние голоса,— улыбнулся Джад.

— Я говорю сейчас вполне серьезно,— сказала Донна и тоже улыбнулась.

— И я серьезно. Я действительно слышу голоса. Обычно это бывает мой собственный голос, который говорит мне: «Надо прикончить этого мерзавца раньше, чем он прикончит тебя».

— Ты несносен!..

Джад тихо засмеялся, но тут же почувствовал в груди холодный комок и сглотнул слюну.

— Иногда,— продолжал он,— я слышу голоса мертвых людей, которых никогда даже не знал. Людей, которых я видел на фотографиях в газетах или по телевизору... И они говорят мне: «Я сейчас был бы еще жив, если бы этот негодяй не лишил меня жизни». Потом я смотрю на живых, и они тоже мне говорят: «Эта сволочь собирается меня зав-

тра убить». И тогда я сужу его своим судом и привожу приговор в исполнение, если, конечно, в состоянии сделать это. Я считаю, что таким образом отплачиваю ему за убийств и одновременно спасаю еще несколько живых людей. Может быть, это звучит ужасно, но моя совесть спокойна.

— А ты убиваешь... за деньги?

— Ну, если человек действительно заслуживает смерти, то всегда найдется кто-то, кто с радостью готов заплатить за это....

Они вышли из машины. Джад взял Донну под руку и повел через дорогу к лесной опушке.

— Не желаешь немного размяться? — спросил он.

— С удовольствием.

Они вошли в лес. Джад шел впереди, выбирая дорогу среди сосен и обходя груды камней и поваленные деревья. Дважды он останавливался, чтобы дать Донне передохнуть.

— Ты не предупредил, что это будет ходьба с препятствиями, — сказала она, переводя дух во время очередной остановки.

На последних ярдах подъем стал совсем крутым, и Джад оглянулся на Донну. Ее лицо выражало решимость. Тыльной стороной ладони она вытерла капельки пота с верхней губы. Взмокшие волосы прилипли ко лбу.

— Мы почти уже у цели, — сказал Джад, протягивая ей руку, и втащил Донну на ствол поваленного дерева, а оттуда они вместе прыгнули в траву.

— Вот и все, — улыбнулся он.

Дальше они спокойно шагали по ровному месту и вскоре вышли на открытую поляну, со всех сторон продуваемую ветром.

Донна выпрямилась и расправила плечи.

— Какой же здесь все-таки воздух! — Она с наслаждением вздохнула полной грудью.

— Подожди меня немного, — попросил он. — Мне надо спуститься за своими вещами.

— Так это и есть твое укрытие? — спросила Донна.

Она проводила Джада до края поляны, оттуда он указал ей на скопление камней внизу.

— Вон там я оставил вчера свое снаряжение, — пояснил он.

— Значит, там ты и просидел полночи?

— Да, именно на том месте.

— Я с тобой, можно? — попросилась Донна.

Они спустились на середину склона холма, где под

сенью сосен белела россыпь нагретых солнцем камней. Оттуда был виден весь задний двор «Дома чудовища».

— Не представляю, как можно идти сюда ночью. Здесь и днем-то жутковато...— улыбнулась она.

— Ну, ладно. Я схожу заберу снаряжение.

— Давай, только побыстрее.

Донна села на край широкого камня, а Джад отправился на площадку между двух сосен. Его рюкзак, винтовка и «Старлайт» лежали на тех же самых местах, где он оставил их накануне ночью, когда бросился вниз по склону, чтобы остановить ту несчастную женщину. Он спрятал прибор в футляр и убрал в рюкзак, который тут же надел на спину, потом взял чехол с винтовкой и вернулся к Донне.

— Давай еще раз поднимемся на ту поляну,— предложила она.

— С удовольствием.

— А то мне не очень нравится фасад дома.— Она улыбнулась.

— Это как раз не фасад, а задняя его часть,— объяснил Джад.

— Все равно.

Они вернулись на заросшую высокой травой поляну. Джад снял рюкзак и опустил свою ношу на землю. Донна подошла к нему и уперлась руками в грудь.

— Мы можем сейчас поговорить?— спросила она.

— Конечно.— Джад улыбнулся.

— Об убийстве.

— Ну, если ты хочешь...

— Это случилось сегодня...— Она опустила глаза.— Сегодня... я узнала, что моя сестра...— Голос ее оборвался. Донна отвернулась и, стоя к нему спиной, глубоко вздохнула. Джад положил ей руки на плечи.— Мою сестру убили!— выкрикнула она и разразилась слезами.

Джад повернул ее лицом к себе и крепко обнял.

— Это я убила ее, Джад... Я убила ее! Я убежала из дому. Так он не сделал бы этого. Он не стал бы... О Боже! Я не знала. Я просто не знала!.. Я убила их обоих!

2

Спустя какое-то время Донна перестала кричать и теперь только плакала. Джад усадил ее на траву, а сам сел рядом, откинулся на рюкзак и притянул Донну к себе. От ее слез вся рубашка на его груди стала мокрой. Наконец ей удалось справиться и со слезами.

— Нам лучше вернуться,— сказала она.— Там Сэнди. Я не хочу оставлять ее надолго одну.

— Мы уйдем отсюда сразу же, как только ты объяснишь мне, что происходит. Кто убил твою сестру, Донна?

— Мой бывший муж. Рой Хейз.

— Почему?

— Наверное, отчасти просто потому, что она моя сестра... Но главным образом — из-за того, что он хотел заставить ее сказать, где я.

— А зачем ему понадобилось узнавать это?

— Он сидел в тюрьме. Он... изнасиловал Сэнди. Ей было тогда шесть лет. Он взял ее покататься на своем велосипеде... и изнасиловал. А до этого и надо мной издевался... Развратничал, как мог.

Я знала, что его когда-нибудь выпустят... И решила, что нам лучше бросить все и уехать. Так мы и сделали в воскресенье утром, когда я узнала, что он уже на свободе.

Но мне никогда... Мне просто в голову не приходило, что он может отправиться к Карен. Я бы... Боже, я даже подумать не могла, что он пойдет к ней или еще к кому-нибудь и... Он, должно быть, пытал ее. Боже мой, и все это из-за меня!..

Нам, конечно, не следовало убегать из дому. Лучше бы мы остались там, а я постаралась бы достать оружие и ждала бы его прихода. Но мне почему-то не пришло это в голову. Я была уверена, что лучше всего просто уехать из города. Может быть, даже сменить фамилию и имя — и тогда все станет хорошо. Но видишь, как все получилось!.. И теперь он знает, где мы.

— А где жила твоя сестра? — сразу же спросил Джад. Он был серьезен и сосредоточен.

— В Санта-Монике.

— Это в десяти—двенадцати часах езды отсюда?

— Да, что-то около того...

— А ты знаешь, когда она была убита?

— Вчера вечером.

— Рано вечером или поздно?

— Не знаю.

— Значит, сейчас он может быть уже в городе,— заключил Джад.

— Вот именно.

— Как он выглядит? — тут же последовал вопрос.

— Ему тридцать пять лет; рост — шесть футов два дюйма.

ма. Очень сильный. Фигура атлетическая. Во всяком случае, таким он был раньше... Весит около двухсот фунтов.

— У тебя есть его фотография?

Донна отрицательно покачала головой.

— Я давно уже сожгла все его фотографии.

— Какого цвета у него волосы? — продолжал Джад.

— Черные. Он всегда носил короткую стрижку.

— А у него есть какие-нибудь особые приметы? Шрамы, родинки, татуировки?..

Она пожала плечами.

Джад поднялся и помог ей встать.

— Теперь ты поняла, — спросил он, — что бегством ничего не добьешься?

— Но я очень боюсь его... — Донна опустила глаза. — Мне специально звонил прокурор, чтобы предупредить. И я так испугалась...

— Тогда давай вернемся в мотель и подождем его.

— И что мы с ним будем делать?

— Если появится необходимость, я убью его.

— Нет! Я сама должна с ним покончить, — запротестовала она.

— Ни в коем случае! — Джад предупредительно поднял палец. — Давай сразу договоримся: теперь ты полностью полагаешься на меня.

— Но я не хочу, чтобы ты убивал кого-нибудь... Тем более для меня.

— Я буду делать это не для тебя, а для себя. И для тех, чьи голоса попросят меня об этом... Я думаю, их найдется немало.

Глава шестнадцатая

1

— Мы с Ларри должны ненадолго отлучиться, — сказал Джад, когда они шли к автостоянке после обеда. — И я хочу, чтобы ты и Сэнди побыли в нашем номере, пока мы не вернемся.

— Хорошо, — кивнула Донна.

Никаких возражений. Никаких вопросов. Ее полное доверие вызывало у Джада приятное чувство.

Он смотрел, как она повернулась к Сэнди, которая плелась за ними ярдах в пяти рядом с Ларри. Вместо того, чтобы вызвать разрыв в отношениях, вчерашний инцидент на пляже только сблизил Ларри и девочку. Во время обеда

они разговаривали как лучшие друзья. При сложившихся обстоятельствах Джад считал их дружбу несколько необычной, но зато очень удобной.

— Сэнди,— сказала Донна,— мы побудем немного в комнате Джада и Ларри. Ты хочешь взять с собой карты или книжку, или что-нибудь еще, чтобы не было скучно?

Девочка кивнула.

— Мы скоро выйдем,— сказала Донна.

Они зашли в свой коттедж, оставив дверь приоткрытой.

Ларри покачал головой и вздохнул.

— Бедная девочка... Она, наверное, так опустошена внутри!..

— Да... Ей, должно быть, нелегко,— поддержал его Джад.

— Конечно, тяжело! Я ее понимаю... Этот шрам останется у нее в душе на всю жизнь. Надо было прикончить вонючего насильника!

— Вероятно, так оно и будет,— заметил Джад.

— Очень на это надеюсь.— Ларри многозначительно посмотрел на него.

— Если нам повезет, то прямо сегодня ночью.

— Сегодня? — удивился Ларри.

Джад кивнул.

— Да. Есть все основания полагать, что он объявится здесь еще до вечера. И если это произойдет, я буду уже наготове...

— А как же «Дом чудовища»?

— Он может и подождать денек.

— Да, думаю, ты прав,— согласился Ларри.— Хотя я чувствовал бы себя гораздо лучше, если бы мы поскорее разделились с проклятым....

— Я не могу допустить, чтобы этот мерзавец хоть пальцем тронул Донну и Сэнди,— перебил его Джад.— Он и без того уже достаточно причинил им горя.

— Ну, разумеется! Я и не говорю, что мы должны бросить их. Вовсе нет.

— А кроме того, идти сегодня за чудовищем, на мой взгляд, пока преждевременно.

— Почему? — Ларри недоуменно поднял брови.

— Потому что сначала мне надо побольше узнать о нем. И поэтому мы сейчас отправимся прямо в дом Кутчей.

— Опять пойдем на экскурсию? — недовольно скривился Ларри.

— Нет, в другой дом. В дом без окон.

Как только Джад убедился, что Донна научилась без затруднений обращаться с его «винчестером», они с Ларри уехали. Джад сразу же свернул с Фронт-стрит на узкую грунтовую дорогу, по которой они ездили на пляж, и остановил машину на участке, со всех сторон окруженном деревьями.

Когда Джад достал из багажника свой автоматический пистолет сорок пятого калибра, Ларри скептически заметил:

— Ну, это его вряд ли остановит...

Джад засунул пистолет сзади за пояс и прикрыл рубашкой навыпуск.

— А ты считаешь, что мы сейчас обязательно столкнемся с чудовищем? — спросил он. — Разве оно не ограничивает свои нападения только музеем?

— Кто его знает... — Ларри пожал плечами и достал из багажника мачете. — Пока трудно сказать.

Джад закрыл багажник.

— Если хочешь, можешь подождать в машине, — предложил он.

— Нет, все нормально. Я иду с тобой. Не могу отказать себе в удовольствии увидеть этот любопытный дом изнутри. И, конечно, ты прав: там уж на нас никакое чудовище не нападет.

Джад посмотрел на часы.

— Так. Экскурсия в час дня как раз начинается. Пошли.

— А как быть с Акселем? — встревожился Ларри.

— Если он дома, я позабочусь о нем, — заверил Джад. — А ты держись пока сзади.

— Ладно. — Ларри кивнул. — Я думаю, ты знаешь, что делаешь.

Джад не ответил. Он шел за деревьями, пока те не кончились, потом быстро пересек дорогу и очутился за гаражом. Ларри неотступно следовал за ним.

— Ты не знаешь, есть там задняя дверь? — шепотом спросил Джад.

— Не знаю.

— Надо выяснить.

Он отправился в обход здания, стараясь двигаться так, чтобы гараж все время находился между ним и билетной кассой «Дома Чудовища», до которой было примерно сто

ярдов. Поравнявшись с задней стеной, Джад сделал короткую перебежку через открытый участок и спрятался за углом дома. Ларри последовал его примеру.

Задняя стена была сплошь выложена кирпичом.

— Двери нет,— констатировал Ларри.

Джад прошел по заросшему двору позади дома и заглянул за следующий угол. Там двери тоже не оказалось, а темнела лишь серая металлическая коробка вентиляционной системы. На другой стороне Фронт-стрит виднелась южная часть ограды «Дома чудовища» и газон за ней. У ограды и на газоне никого не было.

— Держись ближе к стене,— сказал Джад, вытер пот со лба и двинулся вперед.

Возле переднего угла дома он остановился. Дав Ларри знак, чтобы тот замер на месте, Джад посмотрел на будку билетной кассы. На той ее стороне, что была обращена к улице, имелась только дверь и никаких окон. Значит, пока Вик находится в кассе, он не сможет заметить Джада.

За билетной кассой группа экскурсантов уже собралась у крыльца музея, вероятно, слушая про Гэса Гаучера. Джад дождался, когда они войдут внутрь.

— Оставайся здесь, пока я не подам сигнал,— шепнул он Ларри.

— А Аксель дома? — с тревогой спросил тот.

— Его машина здесь.

— О Господи!

— Все нормально. Это даже упрощает нашу задачу.

— Неужели? — усомнился Ларри.

— Если он доверчивый парень, то дверь будет незаперта.

— Да, действительно...

— Жди здесь.

Джад еще раз бросил взгляд на билетную кассу, а затем быстро и решительно пошел по газону к крыльцу.

Оказалось, что дверь в доме двойная. Внутренняя глухая створка с глазком была широко открыта. Джад прижался лицом к стеклу наружной двери, пытаясь разглядеть, что творится внутри. Но увидел он очень мало — в доме было абсолютно темно, и за исключением света, падающего с улицы, прихожая ничем больше не освещалась. Джад осторожно потянул на себя наружную дверь и вошел внутрь, тут же удалившись с освещенного места.

Довольно долго он стоял неподвижно и прислушивался. Наконец, убедившись, что кроме него в доме никого нет,

Джад пошарил по стене возле двери, нащупал выключатель и повернул его. Наверху загорелась тусклая лампочка, залив холл мертвенно-синим светом.

Прямо перед ним оказалась лестница на второй этаж. Справа была закрытая дверь, слева — комната. Он вошел туда. При слабом свете, падающем из холла, Джад увидел под потолком массивную люстру и, немного подумав, включил ее. Загорелось сразу несколько синих ламп.

На полу был разостлан темный ковер, по которому кто-то разбросал подушки и расставил пуфики. В дальнем углу стоял торшер. Тоже синий. Другой мебели в комнате не было.

Джад вернулся к наружной двери и посмотрел через нее во двор на билетную кассу. Не обнаружив ничего подозрительного, он приоткрыл дверь и помахал Ларри.

Пока Ларри бежал к крыльцу, Джад прижал указательный палец к губам. Ларри кивнул в ответ и очень скоро очутился внутри.

Джад показал ему комнату с подушками, потом направился к закрытой двери справа от входа. Открыв ее, он сразу же нашел выключатель, и, когда щелкнул им, над обеденным столом посреди комнаты зажглась люстра. Все лампы в ней были точно такого же темно-синего цвета.

За исключением этой люстры ничего особенного Джад в столовой не обнаружил. В углу стоял сервант с чайной посудой. На дальней стене над буфетом висело большое зеркало. Вокруг стола стояло шесть стульев, и Джад отметил про себя, что для семьи из трех человек это довольно странно. Потом он увидел еще два таких же стула возле высокого комода на ножках.

Позади обеденного стола виднелась еще одна дверь. Джад подошел к ней и открыл. Кухня. Осторожно ступая по линолеуму, он заглянул в холодильник. Даже в холодильнике лампочка была синей. Показывая на нижнюю полку, он слегка улыбнулся Ларри. Там стояло по меньшей мере две дюжины банок пива.

Рядом с холодильником была закрытая низкая дверь непонятного назначения. Приоткрыв ее, Джад заметил, что по ту сторону уже горит синий свет. Он раскрыл дверь пошире и оказался перед лестницей, ведущей в подвал.

Они тихо закрыли подвал. Потом, обойдя вокруг Ларри, Джад вернулся в столовую, принес в кухню один из стульев с высокой прямой спинкой и приставил его к подвальной двери таким образом, чтобы спинка подпирала пово-

ротную ручку и не позволяла открыть дверь с обратной стороны.

Затем он дал Ларри знак следовать за ним.

Из кухни они отправились в прихожую и бесшумно поднялись по лестнице наверх. За коридором второго этажа прямо напротив лестницы была огромная спальня. Они вошли в нее, и Джад включил верхний свет. Тоже, разумеется, синий. Ларри вздрогнул и схватился за рукоятку своего мачете, а потом тихо засмеялся сухим нервным смехом.

— Какая экзотика! — прошептал он.

Все стены комнаты были зеркальными, а одно зеркало висело даже на потолке прямо над широкой кроватью. Ни подушек, ни одеял на ней не было, а имелись только синие атласные простыни.

Ларри опустился на колени, чтобы заглянуть под кровать, а Джад тем временем обследовал шкаф. На вешалках в шкафу не оказалось ничего, кроме банных халатов и дюжины нейлоновых женских ночных рубашек. Он достал одну из них, и она сразу же наполнилась воздухом и стала развеваться, будто совсем не имела веса. Изящные розовые банты на плечах и у бедер соединяли переднюю и заднюю половинки рубашки. Через полупрозрачную ткань Джад увидел, как Ларри подошел к комоду, и убрал рубашку на место.

— Вот это да! — пробормотал Ларри.

Джад бросился к нему. В открытом верхнем ящике комода лежали четыре пары наручников. Выдвинув еще один, они обнаружили в нем целую кучу стальных цепей с замками. В следующем был набор бюстгалтеров и трусиков, дамских поясов и капроновых чулок на любой размер. В двух других ящиках хранились только кожаные вещи: кожаные брюки и жакеты, кожаные бикини, жилеты и перчатки. На правой стенке комода висело на крюке снаряжение для верховой езды.

Они закрыли комод и вышли из спальни.

В ванной пахло освежителем воздуха. Быстро обшарив ее, они не нашли там ничего необычного, за исключением самой ванны, утопленной до уровня пола. Она была большой — не меньше семи футов на четыре. Целый бассейн!.. На кафельной стенке за ванной кто-то непонятно с какой целью установил несколько металлических колец на высоте человеческого роста.

— А это зачем? — спросил Ларри.

Джад пожал плечами.

— Похоже на ручки...

В дальнем конце коридора они вошли в маленькую комнату с книжными полками, письменным столом и единственным мягким креслом. При синем верхнем свете Джад увидел настольную лампу и включил ее.

— Странно,— прошептал Ларри, когда комнату наполнил нормальный белый свет.

Он начал просматривать названия книг.

Джад решил проверить содержимое письменного стола. Сначала он осмотрел все, что лежало на столе, потом принялся за ящики. Верхний левый ящик был заперт на ключ. Опустившись на колени, Джад достал из кармана кожаный чехол, извлек из него нужный инструмент и стал работать над замком. Открыть такой несложный замок не составило для него большого труда.

В ящике не оказалось ничего, кроме одной толстой книги в кожаном переплете. Книгу закрывал ремешок с замочком, какие раньше ставили на дневниках. Джад быстро взломал замочек и открыл титульный лист. Там было написано: «Дневник. Истинное описание моей жизни и самых личных дел. Том двенадцатый, составленный в год от Рождества Христова 1903». Под этой надписью было поставлено имя: Элизабет Мейсон Торн.

— Что там у тебя? — спросил Ларри.

— Дневник Лили Торн.

— Боже мой!

Джад пробежал по страницам и, перелистав три четверти дневника, нашел последнюю запись, сделанную второго августа 1903 года:

«Прошлой ночью я дождалась, пока уснули Этель и мальчики, взяла моток веревки и спустилась в подвал...»

Он закрыл книгу.

— Возьмем это с собой,— прошептал Джад.— Теперь давай заглянем в другую комнату и будем убираться отсюда.

Дверь в комнату напротив оказалась незапертой. Джад повернул ручку и приоткрыл ее.

Ларри тут же сжал его локоть.

Из комнаты донесся странный свистящий звук. Джад внимательно прислушался, приложив ухо к образовавшейся щели, и услышал какое-то шипение, вздохи и звуки, напоминающие шум ветра в каньоне. Он осторожно закрыл дверь.

Когда они спустились вниз, Ларри шепотом произнес:
— Это было чудовище. Оно там спало.
Джад с сомнением покачал головой.
— Нет. Скорее всего, это был Аксель.
— Как же, Аксель! Так я тебе и поверил!
— Но он был не один,— добавил Джад.
— Естественно!..
— Я слышал там по крайней мере три разных голоса.
Давай-ка убираться отсюда.
— Чудесное предложение. Согласен с тобой на все сто процентов.

Глава семнадцатая

1

Надпись на зеленом металлическом щите гласила: «Добро пожаловать в Малкаса-пойнт. Население города — 400 человек. Водителей просим проявлять осторожность». Рой снизил скорость до тридцати пяти миль в час и вскоре увидел с десяток людей, столпившихся у какой-то будки перед старым домом в викторианском стиле. Он посмотрел на вывеску. С неровных красных букв как бы стекала свежая кровь. «Дом чудовища». Рой усмехнулся и подумал: «Что бы это, черт возьми, могло быть?..»

Еще снизив скорость, он пригляделся к лицам собравшихся. Но никого похожего на Донну или Сэнди среди них не обнаружил, хотя учел те изменения, которые могли произойти в их облике за шесть лет. Рой поехал дальше. Он внимательно смотрел на тротуары и оглядывал проезжающие и припаркованные автомобили в поисках их машины. Карен сказала ему, что у Донны сейчас голубой «форд маверик». И она не лгала ему. В таком состоянии никто не солгал бы...

И когда Рой увидел этот «форд» стоящим у автозаправочной станции «Шеврон», он не мог поверить своей удаче. Карен упомянула вскользь, что машина Донны сломалась, но ремонт не должен занять много времени. И он тогда еще предположил, что им придется задержаться здесь по крайней мере на сутки.

Рой остановился у бензоколонки. К окну лимузина тут же подошел худощавый улыбающийся мужчина лет двадцати пяти.

— Полный бак «супера»,— бросил Рой и подумал про себя, подходит ли бензин «супер» для заправки «роллс-рой-

сов»? Но потом решил, что если бы такой сорт горючего не годился для его машины, то этот бензиновый жокей наверняка сделал бы замечание. Однако парень ничего не сказал.

Рой вылез из машины. Было приятно размяться и потянуться. Карманы его джинсов были еще сырые. Он почесал зудящую под ними кожу и подошел к багажнику автомобиля.

— А вон тот «маверик», что стоит у вас, — как бы между прочим спросил он, — принадлежит, случайно, не женщине, которая путешествует с дочкой?

— Может быть. — Заправщик пожал плечами.

— Ей тридцать три года, блондинка, настоящая красота!.. А девочке двенадцать лет.

Парень снова пожал плечами.

Рой достал из бумажника десятидолларовую купюру. Парень посмотрел на нее, сложил и сунул в карман рубашки.

— Как зовут эту женщину? — спросил Рой.

— Надо проверить...

— Может быть, Донна Хейз?

Парень кивнул.

— Да, это она. Я помню: имя — точно Донна.

— И с ней ребенок...

— Да. Маленькая белокурая девочка.

— А давно вы ремонтируете эту машину?

— Второй день. Ее привезли сюда в понедельник утром. То есть вчера. Был разбит радиатор. Пришлось за новым послать в Санта-Розу. И вот мы его только что получили.

— Значит, они пока в городе?

— Не знаю, где бы им еще быть...

— А где они остановились?

— Здесь только один мотель — «Уэлком-инн» в полумиле отсюда, с правой стороны шоссе.

Рой дал парню еще пять долларов.

— Это тебе за то, чтобы ты держал язык за зубами. Тот кивнул.

— А зачем вы ее разыскиваете? — полюбопытствовал он.

— Я ее муж, — ответил Рой.

— Да ну! — Парень засмеялся. — И она что же, убежала от вас?

— Верно. А я собираюсь поставить ее на место.— Рой тоже улыбнулся.

— Я вас прекрасно понимаю... Такая женщина — просто лакомый кусочек. Я и сам бы волосы на заднице рвал, если б она от меня сбежала.

Рой расплатился за бензин и проехал еще полмили на север. Сначала он увидел ресторан — типичное деревенское здание, со всех сторон окруженное вечнозеленым кустарником и с вывеской «Дорожный ресторан «Уэлкоминн». Замечательные обеды». Рядом с ним находился летний кафетерий. Дальше шла асфальтированная дорожка, ведущая во двор, где с каждой стороны стояло по полдюжины домиков. В центре двора располагалась двухрядная автостоянка, а возле въезда на нее — деревянная контора мотеля, над которой горело неоновое табло «Имеются свободные места».

Рой проехал мимо. Внезапно он почувствовал, что начинает нервничать. Уже так близко!.. Ему вовсе не хотелось, чтобы все лопнуло в последний момент. Поэтому нужно было время, чтобы хорошенько обдумать план действий.

Он медленно ехал дальше до тех пор, пока не нашел широкую обочину. Здесь Рой притормозил и выключил мотор. Часы показывали пятнадцать минут четвертого.

Машина Донны находится на заправочной станции, рассуждал он. Хорошо. Значит, если она заберет ее сегодня, то или сразу уедет, или останется в городке еще на ночь. Если она уедет, то наверняка не минует этого места, и он может просто подождать ее здесь, а потом как-нибудь остановить.

А что делать, если она поедет на юг?.. Нет, этого она, конечно, не делает — после того, как она забралась сюда, такое просто невероятно.

Но все же она ведь может поехать и на юг...

Или остаться в мотеле еще на одну ночь.

Впрочем, это легко проверить: надо лишь справиться в конторе мотеля. Если она собиралась остаться там до завтра, то уже должна была оплатить номер.

Хотя проверять в конторе опасно — она может узнать об этом.

Что ж, есть и другой путь. Он просто зайдет в контору и спросит номер ее коттеджа, а потом сразу же подъедет к ее двери, не дав ей времени узнать о нем, принять меры предосторожности или вызвать полицию. Он может ворваться, схватить ее и девчонку и уехать раньше, чем кто-либо сообразит, что произошло.

Нет, это исключено. Люди увидят. И очень скоро за ним начнется погоня...

А зачем вообще куда-то их увозить?.. Проще всего зайти, прикончить обеих на месте и остаться прямо в их номере. Он сможет жить там, сколько захочет...

Но вдруг их не окажется там в это время? Ведь если их не будет, то они могут пойти в контору и там узнают, что он справлялся о них.

— Вот дрянь!.. — пробормотал Рой, чувствуя, что весь его план разваливается на глазах.

Итак, вопрос о том, чтобы узнать в конторе номер их домика, отпадает... Остается только один путь: необходимо их выследить.

Несколько минут он размышлял над тем, как лучше вести наблюдение за мотелем. Потом вышел из машины, достал с заднего сиденья рюкзак и надел его на спину. Затем открыл багажник. Джони была в сознании. Он вынул ее оттуда и поставил на ноги.

Довольно долго они шли по шоссе. Но вот Рой увидел в пятидесяти ярдах перед собой знакомую вывеску «Уэлком-инн». Тогда они свернули с дороги и скрылись за деревьями. Ветки и сосновые шишки, валявшиеся на земле, причиняли боль босым ногам Джони, и она заплакала.

— Перестань реветь! — цыкнул Рой.

— Мне больно, — сказала девочка.

— Давай, я тебя понесу.

Джони кивнула.

Рой улыбнулся, вспомнив, как она отказалась от подобного предложения прошлой ночью. Может быть, она стала доверять ему?.. Он наклонился. Девочка ловко обхватила его шею руками, будто ей уже много раз приходилось делать это раньше. Рой одной рукой обнял ее за спину, а другой взял под колени, поднял и пошел дальше.

Рой нравилось нести Джони. Она была очень легкой, и ему не приходилось напрягаться. Ее рука, обвившаяся вокруг его шеи, казалась дружеской, хотя он прекрасно понимал, что Джони делает так только ради собственной безопасности. Лицо девочки почти касалось его лица, и когда он наклонял голову вперед, ее мягкие волосы приятно щекотали его левую щеку. Ноги Джони на его правой руке были голые и горячие. Рой на ходу гладил пальцами нежную бархатистую кожу ее бедра. И хотя одна рука у Джони была свободна, она не делала никаких попыток остановить его.

Скоро показался ряд домиков. Все они были выкрашены под мореный дуб и имели остроконечные двускатные крыши. В задних стенах домов были окна, но двери находились только спереди.

Держась на безопасном расстоянии от коттеджей, Рой осторожно обошел весь мотель. В просветах между деревьями виднелась стоянка. Рой заметил, что машины на ней припаркованы каждая напротив своего домика. Это облегчало его задачу, поскольку автомобиль Донны он уже знал. Наконец, приглядевшись повнимательнее, Рой решил, что передние окна крайнего левого коттеджа дадут ему возможность наблюдать за фасадами всех остальных.

Он описал большую дугу по лесу и вышел как раз позади нужного домика. Рой улыбнулся. Угол задней стены закрывал от него весь мотель. Он опустил Джони на землю.

— Что ты делаешь? — прошептала она.

Именно прошептала! Это понравилось Рою.

— Я ишу место, где мы могли бы остановиться.

Внешний подоконник был на уровне головы Роя. Окно оказалось закрытым, а снаружи на нем имелась легкая проволочная решетка.

— Я подниму тебя, — шепнул он на ухо девочке, — а ты мне скажешь, кто там внутри.

Рой поставил рюкзак на землю, присел и похлопал себя по плечу.

Джони взобралась к нему на шею. Ухватив ее за колени, Рой медленно приподнялся, рассчитав, чтобы глаза девочки оказались на уровне нижней части окна.

— Подойди ближе, — сказала она и наклонилась вперед, сжимая его голову ногами. Приставив ладони к глазам, Джони стала всматриваться в окно. — Подними повыше, — прошептала она.

Рой поднял ее выше.

— Кто там?

— Никого.

— Ты уверена?

— Что?

— Там есть кто-нибудь?

— Нет.

— Точно?

— Да.

Он снял ее с себя и поставил на землю.

— А ты не врешь? — прищурился Рой.

— Я никогда не обманываю,— торжественно объявила она.

— Хорошо. Потому что тебе сейчас лучше не врать.

— Я хочу есть,— сказала вдруг Джони.

— Мы с тобой поедим, когда попадем в этот домик.

— Что?

— У меня в рюкзаке много еды. Но сначала нам надо пробраться внутрь.

— А как?

Рой не ответил. Он повел ее к правой стене коттеджа. В ней оказалось два окна, но их было видно сразу из нескольких домов на другой стороне стоянки. Быть кем-то замеченным не входило в планы Роя, поэтому они вернулись к единственному окну в задней стене.

Он мог проникнуть внутрь, только разбив это стекло. Значит, придется шуметь.

А нет ли еще каких-нибудь вариантов?..

Конечно, он мог подойти к двери любого номера, в котором кто-то есть, сбить с ног открывшего ему дверь и, угрожая ножом, проникнуть внутрь. Хотя при этом его могут увидеть. А если он начнет действовать там более решительно, то и закричать. А это уже гораздо хуже, чем просто тихонько разбить стекло.

Но, может быть, лучше просто залезть под дом и выследить Донну оттуда? Опустившись на колени, Рой обследовал пространство под полом. Пол коттеджа находился на высоте примерно двух футов над землей. Места достаточно. Обзор будет очень хорошим.

Однако там грязно. И наверняка водятся всякие насекомые. Жуки, пауки, разные черви... А может быть, даже крысы. И неизвестно еще, сколько времени придется ждать. Возможно, несколько часов. И что ему тогда делать с Джони?.. Нет, ну ее к черту, эту затею.

С помощью ножа Рой ослабил наружную оконную решетку, а потом совсем снял ее и прислонил к стене.

Затем достал из рюкзака фонарик.

— Ну вот,— сказал он Джони.— Залезай ко мне снова на плечи.

Девочка взобралась на него.

Рой дал ей фонарик и выпрямился.

— Видишь, где край стекла?

— Здесь? — Она показала на деревянную рейку между верхней и нижней половинками окна.

— Правильно. Разбей стекло над рейкой, чтобы ты

могла потом открыть задвижку. Бей по нему фонариком. Бей сильнее.

— Здесь?

— Немного левее.

— Здесь?

— Да. Ударь посильнее, чтобы оно разлетелось с первого раза.

Держась левой рукой за его лоб, Джони размахнулась, и Рой услышал громкий удар фонаря по стеклу. Стекло не разбилось.

— Сильнее! — тихо сказал он. — Бей сильнее! Бей со всей силы. — Он подождал. — Ну, давай же, черт тебя дери!

Фонарик с силой ударил его по голове. Потом еще и еще раз. Рой почувствовал острую боль во всем черепе. Он инстинктивно прикрыл голову рукой, и следующий удар пришелся по пальцам.

Рой отступил немного назад, а потом стукнул Джони головой об стену. Она закричала и выронила фонарь. Потом он схватил девочку за плечо и стащил с себя. Джони перевернулась через голову и упала спиной на землю.

— Эй вы! — раздался возмущенный окрик.

Рой обернулся. Из-за угла дома вышла девушка лет шестнадцати с полотенцем в руках.

— Что вы здесь делаете, черт побери? — потребовала она объяснений. Вид у нее был скорее сердитый, чем испуганный.

В мгновение ока Рой выхватил нож и приставил его к животу Джони.

— Я сейчас убью девочку, если ты немедленно не подойдешь ко мне.

— Вы не посмеете! — задохнулась девушка.

— Только вякни еще или попробуй убежать — и я вспорю ей брюхо, как рыбе.

Девушка ошалело покачала головой.

— Да вы больны!.. — только и сказала она.

— Иди сюда! — с угрозой в голосе потребовал Рой.

Осторожными короткими шагами девушка стала приближаться к нему. Ее глаза пристально следили за Роем, будто она старалась поскорее понять, что же это за человек.

Рой смотрел, как легкий ветерок развеивает ее пышные волосы, как соблазнительно покачиваются под белой майкой маленькие упругие груди. Он с вожделением облизывал глазами стройные загорелые ноги девушки.

— Что ты здесь делаешь? — глухо спросил он.
— Такой же вопрос я могла бы задать и вам.
— Отвечай! — рявкнул Рой.
— Я живу в этом номере.
— Ты? — удивился он.
— Ну... вся семья.
— Значит, у тебя есть ключи, — сказал Рой и облегченно улыбнулся.

Глава восемнадцатая

1

Донна смотрела телевизор, когда слышался шум подъехавшего автомобиля. Сэнди обеспокоенно взглянула на мать, встревоженная этим вполне обыденным звуком. Донна встала с кровати и подошла к окну. Напротив коттеджа стоял темно-зеленый «крайслер».

— Это Ларри и Джад, — сказала она и пошла открывать им дверь.

— Ну как, — сразу же спросил Джад, — не заметила ничего странного?

— Нет. А у вас как дела?

— Неплохо.

— В самом деле неплохо! — улыбнулся Ларри. — Мы выбрались оттуда живыми и невредимыми. И действовали ловко, как настоящие жулики. — А теперь посмотрите на это! — Он помахал книгой в кожаном переплете.

— Что это? — спросила Донна.

— Журнал Лили Торн, — просиял Ларри. — Здесь ее собственные слова. Боже мой, какая находка!

Он подошел к своей кровати и сел на нее рядом с Сэнди.

— А ты как провела время, кнопка?

Донна повернулась к Джаду:

— Вы нашли костюм чудовища?

— Нет.

— А тело Мэри Зиглер?

— Тоже нет. Хотя там осталось еще два места, которые мы не смогли проверить.

— Кто-нибудь вернулся и помешал вам?

— Нет. В одной комнате кто-то уже был, а подвал мы не проверили потому, что там горел свет.

— Выходит, пока вы там все осматривали, кто-то постоянно находился внутри? — удивилась Донна.

— Да. И похоже, что этот «кто-то» был не один.

— Но ведь их всего трое: Мэгги, Аксель и Вик,— напомнила она.

— И двое из них были заняты в «Доме чудовища», обслуживая экскурсию,— закончил за нее Джад.

Донна кивнула.

— Тогда кто же там оставался?..

— Я думаю, Аксель. И по крайней мере еще двое неизвестных.

— Кто же это мог быть?

— Понятия не имею.— Джад пожал плечами и в задумчивости закусил нижнюю губу.

— Попахивает привидениями,— улыбнулась Донна.

— Да. Мне и самому это не очень понравилось.

Они сели на кровать Джада.

— Ну и что из себя представляет этот дом внутри? — с интересом спросила Донна.

Она слушала очень внимательно. Ее сильно заинтриговали и необычный свет в комнатах, и гостиная, в которой не было никакой мебели, а одни лишь подушки, и ванна со странными ручками. Но самое большое впечатление произвело на нее описание спальни.

— Не могу даже представить себе, что Мэгги Кутч — женщина такого типа,— удивлялась Донна.— А этот Хэпсон! Он же настоящий старый хряк!.. Трудно вообразить, что такие люди вообще способны заниматься любовью, не то что под зеркалами. Хотя, что касается наручников и всего остального — это я еще могу допустить. Ведь это самый настоящий садизм... Кстати, ты видел выражение его лица, когда он побежал к Мэри Зиглер со своим ремнем?

Джад кивнул.

— Я всегда считал их ненормальными людьми. По-моему, поневоле станешь таким, пожив годик-другой на деньги от экскурсий в это жуткое место... Разве не так?

2

Они провели весь день в двенадцатом номере, если не считать получасовой утренней прогулки на холм за снаряжением Джада.

На чтение дневника у Ларри ушло меньше часа. Временами он в изумлении качал головой и что-то тихо бормо-

тал. Сэнди смотрела телевизор. Донна сидела у окна рядом с Джадом.

В половине пятого она вспомнила, что нужно справиться насчет машины, и Джад предложил всем вчетвером прогуляться до заправочной станции. Еще на подходе к ней Донна увидела свой голубой «маверик», который вместе с тремя другими автомобилями был припаркован у гаража.

— Держу пари, он к ней даже не прикасался,— с досадой в голосе сказала она.

Джад зашел с Донной в контору, где худощавый механик разговаривал с кем-то по телефону. Они подождали на улице, пока он закончит разговор.

— Принимайте работу, хозяйка,— объявил он, выйдя к ним через пару минут.

— Вы хотите сказать, что машина уже готова? — спросила Донна, с трудом веря услышанному.

— Конечно. Я еще утром заменил радиатор.— Он первым подошел к ее «форду» и поднял капот.— Вот он. Я все проверил, проехался на ней — бегаёт отлично.

Они вернулись в контору. Механик выписал ей квитанцию, указывая на стоимость деталей и работы.

— Наличными или по кредитной карточке? — спросил он.

— По карточке.— Донна протянула ему кредитку.

— Где вы остановились? — спросил механик.

— Там, в «Уэлком-инн».— Она неопределенно махнула рукой в сторону шоссе.

— Я так и думал. Больше здесь нигде...— Он взял у нее карточку.— Значит, я правильно сказал тому парню, который вас искал?..

Эти слова сразили Донну, как гром. Она ошеломленно уставилась на механика, и только крепко сжавшая ее ладонь рука Джада привела женщину в чувство.

— Кто? — спросила она.

— Какой-то парень приезжал на «роллс-ройсе» семьдесят шестого года выпуска и сказал, что знает вашу машину. Он нашел вас?

Донна покачала головой.

— А вы всегда выдаете сведения о своих клиентах? — строго спросил Джад.

— А в чем дело, мистер? — Он прищурил глаза.— У вас какие-то неприятности?

— У нас нет,— ответил Джад.— А вот у вас могут быть.

Механик вернул Донне ее карточку и попросил расписаться. Потом медленно повернувшись к Джаду.

— Отваливайте-ка, мистер, пока я вам задницу не надрал, да так, что вы будете лететь отсюда до самого Фресно.

— Заткнитесь! — крикнула Донна ему прямо в лицо. — Какое вы имели право говорить тому человеку что-либо обо мне?!

— Черт возьми, мадам, я ему ничего не говорил! Он назвал вашу фамилию и имя и сказал, что собирается разыскать вас. Я же знаю, что здесь негде больше остановиться, кроме как в «Уэлком-инн». Он все равно бы туда заехал.

Механик злобным взглядом окинул Джада, затем снова посмотрел на Донну.

— Раз уж вы слиняли от муженька, леди, то будьте осторожней... — Он усмехнулся и пошел прочь.

— Поехали отсюда! — крикнула Донна своей дочери и Ларри. Они стояли на другой стороне улицы и рассматривали витрину магазина. — Я не хочу, чтобы Сэнди все узнала, ладно? — тихо сказала она Джаду, пока Ларри с девочкой не спеша переходили улицу.

— А по-моему, она будет только осторожнее, если узнает.

— Нет, она ужасно боится его. После всего, что она испытала, еще говорить ей сейчас...

— Хорошо, мы ей не скажем. Но теперь надо быть чертовски осторожными. Особенно, когда вернемся в гостиницу.

Донна взяла Джада за руку и обнаружила в его глазах спокойную уверенность и решимость. Сэнди и Ларри она встретила уже с улыбкой.

— Чудо из чудес! — воскликнула Донна. — Нашу колымагу, наконец-таки, отремонтировали.

3

По дороге в мотель Донна не переставала высматривать «роллс-ройс», но ни одной машины этой марки на шоссе не заметила. Не было лимузина и на стоянке мотеля.

— Припаркуйся перед своим номером, — сказал Джад.

Она так и сделала. Затем Джад повел всю компанию к своему домику. Он вошел первым и быстро осмотрел комнату, только после этого впустив остальных.

— Теперь мне нужно сходить в контору,— заявил он, когда все уже были внутри.— Вы пока здесь закройте, а я скоро вернусь.

Не прошло и пяти минут, как он действительно вернулся. Незаметно качнув головой, он дал Донне понять, что у дежурной о ней никто не спрашивал.

— А почему бы нам сейчас не поужинать? — предложил он.

— Я жутко проголодалась! — поддержала его Сэнди.

— Ты просто бездонная бочка,— прошептал ей на ухо Ларри,— настоящая пропасть!

— Сам ты бочка! — не растерялась девочка и тут же приснула.

— Сэнди! — с улыбкой «возмутилась» Донна.— Не будь такой грубой!

— А он первый начал,— наябедничала Сэнди и показала Ларри язык.

— Он — совсем другое дело! Он ведь не хотел тебя обидеть...

— Я тоже.— Она улыбнулась.

По дороге в ресторан мотеля Донна обняла Джада за талию, и ее рука наткнулась на твердый предмет, торчащий у него сзади из-за пояса. Она пощупала его.

— Так вот почему у тебя рубашка из брюк выбилась!

— В самом деле? Какой же я неряха! — Он усмехнулся.

— Причем хорошо вооруженный неряха.— Донна погладила его по спине.

В зале ресторана было не очень много людей. И пока их вели мимо столиков, Донна заглянула в лицо каждому посетителю. Роя среди них не оказалось.

— Нам хотелось бы столик в углу,— попросил Джад.

— Этот подойдет? — предложил метрдотель.

— Да, спасибо.

Донна заметила, что Джад занял именно то место, которое давало ему полный обзор всего зала.

Подошла молоденькая белокурая официантка.

— Коктейли?

Донна заказала стаканчик «Маргариты»¹.

Сэнди попросила пепси.

¹ «Маргарита» — популярный в юго-западных штатах коктейль из 3/5 сухого вина, 1/5 лимонного сока и 1/5 крепкого ликера из американского алоэ (Примеч. перев.).

— А мне, пожалуйста, двойной мартини,— сказал Ларри.— Только сухой — самый сухой. Хотя вообще-то разбавьте его еще каким-нибудь вермутом.

— Итак, это будет двойной джин, не разбавленный, с маслиной,— улыбнулась официантка.

— Точно! Вы все правильно поняли.

— А вам, сэр? — обратилась она к Джаду.

— Мне только пива.

— «Будвайзер», «Буш» или «Микелоб»?

— Пусть будет «Буш».

— Неисправимый сноб,— хмыкнул Ларри.

Донна засмеялась. Она смеялась долго — гораздо дольше, чем заслуживало это замечание. Казалось, уже давно ее ничего до такой степени не сместило. Поэтому смех ее был искренним и веселым. Через мгновение сдавленный смешок вырвался и у Ларри, заразил Сэнди, и они принялись хохотать втроем. Джад тоже улыбнулся, продолжая осматриваться вокруг.

В течение всего ужина он постоянно вел наблюдение, будто и не входил вовсе в их компанию, а был наемным телохранителем. Потом он настоял, чтобы поскорее принесли счет.

Когда они выходили на улицу, Донна схватила Джада за руку и на секунду задержала, невольно помешав ему неотступно следовать за Сэнди и Ларри.

— Что еще? — Он резко обернулся.

— Спасибо за ужин.— Она крепко обняла его и поцеловала, тут же ощутив, как он начал расслабляться под влиянием ее поцелуя и своих собственных чувств. Но почти сразу мягко отстранил ее.

— Нам лучше сейчас держаться поближе к Сэнди,— сказал Джад и виновато улыбнулся.

Глава девятнадцатая

Из окна крайнего домика Рой наблюдал, как Донна, Сэнди и двое мужчин вошли в двенадцатый номер. Хотя машина ее была припаркована перед девятым. Он так и думал, что девятый коттедж — именно ее, а двенадцатый принадлежит этим мужчинам.

Значит, дело намного упрощается, решил Рой, так как рано или поздно они будут возвращаться к себе. И скорее всего одни. Может быть, через пять минут, а может, и по-

позже... Но не займет же это несколько часов! Когда-нибудь это произойдет. Все равно он будет ждать допоздна...

Рой окинул взглядом две кровати и двух привязанных к ним девочек с кляпами во рту. Старшая все еще злобно фыркала. Он прикинул, что ей, должно быть, шестнадцать или семнадцать лет. Рой не знал ее имени, но она была очень хороша — влажная и скользкая, она вся покраснела и тяжело дышала, закрыв глаза. Рой подозревал, что она тоже получила немалое удовольствие. Он провел с ней почти целый час после того, как эти четверо удалились в сторону ресторана. Она даже не плакала сначала — только потом разревелась. Наверное, когда почувствовала себя виноватой. Он удивлялся, почему ее никто не ищет. Может быть, ее родители уже привыкли к тому, что она постоянно куда-нибудь исчезает?..

Рой поднял край занавески и снова посмотрел на домик № 12. Дверь все еще была закрыта.

Тогда он повернулся и начал смотреть на девочек. Прямо сейчас ему ни одну из них не хотелось. Но все-таки было приятно разглядывать их, обнаженных и таких беспомощных в этой полутемной комнате.

Позже, может быть, он найдет время, чтобы еще раз овладеть одной из них.

Вот только которой?..

Но, черт возьми, у него еще будет время об этом подумывать! Много времени...

Рой встал. Глаза старшей неотрывно следили за ним, пока он медленно подходил к ней. Он наклонился над кроватью и стал водить пальцем вокруг ее правого соска, наблюдая, как его темная пуговка покрывается мурашками и становится твердой и выпуклой.

— Нравится? — прошептал он, склоняясь к ней с плотоядной улыбкой.

Затем вытащил подушку из-под головы девушки и прислонил ее к спинке стула, что стоял возле окна. Потом уселся на стул, откинувшись на подушку. Так стало гораздо удобнее. Он слегка отодвинул занавеску и продолжал наблюдать.

Глава двадцатая

1

Оставив всех в своем номере, Джад обошел снаружи вокруг мотеля, но не увидел ни «роллс-ройса», ни человека

ростом выше шести футов, который мог бы оказаться бывшим мужем Донны. Тогда он вернулся в коттедж и подал Донне знак, чтобы она вышла на улицу.

— Теперь,— сказал Джад,— мы пойдем к тебе и там будем ждать его.

— А Сэнди? — тут же спросила Донна.

— Она тоже пойдет с нами.

— Может, не надо? Я бы лучше... Я не хочу, чтобы она видела его, если это возможно.

— Дело вот в чем,— ответил Джад.— Похоже, что сейчас его поблизости нет. Но это может быть и не так. Я мог просто не заметить его. И если он уже наблюдает за нами, то будет знать, что мы оставили Сэнди в двенадцатом домике. А значит, нет гарантии, что он не попытается проникнуть туда.

— Ну хорошо, допустим, она будет с нами,— сказала Донна.— А в это время придет Рой и каким-то образом... ему удастся... победить тебя.— Она виновато заглянула Джаду в лицо.— Тогда уж он точно доберется до Сэнди!.. А если мы оставим ее с Ларри и это случится, то она все-таки будет в большей безопасности.

— Ну, тебе решать...— Джад беспомощно развел руками.

— А ты думаешь, он узнает, что мы оставили Сэнди в двенадцатом номере вместе с Ларри?

— Не исключено.— Он озабоченно покачал головой.

— Но ведь скорее всего нет?..

— Наверное.

— Хорошо, тогда пусть она побудет с Ларри, ладно?

— Ладно.

Джад проинструктировал Ларри: оставаться в доме, запереть дверь и опустить шторы, а при первом же признаке опасности дать сигнальный выстрел из винтовки и запереться с девочкой в ванной. Там лечь на дно ванны — тогда их не заденут пули, если Рой вдруг начнет стрелять. А Джад тем временем уже подбежит к ним. Он будет там через десять секунд после первого выстрела.

— Может быть,— мечтательно сказал Ларри,— мне удастся прикончить эту сволочь с первого выстрела.

— Если он подставит тебя под ствол, тогда стреляй. Но не бегай вокруг него и не жди. Вы будете в достаточной безопасности в ванне, если успеете вовремя запереть дверь.

Джад оставил ему винтовку и взял дневник Лили Торн. Потом они с Донной пересекли тенистую автостоянку и подошли к неосвещенному коттеджу под девятым номером.

Первым внутрь вошел Джад и все тщательно обыскал. Потом впустил Донну, запер дверь и убедился в том, что все окна в домике надежно закрыты. После этого задернул шторы и включил лампу на ночном столике между кроватями.

— Где мне лучше лечь, как ты считаешь? — спросила Донна.

— Я лягу на пол между кроватями, — ответил Джад, — чтобы в случае чего он меня не сразу увидел. А ты можешь расположиться на одной из кроватей. Наверное, вот это будет лучше. — Он похлопал по дальней от двери.

— Что ж, меня это устраивает, — улыбнулась Донна. — А чем мы займемся, пока будем ждать?

— Ты можешь посмотреть телевизор... А я хочу почитать, что там пишет Лили Торн.

— А мне нельзя?

— Конечно, можно.

— Тогда почему бы нам не почитать его вслух?

— Хорошо. — Джад улыбнулся. Ему очень понравилась эта идея.

Донна сняла туфли. На ней были белые носки, и ее ноги показались Джаду очень маленькими. Он смотрел, как Донна взобралась на кровать и уселась прямо, прислонившись спиной к изголовью.

Джад сел на пол между кроватями, положил к ночному столику подушку и откинулся на нее. Рядом на полу лежал его «кольт».

— Ну, готов? — спросила она.

— Да.

— «Дневник, — начала читать Донна. — Истинное описание моей жизни и самых личных дел... Первое января».

2

— Я думаю, тут все относится к девятьсот третьему году, — предположила Донна и продолжила чтение: — *«Этот первый день нового года я посвятила торжественному размышлению. Я воздала хвалу Господу за его щедрость, за то, что он ниспослал мне двух замечательных мальчиков и дал нам средства к существованию. Я просила Господа простить мне мои прегрешения, но больше всего я*

просила о том, чтобы Господь благосклонно отнесся к душе моего дорогого Лайла, у которого было чудесное благородное сердце и который отступил от праведного пути лишь потому, что чрезмерно любил свою семью».

— Он был бандитом, грабил банки,— пояснил Джад.

— Но у него было благородное сердце...— Донна засмеялась.

— Может, ты пропустишь все эти рассуждения?

— Ты хочешь перейти сразу к интересному? — Донна медленно перелистала несколько страниц, пробегая их глазами.— Вот: «Двенадцатое февраля. Сегодня у меня болит сердце. Господь продолжает напоминать нам, что мы — отверженные в этом городе. Несколько местных мальчишек напали на Эрла и Сэма, когда они возвращались из школы. Эти трусы поранили моих мальчиков, забросав их камнями, а затем набросились на них с кулаками и палками и избили до крови. Мне неведома причина их жестокого поступка, но я знаю, что источник этого лежит в репутации отца мальчиков».

Донна просмотрела еще несколько страниц, вкратце пересказывая их содержание.

— Похоже, она ходила несколько дней по городу и рассказывала родителям этих забияк о том, как поступили их дети. Родители были вежливы в разговорах, но настроены к ней весьма прохладно. И не успела она обойти всех до конца, как ее сыновей снова избили... У одного мальчика была большая шишка на голове, поэтому она отправилась к доктору Россу. «Доктор Росс — добрый, веселый мужчина лет сорока. Кажется, он не испытывает неприязни ни ко мне, ни к мальчикам из-за нашего родства с Лайлом. Напротив, он в течение многих месяцев относился к нам с искренней добротой. Он заверил меня, что мне не следует беспокоиться по поводу состояния здоровья Эрла. Я пригласила его на чай, и мы мило провели добрый час в обществе друг друга».

Джад слушал, как шелестят переворачиваемые страницы.

— Та-ак,— комментировала Донна.— Теперь, похоже, что она встречается с этим доктором каждый день. Она уже стала называть его по имени — просто Глен. Вот: «Четырнадцатое апреля. Мы с Гленом взяли корзину со съестным для пикника и отправились на вершину холма за нашим домом. Там, к моему великому удивлению и восторгу, он достал из своего докторского саквояжа бутылку за-

мечательного бургундского. Мы чудесно провели вечер в компании друг друга, вкушая жареного цыпленка и запиная его бургундским. По мере того, как шло время, наша страсть росла. Мне было трудно сдерживать ее. Но все же, хотя он целовал меня с таким жаром, что захватывало дух, я не позволила ему дальнейших вольностей».

Донна перестала читать. Она посмотрела на Джада, улыбнулась и села рядом с ним на пол.

— Я позволяю тебе вольность поцеловать меня,— сказала она.

Он нежно обнял ее, и она прижалась к нему своими губами с такой силой, будто не видела его уже тысячу лет. Но когда он положил свою руку ей на грудь, Донна отодвинулась назад.

— Давай все же вернемся к записям Лили,— улыбнулась она.

Джад смотрел, как Донна бережно перелистывает страницы, сосредоточенно пробегая по ним глазами. Она сидела с ним рядом, и их плечи соприкасались. Книга лежала у нее на приподнятых коленях. Вокруг мягких пушистых волос при свете лампы горел золотой ореол. Ее манящая близость и исходящий от нее нежный волнующий запах настолько возбудили Джада, что он перестал интересоваться дальнейшей судьбой Лили Торн.

— Она дальше не пишет конкретно, но я думаю, что на этом этапе их отношения уже вышли за стадию поцелуев,— заключила Донна.— Теперь она вообще пишет только о Глене.

— М-м-м-м.— Джад положил руку на ногу Донны и почувствовал тепло ее бедра сквозь тонкий вельвет узких брюк.

— Ага, вот! Кажется, нашла: «Второе мая. Вчера поздно вечером, когда дети уже уснули, я вышла украдкой и в назначенное время встретилась с Гленом в бельведере. После многих заверений в любви он попросил моей руки. Я приняла предложение стать его женой не раздумывая, и он радостно прижал меня к своей груди. Большую часть ночи мы обнимались и строили планы на будущее. Потом холод в башне стал для нас просто невыносим. Мы прокрались в гостиную и там на рассвете лежали на диване в страстных объятиях, испытывая всю полноту долгожданного наслаждения».

Донна закрыла дневник, заложив страницу пальцем.

— Ты знаешь,— сказала она,— у меня такое впечатле-

ние, что я занимаюсь... каким-то грязным делом, читая все это. Будто подглядываю в замочную скважину. Ведь это настолько личное!..

— Но это может подсказать нам, кто убил ее семью,— напомнил Джад.

— Да, конечно. Ну, слушай... Только я... все равно не знаю.

Донна слегка наклонила голову и стала переверачивать страницы дальше.

— Вот они назначили дату свадьбы... Двадцать пятого июля.

Джад обнял ее за плечи.

— *«Восьмое мая. Прошлой ночью у нас было еще одно свидание в бельведере. Мы встретились там в час ночи. Глен был настолько сообразителен, что захватил с собой плед. Когда мы согрелись под ним и перестали чувствовать холод ночи, нами овладела безумная страсть. Она захватила нас, как высокая волна неожиданного прилива. Бессильные сопротивляться ее власти, мы отдали ей себя без остатка, и она, увлекая нас в свое лоно, принесла меня в мир сказочного блаженства, равного которому я не знала еще в своей жизни»* Я думаю,— сказала Донна,— это означает, что они неплохо потрахались.

— Боже мой, а я думал, у них плот опрокинулся.

Донна, смеясь, стала бить его по ноге.

— Ты ужасен.— Она повернулась к Джаду лицом, и он поцеловал ее.— Ты ужасен,— повторила она ему прямо в рот.

Он провел пальцами по бархатистой коже ее щеки, потом по подбородку и шее. Донна отложила книгу. Повернувшись к нему и касаясь его одной грудью, она стала расстегивать рубашку Джада. Потом просунула под нее руку и начала гладить его грудь и живот.

Джад привлек Донну к себе. Лежа на боку и всем телом прижавшись к ней, он вытащил ее рубашку из-под вельветовых брюк, просунул в них руку и положил ее на гладкие прохладные ягодицы Донны. Потом провел другой рукой по ее спине и расстегнул бюстгальтер.

— Подожди,— сказала она.

— Что?

— На полу вчера уже было,— сказала Донна, улыбнулась и встала.

Не сводя с Джада пылающих глаз, в которых смешались страсть и тревожное ожидание, она расстегнула свою

блузку и бросила ее на край ближней к двери кровати. Вслед за блузкой туда же полетел и бюстгальтер. Затем, грациозно присев на столик, Донна наклонилась и сняла носки. Потом встала, расстегнула ремень и «молнию» на брюках, и они упали на пол. Она шагнула вперед. Теперь на ней были только тонкие трусики. Темный треугольник волос просвечивал сквозь прозрачную голубую ткань. Донна сняла и их.

— Встань,— сказала она. Джад заметил дрожь волнения и желания в ее голосе.

Он быстро разулся и, положив свой «кольт» рядом с лампой, начал снимать рубашку. Пока он возился с ней, Донна расстегнула его брюки. Потом, встав на колени, опустила их и стянула с Джада вместе с трусами.

Джад прижал Донну к себе и долго держал ее так, поглощая руками все, до чего мог дотянуться. Донна делала то же самое.

Потом они отстранились друг от друга. Донна сняла с кровати покрывало и одеяло и легла на нее.

Они не торопились.

Часть внимания Джада оставалась настороже: он чутко прислушивался к происходящему вокруг и был готов действовать в любую секунду, как часовой. Но все остальное в нем присоединилось к Донне. Он словно сам стал частью ее нежного тела, ее волос, тихих звуков, исходящих из ее горла, всех самых сокровенных мест и многочисленных запахов ее тела. И, наконец, ее влажные упругие губы, так сладко пленившие его, довели Джада до такого иступления, что он почувствовал уже нестерпимое желание освободиться от распирающего его напряжения...

Потом они долго лежали рядом и полушепотом разговаривали, по сути дела ни о чем. Незаметно Донна уснула, держа его руку в своей. Джад тихо встал, оделся и занял свою прежнюю позицию на полу между кроватями. Введенный автоматический пистолет лежал у его ног.

3

— Я долго спала? — спросила Донна, блаженно потягиваясь.

— Наверное, полчаса.

Она подвинулась к краю кровати и поцеловала Джада.

— Ну, вернемся к дневнику Лили? — спросила она.

— Я ждал, когда ты проснешься.

— Я просто отключилась... — Она улыбнулась.

— Я заметил.

— Ты сам во всем виноват!

Донна протянула руку за книгой.

— Может, тебе лучше одеться? — осторожно предложил Джад.

— М-м-м... — По ее мычанию можно было понять, что ей это все равно.

— Но если к нам вдруг нагрянет гость... — начал было Джад.

— О Боже, неужели надо именно сейчас напоминать мне об этом? — взмолилась Донна.

Джад погладил ее по щеке.

— Ну ладно, ты пока одевайся, а я пойду взгляну на Сэнди и Ларри.

— Хорошо.

Донна прикрылась простыней, и он отпер дверь.

Пока они предавались любви, на улице совсем стемнело. В двенадцатом домике горел свет. Джад остановился возле «маверика» Донны и осмотрел стоянку. Из четырнадцатого коттеджа вышла женщина с двумя детьми. Они забрались в стоящий рядом микроавтобус. Джад подождал, пока семейство уедет, потом пересек стоянку и направился к своему номеру. Тихо постучав в дверь, он сказал:

— Это я, Джад.

— Секундочку! — раздался изнутри голос Ларри.

Дверь открылась. Джад оглядел комнату. Сэнди, скрестив ноги, сидела перед телевизором и потягивала через соломинку «кока-колу». Она обернулась и с интересом посмотрела на Джада.

— Все в порядке? — спросил он.

— В общем, да, — улыбнулся Ларри. — Пока ты до смерти не напугал нас своим стуком минуту назад, все было просто замечательно.

— Хорошо. Я еще зайду.

Он направился назад к номеру Донны. Та сидела на полу между кроватями уже полностью одетая. Дневник лежал у нее на коленях. Джад сел с ней рядом и положил «кольт» справа от себя.

— У них все о'кей, — сказал он.

— Прекрасно. Тогда вернемся к Лили. Если ты помнишь, ее плот только что перевернулся.

— Точно. И она утонула в волнах страсти.

— Да. И это навело тебя на мысль устроить собственное цунами...

— А разве так и случилось? — рассмеялся Джад.

— По-моему, именно так.

Джад быстро поцеловал ее, и Донна улыбнулась.

— Ну, хватит, — сказала она. — Давай дочитаем.

— Ладно.

Донна стала просматривать дневник дальше.

— В общем, после того как это произошло у них с Гленом в ту первую ночь, они «стали погружаться в пучину страсти» на регулярной основе. Фактически это происходило уже ежедневно... Впрочем, я не думаю, что тебе теперь интересно будет слушать об этом. — Она улыбнулась.

— Пожалуй, ты права. — Джад немного смутился.

— Ладно. Посмотрим, чем все это кончится.

Она пролистала еще несколько страниц.

— Вот: «Семнадцатое мая. Сегодня я отправила Этель приглашение на нашу свадьбу. Надеюсь, что ради такого случая она, наконец, выберется сюда из своего Портленда...» — Остальное Донна дочитала про себя и перевернула страницу. Она долго молчала. Джад смотрел, как ее глаза быстро перебегают от слова к слову. Губы были плотно сжаты.

— Что там? — спросил он.

Ее глаза встретились с глазами Джада.

— Кажется, началось что-то странное, — тихо сказала она. — Вот послушай: «Восемнадцатое мая. Сегодня утром я увидела весьма неприятную картину в своем подвале, когда спустилась туда, чтобы достать банку консервированных яблок, которые заготовила еще прошлой осенью. При свете карбидной лампы я увидела, что две банки разбиты и валяются на полу. Еще одна была аккуратно открыта и оказалась пустой. Естественно, я сначала подумала, что это сделали мои мальчишки. Однако на этикетке пустой банки значилось, что в ней была свекла, которую мои ребята терпеть не могут. Это открытие напугало и встревожило меня до глубины души, потому как теперь я поняла, что в мой дом проник посторонний, об истинных намерениях которого можно только гадать. Но, преодолев возникшее желание сразу же убежать наверх, я осталась в подвале и тщательно обследовала все его закоулки.

В дальнем углу возле восточной стены, скрытой от взора кучей плетеных корзин, я обнаружила в земляном полу отверстие, достаточно большое, чтобы через него мог пролезть человек или крупное животное. Увидев его, я взяла банку яблок и быстро покинула подвал.

Девятнадцатое мая. Я долго раздумывала, стоит ли сообщать Глену об этом визите в мой подвал постороннего. И наконец решила не делать этого, поскольку, зная его крутой нрав, была убеждена, что желание защитить меня толкнет Глена на убийство незваного пришельца. Я же не одобряла столь крутых мер. В конце концов этот посетитель никому до сих пор не причинил никакого вреда.

Я решила покончить с этим сама, просто засыпав отверстие землей, взяла в сарае лопату и снова отправилась в подвал. Там на полу лежали еще две пустые банки из-под консервов. На этот раз неизвестный полакомился моими персиками. Но, глядя на эти опустошенные банки, я внезапно почувствовала к нему какое-то сострадание.

Я поняла, что этот тайный посетитель вовсе не хотел мне вреда. Его единственным желанием было утолить свой голод. Возможно, этот несчастный — один из тех, кого безжалостно отвергло общество. А я ведь и сама испытала всю горечь подобного положения. Мне знакомы и одиночество, и страх одиночества... Словом, мое сердце было на стороне этой несчастной отчаявшейся души, которая прорыла лаз в мой подвал, чтобы утолить свой голод моими консервами. И я поклялась встретиться с этим неведомым гостем и помочь ему, если смогу.

Тридцатое мая...» — Послушай, Джад, здесь перерыв в записях на целых одиннадцать дней!

— Я понял.

— Итак, «Тридцатое мая... Я колеблюсь. Я вся дрожу при одной мысли о том, что должна изложить все свои действия на бумаге. Но кому еще я могу довериться? Преподобному Уолтерсу?.. Он лишь подтвердит то, что я и так знаю сама: что мои действия нечисты в глазах Бога и что ими я обрекла свою душу на вечные муки в аду. И конечно, я не смогу рассказать об этом доктору Россу, поскольку даже трудно предположить, какую ужасную месть он уготовит тогда и мне, и Е Шао Ли...» — Так вот откуда взялось это дурацкое прозвище! — рассмеялась Донна.

Джад кивнул и тоже улыбнулся.

— Ну, читай дальше!

— «Девятнадцатого мая я решилась наконец встретиться с таинственным посетителем моего подвала. Мне очень хотелось помочь ему... Когда дети были уже в постели, как всегда, пришел Глен и использовал меня своим обычным способом». — Куда же подевались те «волны страсти»? — усмехнулась Донна и продолжила чтение: — «Когда он закончил со мной, мы еще поболтали немного, и он ушел.

Я почти сразу же направилась в кладовую и тихо открыла дверь в подвал. Там, не зажигая света, я долго ждала и прислушивалась. Но из подвала не доносилось ни звука. Тогда я спустилась вниз, осторожно нащупывая в темноте дорогу.

Почувствовав под босыми ногами холодный земляной пол, я села на нижнюю ступеньку лестницы и продолжала ждать.

Наконец мое терпение было вознаграждено — со стороны отверстия в полу донеслось чье-то тяжелое дыхание. Затем раздались странные глухие звуки, будто через дыру в земле пытались протиснуть какой-то твердый предмет. А потом я увидела голову, появившуюся над сваленными в углу корзинами.

Темнота скрывала черты лица. Я могла различить лишь внешние контуры самой головы. Но даже ее я видела недостаточно четко. По бледному цвету кожи я поняла, что этот человек никогда не видел благодатного света солнца.

Он поднялся во весь рост, и меня сковал ужас: это был не человек. Но не был он и обезьяной.

Когда он стал приближаться, я решила повнимательнее рассмотреть его, даже если это будет угрожать моей собственной безопасности. Я чиркнула спичкой и успела увидеть выражение ужаса на его лице, прежде чем он с жутким рычанием отвернулся от света.

В этот момент я смогла разглядеть его спину и зад. Был ли он причудливым творением Бога или выродком, извергнутым из пасти дьявола, я не знаю. Но его отвратительный вид и нагота повергли меня в смятение. И все же какая-то неодолимая сила заставила меня положить руку на его уродливое плечо.

Спичка в моей руке погасла. В темноте, совершенно ничего не видя, я почувствовала, как существо поворачивается ко мне. Оно дышало мне в лицо, и в этом дыхании был запах земли и дикого заповедного леса. Потом оно положило свои руки мне на плечи, и его когти впились в меня.

Я стояла перед этой тварью беспомощная от страха и любопытства, а она, вернее он,—ведь это существо было мужского пола — начал рвать на мне ночную рубашку.

Когда я осталась совсем голой, он обнюхал мое тело, точно собака. Он обнюхивал меня всю, даже самые интимные части, прикасаясь при этом к ним мордой.

Потом он зашел ко мне сзади. Его когти впились в мою спину, и я была вынуждена опуститься на четвереньки. А секунду спустя я почувствовала, как его влажное и скользкое тело наваливается на меня. Теперь я уже абсолютно точно знала, что он собирается со мной сделать. Эта мысль привела меня в ужас, но его близость почему-то до крайности взволновала меня и возбудила во мне сильнейшее желание.

Он пристроился ко мне сзади, как это делают обычно животные. При первом прикосновении его органа все мое существо охватил дикий страх, но я боялась не за свое тело — это был страх за мою бессмертную душу. И все же я позволила ему продолжить.

И очень скоро я поняла, что никакая сила не сможет заставить меня помешать ему делать со мной все, что он пожелает. Я больше даже не помышляла в чем-либо противиться ему. Наоборот, я была несказанно рада, что он так смело вошел в меня, и с нетерпением ждала конца, как бы предчувствуя всю величественность этого акта.

О Боже, как он овладел моим телом! Как его когти рвали мою плоть! Как в нее вонзались его зубы! Как его орган колошматил мое нежное лоно!.. Как груб он был в своем зверином неистовстве и как нежен в своем сердце!

Когда, утомленные, мы лежали рядом на сыром земляном полу погребя, я поняла, что ни один мужчина на свете,— даже Глен,— никогда не смог бы довести мою страсть до степени такого безумства. Я плакала от счастья. Но, обеспокоенный этим приступом плача, он вдруг поднялся и скрылся в своей норе».

4

Донна продолжала читать:

— «На следующую ночь, когда я спустилась в подвал, он уже ждал меня там. Я тут же разделась, чтобы он снова не разорвал когтями мою ночную рубашку, и нежно обняла его, наслаждаясь влажной теплотой его тела. Потом я опустилась на руки и колени, и он овладел мною с не мень-

шей страстью, чем в прошлую ночь. Когда первое исступление прошло, мы лежали в изнеможении на полу, пока я полностью не пришла в себя.

Через некоторое время я показала ему свою лампу и сделала рукой жест, чтобы он отвернулся, дабы не повредить глаза. Потом я зажгла лампу и прикрыла ее синим абажуром, который изготовила накануне днем. Эта лампа под синим колпаком годилась для его чувствительных глаз и в то же время давала мне достаточно света, чтобы как следует разглядеть его.

Он действительно оказался очень занятным существом. У него было несколько своеобразных особенностей, которые, на мой взгляд, делали его великолепным любовником. Одной из этих особенностей был удлинённый, похожий на копье язык. Но его половой орган оказался, вне всяких сомнений, самой выдающейся и занимательной частью его тела, способствующей развитию как его страсти, так и моей. Он не только имел поразительные размеры и необычные очертания и края, но на конце его я увидела удлинение, какого не бывает ни у одного известного мне существа. И из этого удлинения, напоминающего своими контурами челюсти, торчал упругий двухдюймовый язычок.

— Вот чушь! — фыркнул Джад. — Что она пытается этим сказать?

— Наверное, что у него был член со ртом на конце, — пожала плечами Донна.

— А что, это неплохая идея! — Джад сдержанно засмеялся.

— Если только там нет зубов, — ответила Донна.

— Интересно, сколько во всем этом процентов правды? — задумчиво спросил Джад.

— А ты как думаешь?

— Не знаю. Но многое из того, что она пишет — когти, влажная скользкая кожа, реакция на свет, — согласуется с тем, что я видел сам.

— Ну, ладно. Слушай дальше: «Я уверена, что это удлинение на конце и язык не только дают ему возможность до крайности возбудить меня, но также и усиливают его собственные ощущения, так как он может чувствовать вкус истекающих из меня соков».

— Боже мой! — пробормотал Джад, качая головой.

— «После того, как я удовлетворила свое любопытство в отношении его тела, он стал так же внимательно изучать мое. Потом мы отдались новой буре страстей».

После этого я предложила ему еду, которую принесла с собой. С большим удовольствием он съел сыр. Потом откусил кусок булочки, но тут же выплюнул ее. Отказался он и от мяса, едва понюхав его. Как я узнала позже, он мог есть только сырое мясо, а это было хорошо прожаренным. Под конец он полакал воды из чашки и уселся на корточках, весьма довольный моим угощением.

Я легла на спину и открыла ему все свое тело. Казалось, он немного смутился, так как привык исполнять свои половые желания на манер животных. Однако мне удалось заставить его лечь на меня, и теперь я могла видеть страшную красоту его лица и чувствовать на своей груди его влажное тело, пока он обладал мною.

Когда мы закончили, он тут же скрылся в дыре за корзинами. Я подползла к краю этой норы, прислушалась и поняла, что он уже где-то далеко внизу. Я тихонько позвала его, но он не ответил. Он ушел, но я была уверена, что следующей ночью он снова вернется. Я не знала, как его называть, и дала ему имя *Е Шао Ли* в честь властителя одной экзотической древней страны, описанной преподобным Киприаном в его незавершенном шедевре».

— Каким еще Киприаном? — нахмурился Джад.
Донна расхохоталась.

— Наверное, тем, который откусил Акселю два с половиной пальца. Во всяком случае, сам он утверждает именно так.

— А разве у него не хватает пальцев? — удивился Джад.

— Да, на правой руке. Мне кажется, поэтому он и ходит всегда в перчатках.

— Может быть... Ну и что там дальше? — Джад кивнул на дневник.

Донна перевернула страницу.

— «Я проводила с *Е Шао Ли* каждую ночь, бесшумно спускаясь в подвал, как только засыпали дети. Мы отдавались нашей страсти с таким упоением и частотой, о которых я не могла раньше даже мечтать. По утрам перед рассветом он возвращался в свою нору. Я не ведала, куда и почему он уходит, но была глубоко убеждена, что *Е* — ночное существо, которое днем всегда спит. Я и сама отчасти стала такой же.

К утру я чувствовала сладкую усталость в каждой клетке своего тела. И этого не могли не заметить *Эрл* и *Сэм*.

Я сказала им, что в последнее время мне трудно заснуть по ночам, и это было недалеко от истины.

Но больше всего меня беспокоил Глен Росс. Он сразу же выразил озабоченность по поводу моего усталого вида и тут же предложил осмотреть меня, чтобы выяснить, нет ли у меня какой-либо болезни. Однако я наотрез отказалась, причем в довольно грубой форме. Тогда он дал мне снотворные порошки. Его ночные притязания на мою любовь сильно напугали меня. Его объятия вызывали во мне дрожь отвращения, а поцелуи были просто невыносимы. Но я еще смогла бы стерпеть все эти мучения и позволить ему некоторые вольности, чтобы притупить возможные подозрения, если бы не отметины, оставленные на моем теле Е Шао Ли: ссадины и царапины от его когтей и следы укусов. Ниже моей шеи вряд ли нашелся бы хоть один дюйм тела, который не носил бы следов нашей страстной любви. Теперь в присутствии детей и мистера Росса я надевала блузку с высоким воротничком и длинными рукавами и юбку до пола. Но и этой одежды было недостаточно, чтобы скрыть все мои раны. Однажды мне пришлось даже солгать, что царапины на руках и лице я получила от бездомного кота, которого собралась якобы покормить, а он неожиданно рассвирепел.

Три дня назад меня навестил доктор Росс и решительно потребовал, чтобы я объяснила ему причину своих холодных отказов. Я давно уже ждала этой минуты, но мне все же трудно было ответить ему так, чтобы не вызвать дополнительных подозрений и не дать намека на правду. В конце концов, демонстрируя ему свою порядочность и стыд, я пустилась в рассуждения о том, что наше греховное поведение ставит под угрозу наши души и что я не могу больше вести столь предосудительный образ жизни. Но, к моему глубокому изумлению, он сразу же предложил, чтобы мы немедленно поженились. Однако я сказала ему, что не смогу жить с человеком, который довел меня до такого падения. И тогда он с ехидной усмешкой напомнил мне, что я была довольна, живя с грабителем и убийцей. Я использовала это оскорбительное напоминание о моем покойном супруге, чтобы указать доктору Россу на дверь. Думаю, он уже не вернется.

Вчера я отправила письмо Этель. Я сообщила ей, что мистер Росс взял назад свое предложение жениться на мне и что теперь у меня трудное время. Я попросила ее взять к себе на пару недель Эрла и Сэма, чтобы я могла поехать

в Сан-Франциско и отдохнуть там после всего случившегося. Теперь я с нетерпением жду ее ответа. Если мои мальчики уедут к ней в Портленд, я смогу отказаться от этого утомительного обмана, и мы с Е Шао Ли будем свободно хозяйничать во всем доме».

— «Двадцать восьмое июня»,— прочла Донна.— Это что же, прошел почти месяц со времени последней записи?..

«Завтра дети должны вернуться из Портленда в сопровождении Этель, которая хочет погостить у меня какое-то время. Я с болью в сердце жду их приезда».

Почти целых три недели мы были в доме одни. Но с приездом других людей Е должен будет вернуться в подвал. Не знаю, смогу ли я перенести такую разлуку...

Первое июля. Вчера ночью, когда Этель и дети заснули, я спустилась в подвал. Но вместо того, чтобы в знак приветствия обнять меня, Е Шао Ли сердито отвернулся, сидя в углу возле своей норы. Он взял принесенный мною кусок сырой говядины и, зажав его в зубах, скрылся в своем подполье. Я ждала его до самого рассвета, но он так и не появился.

Второе июля. Е не вернулся.

Третье июля. Минувшей ночью он опять не пришел.

Четвертое июля. Если он хочет убить меня своим отсутствием, то надо признать, что ему это удастся. Не знаю, что я сделаю, если он в самом скором времени не вернется.

Двенадцатое июля. Теперь я поняла, какой была душой, позволив ему подняться наверх. Он привык к комфорту дома и к моему постоянному присутствию рядом. И как он мог после этого расценить необходимость своего возвращения в подвал?.. Наверняка, как признак того, что его отпустили.

Четырнадцатое июля. Прошлой ночью я, вместо того чтобы ждать его в подвале, отправилась бродить по лесу за домом. И хотя мне не удалось обнаружить там никаких следов Е Шао Ли, я пойду туда и сегодняшней ночью.

Тридцать первое июля. Мои ночные поиски на склоне холма опять не принесли никаких результатов. Боже, я так устала! С потерей Е из моей жизни исчезла вся радость. Даже в детях я не вижу теперь счастья. Больше того — я ненавижу их всем своим сердцем, потому что именно из-за них я потеряла его. Если бы я знала, какие муки доставит мне сейчас их присутствие, я бы, наверное, вырвала их из своего чрева еще не рожденными.

Первое августа. Прошлую ночь я опять провела в подвале, не оставляя надежды, что Е все же вернется. Я молилась бы об этом Богу, если б не боялась оскорбить Его подобной просьбой... Я опять долго плакала и, поняв всю тщетность моих усилий, наконец решила покончить с жизнью.

Второе августа. Дождавшись, когда Этель и мальчики уснут, я взяла моток веревки и спустилась в подвал. Лайл часто рассказывал мне о казни через повешение. Он боялся такой смерти до того самого дня, когда его неожиданно застрелили. Я бы выбрала себе другой способ уйти из жизни, но после рассказов Лайла веревка с петлей казалась мне самым надежным средством.

Я долго работала над веревкой, но так и не смогла сделать настоящий скользкий узел, как на виселице, и в конце концов решила, что сойдет и простая затяжная петля. Конечно, боль от нее будет сильной, но ведь это всего лишь одно мгновение!..

С большим трудом мне удалось перебросить петлю через перекладину под потолком подвала. Свободный конец веревки я привязала к центральному столбу. Потом взобралась на стул, который специально принесла с собой для этой цели. И вот, стоя с петлей на шее, я приготовилась встретить свою смерть.

Но, поразмыслив немного, поняла, что не смогу перейти в иной мир, не предприняв последней попытки увидеть своего возлюбленного Е Шао Ли.

Поэтому я слезла со стула и подошла к темной дыре в земляном полу. Опустившись на колени у края этой дыры, я позвала его, сложив ладони рупором. Но ответа по-прежнему не было, и, дождавшись еще немного, я приняла решение отправиться на поиски под землю. Мне было все равно. Даже если я и погибну в этой безумной попытке, значит, так тому и быть. Такой конец только избавит меня от страданий и бесславной гибели на веревке.

Сбросив с себя одежду, я полезла в дыру головой вперед, как это делал Е Шао Ли. Земля была холодной и влажной. Я чувствовала это всем своим телом. Вокруг стояла полная тишина и не было видно ни зги. Дыра оказалась очень узкой и не давала мне возможности ползти на четвереньках, поэтому я продвигалась вперед лежа на животе, как змея. Не знаю, сколько я так ползла и как далеко мне удалось забраться. Очень быстро я потеряла счет времени и расстоянию. Стены этого туннеля, казалось,

сжимались вокруг меня и давили на мои легкие, стесняя дыхание. Но я заставляла себя ползти дальше.

Когда я уже окончательно выбилась из сил и не могла больше двигаться вперед, я стала звать на помощь Е Шао Ли. В моем крике была вся моя любовь и боль отчаяния. Я кричала снова и снова, и каждый крик огнем обжигал мои легкие. Но мне была отвратительна сама мысль умереть, не простившись со своим возлюбленным.

И через некоторое время я услышала долгожданный шорох его скользкого тела, ползущего ко мне навстречу по земляному туннелю. Я уже слышала шум его дыхания. И, наконец, он ткнулся своей мордой мне в лицо, издавая тихие стоны и облизывая меня.

Схватив мои волосы своими массивными челюстями, Е быстро пополз назад, волоча меня за собой. Боль, которую я испытывала, была мне приятна. А когда он отпустил меня, я вдруг поняла, что стены туннеля больше не давят на мою грудь. Воздух был прохладным и свежим. Позже я узнала, что он притащил меня в свое подземное жилище — вырытую в земле пещеру, в которой он мог и лежать, и встать во весь рост. Эта пещера находилась за пределами моих владений на глубине нескольких футов. Свежий воздух поступал из открытого отверстия в потолке и через другие туннели, ведущие наверх к склону холма. Однако обо всем этом я узнала лишь утром. А когда Е притащил меня в свое жилище, я была почти без сознания и сильно дрожала от холода. Но в объятиях своего любимого я быстро отогрелась и вскоре забылась блаженным сном.

Е разбудил меня перед самым рассветом. Я уже окончательно пришла в себя, и он наконец-то вошел в мое тело. Его ласки были на этот раз более нежными, чем всегда, хотя в них и чувствовалась все та же прежняя страсть. Когда мы закончили, он провел меня к выходу из пещеры. Поэтому, как мы расстались, я поняла, что он придет ко мне следующей ночью.

Я медленно шла к дому по росистой траве, наслаждаясь своей наготой и свежестью раннего погожего утра.

Первую половину дня я провела в одиночестве, строя свои планы на вечер. Но вскоре после полудня мои мысли прервал молодой парень по имени Гэс, который зашел во двор и предложил свою помощь по хозяйству в обмен на еду. Уже пора было наколоть дров, и я поручила ему эту работу. Гэс резво взялся за дело, и я только слышала звон его топора. Все это время я думала.

Сейчас уже вечер. Гэс поужинал с нами и ушел. Дети спят. Этель, правда, еще не ложилась, но это больше не имеет значения. Е Шao Ли ждет. Я опять позволю ему выйти наверх, и тогда весь дом снова станет принадлежать только нам».

— И это все? — спросил Джад.

Донна кивнула.

Глава двадцать первая

Теперь можно действовать в любой момент.

При слабом свете пробивающемся с улицы через занавеску, Рой встал и оделся, Потом окинул задумчивым взглядом девочек. На фоне белых простыней их загорелая кожа казалась совсем темной.

Ему очень хотелось устроить пожар. Ведь огонь уберет и девчонок, и все другие улики, которые могут тут случайно остаться. Конечно, пожар — это самое лучшее. Но он должен начаться через какое-то время, не сразу.

А у него как назло нет свечи.

Еще в качестве механизма задержки можно использовать сигару или сигарету, но у Роя не было ни того, ни другого.

Может быть, есть у этой старшей?

Нагнувшись над грудой ее одежды, он поднял майку с короткими рукавами. Карманов на ней не оказалось. Тогда Рой обшарил карманы джинсов с отрезанными штанинами. Тоже ничего нет.

Да, дело дрянь.

Он не мог просто поджечь дом и сразу же убежать. Он должен дать себе время, чтобы добраться до двенадцатого коттеджа, потом до девятого, сделать там все и успеть уехать отсюда подальше на машине Донны.

Но получается, что перед этим ему придется еще раз заскочить сюда, чтобы спалить напоследок девчонок.

Вот черт! Ему же надо еще сжечь и девятый домик! И двенадцатый тоже.

Нет, лучше забыть об этом. Забыть обо всей этой дурацкой затее.

Внезапно Рой улыбнулся.

Если ему нет нужды готовиться к поджогу, то можно и не спешить. Он будет делать все не торопясь.

Ему надо только вытереть начисто все вещи, к которым он прикасался, чтобы не оставить своих отпечатков. Рой обошел комнаты с рубашкой старшей девочки, протирая ею все, что он трогал. Но это почему-то казалось ему бессмысленным. Он не мог понять, почему, но ясно чувствовал в желудке противную тупую боль, будто что-то пошло не так. Да, о чем-то он все же забыл...

Рой высыпал на пол содержимое рюкзака. Вместе с подстилкой и спальным мешком оттуда вывалились четыре банки овощных консервов.

Наверное, ему уже просто пора поесть. Вот отчего появилась эта ноющая боль в желудке.

Он вытер банки рубашкой.

Нет, это не только голод. Что-то определенно пошло не так...

Рой протер алюминиевую раму рюкзака и вдруг расплылся в улыбке.

Ну конечно же! Понял! Дом Карен и Боба! Он ведь так и не узнал точно, сгорел их дом или нет. В то утро по радио передали только об одном пожаре. И если дом Карен все-таки не сгорел, то у фараонов есть уже все доказательства, которые им нужны.

Хотя дом, может быть, и сгорел, просто он не слышал об этом. Но в любом случае надо быть чертовски осторожным, находясь в этом мотеле.

Не оставлять никаких улик.

И никаких свидетелей.

Рой осмотрел комнату, вспоминая, не забыл ли чего-нибудь. Убедившись, что все вокруг чисто, он пошел в ванную и помочился. После этого вернулся в спальню, наклонился, засучил штанину и достал нож.

Достаточно один раз аккуратно полоснуть по горлу — и все будет в ажуре... А он встанет сзади, чтобы кровь не брызнула ему на рубашку.

Рой постоял немного с ножом в руке, готовясь пустить его в ход.

Потом сделал шаг по направлению к кровати Джони и тут увидел, что ее нет.

Не может быть!

Бросившись вперед, он разворошил всю постель, прежде чем убедился, что глаза не обманули его: кровать действительно была пуста. Значит, каким-то образом ей удалось

ослабить веревки. Он посмотрел между кроватями — тоже не видно. Может быть, под кроватью?

Внезапно скрипнула входная дверь. Рой поднял голову и увидел, что девочка уже стоит на пороге и поворачивает ручку замка. На мгновение дверь приоткрылась и тут же снова захлопнулась. Джони выскочила наружу.

— Ох, б...! — крикнул Рой, бросаясь к двери.

Он распахнул ее настежь и оказался на улице. Потом тихонько закрыл дверь за собой. За исключением нескольких освещенных окон в соседних коттеджах, вокруг было совершенно темно. Рой посмотрел налево, решив, что Джони первым делом побежит в контору. Но ее не было видно. Справа — тоже ничего. Может быть, убежала за дом?..

— Ладно, — пробормотал он. — Подожди..

Сначала он разделается с другой.

Рой поднялся на крыльцо и попытался повернуть ручку. Но она не поддавалась, будто примерзла.

Значит, дверь на замке. А ключ внутри... Вот зараза!

Рой сделал глубокий прерывистый вдох. Потом вытер о рубашку влажные руки и поспешил за угол домика. Впереди темной стеной стоял лес. Слышалось стрекотание сверчков.

Как ему был нужен сейчас фонарь!..

Но он оставил его внутри.

Стараясь шагать бесшумно, Рой двинулся в темноту, надеясь отыскать следы Джони.

Вот маленькая засранка!

Рука, с силой сжимающая нож, заныла от напряжения.

Да он распотрошит ее! Бог свидетель, он распотрошит эту чертову сучку! Распорет ей сначала один бок, потом другой.

— Ну, где же ты? — бормотал Рой. — Думаешь, от меня можно скрыться? Не-ет, сучара, мне знаком твой запах. Я разнюхаю, где ты...

— Кажется, все,— вздохнула Донна.— Лили впустила чудовище в дом, чтобы оно убило Этель и детей.

— Похоже, все действительно было именно так,— согласился Джад.

— Да, но совсем не так, как рассказывает об этом Мэгги на своих экскурсиях. Ведь по ее словам, Лили забаррикадировалась в своей спальне, помнишь?

— Я думаю,— сказал Джад,— что врет все-таки Мэгги, а не этот дневник.

— Ты полагаешь, она врала, когда говорила, что Лили потом сошла с ума?

— Нет, почему же. Как раз это очень похоже на правду. Впрочем, это легко проверить. Надо лишь просмотреть подшивку местной газеты за тот период, и все станет ясно. Хотя Лили, вероятно, и в самом деле рехнулась. Если она действительно задумала убить своих собственных детей, значит, она была уже на грани безумия. И, судя по всему, ей нужен был только легкий толчок, чтобы окончательно лишиться рассудка.

— Ты думаешь, что убийство детей на ее глазах как раз и явилось этим толчком?

— Похоже на то.

— Интересно, а что же делал Е Шао Ли, когда... она исчезла. Остался в доме один?

— Может быть. А может, ушел в свое подземелье и продолжал жить там так, как это было до встречи с ней.

— Но он все же вернулся,— напомнила Донна,— когда Мэгги и ее семья въехали в дом и поселились там. Может быть, он ждал возвращения Лили и, когда заметил, что в доме кто-то живет, решил, что это вернулась она?

— Не знаю,— вздохнул Джад.— Я действительно не знаю, что теперь и думать об этом. Дневник как молот разбивает всю мою теорию насчет чудовища. Если, конечно, допустить, что он настоящий и все описанные в нем события на самом деле имели место... А нам придется допустить это. Или хотя бы то, что он действительно написан самой Лили Торн. Ни у кого другого просто не было причин сочинять такую историю.

— А у Мэгги?

— Нет. Она ведь держала его под замком. А если бы она сама изготовила поддельный дневник Лили, то наверняка нашла бы ему лучшее применение, например, опубликовала бы и продавала во время своих экскурсий. Иначе зачем ей создавать такую подделку, если она, конечно, в своем уме?.. Поэтому приходится признать, что этот дневник подлинный и Мэгги хранила его для своего личного...

Резкий стук в дверь заставил Джада прервать себя на полуслове. Он схватил «кольт».

— Узнай, кто это,— прошептал он.

— Кто там? — громко спросила Донна.

— Мама! — В голосе девочки звучал страх.

— Открой дверь,— тихо сказал Джад.

Пока Донна вставала, он лег на пол между кроватями и замер с пистолетом в руке.

Ему было хорошо видно, как она отперла дверь и открыла ее. На пороге стояла Сэнди. Она поднялась на цыпочки, чтобы уменьшить боль, так как кто-то крепко держал ее сзади за волосы. В глазах девочки блеснули слезы, а к горлу было приставлено лезвие шестидюймового ножа.

— Ты что, не рада меня видеть? — спросил появившийся в дверях мужчина и засмеялся. Он втолкнул Сэнди в комнату и ногой захлопнул за собой дверь.

— Скажи своему дружку, чтоб он убрался,— приказал мужчина.

— Здесь никого нет.— Донна встала между Джадом и дверью.

— Не делай из меня дурака! Скажи ему, чтобы выкашивался, иначе я перережу ей горло.

— Она же твоя дочь, Рой!

— Заткнись! Она всего лишь очередная сука.

— Джад! — Донна уже не знала, как вести себя дальше.

Джад сунул пистолет под кровать и медленно встал, разведя руки в стороны и показывая, что в них ничего нет.

— Где твоя пушка? — спросил Рой.

— Какая пушка?

— Тут, похоже, все прикидываются идиотами! — Он начал звереть.— Кончай строить из себя дурака и говори, где твое оружие.

— У меня нет никакого оружия,— испуганным голосом отечал Джад, хлопая себя по карманам.

— Нет? А у твоего приятеля было... — усмехнулся Рой.

— У кого?

— Вот дерьмо! Ты будешь говорить?!

— Кто вы? — спросил Джад, еще сильнее «пугаясь».

— Ладно, хватит. А ну-ка, вы оба, положите руки на голову и переплетите пальцы.

— Донна, кто этот парень?

— Мой муж, — тихо ответила она, делая смущенный вид.

— О Боже, почему же ты мне не сказала?! Послушайте, приятель, я, ей-богу, даже не знал, что она замужем. Вы, наверное, думаете, что только вы один так переживаете, а ведь моя жена просто убьет меня, если узнает... Но вы же ей ничего не скажете, правда?.. И уберите, пожалуйста, этот ножик. Девочка ничего об этом не знала. Она даже не догадывалась. Мы просто пристроили ее с тем парнем, дали ему пару долларов, чтобы он посидел с ней, пока мы... ну... проведем тут время.

— Быстро к стене, оба! — заорал Рой.

— Что вы собираетесь делать? Вы ведь не будете... Эй, да мы же ничего еще не успели! Я даже не тронул ес!.. Разве я тебя трогал, Донна?

Та отрицательно покачала головой.

— Вот видите?

— Лицом к стене!

— О Боже!

— Так, хорошо. Теперь оба упритесь руками в стену. Правильно... Крепче ладони к стене!

— Боже милостивый, — причитал Джад. — Он собирается нас убить. Он же убьет нас! Донна, скажи ему!..

— Заткнись! — рявкнул Рой. Потом заставил Сэнди лечь на пол лицом вниз.

— А теперь не двигайся, детка, или я вспорю живот твоей мамочке.

— Боже милостивый! — еще раз всхлипнул Джад.

— Заткнись ты!

— Клянусь, я не трогал ее! Спросите ее сами. Донна, разве я трогал тебя?

— Замолчи, — презрительно бросила она.

— О Боже! Все против меня!..

— Он убил уже по крайней мере двух человек, — заговорила Донна. — И нас убьет, если ты не заткнешься.

— Он убил кого-то? — Джад с ужасом посмотрел через плечо на Роя, который подходил к нему с ножом в правой руке. — Вы действительно убили кого-то?

— Лицом к стене!

— Он убил мою сестру и ее мужа,— холодно пояснила Донна.

— Как! Вы действительно убили их? — ахнул Джад и снова оглянулся на Роя.

По улыбке Роя было видно, что он получил тогда большое удовольствие.

Джад стал поворачиваться к нему лицом.

— Почему же вы...

— К стене!

Рой рванулся вперед, чтобы толкнуть Джада в его прежнее положение. Но как только его кулак коснулся левого плеча Джада, тот ловко перехватил его руку, прижал к своему плечу и резко повернулся. Рой издал громкий вопль, когда хрустнуло его сломанное запястье. Джад с силой ударил его локтем по затылку, и Рой с лета врезался лицом в стену. Таким же быстрым движением Джад нанес ему удар коленом по позвоночнику. Нож упал на пол. Рой со стоном повалился на спину. В его глазах застыл ужас.

— Отведи Сэнди в мой номер,— сказал Джад.— И посмотри, что случилось там с Ларри.

2

Когда они вышли на улицу, Донна наклонилась и обняла плачущую дочь.

— Он сделал тебе больно, да?

Сэнди кивнула.

— А как он тебе сделал больно?

— Он ущипнул меня здесь.— Девочка показала на левую грудь, где через блузку было видно едва заметное вздутие.— И еще сунул пальцем там, внизу.

— Внутрь?

Сэнди кивнула и горько всхлипнула.

— Но он... не изнасиловал тебя?

— Он сказал, что сделает это позже. А потом еще сказал нехорошее слово.

— Какое?

— Ну... нехорошее. Так нельзя говорить.

— Ничего, мне ты можешь сказать.

— Он сказал... что позже будет е...ть меня до тех пор, пока я не смогу ходить на ногах. А потом он собирался е...ть тебя. И еще обещал вспороть нам животы, как рыбе.

— Вот сволочь! — тихо процедила Донна. Потом нежно обняла девочку и погладила ее по голове.— Ну, ничего. Я думаю, теперь он уже не сделает ни того, ни другого.

— Он разве умер? — с надеждой спросила Сэнди.

— Ох, не знаю, — улыбнулась Донна. — Но теперь уж он точно ничего нам не сделает. Джад о нем позаботится. — Донна выпрямилась. — Ладно, пойдем посмотрим, как там Ларри.

— С ним все в порядке. Я его хорошо связала.

— Ты его связала? — удивилась Донна.

— Да, мне пришлось сделать это; а то папа собирался убить его.

Они зашагали через автостоянку.

— Но я сказала ему, что, если он убьет Ларри, я буду громко кричать. А он сказал, что если я закричу, он меня тоже убьет. И тогда я сказала, что мне все равно. И еще, что если он не убьет Ларри, то я сделаю все, чего он захочет. И он велел мне сделать так, чтобы ты открыла нам дверь.

— А как он заставил Ларри открыть?

— Он сказал, что он полицейский.

— Гениально! — покачала головой Донна, удивляясь тому, как легко Роя удалось обвести Ларри вокруг пальца. Она взялась за ручку двери двенадцатого коттеджа. Дверь оказалась незапертой, и Донна открыла ее.

— Где он?

— В ванне. — Сэнди виновато пожала плечами. — Он велел ему лечь туда.

Ларри лежал в пустой ванне лицом вниз, рот его был замотан рубашкой. Связанные за спиной руки — прикручены полотенцами к лодыжкам поднятых вверх ног.

— Мы схватили его! — доложила Сэнди.

Ларри ответил ей стоном облегчения.

Сидя на краю ванны и склонившись над Ларри, девочка стала проворно развязывать узлы. Через несколько мгновений все было сделано. Ларри поднялся на колени, стянул с лица рубашку и вытащил изо рта черный носок.

— Ужасный человек, — пробормотал он. — Чистый варвар! Надеюсь, с вами уже все в порядке? Где Джаджмент? Что случилось?

Донна рассказала ему, как действовал Джад, и добавила, что не знает, насколько сильно он покалечил при этом Роя.

— Наверное, нам следует пойти туда и узнать.

Они вернулись в девятый домик и нашли там Джада сидящим на кровати. На полу между кроватями лицом вниз лежал Рой. Руки его были связаны за спиной, а на голове красовалась наволочка, туго затянутая на шее кожаным

ремнем. Рой не двигался, слышно было только его прерывистое дыхание.

— Я вижу, ты уже полностью овладел положением,— отметил Ларри.

Сэнди, посмотрев на лежащего отца, сильно сжала руку Донны. Та села рядом с Джадом, они подвинулись и дали девочке место.

— Ну и что мы будем делать с этим хамом? — спросил Ларри, усаживаясь на свободную кровать.

— Он не просто хам,— сказал Джад.— Он убил сестру Донны, ее зятя, совершил развратные действия в отношении Сэнди и Бог знает сколько еще несчастий причинил другим людям. К тому же мы все прекрасно знаем, зачем он сюда приехал. Так что, по моим понятиям, он не хам. Он настоящее чудовище.

— Что ты собираешься с ним сделать? — спросил Ларри.

— Отправить его туда, где ему самое место,— многозначительно улыбнулся Джад.

— В тюрьму? — спросила Сэнди.

Донна почувствовала, как холодок пробежал у нее по спине.

— Нет, дорогая,— сказала она.— Я думаю, Джад имеет в виду другое место...

Внезапно Ларри все понял. Качая головой, он тихо произнес:

— О Боже милостивый.

Глава двадцать третья

Донна завела мотор «крайслера». Рядом с ней села Сэнди. Рой с наволочкой на голове и крепко связанными руками сидел на заднем сиденье между Джадом и Ларри. Джад приставил к груди Роя пистолет, а Ларри держал на коленях мачете, конец которого упирался Рою в живот.

— Когда ты нас высадишь,— обратился Джад к Донне,— поезжай сразу назад в мотель, там подожди полчаса, а потом возвращайся за нами. Если ты нас не увидишь, то не ищи. Уезжай и возвращайся через каждые пятнадцать минут до тех пор, пока мы не появимся. Есть какие-нибудь вопросы?

— А можно мне поставить машину где-нибудь на стоянке поблизости, чтобы вас подождать? Тогда я смогла бы подать сигнал, если кто-нибудь подойдет к дому.

— Нет. Машина может привлечь внимание.

— Они действительно собрались в «Дом чудовища»? — спросила Сэнди с таким обиженным видом, будто это была какая-то забава, в которой участвовали все, кроме нее.

— Кажется, да, — ответила Донна.

— Но это же сумасшествие! — воскликнула девочка, не зная, радоваться ей или бояться.

— Конечно, — поддержал ее Ларри. — Согласен с тобой на все сто процентов.

— Тебе не обязательно ходить туда, — сказал Джад.

— Нет, я должен там быть. Ведь насколько я понял, ты именно сейчас собираешься избавить мир от того чудовища, о котором писала Лили?

— Да, собираюсь.

— Ну что ж, поскольку я оплачиваю все расходы по этой операции, мне, конечно, хочется лично увидеть, как она будет завершена. А кроме того, тебе, возможно, потребуется моя помощь, поскольку с нами будет еще наш очаровательный друг. — Ларри с усмешкой покосился на Роя.

— Вы и его с собой возьмете туда? — удивилась Сэнди.

— Да, — сказал Джад и ничего больше не добавил.

— А зачем?

— Для наказания.

— Вы отдадите его чудовищу? — Глаза девочки возбужденно заблестели.

— Совершенно верно.

— Ух ты! А можно мы тоже пойдем посмотрим? — спросила она Донну. — Я хочу видеть это.

— Нет, нам нельзя.

— Ну почему? — Сэнди капризно надула губы.

— Это опасно.

— Но ведь Джад и Ларри пойдут?

— Они — это совсем другое дело.

— А я тоже хочу туда! Я хочу видеть, как чудовище схватит его своими когтями и разорвет на куски!

— Ну, Сэнди!

— Да, я хочу видеть это! — В ее голосе слышались надрывные нотки.

— Поверь мне на слово, деточка, — ласково сказал Ларри, — что тебе лучше не смотреть, как чудовище расправляется с человеком. Уж я это знаю...

— Мы уже подъезжаем, — заметила Донна.

— Хорошо. Проезжай мимо дома, а потом развернись, — сказал Джад.

— Здесь?

— Нет, немного подальше — за поворотом.

Донна снизила скорость.

— Разворачивайся.

Донна попыталась с ходу развернуть громоздкий автомобиль, но ей это не удалось. Пришлось останавливаться и сдавать назад.

— Хорошо,—сказал Джад.— Теперь погаси фары.

Донна нажала кнопку выключения фар, дорога впереди сразу же потемнела и как будто сузилась. Но все же лес по обеим сторонам шоссе казался еще темнее, и Донне не составило большого труда с приличной скоростью ехать вперед. За поворотом лес кончился. Луна осветила дорогу бледным желтоватым светом.

— Притормози у билетной кассы,—попросил Джад.

Донна остановилась.

— Теперь мне нужны на минутку ключи.

Донна выключила зажигание, повернулась и отдала ключи Джаду.

— Джад,—робко позвала она. В ее глазах стояла тревога.— Не лучше ли будет сдать его полиции, а?

— Нет.

— Я не то чтобы... Но, может, лучше просто пристрелить его или что-нибудь в этом роде?

— Но это же будет убийство!.. — Он слегка усмехнулся.

— А отдать его чудовищу — разве не убийство?

Джад с сомнением покачал головой.

— Нет. Ведь в этом случае с ним разделается такое же чудовище, как он сам, а не мы. По-моему, ни один суд не смог бы вынести ему более справедливого приговора.

— Но я не хочу, чтобы ты снова входил в этот дом. Особенно ночью. Боже мой, Джад! Придумай еще что-нибудь.

— Все нормально,—спокойно ответил Джад.

— Нет, не все! Тебя там могут убить! И это несправедливо! У нас было всего два дня.

— У нас будет еще много дней,—улыбнулся Джад и вышел из машины. Вслед за собой он вытащил Роя, который тут же споткнулся и упал на колени.

— Держи его на земле,—сказал он, обращаясь к Ларри.

Донна пошла вслед за Джадом к багажнику.

— Пожалуйста,—произнес он,—садись за руль.

— Всего один поцелуй.— Она как-то жалко улыбнулась и пожала плечами.

— Хорошо.

Донна крепко прижалась к нему, нежно обнимая двумя руками, в надежде, что их тела сейчас сольются в единое целое, и ей удастся заставить его отказаться от своей безумной затеи. Но минуту спустя Джад мягко отстранил ее от себя.

Донна смотрела, как он достал из багажника меховую куртку и надел ее. Потом вынул два фонарика и аварийный сигнальный факел. После этого Джад тихонько закрыл багажник и вернул ей ключи.

— Сколько на твоих часах? — спросил он Донну.

— Без семнадцати одиннадцать, — ответила она.

Джад подвел свои часы.

— Хорошо. Встречай нас здесь ровно в пятнадцать минут двенадцатого.

— Джад...

— Уезжай. Пожалуйста! Я хочу, чтобы это дело было доведено до конца.

Донна села в машину, завела мотор и уехала, не оглядываясь на трех мужчин, оставшихся на обочине дороги.

Глава двадцать четвертая

1

— Это турникет, — сказал Джад ничего не видящему сквозь наволочку Роя. — Перелезай через него.

Рой отчаянно замотал головой.

Джад подтолкнул его ножом в спину, после чего тот забросил на вертушку правую ногу. С другой стороны ему помог перебраться Ларри, с силой дернув за одну из связанных рук. Внезапно Джад услышал шум приближающегося автомобиля, быстро перепрыгнул через турникет, сбил Роя с ног и прижал к земле. Теперь все трое лежали за будкой билетной кассы.

Подъехавшая машина замедлила ход. Ее колеса зашуршали по гравию. Джад прополз немного вперед и выглянул из-за угла кассы.

Полиция.

Машина стояла на противоположной стороне дороги, но Джад слышал, как работает мотор на холостых оборотах. Прошло несколько минут. Затем автомобиль развер-

нулся, медленно проехал мимо билетной кассы и исчез из виду.

Джад и Ларри подняли Роя на ноги и быстро повели его по газону к заднему крыльцу дома.

Разбитое стекло в двери еще не заменили, а только крест-накрест забили досками. Положив нож в карман, Джад просунул пальцы в отверстие и нащупал задвижку английского замка. Он попробовал оттянуть ее, но та не поддавалась. Тогда он изо всех сил дернул за нее, и она с громким лязгом отошла в сторону, нарушив тишину темного дома.

— Этот шум мог разбудить его,— встревоженно прошептал Ларри.

Джад толкнул дверь, и она раскрылась. Он втащил за собой Роя, голова которого была по-прежнему замотана наволочкой. За ними последовал Ларри и закрыл дверь без единого звука.

— Теперь куда? — снова шепотом спросил Ларри.

— Давай сначала снимем это.— Джад расстегнул ремень на шее Роя и стащил с него наволочку. Рой завертел головой, оглядываясь по сторонам.

— Это «Дом чудовища»,— пояснил Джад. Рой издал носом какие-то звуки.— Я сейчас выну кляп, но помни: если хочешь жить, веди себя тихо.

Рой согласно кивнул.

Джад оторвал ленту пластыря, которым был заклеен рот Роя, скатал ее трубочкой и положил в карман. Потом надел на себя ремень и засунул за него наволочку. Теперь она болталась у него на боку, как мешок с подарками у Санта-Клауса. Но Джад не собирался оставлять здесь ничего лишнего.

Ничего, кроме самого Роя.

— Пошли наверх! — шепотом скомандовал он.

— Туда, где живет ваше чудовище? — спросил Рой и хрипло рассмеялся.

— Нет, туда, где оно обычно охотится,— уточнил Джад.

— Правда? И вы в самом деле верите во все это дерьмо?

— Тссс.

Джад вышел из кухни и зажег фонарик. Впереди оказалась парадная дверь, подставка для зонтов в виде чучела обезьяны, а чуть сбоку — перила лестницы. Джад

убрал фонарь, сунул левую руку под рубашку и достал из-за пояса автоматический «кольт».

— Вы что, ребята, хотите напугать меня? — усмехнулся Рой.

— Тссс! — повторил Ларри.

Когда они подошли к нижним ступенькам лестницы, Рой недовольно поморщился.

— Чего это у вас тут бензином воняет? — спросил он.

— Это с прошлой ночи, — буркнул Джад. — Здесь была одна заваруха...

— Это какая же?

— Вчера тут убили женщину, — объяснил Ларри.

— Да ну! Значит, вы каждый день этим занимаетесь?

— Заткнись, — отрезал Джад.

— Да я просто поддержал разговор... — Рой безразлично пожал плечами.

Они стали подниматься по лестнице, и все ужасы прошлой ночи вновь всплыли в сознании Джада: мертвое тело Мэри Зиглер, падающее на него сверху из темноты; булькающие звуки, издаваемые ею, когда она перекатывалась через его спину; болотный смрад изо рта чудовища... Он с опаской посмотрел на верхние ступеньки лестницы, будто ожидал снова увидеть там растерзанный труп.

— У кого-нибудь есть закурить? — спросил Рой.

— Заткнись.

Они добрались до верхней площадки лестницы.

— Так, — сказал Джад. — Теперь ложись.

— Что?

— Ложись на пол лицом вниз.

— Да пошел ты знаешь куда!

Резким ударом ноги Джад заставил Роя рухнуть на пол.

— Ох, гад!.. Да я тебе... — застонал Рой.

— Лицом вниз! — повторил Джад.

Рой повиновался.

— Ну подожди, засранец. Я еще вспорю тебя, как сома.

— Иди туда, — прошептал Джад Ларри, указывая на дверь в нескольких футах от Роя.

— Один?

— Подожди минутку. — Джад опустился на колени. — Значит, так, Рой. Слушай и запоминай. Ты будешь лежать здесь тихо и неподвижно. И вот еще что я тебе скажу: если ты выдержишься тут до рассвета и останешься в живых,

то я просто передам тебя в руки полиции. Но это как раз не самое страшное, что может с тобой сегодня случиться.

— Да пошел ты... — Рой отвернулся.

— Однако у тебя появится такой шанс только в том случае, если ты будешь лежать смирно и не станешь шуметь. Тогда, может быть, тебе повезет и чудовище тебя не заметит.

— Иди-ка ты на...

— А мы будем находиться вон там и следить за тобой. И если ты попытаешься ускользнуть отсюда, я буду вынужден прикончить тебя. Есть вопросы?

— Есть. Как тебя зовут? Я хочу знать имя человека, которого я скоро распотрошу.

— Меня зовут Джаджмент Рэккер.

— Джаджмент, да? Все это дерьмо собачье!

Джад направился к двери, у которой ждал его Ларри, открыл ее и осветил фонариком узкую лестницу с тупиком наверху.

— Здесь будет удобно, — прошептал он. — Мы сможем сидеть на ступеньках.

Они вошли внутрь. Джад отложил фонарь в сторону и прикрыл дверь, оставив лишь узкую щель. Через нее был виден силуэт Роя, лежащего на темном полу коридора.

Джад переложил пистолет в правую руку, а левой достал из куртки нож Роя и похлопал по карману, ощущая в нем приятную тяжесть запасных обойм.

— Джадж, — прошептал Ларри. — Мы действительно отдадим его чудовищу?

— Тише!..

2

Донне очень хотелось развернуть машину, возвратиться к «Дому чудовища» и ждать там, пока мужчины закончат свое опасное дело. Она уже собиралась притормозить, как вдруг заметила в зеркальце заднего вида мигающие двухцветные огни, которые стали быстро приближаться к ней. Донна поняла, что это сигнальное устройство на крыше полицейского автомобиля. Она взглянула на спидометр. Нет, скорости она не превысила. Сэнди испуганно оглянулась.

— О-о! — с досадой простонала она.

— Вижу, — кивнула Донна.

— Будешь останавливаться?

— Нет, если они не подадут мне сигнал.

— А почему он так близко едет за нами? — спросила девочка.

— У него плохие манеры.

Полицейская машина оставалась у них на хвосте до самого «Уэлком-инн». Потом последовала за ними через въезд на территорию мотеля, свернула влево и остановилась у ресторана.

Сэнди нарочито громко вздохнула:

— Уфф!

— Я думаю, он просто сильно проголодался, — улыбнулась Донна и поставила машину возле двенадцатого домика. — Теперь давай подождем, пока он зайдет в ресторан.

— А что потом? — тут же спросила Сэнди.

— Поедем за Джадом и Ларри.

— Но ведь Джад сказал, чтобы мы приезжали только через полчаса, — напомнила девочка.

— А мы приедем немного раньше.

Донна подала назад и направилась к выезду со стоянки. Бросив быстрый взгляд на патрульную машину, она увидела, что в ней никого нет. Не было полицейского и нигде поблизости. Она свернула налево.

— Мам, а если мы приедем слишком рано, то, может быть, тоже зайдём в дом? — опять взялась за свое Сэнди.

— Ты что, с ума сошла?

— А вдруг надо будет помочь Ларри и Джаду...

— Думаю, они там справятся и без нашей помощи.

— Но я не боюсь чудовища! — заявила девочка.

— Ну и зря. Как раз его-то надо бояться.

— Можно взять с собой ружье Джада. — Сэнди пожала плечами.

Донна повернула к ней голову.

— Ты же знаешь, что пули не причиняют ему никакого вреда! Разве ты не слышала этого во время экскурсии?

— Конечно, слышала.

— Мэгги ведь рассказала, как ее муж стрелял в чудовище. И что из этого вышло?..

— Ничего подобного, — не сдавалась Сэнди. — Она только сказала, что слышала выстрелы. Может быть, он просто промахнулся.

— Ладно, хватит об этом. Мы там даже не будем выходить из машины.

Донна медленно ехала по ночному городу, который казался в этот час мертвым. Несколько машин стояло перед закрытыми магазинами, будто водители бросили их, спаса-

ясь от темноты. Уличные фонари бросали тусклый свет на углы домов. Светофор на перекрестке непрерывно мигал желтым предупредительным светом.

Она свернула налево, пересекла улицу и остановила машину перед магазином скобяных изделий Арти. Фары ярко осветили витрину. Донна выключила их.

— Тебе видно дом? — спросила она Сэнди.

Сэнди посмотрела в окно.

— Нет, вижу только лужайку перед входом.

Донна попыталась выглянуть из окна задней левой двери, но тоже мало что увидела — только переднюю часть ограды и билетную кассу.

— Наверное, мне надо выйти, — сказала она.

— Я с тобой.

— Хорошо.

Они тихо закрыли за собой двери и пошли по тротуару к ограде. Их спортивные туфли не издавали при ходьбе ни малейшего шума. Вскоре они миновали магазин и оказались перед кованой чугунной решеткой.

Между оградой и стеной магазина был узкий проход, ведущий к его служебной двери. Вход загораживала низенькая калитка. Донна открыла ее и пропустила Сэнди вперед. Держась ближе к стене, она чувствовала себя в большей безопасности, так как с улицы их было почти не видно.

Сэнди взяла ее за руку.

За лужайкой безмолвно стоял «Дом чудовища». Его деревянная обшивка при свете луны выглядела мертвенно-бледной, будто была сделана из тополя, прибитого штурмом к берегу. В тех местах, где балконы и навесы бросали на стены тень, казалось, что в дом ведут глубокие таинственные пещеры.

Донна посмотрела на темные окна эркеров. Затем перевела взгляд на спальню Лили Торн, а потом — на окно Мэгги, через которое много лет назад выпрыгнул Ларри. Она ясно представила себе восковую фигуру мальчика, пытающегося открыть окно.

— Который час? — прошептала Сэнди.

Донна повернула свои часы так, чтобы на них падал свет луны.

— Двадцать минут двенадцатого.

— Они запаздывают! — забеспокоилась девочка.

— Все в порядке.

— А что если они вообще не выйдут оттуда?..

— Эй, ребята, вы слышите? — пробормотал Рой. Джад уловил в его голосе страх. — Кто-то идет! Вы слышите, черт поberi?! Эй!..

Джад опустился на колени, давая Ларри возможность наблюдать через щель над его головой. Переложив пистолет в левую руку, он вытер влажную от пота ладонь о штанину джинсов и достал фонарик.

— Ребята! Где вы? — И тут, будто потеряв надежду дождаться их помощи, Рой забормотал тихим голосом: — О Боже! Боже мой!..

Джад услышал, как скрипнула ступенька лестницы.

— Эй, кто вы, а?.. Помогите мне! Эти два парня связали меня. Я не вор. Меня похитили и притащили сюда насильно. Окажите мне... Вот дерьмо! Ребята!..

Джад услышал глухой хриплый смех.

— О Боже! — Рой начал плакать. — Боже милостивый! Помогите! — Теперь он уже рыдал. — Господи, убери его отсюда!

Стоявший за Джадом Ларри застонал от ужаса.

Рой истощно завопил, когда чудовище напало на него. Но, казалось, прыжок неведомого зверя вышиб из него дух, и он тут же смолк.

Джад толчком распахнул дверь, выставил перед собой фонарик и включил его. Белое рычащее существо на спине Роя повернуло голову на свет. Изо рта его свисали куски окровавленного мяса.

Ларри, стоявший за Джадом, пронзительно закричал.

И, прежде чем Джад успел поднять пистолет, Ларри с силой толкнул его в спину, и тот выкатился в коридор. Ларри, все еще продолжая кричать, перепрыгнул через него и устремился вперед. Джад поднял фонарь и направил свет на узкие щели глаз чудовища. Он видел, как Ларри подбежал к нему и взмахнул своим длинным machete. В воздухе блеснуло лезвие. Затем послышался удар, и белая безволосая голова, нелепо подпрыгивая, покатила в темноту. Из обрубка шеи чудовища хлынула кровь. Туловище медленно осело на лежащего Роя. Джад услышал глухие удары головы, катящейся по ступенькам лестницы.

— Я убил его, — дрожащим голосом прошептал Ларри. Джад поднялся на колени.

— Я убил его! Оно мертво! — Ларри занес machete над головой и рубанул им по спине мертвого существа. — Мерт-

во! — И он еще раз ударил труп. — Мертво! Мертво! Мертво! — После каждого слова Ларри наносил новый удар по трупу.

— Ларри, — тихо позвал Джад, вставая на ноги.

— Я убил его!

— Ларри, мы все сделали. Давай выбираться отсюда... — Но внезапно Джад услышал за спиной дикое рычание. Он быстро повернулся и направил фонарь на лестницу, ведущую на чердак. Дверь наверху лестницы была открыта. Джад опустил луч пониже, и он осветил массивную белую спину существа, задом спускающегося по ступенькам.

Джад не раздумывая нажал на спусковой крючок. «Кольт» громыхнул, вспышка выстрела на мгновение осветила коридор. Раздался оглушительный вой, заставивший Джада вздрогнуть. Чудовище повалилось на него и опрокинуло на спину, прижав его к полу возле открытой двери в коридор. Джад приставил пистолет к боку чудовища и выстрелил еще раз. Снова раздался жуткий вой, и через мгновение Джад почувствовал, что тяжесть свалилась с него. Он перевернулся на живот. Фонарик все еще был зажат в его левой руке. Осветив коридор, он увидел, как громадное белое существо бросилось к Ларри, хотя из двух отверстий в его спине ручьями хлестала кровь. Ларри высоко поднял мачете. Удар пришелся по голове чудовища, содрав с его скальп. Мачете выпало из рук Ларри.

Бросив фонарь, Джад выхватил нож, который отобрал недавно у Роя, и рванулся вперед. В полутьме он видел вдали смутную фигуру чудовища, схватившего Ларри. Пробегая мимо лестницы, Джад принял немного в сторону, но внезапно почувствовал под ногой пустоту и понял, что оступился. Нож выпал у него из руки, а сам он покатился вниз в темноту.

4

Донна с ужасом прислушивалась к приглушенным крикам и выстрелам, доносившимся со стороны дома. Она посмотрела на Сэнди. Девочка стояла в оцепенении, тяжело дыша открытым ртом. При звуке бьющегося стекла Донна перевела взгляд на дом. Окно в спальне Мэгги разлетелось, и из него головой вперед выпало тело.

Нет, это, наверное, не тело, а восковая фигура Ларри Мейвуда...

Но почему эта фигура так страшно кричит?!

Лунный свет переливался на седых волосах стремительно падающего вниз мужчины. Из окна вылетела еще одна фигура. Донна видела, как она вертится в воздухе, но ее руки и ноги оставались при этом неподвижными. Донна поняла, что именно это и есть восковая кукла. Послышался глухой удар, и крик Ларри прекратился.

Не говоря ни слова, Донна толкнула ногой низкую деревянную калитку и потащила Сэнди к машине.

— Залезай внутрь! Быстро!

— Но мама!

— Делай, что тебе говорят!

Сэнди забралась на сиденье, а Донна подбежала к багажнику и открыла его. Наклонившись, она достала из упаковки сигнальный факел и положила его себе в задний карман. Потом открыла кожаный чехол и вынула из него «винчестер» Джада. Захлопнув крышку багажника, она осмотрела винтовку, проверила магазин и передернула затвор. Двигая рукоятку затвора вперед, Донна увидела, как в патронник вошел длинный блестящий патрон с острой пулей. Сняв «винчестер» с предохранителя, она быстро подошла к окну Сэнди.

— Держи все двери на замке и подними стекла. Я скоро приду.

Девочка смотрела на нее испуганными глазами, но все же заперла двери и начала поднимать стекла окон.

Донна побежала к билетной кассе.

5

Джад лежал на середине лестницы, ухватившись за балясину перил, когда вдруг услышал звон бьющегося стекла и пронзительный крик Ларри. Он начал подниматься по лестнице. Внезапно раненая тварь появилась перед ним на верхних ступеньках. Она двигалась вниз большими шагами. Джад поднял пистолет и, не целясь, выстрелил. И тут же почувствовал сильный удар по руке когтями, которые в следующее мгновение вырвали у него пистолет. С хриплыми стонами залитое кровью существо, шатаясь, проследовало вниз мимо Джада. Прислонившись к перилам, он видел, как бледный силуэт удаляется по направлению к кухне.

Джад быстро взбежал по лестнице. Пошарив рукой по полу возле трупов Роя и первого монстра, он нашел свой фонарик и включил его. При свете фонаря ему удалось

обнаружить мачете Ларри. Взяв его, Джад бросился по коридору к спальне Мэгги. Здесь он увидел, что ширма из папье-маше разодрана и валяется на полу, а окно позади нее разбито. Потом луч фонаря выхватил из темноты лежащее на полу обезглавленное тело. Джад присел над ним и только тогда понял, что это всего лишь восковая фигура Тома Бэгли, друга детства Ларри. Джад подбежал к окну и посмотрел вниз. На земле лежали два распростертых тела. Над одним из них склонилась женщина.

Донна.

— Он жив? — крикнул Джад.

Донна подняла голову и посмотрела на него.

— Джад, с тобой все в порядке?

— Да, все хорошо, — солгал он. — Ларри живой?

— Не знаю.

— Ради Бога, помоги ему! Вызови врача, «скорую помощь»...

— Ты идешь вниз?

— Я иду за чудовищем.

— Нет! Не надо!

— Окажи Ларри помощь. — Джад отвернулся от окна, пересек комнату и подошел к комоду. Засунув мачете за пояс, он выдвинул верхний ящик. Автоматический «кольт», некогда принадлежавший покойному мужу Мэгги, лежал там в целости и сохранности. Нажав кнопку на ручке пистолета, Джад вынул из него пустую обойму, затем достал из кармана свою на двадцать патронов и вставил ее в гнездо. Обойма с тихим щелчком точно вошла на место. Перевернув затвор, Джад дослал в ствол первый патрон и убежал из комнаты.

Перешагнув через тела в коридоре, он бросился вниз по лестнице и вскоре был уже в кухне. При свете фонаря он увидел на полу следы крови. Эти следы привели его в кладовую, дверь которой была открыта, а дальше пошли по крутой деревянной лестнице в подвал.

В подвале было сыро, прохладно и пахло землей. Осветив помещение, Джад увидел вокруг себя множество корзин, ящиков и полок, уставленных пыльными банками с консервированными овощами. Из любопытства он отошел от кровавого следа и приблизился к куче корзин. За ними, как и было сказано в дневнике Лили Торн, обнаружилось отверстие в земляном полу.

Он снова вернулся к блестящим пятнам крови и пошел по их следу, пока тот не привел его к стоящему вертикаль-

но у стены рундуку, в каких матросы на кораблях обычно берут свои пожитки. Джад заметил, что крышка на рундуке заперта висячим замком. Значит, чудовище не могло спрятаться внутрь.

И тут до слуха Джада донеслись два слабых выстрела. Стреляли где-то вдали. На мгновение он забеспокоился. Но потом решил, что это, очевидно, стреляла Донна, чтобы привлечь внимание полиции для оказания помощи Ларри.

Положив фонарик на земляной пол справа от рундука, он убрал «кольт» в наружный карман куртки. Потом просунул пальцы между рундуком и стеной и потянул его на себя. С громким скрипом тяжелый ларь отошел в сторону на невидимых петлях. На его задней стенке болталась веревочная ручка. Веревка была темной и влажной от крови.

Позади рундука, где должна была находиться сплошная стена, Джад увидел вход в низкий туннель. Подобрал свой фонарик, он без колебаний двинулся в это темное подземелье.

6

Поняв, что Ларри уже не вернуть, Донна бросилась к парадной двери дома. Ей понадобилось два раза выстрелить по замку, чтобы разбить его. Но даже после этого ей пришлось несколько раз толкнуть тяжелую дверь плечом, прежде чем она неохотно открылась. Донна вошла в прихожую.

— Джад! — позвала она.

Ответа не было. Стояла мертвая тишина. Она снова позвала его, на этот раз громче. Опять молчание.

Повесив винтовку на плечо, Донна достала из заднего кармана сигнальный факел, сняла с него колпачок и стала чиркать им по концу запала. Сначала была только искра. Но со второго раза факел загорелся, осветив ярким белоголубым пламенем всю прихожую и большую часть лестницы. Донна стала медленно подниматься по ступенькам. Она продолжала идти, даже когда в свете факела увидела оставшиеся наверху тела: Рой лежал лицом вниз, а задняя часть его шеи представляла собой сплошное кровавое месиво. На его спине покоилось странное белесое существо. Когда Донна увидела тупой обрубок его шеи, она зажала рукой рот, а потом отвернулась, и ее вырвало.

Но она все же продолжила свой подъем. Достигнув верхней площадки лестницы, она перешагнула через трупы и

направилась по коридору к спальне Мэгги, из окна которой выглядывал Джад.

Подойдя к двери, Донна громко позвала его, но ответа по-прежнему не было. Тогда она пересекла коридор, вошла в комнату Лили и снова позвала его. Безрезультатно.

Донна вернулась на лестничную площадку. Но хотя она видела, что чудовище и Рой уже лежат мертвые у ее ног, ей все же очень не хотелось идти дальше по коридору в другие комнаты.

— Джад! — закричала она. — Где ты?

Не получив ответа, она вздохнула и быстро пошла вперед по узкому коридору. По дороге Донна нечаянно опрокинула стулья, которыми была отмечена будущая площадка для размещения восковых фигур Зиглеров. Дойдя до конца коридора, она вошла в комнату, расположенную по левую сторону. Факел отбрасывал неровный свет на стены и потолок, детскую лошадку-качалку, две маленьких кроватки и восковые фигуры убитых детей Лили Торн.

— Джад? — тихо позвала она. Но ничто в комнате не шелохнулось.

Тогда Донна пересекла коридор и попробовала открыть дверь детской. Однако ручка не поддавалась, и она вспомнила слова Мэгги о том, что эту комнату они всегда держат запертой. Донна два раза стукнула по двери ногой.

— Джад! — еще раз крикнула она. Ответа не было. Тихо чертыхнувшись, она поискала глазами, куда бы поставить факел. Подходящего места поблизости не оказалось, и она просто прислонила его к стене. Обоим сразу начали корчиться и чернеть. Донна выпрямилась, сняла с плеча винтовку и выстрелила в то место, где язычок замка входил в планку. Потом перезарядила оружие и толкнула дверь плечом. Чувствуя, что она поддается, Донна подняла с пола факел, перебросила «винчестер» за спину и распахнула дверь настежь.

— Джад? — позвала она и, не дожидаясь ответа, вошла в комнату. Факел в ее руке осветил пустую детскую колыбельку, манеж, кукольный домик. Потом она увидела ведра, половую тряпку, метлы, щетки и стол, загроможденный всевозможными губками, ветошью, бутылками с полиролью, жидкостью для чистки мебели и мытья окон. Очевидно, теперь эту комнату занял Аксель для хранения своего инвентаря.

Донна вышла из комнаты и быстро зашагала по коридору в другой конец мимо стульев и лежащих на полу тел. Там она остановилась и посмотрела на дверь чердачной лестницы. Дверь была открыта.

— Джад! — снова позвала она.

Не получив ответа, Донна стала подниматься по крутым ступенькам. Они были очень узкие, и стены лестницы, казалось, давили на нее. Донна торопилась. Дверь наверху была открыта. Она дошла до этой двери и на мгновение остановилась, переводя дыхание, прежде чем войти на чердак.

— Джад, ты здесь? Отзовись!

Тишина. Донна наклонилась и через низкую дверь прошла внутрь чердачного помещения. При свете факела она увидела там старое кресло-качалку, журнальный столик на одной ножке, несколько ламп и диван. Отойдя от двери, она протиснулась между столиком и диваном. Прямо перед ней стоял ткацкий станок. Донна обошла его, занесла ногу над толстым рулоном скатанного ковра и вдруг в ужасе замерла, чуть не наступив на чью-то скрученную руку. Ухватившись за стоящий рядом стул, чтобы не упасть, она резко обернулась и увидела перед собой растрепанные волосы, широко раскрытые глаза, изувеченные голые плечи и окровавленную женскую грудь.

«Слава Богу, это не Джад!» — промелькнула первая мысль.

Это была Мэри Зиглер.

На ее правой ноге от основания бедра до лодыжки не осталось ничего, кроме костей. Донна почувствовала, как слабеют ее колени, отшатнулась, согнулась, и ее опять вырвало. Ее желудок, уже пустой, еще долго продолжал болезненно сокращаться в неудержимых мучительных спазмах. Наконец он немного успокоился. Донна вытерла выступившие слезы и направилась назад к двери.

Она уже перешагнула через скатанный ковер и протиснулась боком между столиком и диваном, как вдруг дверь перед ней с громким треском захлопнулась.

Джад шел все дальше по подземному ходу, ежесекундно пригибаясь, чтобы не задеть головой низкий земляной потолок. Он старался отогнать от себя чувство удушья, создаваемое теснотой этого сырого туннеля. В некоторых местах рыхлые стены были укреплены деревянными столбами и досками.

Это явно работа человеческих рук.

Может быть, Вика Хэпсона. Или Акселя.

Еще до того, как он вошел в этот туннель, Джад знал куда он его приведет. Но он не предполагал, что это будет так далеко. По каким-то соображениям туннель не стали делать прямым. Он извивался, как русло старой реки, делая бесконечные петли и крутые повороты. В одном месте туннель разветвлялся. Джад двинулся по левому рукаву, описал дугу и опять попал в правый, по которому и пошел дальше на запад.

Перед каждым изгибом туннеля указательный палец Джада замирал на спусковом крючке пистолета на случай внезапного нападения раненого чудовища. Но за каждым следующим поворотом его взору открывался лишь новый прямой участок и очередной изгиб.

Вскоре Джад начал задумываться над тем, не пропустил ли он выхода из этого лабиринта, который так надеялся отыскать. Он вспомнил о разветвлении. Может быть, правая ветвь как раз шла мимо выхода в дом, перед тем как снова соединиться с левой?

Конечно, на это мало надежды. Но все же...

Туннель сделал еще один поворот, и вдруг перед Джадом оказалась открытая дверь. Он обвел лучом фонаря помещение, в котором так неожиданно оказался: это был подвал. По полу, застеленному синим ковром, как островки были разбросаны шелковые подушки. Чудовище притаилось в дальнем углу.

Джад решительно направился к нему. Существо лежало на спине, прижимая к груди белыми руками подушку. Из уголка рта у него свисал длинный заостренный язык. Наклонившись над ним, Джад тронул его морду стволом пистолета.

Труп.

Вся нижняя часть мертвого тела была залита кровью.

Джад быстро осмотрел ее и убедился, что описание половых органов, составленное Ли-ли Торн, вполне соответствует действительности. Испытывая изумление и отвращение одновременно, Джад покачал головой и отошел от чудовища.

Потом поднялся по деревянной лестнице и оказался на кухне дома без окон.

2

Аксель Кутч, пригнувшись, как боксер на ринге, стоял перед дверью и радостно улыбался, глядя на Донну. Его лысая голова блестела при свете факела, который Донна сжимала в руке. Аксель был совершенно голый. Его массивные плечи, руки, грудь и живот были покрыты густыми свалывшимися волосами, в то время как толстый и лоснящийся, направленный почти вертикально вверх пенис оказался совсем без волос и на нем виднелась жирная неумелая татуировка — во всю длину крупными корявыми буквами было написано: «Е Шао Ли».

Аксель вразвалку заковылял к Донне.

— Не подходи! — жутко крикнула она.

Но он лишь отрицательно замотал головой.

Тогда, угрожая ему факелом, Донна попыталась снять с плеча винтовку.

И тут двухпалая рука Акселя схватила ее за запястье и резко вывернула его. Факел упал на пол, но Аксель не переставал выкручивать ей руку. Извиваясь от боли, Донна потеряла равновесие и упала на спину. Все еще крепко держа ее за запястье, Аксель ударил ее ногой в левый бок. Потом опустился рядом с ней на колени. Подняв факел, он вставил его негорящим концом между подушками дивана над головой Донны и перекинул через нее свою правую ногу. Теперь он сидел на ее животе, прижимая руки Донны к грязному полу.

— Ты красивая, — произнес он с застывшей глупой улыбкой.

Донна продолжала сопротивляться, пытаясь освободить свои руки.

— Лежи тихо, — сказал Аксель.

— Слезь с меня!

— Лежи тихо! — повторил он и, наклонившись, прижался слюнявым ртом к ее закрытым губам. Донна укусила его за губу и тут же почувствовала соленый вкус теп-

лой крови, но он не переставал целовать ее. Она снова укусила его, яростно вырвав при этом кусок губы. Аксель со стоном отпрянул, а потом тыльной стороной ладони сильно ударил ее по лицу.

Ослабев от удара, Донна все же попыталась свободной рукой оттолкнуть его от себя.

Но Аксель отбросил ее руку и снова дважды ударил ее по лицу.

Каждый удар отзывался в голове Донны взрывом боли. Едва удерживая сознание, она чувствовала, как он разрывает на ней одежду. Донна слышала, как разлетаются по полу пуговицы с блузки, а потом ощутила грубое прикосновение его уродливых пальцев. Ее руки были уже свободны, но она не могла найти в себе сил даже поднять их. Потом Аксель потянул за бюстгальтер, но тот никак не расстегивался. Тогда он с силой рванул за бретельки и сорвал его, оставив на коже Донны багровые полосы свежих ссадин. Она почувствовала, как прохладно стало ее обнаженным грудям. Аксель сжал их руками. От боли сознание Донны несколько прояснилось. Она ощутила прикосновение его рта к своему соску, а он тем временем начал расстегивать пояс на ее брюках.

Донна поняла, что может уже поднять руки. Открыв глаза, она увидела, что Аксель стоит на коленях между ее ног и, наклонив голову, сражается с «молнией».

Она незаметно переложила руки за голову. Потом протянула вверх правую руку, нащупала факел и быстрым точным движением воткнула его горящий конец в левый глаз Акселя. Он надсадно взвыл, и чердак погрузился в полную темноту. Но Донна продолжала все сильнее вдавливать факел. И вот что-то густое и теплое потекло по ее руке, а факел стал мягко уходить в глубину глазной впадины. Упругое напряженное тело Акселя затряслось в предсмертных конвульсиях. Донна спихнула его с себя и откатилась в сторону.

3

В глаза Джаду ударил синий свет, льющийся из открытой двери гостиной. Он бесшумно приблизился и осторожно заглянул внутрь. Увиденное им зрелище потрясло его и заставило невольно покоситься на закрытую входную дверь. До нее было не более шести футов.

Мэгги и громадные белесые существа находились от Джада на расстоянии футов в тридцать. Одно из них, которое лежало под Мэгги, не смогло бы быстро вылезти и встать на ноги. Второе чудовище, пристроившееся к ней сзади, не видело Джада, так как стояло на четвереньках спиной к нему. Но третье, присевшее на корточки у головы Мэгги, было обращено мордой в его сторону. И Джад, скорее всего, не смог бы добраться до двери незамеченным.

Он прижался к стене, чтобы из гостиной его не было видно, и в течение нескольких секунд прислушивался к доносящимся оттуда стонам и громким чавкающим звукам. Мэгги тяжело и часто дышала. По силе звуков он понял, что скоро все будет кончено.

А когда они закончат, его шансы убежать отсюда...

Убежать?!..

О Боже! Он чуть не забыл, для чего он пришел сюда.

А пришел он сюда затем, чтобы убить их всех до единого.

Он пришел, чтобы не было больше новых человеческих жертв.

Правда, он не предполагал, что речь идет не об одной, а о целых пяти тварях. А может, их здесь и больше.. Но это не меняет цели. Все равно все они должны умереть. И если их тут так много, то это лишь усиливает необходимость выполнения его задачи.

Отодвинувшись от стены, Джаджмент Рэккер двумя руками навел пистолет, прицелился и выстрелил. Одно из чудовищ пронзительно вскрикнуло, когда пуля разнесла ему полголовы.

Чудовище, стоявшее к Джаду спиной, повернуло голову на выстрел, и тут же новая пуля угодила ему в правый глаз. Оно грузно плюхнулось на спину Мэгги, придавив ее сверху всей своей тяжестью.

Джад перестал стрелять, наблюдая за Мэгги. Мертвая тварь медленно сползла с ее спины на пол. Мэгги скатилась с оставшегося в живых третьего монстра и легла рядом с ним на бок, закрывая его своим телом от следующего выстрела.

Потом она встала, продолжая прикрывать его. Чудовище тоже поднялось на ноги за ее спиной. Мэгги медленно двинулась навстречу Джаду.

— Мерзавец! — пробормотала она. — Кто ты такой, мерзавец? Что ты тут рыщешь? Стреляешь в нас? Убиваешь моих милых?

Она продолжала идти к нему, прихрамывая и волоча правую ногу, которая выглядела так, будто ее кто-то долго грыз еще много лет назад и с тех пор она никак не заживала. Ее свисающие старческие груди были испещрены затвердевшими шрамами и свежими порезами. Некоторые из них гноились и кровоточили. Кровь капала и с ее израненной шеи и плеч. Теперь Джад понял, почему она всегда носила на людях шарф.

— Стой! — крикнул он.

— Мерзавец! — продолжала приговаривать Мэгги.

— Черт побери, я не хочу тебя убивать.

— Зато я хочу, сукин сын.

Внезапно Джад услышал за спиной чье-то грозное рычание. Он обернулся и выстрелил в бегущего к нему по лестнице монстра. Существо громко взвыло, но не осановилось. В это время первая тварь, стоящая рядом с Мэгги, полоснула его когтями по спине. Джад отскочил в сторону, резко повернулся и вытащил из-за пояса мачете. Когти снова резанули его, на этот раз — по груди. Взмахнув мачете, Джад отсек чудовищу руку и тут же выстрелил ему в грудь. Потом перевел пистолет на второго монстра, выпрыгнувшего ему навстречу из-за перил. Раздалось три выстрела, и в груди чудовища появились три глубоких дыры. Тварь медленно осела на пол.

Мэгги грохнулась на колени рядом с ее распростертым телом, обняла обмякшую белую плоть и заголосила, причитая:

— О Ксанду, Ксанду... Мой милый Ксанду!

Ее спина представляла собой безобразную кровавую массу, покрытую шрамами и гноящимися ранами.

— О Ксанду! — рыдала она, обхватив руками мертвую голову белесой твари.

— В доме еще есть такие? — строго спросил Джад.

Мэгги не ответила. Казалось, она не слышала его вопроса.

Обойдя ее и труп чудовища по имени Ксанду, Джад пошел к лестнице. Увидев слабый синий свет в коридоре второго этажа, он стал бесшумно подниматься вверх.

Донна, пошатываясь, спустилась по ступенькам крыльца, прислонилась к столбу, подпирающему верхний балкон, и обхватила его руками, чтобы не упасть. Ремень винтовки

соскочил у нее с плеча, и она услышала, как ореховый приклад гулко ударился об пол.

«Жаль,— подумала Донна.— Наверное, на нем теперь появились царапины». В каком-то смутном оцепенении она рассуждала о том, не будет ли Джад сердиться из-за этих царапин. Ведь мужчины иногда бывают привередливы в таких вещах. .

О Боже, да увидит ли она вообще когда-нибудь Джада?

Где же он может быть?..

Вдруг глухие хлопки вдали неожиданно дали ответ на этот так измучивший ее вопрос. Донна подняла голову, услышала еще несколько таких же странных тихих хлопков и поняла, что это стрельба.

Выстрелы были приглушены кирпичными стенами дома без окон.

Поглядывая на дом, она услышала еще один выстрел. Потом еще три — один за другим.

Схватив винтовку за ремень, Донна сломя голову бросилась вперед. Тяжелое оружие больно било ее по ногам. Не замедляя бега, она перехватила «винчестер» и дальше бежала уже с винтовкой наперевес, как солдат в штыковой атаке

Задержавшись у турникета, Донна бросила взгляд на «крайслер», стоящий справа вдали на обочине, и увидела голову Сэнди. Девочка была в безопасности за закрытыми дверями машины.

Донна неуклюже перелезла через вертушку и что есть мочи пустилась бежать на ту сторону улицы, где грунтовая дорога уходила к кирпичному дому. Она старалась припомнить, заряжена ли винтовка, и не могла. Тогда Донна на бегу резко передернула затвор. Выскочивший целый патрон завертелся в воздухе, ударил ее в лицо, и пуля проколола верхнюю губу. Смахнув слезы, она дослала в патронник следующий.

Приблизившись к фасаду темного дома, Донна замедлила бег и переложила «винчестер» в левую руку — правая уже устала. Потом, уперев приклад винтовки в бедро, открыла внешнюю застекленную дверь и повертела ручку внутренней двери в прихожую. Внешняя дверь захлопнулась, сильно ударив ее в плечо.

Донна чертыхнулась и потеряла ушибленное место. Потом вскинула винтовку и прицелилась в щель рядом с ручкой замка.

«Становится уже привычкой открывать двери таким способом», — подумала она.

Но эта мысль совсем не развеселила ее.

5

Джад осторожно вошел в главную спальню. В зеркалах отражался каждый ее уголок. Чудовищ здесь не было. Он заглянул в открытый стенной шкаф и, убедившись, что никто из него не выскочит и не нападет на него, подошел ближе к кровати.

На ней лицом вниз лежал на простыне Вик Хэпсон. Он был совсем голый, если не считать надетой на него короткой кожаной жилетки. Его широко расставленные руки и ноги были прикованы цепями к столбикам кровати, а лицо повернуто в левую сторону.

Склонившись, Джад внимательно посмотрел ему в глаза. Они были широко раскрыты от страха, губы дрожали.

— Не убивайте меня, — тихо проговорил он. — Поверьте, я ни в чем не виноват. Я просто жил здесь. Я здесь просто жил!

Выходя из комнаты, Джад услышал внизу звук выстрела.

6

Донна дернула на себя рукоятку затвора. Когда выскочила пустая гильза, она увидела, что магазин винтовки уже пуст, и вспомнила, как заряженный патрон ударил ее по лицу и упал на землю, когда она бежала сюда. Но его уже не найти.

Ладно. Главное — никто не должен знать, что патроны кончились.

Ударом плеча Донна открыла входную дверь и сразу же отпрянула назад при виде двух отвратительных тварей, распростертых на полу около лестницы. Их блестящие тела казались бледно-голубыми. Отрезанная рука одного из них лежала возле стены.

Обойдя их, Донна заглянула в гостиную. Там были еще двое.

— Джад! — позвала она.

Его голос доносился откуда-то сверху:

— Донна! Уходи отсюда!

Вот наказание! Мысленно Джад проклинал все на свете. Что здесь делает Донна?

Он подбежал к последней комнате, из которой они с Ларри слышали тогда звуки тяжелого прерывистого дыхания. Дверь была приоткрыта. Через щель пробивался неяркий синий свет. Ударом ноги Джад распахнул дверь, ворвался в комнату и направил пистолет на бледную фигуру, сжавшуюся в углу.

Но стрелять он не стал.

В тусклом свете синего ночника Джад увидел женщину средних лет с темными волосами, спадающими на плечи. Она держала кого-то в руках. Младенца. Уткнувшись мордочкой в ее грудь, он громко сосал. Между раскинутыми пухлыми ножками ребенка виднелся маленький член с язычком на конце.

Издав стон отчаяния, Джад попятился к двери.

Дойдя до верха лестницы, Донна увидела истерзанную фигуру голой Мэгги, хромающей в дальний конец коридора.

— Мама! — раздался вдруг громкий крик снизу.

Донна повернула голову в сторону, откуда шел голос. Сэнди, вся в слезах, стояла в прихожей и смотрела на нее, содрогаясь от страха.

Донна опять посмотрела в коридор и встретила взглядом с Мэгги. В правой руке старухи был нож для разделки мяса. Донна решительно вскинула винтовку, в которой, увы, не было патронов, и крикнула:

— Бросай нож!

Джад повернулся лицом к Мэгги и стал поднимать пистолет. В это время нож воткнулся в него.

Джад был удивлен.

Он не мог поверить в это.

Это блестящее, широкое лезвие действительно вошло в его грудь!..

«Но этого не может быть,— думал он.— Она не могла сделать это!..» Он попытался нажать на спусковой крючок пистолета, но рука его уже была бессильна.

Глава двадцать шестая

Джони лежала на боку в холодной темноте под крайним коттеджем. Она обхватила прижатые к груди колени и стиснула зубы, чтобы они не так стучали. Но уж лучше она насмерть замерзнет, чем выйдет отсюда. Ведь этот человек никогда не найдет ее здесь.

Ни за что!

Потому что, когда она только убежала от него, а он вышел ее искать, он даже не заглянул под пол домика. Хотя, может быть, он еще вернется сюда...

От долгого неподвижного лежания у нее уже затек правый бок, но Джони не решалась изменить позу.

Песок и мелкие камушки впивались ей в кожу, однако она не осмеливалась пошевелиться. Иногда по ней проползали жуки. Но Джони старалась думать, что это сороконожки или божьи коровки, и не мешала им ползать по своему телу.

Но что самое страшное — ей было холодно. И холод заставлял Джони постоянно дрожать. А если она будет дрожать слишком сильно, то этот человек услышит ее и снова поймает.

Наверное, прошло уже много времени...

Вдруг она почувствовала, как что-то приблизилось к ней. Животное.

Джони затаила дыхание.

И тут послышалось тихое «мяу».

К ней подошла большая пушистая кошка, свернувшись клубочком у ее ног в темноте и заурчала.

— Кисонька,— прошептала Джони.

Она погладила кошку по голове и спине.

Кошка осталась с ней. Теперь она улеглась возле груди Джони. Но ее громкое мурлыканье могло привлечь внимание того человека, и тогда он заглянет сюда и найдет ее...

Вскоре Джони перестала дрожать.

Тут раздавшийся наверху звук спугнул кошку, она прыгнула в сторону и исчезла.

Джони прислушалась.

И услышала, как открывается дверь. А потом увидела босые ноги на деревянных ступеньках крыльца.

— Девушка! — тихо позвала она.

Ноги повернулись. Девушка нагнулась и заглянула под дом.

— Это ты там внизу? — спросила она.

— Да, — ответила Джони.

— Ты что, собираешься сидеть там всю ночь?

— А он ушел? — с тревогой спросила Джони.

— Кажется, да... Прошло уже несколько часов. Я думала, мне никогда не развязаться.

Джони встала на колени и начала потихоньку выползать из своего заточения к девушке, которая ждала ее у крыльца.

ЭПИЛОГ

— Когда они снимут с нас цепи?

— Когда убедятся, что мы не убежим отсюда,— ответила Донна.

— Я не убегу.

Донна, вглядываясь в темноту, видела лишь бледное светлое пятно там, где среди подушек сидела ее дочь.

— А я убежала бы. Я бы сразу убежала.

— Почему?

— Потому что мы здесь как пленные.

— И тебе это не нравится? — ехидно спросила Сэнди.

— Нет.

— Не ври. Разве тебе не нравится Роза?

— Нет.

— А мне нравится. Только она такая же безобразная, как и Аксель.

— Но они ведь близнецы. Она и должна быть такой же.

— Она дебилка?

— Да.

— А кого ты больше любишь — Сета или Джейсона?

— Никого.

— А я Сета,— произнесла девочка и мечтательно вздохнула.

— Вот как?

— А ты не хочешь спросить меня, почему?

— Нет.

— Ну, послушай, ма! Ты просто злишься из-за того, что они убили твоего Джада. Но ведь они даже не прикасались к нему. Его убила Мэгги. И к тому же он заслужил свою смерть.

— Сэнди!

— А ты посмотри, скольких он убил. Шестерых! Да за это он еще не такое заслужил!..

— Заткнись, черт побери! — крикнула Донна и тут же пожалела об этом. Ей стало стыдно, что она говорит с дочерью в таком тоне.

— Слава Богу, он не добрался хоть до Сета и Джейсона, — вздохнула Сэнди.

— И очень плохо, что не добрался, — огрызнулась Донна, но уже не так злобно.

— Не вредничай! Ты нарочно говоришь так, чтобы меня позлить. А на самом деле они тебе тоже нравятся. Я, знаешь ли, не глухая.

— Понимаешь, мне не нравится быть закованной в цепи и все время сидеть в темноте. Это мне действительно очень не по душе. Да и еда чем-то воняет.

— Но Мэгги может разрешить тебе готовить самой, если ты ее попросишь. А Вик сказал мне, что на днях я смогу съездить с ним в Санта-Розу и закупить там продукты. А когда они начнут доверять нам побольше, мы вообще сможем делать тут все, что захотим.

— Мне очень хотелось бы снова увидеть солнце, — сказала Донна.

— Мне тоже... Мам?

— Что?

— Ты все еще думаешь, что беременна?

— Да.

— А от кого, как ты думаешь, этот ребенок? Я уверена, что от Джейсона.

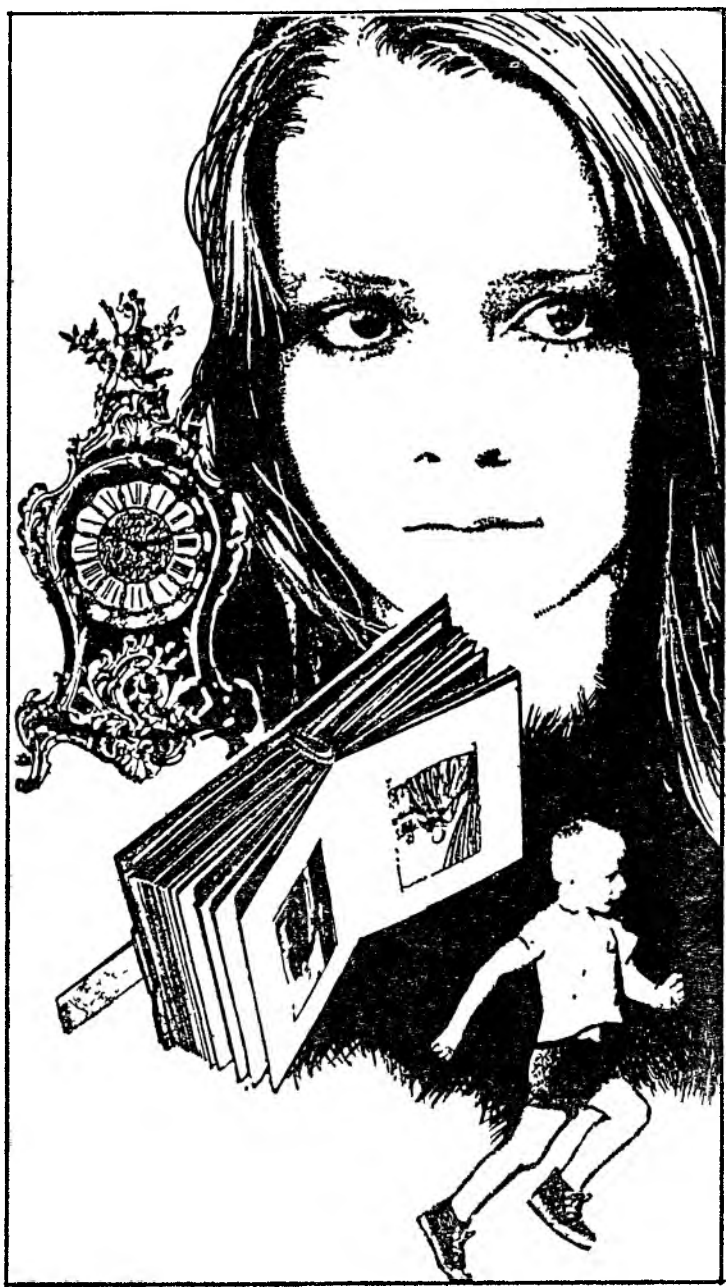
— Не знаю.

— А мне хотелось бы иметь ребенка от Сета.

— Тссс! Они, кажется, идут.

ДЖОН ФАРРИС

Когда
звонит Майкл

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Для меня гораздо труднее писать о творчестве Джона Фарриса, чем о многих других авторах. И вот почему: еще во времена отрочества, да и позже, я не просто восхищался его книгами — карьера именно этого писателя стала для меня образцом и примером, которому я решил следовать, а в дальнейшем, возможно, и превзойти. Но дело здесь вовсе не в том, что я собирался просто копировать его своеобразный стиль, чтобы со временем приобрести нечто подобное, нет. Хотя и верно, что многие молодые писатели, иногда даже помимо собственной воли, как в зеркале отражают в своих произведениях стиль обожаемого кумира — так малые дети подражают поведению своих родителей, а свежее молоко впитывает запахи любых продуктов, которые вы положите рядом с ним в холодильник.

Однако у меня все вышло несколько по-другому. Вспоминая свой собственный период стилистической имитации и перечитывая ранние рассказы, которые я писал еще в школе, я вдруг осознаю, что начало такого «опуса» — точь-в-точь копия Рэя Бредбери, а в конце вдруг начинают звучать мощные аккорды Г. Ф. Лавкрафта. И ладно бы еще только это, ан нет: вся середина вещи как две капли воды похожа на сочинения Корнелла Вулриха, которые вообще трудно с чем-либо перепутать!

Конечно, бывает и так, что молодежь попросту завидует талантливым и удачливым писателям — их идеи кажутся свежими, новыми и прекрасно изложенными на бумаге, а язык так близок вашему сердцу! (Для меня, например, это язык Дона Робертсона, писателя из Огайо, автора замечательных романов «Падение рая» и «Самое вкусное после кусочков хлеба»). Но меня, слава Богу, миновала судьба завистника. Отчасти, наверное, потому, что те чувства,

¹ © Stephen King, перевод В. Терещенко, 1993.

которые я испытывал в отношении работ Фарриса, были просто более детскими, хотя от этого и не менее сильными.

Я действительно хотел во всем стать таким же, как он.

Но, разумеется, были причины, по которым мое желание никак не могло осуществиться. Джон Фаррис вознесся до высот общенационального признания, еще когда издательство «Делл букс» выпустило его первый роман «Школа Харрисон». Это было крупное, «увесистое» произведение, в чем-то грубо написанное, и с невероятно запутанным сюжетом. Но книга появилась весьма своевременно: как раз в конце 50-х годов многие родители начали понимать, что проблема подростковой преступности гораздо глубже, чем ночное катание на мотоциклах, невымытые волосы и поднятый воротник кожаного пальто, как было принято считать с легкой руки авторов предыдущего поколения.

В то время по литературе и кинематографу прокатилась целая волна произведений о молодежи, не оставившая камня на камне от этих стереотипных представлений, которые не шли дальше мнения, будто самым большим злом является списывание конспектов и свидания на заднем сиденье автомобиля. Но даже среди наиболее удачных книг той волны «Школа Харрисон», бесспорно, была самой лучшей, хотя, к сожалению, и последней. Она стала настоящим чемпионом в ряду ей подобных. И это, на мой взгляд, произошло во многом благодаря тому, что здесь автору удалось убедительно доказать: малолетние преступники совсем не обязательно должны быть выходцами из бедных семей. Недовольство и правонарушения в равной степени распространены и в среднем классе, и среди отпрысков самых богатых людей страны. Один из издателей так комментировал эту вещь: «Что больше всего поражает меня в «Школе Харрисон», так это угол зрения автора: Фаррис смотрит на своих героев с их же собственной колокольни, а не с высоты жизненного опыта взрослого, осуждающего или оправдывающего молодежь».

Сюжет романа многоплановый, персонажи прекрасно выписаны и ни в чем не уступают своим сверстникам из реальной жизни. А речь героев настолько естественна и эмоциональна, что даже обилие в ней некоторых весьма «разговорных» слов и выражений не кажется неоправданным перегибом.

Конечно, всего этого я тоже мог бы достичь упорным трудом, но было в работе Фарриса и еще кое-что, способ-

ное немедленно потрясти любого читателя: ведь хотя роман выпустили, когда автору уже исполнилось двадцать три, писался он еще в то время, когда сам Фаррис ходил в школу, то есть в возрасте всего восемнадцати лет! И если учесть это, то можно простить ему и небольшие оплошности в сюжете, и некоторые стилистические промахи, до которых наверняка докопался бы вездливый критик, поскольку в остальном эта книга действительно уникальна.

Следующий роман Фарриса «Долгий свет зари» рассказывает о мучительном расколе в семье и тоже являет собой феномен, назвать которому равные я, честно говоря, затрудняюсь. Действие спрессовано всего в двадцать четыре часа, но за это время читатель настолько погружается в жизнь героев, что в поисках аналогии на память приходят, разве что, лучшие из пьес Юджина О'Нила. А в отношении самого Фарриса создается впечатление, что этот молодой человек, не прилагая никаких особых усилий, после всего лишь одного опубликованного им романа о молодежи, легко, как само собой разумеющееся, пишет роскошную мелодраму и сразу же становится всеобщим любимцем.

В последующие годы появляется несколько продолжений «Школы Харрисон» (и надо признать, что некоторые из них даже лучше самого оригинала), а кроме того — объемистый роман «Король Уиндом» о глубоко верующем южанине — религиозном возрожденце и врачевателе с помощью молитв.

И наконец выходит в свет «Когда звонит Майкл», ради которого я и затеял весь этот разговор. Сам Фаррис утверждает, что написал роман всего за три с половиной недели. И прочитав его, можно поверить в эти слова. Но вовсе не потому, что написан он торопливо или неряшливо. Наоборот, страницы удивительно чисты, захватывающи и убедительны. На одну полку с этой книгой я поставил бы очень немногие: пожалуй, «Поцелуй перед смертью» и «Ребенка Розмари» Айры Левина, «Чужого» Томаса Трайона и, возможно, «Озеро» Жанет Керд. Ну, а потом мне обычно остается лишь щипать себя за бороду и что-то невнятно мямлить, потому что больше, друзья мои, настолько хороших книг я назвать не берусь. Хотя, наверное, еще стоит добавить сюда повесть Агаты Кристи «А потом никого не осталось» — но это уж точно последнее, что приходит на ум.

Вот почему мне так трудно сейчас писать предисловие.

Хотя вы, наверное, заметили, что до сих пор мне легко было разглагольствовать о ранних произведениях Фарриса

и о том, что хотя мне кажется, будто он был рядом со мной всю мою жизнь (а «Школа Харрисон» увидела свет, когда мне стукнуло всего двенадцать), тем не менее и сейчас похоже, что Фаррис только вчера получил аттестат зрелости где-то на Среднем Юге и по возрасту много моложе Джона Кеннеди, когда тот вступал на пост Президента. Я мог бы добавить также (ну вот, опять я пускаюсь в болтовню не по делу), что с публикации «Когда звонит Майкл» только началась по-настоящему славная карьера Фарриса как писателя, и что это еще далеко не пик его литературной деятельности. Ведь после «Майкла» им были созданы такие шедевры, как «Каперы» о похитителях людей — книга, ничуть не уступающая знаменитому «Коллектору» Джона Фоулса; «Темные делишки», о которой мой друг-издатель кратко сообщает только одно: что это самая лучшая книга ужасов, какую он когда-либо читал. А еще «Все головы поворачиваются, когда идет охота» — это настоящее путешествие в готику южан, продолжающее лучшие традиции Гарри Крюса, Уильяма Фолкнера и Брама Стокера; и, разумеется, «Ярость» — один из самых головокружительных романов о паранормальных явлениях, которые мне доводилось встречать. По этой книге режиссером Брайаном де Палма (по сценарию самого Фарриса) был поставлен довольно удачный фильм. Но, как всегда и бывает, он дает лишь слабый намек на тот водоворот событий и чувств героев, которые проходят перед вами при чтении книги. Нет, это ни в коей мере не умаляет достоинств фильма как кинематографического произведения, а только подтверждает, что даже самая лучшая экранизация книги от силы дает вам право как бы подглядеть в замочную скважину за тем, что происходит в самом романе (как-никак, любое кино длится всего лишь пару часов, и за это время ни рассказать, ни воспринять многое при всем желании не успеешь). Поэтому всех достоинств книги ни один фильм отразить просто не в состоянии.

Да, вот о таких вещах я могу здесь говорить, сколько мне влезет, но ни в коем случае не должен даже косвенно намекать на то, что будет происходить в романе: ни кто такой Майкл, ни куда и зачем он звонит, ни что происходит, когда он начинает звонить. Ибо это было бы с моей стороны по меньшей мере непорядочно. Ведь, как и «Поцелуй перед смертью» Айры Левина, книга Фарриса — это прежде всего удивительно захватывающий сюжет, который от страницы к странице все больше накаляет ваши нервы и

вдруг подводит вас к совершенно неожиданной развязке. Читая подобные книги, всегда можно сравнить их с игрой в так называемый «закрытый» покер, где у игроков есть только два варианта — либо сорвать банк, либо спустить все вчистую, и поэтому они находятся в постоянном напряжении. Так и здесь, с той лишь разницей, что с банкующим на этот раз вам сказочно повезло — им станет очень талантливый и умный автор. Джон Фаррис будет не спеша раскрывать перед вами карты (и иногда вам даже покажется, что вы уже догадываетесь о том, что произойдет, например, с пчеловодом, и готовы во всеуслышание объявить, что Фаррис проиграл вам в этом «покере», как вдруг что-то случается — и вот вы уже сами в проигрыше). Но лично я не собираюсь больше давать никаких подсказок по тексту.

Однако могу отметить, что роман написан действительно великолепно. В нем есть все, что надо, чтобы назвать книгу «отличным чтивом», хотя лично мне это высокомерное британское выражение не очень-то по душе (сразу приходит на ум, что хорошо читается либо в транспорте, либо когда надо убить вечером пару часиков в промежутке, пока по «ящику» не показывают ничего приличного). Язык произведения отточен, а вся жизнь провинциального округа Шейдс описана с таким исключительным реализмом, что читается не хуже заправского репортажа из воскресной газеты. А самое главное, что каждый герой здесь имеет свой собственный, непохожий на других характер и образ мыслей — каждый, как говорится, отбрасывает свою тень.

Ну вот; мне кажется, пора уже закругляться. И если у вас еще не разыгрался аппетит, чтобы немедленно «проглотить» эту книгу, то, уверяю, первые двадцать ее страниц превосходно пробудят его и без меня. Но если у вас есть срочные дела, то лучше отложите роман и сперва решите свои проблемы, иначе то, что вам предстоит исполнить, будет сделано плохо — ведь часть вашего мозга уже не сможет отключиться от переживаний за героев книги: за Элен Коннелли, Пэгги Коннелли, Крэга Янга... и мальчика по имени Майкл, который опоздал на автобус и ждет, когда его встретят.

А лично от себя, как давний и неизменный поклонник Фарриса (а мне действительно нравятся абсолютно все его книги, и лучшим подтверждением этому может служить тот факт, что почти все мои ранние крупные произведения, написанные еще задолго до первого опубликованного романа «Кэрри», были созданы под самым непосредственным влия-

нием его творчества — так, например, толстенный, в 600 страниц, «талмуд» с отвратительным названием «Меч в темноте», в котором я описывал межрасовые столкновения в вымышленном городе Хардинге, весьма похож на «Школу Харрисон»), хочу добавить, что мне очень приятно снова видеть в печати роман «Когда звонит Майкл», ведь теперь у него появятся сотни тысяч новых читателей, большинство из которых наверняка станут истинными друзьями автора. А выше награды для писателя, по-моему, не бывает. Я действительно рад, что «Майкл» снова увидит свет.

Это необычайно хорошая книга. И поскольку лучшей похвалы литературному произведению я дать попросту не способен, я умолкаю и передаю слово самому Джону Фаррису.

Маленькая девочка по имени Пэгги Коннелли уже выпорхнула из своего школьного автобуса... — а остальное, я уверен, вы узнаете дальше сами.

Стивен КИНГ
Бангор, штат Мэн.

Глава первая

Желтый школьный автобус округа Шейдс притормозил на углу одной из улочек. Из дверей выпорхнула Пэгги Коннелли и еще парочка второклашек. Автобус покатиł дальше. Пэгги тут же вскарабкалась на длиннющую каменную стену, которая огораживала владения Коннелли, и не спеша зашагала по ней, стараясь ступать осторожно, чтобы не запачкать в пыли свои новенькие туфельки. У ворот Пэгги остановилась, заметив во дворе молодого человека, ловко орудующего лопатой. Девчушка не больно-то жаловала Рендла и, лишь заведя того, тут же пыталась куда-нибудь улизнуть. Но сейчас любопытство взяло верх — при виде свежевырытых ямок Пэгги не сдержалась и спрыгнула со стены. Громко шурша опавшими листьями, она подошла к юноше.

— Ну, и что же это будет? — закинула удочку Пэгги.

Даже не оглянувшись, Гарри Рендл швырнул очередную порцию свежевырытой земли напрямик на ее новенькие туфли. Однако Пэгги даже бровкой не повела. Она была готова к подобной выходке. Девочка как ни в чем не бывало взглянула на Гарри и всем своим видом выразила глубочайшее уважение к этому джентльмену. Мало того, сейчас она, пожалуй, с удовольствием пошла бы на примирение.

Рендл прислонил лопату к железному столбику указателя и ладонью смахнул со лба капли пота. Глядя куда-то в сторону, он с усмешкой обронил:

— Это для твоего дохлого кота.

— Но у меня нет никакого дохлого кота.

— На твоем месте я бы не торопился с ответом.

— Ну правда. Или ты говоришь о Сэтче?

Гарри Рендл не ответил. С виду юноша смахивал на обычного старшеклассника, однако Пэгги твердо знала, что Гарри Рендл — самый вредный и противный на свете.

А чего стоила эта его фразочка насчет кота! Девочка не на шутку встревожилась и, хотя была абсолютно уверена, что этот хмырь не посмеет даже прикоснуться к ее коту, тем не менее обшарила двор цепким взглядом, надеясь обнаружить Сэтча в полном здравии. И тут Пэгги разглядела фургончик доктора Бриттона. Из багажника торчали обернутые бумагой саженцы.

— А, так вот зачем ты здесь копаешь,— с облегчением воскликнула Пэгги.— Ты будешь сажать деревья.

Рендл снова взялся за лопату и несколько раз вонзил ее в землю. Усмешка не сходила с его губ.

— Из дохлых котов получается отличное удобрение. От этого дерева быстрее растут.

— Врешь ты все! Ты Сэтча и пальцем не тронешь!

— Тогда следи, чтобы и духу его здесь не было,— по-серьезнев, заявил Рендл.— Я чуть не уколошил этого мерзавца час назад.— Он приподнял лопату и с силой всадил лезвие в рыхлую землю.— Раз! И нету.

Пэгги шагнула вперед и, с упавшим сердцем, заглянула в ямку. Убедившись, что та пуста, девочка окончательно успокоилась и направилась к дому.

Гарри Рендл подрабатывал на ферме у доктора, однако раз в неделю он заглядывал и к Коннелли, выполняя самые разные поручения, на которые у хозяйки дома Элен Коннелли не хватало времени. Пэгги неоднократно пыталась завязать с Рендлом знакомство, но в конце концов отчаялась. Похоже, тот просто терпеть не мог маленьких девочек. А этого Пэгги уж совсем не могла понять.

Возле крыльца Пэгги почувствовала, что Рендл идет за нею следом. Она резко обернулась и нахмурилась. Однако в этот раз никакой гадости он не замышлял.

— Ну чего ты дергаешься? — проворчал Гарри, наслаждаясь замешательством девочки.— Раз уж ты все равно идешь в дом, передай доктору Бриттону, что мне надо отлучиться на пару минут. Я должен забрать свою машину — она торчит на бензоколонке.

— О'кей,— кивнула Пэгги и важно направилась к застекленной террасе двухэтажного особняка. Здесь мать держала уйму потрясающих вещей: массивные прялки, прессы для изготовления яблочного вина и даже самую настоящую старинную печь. Но несмотря на это, свободного места на террасе оставалось в избытке. Антикварный магазинчик Элен Коннелли совершенно не походил на остальные

лавки древности. Все вещицы были скрупулезно разложены по полочкам. Ни свалок, ни куч бесполезного хлама, как это частенько случается у торговцев раритетами. К Элен то и дело навевались постоянные клиенты из Сент-Луиса, Канзас-Сити и даже из далекой Оклахомы. Заглядывали сюда и известные декораторы, а кое-кто навещал ее раз шесть за год в поисках очередной древней и редкостной вещицы. И хотя настоящий антиквариат являлся здесь чуть ли не музейной редкостью, связи Элен год от году крепили, и она почти всегда находила возможность удовлетворить самые изысканные и щепетильные вкусы.

И фойе, и прихожая, и веранда представляли собой выставочный зал магазина. Пэгги пересекла фойе, скользнув любопытным взглядом по двум витринам с настоящими раритетами — иногда ей даже давали их потрогать, в присутствии взрослых, разумеется. Она зашвырнула портфель прямо на лестницу, ведущую на второй этаж, и ворвалась в кухню. Мама вместе с доктором Бриттоном и его женой Эльзой пили кофе.

— Эх, если бы сегодня ночью похолодало, — сразу затархтела Пэгги. — Мне уже надоела эта жарница. — И принялась рыться в коробке печенья.

— Если немного подождешь, получишь горячие пончики, — донесся голос поварики Бренды.

— А я думала, ты их уже давно нажарила.

— Если жара спадет, мы туристов отсюда и палкой не выгоним, — заметила Эльза Бриттон.

— Надеюсь, что осенью погода будет лучше летней, — вклинился в разговор доктор Бриттон. — От этих проклятых дождей столько людей заболело, вспомнить страшно...

Элен размешивала сахар в чашке и наблюдала, как Пэгги, подойдя к холодильнику, открыла его и встала на цыпочки, пытаясь дотянуться до пакета молока.

— Энди, ты что-нибудь слышал об их проекте насчет горы Бен-Ломонд? Они там собираются протянуть для горнолыжников подвесную дорогу.

— Подвесную дорогу? — фыркнула Эльза. — Интересно, как они будут кататься? Снега-то здесь кот наплакал.

— Судя по всему, компания притащит сюда и эти мудреные штуковины, изготавливающие искусственный снег для покрытия горных склонов.

— Деньги в это предприятие вкладывают в основном дельцы из Сент-Луиса,— задумчиво произнес Эндрю Бриттон.— Им же принадлежит и тот самый курортный пляж на озере Озаркс. Но там нет гор — одни холмики, вот они и подались сюда.

— Они испоганят нам все горы,— подхватила Эльза и недовольно покачала головой.— Помните, что они сотворили с поместьем Блу-Ай?

— Может быть,— вкрадчиво вставила Элен.— Но только мне кажется, что жители теперь в этом поместье постоянные, а не «сезонники». А ведь для нашего округа это совсем неплохо.

— В нашем округе и двадцать лет назад все было прекрасно,— язвительно возразила Эльза.— Задолго до того, как сюда приехали эти «вечные сезонники». Сами увидите, весь округ вот-вот запрудят бесчисленные трейлеры, кегельбаны на открытом воздухе и толпы сумасшедших юнцов, сметающих все на своем пути. То же самое ведь случилось в местечке Тейбл-Рок всего два года тому назад.— Она взглянула на мужа.— Кто-то должен воспрепятствовать этому, иначе действительно наступит конец. Подвешенная дорога! У нас здесь и без того хватает народа — взять хотя бы этих так называемых свободных художников. То же мне, явились — не запылились, жалкие барды!

— Пэгги, пончики горячие, смотри, не обожгись! — крикнула Бренда, стоя у плиты.

— Не думаю, что все у них пойдет как по маслу,— засомневался доктор Бриттон.— А вообще я удивляюсь, как в этих местах еще сохранилась дикая природа и ее до сих пор не покорили все эти предприимчивые дельцы.

Он растянулся в кресле, затем, встав, передвинул его на солнце, которое в это время как раз бросило лучи на пол веранды. Бриттон был коренастым мужчиной шестидесяти пяти лет от роду. В округ Шейдс его занесло в незапамятные времена, в конце двадцатых годов, когда эти дикие места были почти недоступны. Долину со всех сторон окаймляли высокие горы, и проникнуть сюда могли лишь немногие смельчаки — бывалые альпинисты да сборщики налогов.

— Если все жители встанут на защиту этих мест и не польстятся на соблазны толстосумов, все и останется по-старому. А что касается художников — так они еще самобитней, чем мы. Они явились сюда в поисках уединения, им

нужна дикая красота наших гор, и уж им-то точно не захочется ничего здесь менять.

— Пэгги, не ешь стоя,— обратилась Элен к дочери.

— Доктор Бриттон, а у вас есть пчелы? — встряла в разговор девочка.

Доктор улыбнулся.

— Да, именно сегодня я приобрел неплохую пчелиную семейку — целый рой вместе с маткой...

— А сколько их там?

— Ну, в улье сейчас их уже где-то тысяч пятнадцать, не меньше

Пэгги восхищенно уставилась на доктора, а потом присела на стул рядом с матерью:

— А что вы с ними будете делать? Зачем вам так много пчел?

— Я буду их приручать.

Это заявление явно сбило с толку Пэгги. Как ни старалась она представить себе ручных пчел, это ей так и не удалось.

— А можно и мне посмотреть, как это делается?

— Конечно, приходи ко мне и увидишь.

— Но ведь это же пчелы...— неуверенно протянула Элен.

— Это совершенно безопасно,— убедительно отозвался доктор.

— А помните того мальчика из Спрингфилда, которого этим летом пчелы зажалили до смерти?

— Наверное, у него была аллергия на их укусы.

Пэгги задумчиво кивнула головой.

— А вас когда-нибудь жалили?

— Миллион раз.

— А вы приручите новых пчел так, чтобы они не жалились,— посоветовала Пэгги.

В прихожей зазвонил телефон.

— Это наверняка Розалинда,— сообщила девочка.

— Что ей сказать? — бросила на ходу Элен, направляясь к телефону.

— Скажи, что я немножко опоздаю.

— Хорошо.— Проходя мимо брошенного портфеля, Элен скорчила недовольную гримасу. У двери в холл на маленьком инкрустированном столике стоял старинный телефон. Элен сняла трубку.

— Тетушка Элен?

Она уставилась через стеклянную дверь во двор на лопату, которую Рендл прислонил к столбу. На последнем была прибита табличка с надписью «Элен Коннелли — антиквариат». Лопата эта так заняла ее воображение, что Элен не сразу поняла, о чем говорят на другом конце провода.

— Да... да, я слушаю. Розалинда, это ты?

— Тетушка Элен...

Элен нахмурилась. Голос не принадлежал Розалинде.

— Тетушка Элен, я опоздал на школьный автобус. Вы можете прийти за мной?

«Наверное, кто-то ошибся номером», — подумала Элен, а вслух произнесла: — Кто это?

— Это Майкл, тетушка Элен.

— Кто?

— Это Майкл.

Остолбенев, Элен не могла вымолвить ни слова.

— Так вы придете?..

— Подождите минуточку... Кто звонит, я спрашиваю?.. — Не успев договорить, она поняла, что связь прервалась.

Несколько секунд Элен стояла молча, все еще сжимая трубку и тупо уставившись во двор. Мимо мчались какие-то детишки на велосипедах. Вдали поднимались крутые склоны гор, поросшие золотистым лесом — деревья уже успели сменить свое одеяние на праздничный осенний убор. По голубому небу торжественно скользили пышные облака, а солнце вычерчивало повсюду длинные острия теней.

— Все нормально, — пробормотала Элен, скорее самой себе, чем в трубку, а потом опустила ее и вернулась на кухню.

— Ты передала Розалинде, что я не успею?

— Воробушек, это звонила не Розалинда. — Элен села и, заглянув в свою чашку с недопитым кофе, снова уставилась в окно.

— Элен, ты чем-то расстроена? — беспокоился доктор Бриттон.

— Мне сейчас кто-то... — Тут она спохватилась и взглянула на дочь. Убедившись, что девочка занята своими делами, Элен продолжала уже потише: — Ну знаете, так бывает, кто-то звонит...

— Разыгрывают?

— Вот ведь! — злобно выпалила Эльза, как будто речь опять зашла о всех этих пресловутых бардах и художниках.

— Нет, то есть не совсем так, Энди. Наверное, это кто-то из детишек балуется. Звонил мальчик — по голосу лет десяти, как мне показалось.

— И что же он тебе наговорил? — сурово выпытывала Эльза.

— Он сказал... — На лице Элен застыло недоумение. — Он сказал, вернее, просил, чтобы я его встретила. Он звонил из школы, он не успел на автобус и хотел, чтобы я...

— И это все? — Эльза была явно разочарована. — А уж впечатление такое, будто тебя гремучая змея укусила.

— Но это как-то... жестоко, потому что, кто бы там ни звонил, он назвался Майклом.

— Майклом? — как эхо, повторил доктор Бриттон, а Бренда, перестав печь пончики, остолбенела.

— Именно так.

Воцарилось молчание. Дожевав пончик, Пэгги удивленно разглядывала взрослых. Доктор Бриттон улыбнулся.

— Хочешь, я тебе покажу пчел прямо сейчас, малышка?

— Мне только надо переодеться, — спохватилась Пэгги и умоляюще уставилась на мать. Та кивнула.

— Сотри с губ сахарную пудру, — проронила Элен каким-то чужим голосом.

Пэгги схватила салфетку, вытерла рот и вскочила со стула. Внезапно девочка вспомнила, что спешить и суетиться в доме категорически запрещалось, медленно и чинно прошествовала до лестницы и, сохраняя достоинство, начала подниматься, перешагивая сразу через две ступеньки.

Когда она скрылась из виду, доктор Бриттон нарушил молчание:

— Странное дело, обычно дети не шутят таким образом. Кто бы это мог быть? К тому же десятилетние мальчики, наверное, вообще ничего не слышали о Майкле Янге.

— Не знаю, — еле слышно откликнулась Элен и закурила.

— Ну-у, — протянула Эльза, как бы подводя черту, — в конце концов он уже позвонил и, наверное, в восторге от своей выходки. Так что теперь все позади, и волноваться тебе больше не стоит.

— А я и не волнуюсь. — Элен так весело рассмеялась, что на щеках у нее проступили ямочки. — Но что странно — я никак не могу выкинуть этот звонок из головы — ведь мальчик назвал меня «тетушка Элен». А меня так больше никто не называл. Никто, кроме Майкла Янга. — Она встревоженно оглядела гостей. — А вас это не удивляет?

— Да брось ты,— только и проворчала Эльза — Интересно, зачем он это сделал?

— Вот и спроси у него сама в следующий раз,— посоветовал доктор Бриттон.

Толстуха Бренда, стоя у плиты, недовольно пробубнила что-то себе под нос.

Глава вторая

Как и девяносто процентов всех жителей Шейдс Элен Коннелли не являлась уроженкой этого округа. Да и к этой новой породе современных переселенцев, которых привлекала местная экзотика вкупе с колоритной, ни на что не похожей колонией свободных художников, ее уж никак нельзя было отнести. Элен родилась в Чикаго, затем, переехав в Уэст-пойнт, обвенчалась там в местной церквушке с молодым офицером. Не прошло и года, как ее новоиспеченный супруг отдал Богу душу. Корабль, на котором служил муж Элен, держал курс на Северную Африку и был торпедирован.

Все военные годы Элен провела в Вашингтоне, а затем переехала в Нью-Йорк. За это время она сменила уйму самых разных профессий. Однако для всех ее родных и знакомых одна проблема в жизни Элен оставалась загадкой — почему эта молодая женщина наотрез отвергает любое предложение о замужестве. А с объяснениями Элен особенно не канителилась. Всем своим многочисленным воздыхателям она отказывала с неизменной вежливостью и вполне обоснованно. Правда, один из них попытался-таки влезть в ее душу. И затеял однажды душещипательный разговор.

— С Беном у тебя все было отлично, тут вам чертовски повезло,— начал этот новоявленный кандидат в мужья.— Ведь в этом возрасте увлечение проходит, как правило, через пару месяцев, если не раньше. Можешь мне поверить, я и сам женился таким же неоперившимся птенцом. Так вот, женитьба эта была просто великолепной, или, если называть вещи своими именами, мы составляли идеальную пару для секса. А ведь если супруги счастливы в постели, то как бы ни был их брак неудачен в остальных отношениях, он имеет шанс протянуться чуть дольше, чем какой-либо другой. К счастью (если, конечно, это можно назвать счастьем), мы не успели испытать никаких серьезных семейных

проблем, потому что наш союз очень скоро распался. Твой муж погиб через год после свадьбы, и в тот злополучный день ты любила его так же, как и во время первого свидания, а, может быть, и больше. Тебе скоро тридцать, а второго Бена на горизонте нет, да и быть не может. Если ты выйдешь замуж, тебе не избежать всех сложностей и забот настоящей семейной жизни. Немало придется покормить над собой, притираясь к новому мужу, будь то сам ангел, чтобы жизнь эта стала более-менее сносной. А тебе сил не по силам. Ты ведь не сможешь смириться с тем, что в дальнейшем придется столкнуться и с ссорами, и с разочарованиями. Ты в очень затруднительном положении, Элен, и я тебе от всей души сочувствую.

Она ответила тогда просто:

— Я не представляю себе только одного, мой друг: как можно любить иначе? Другой любви для меня просто не существует.

И в то время такой ответ казался ей единственно верным. Прошло немало лет, прежде чем она усомнилась в своей правоте. В душе она сохранила воспоминания о своем муже, о единственном и неповторимом Бене, как будто он мог когда-нибудь снова вернуться к ней. День за днем воскрешала она в памяти тот самый счастливый год в ее жизни. Что это было — трусость, страх перед будущим? Он ведь никогда не придет, — уверяла себя Элен. Да, она знала это, знала всегда, и все же...

Как-то раз она проснулась и внезапно со всей ясностью осознала горькую правду. И чуть не задохнулась от охватившего ее ужаса.

Призрачное счастье, в которое она искренне верила, почти полностью заслонило от нее действительность. Для Элен единственной реальностью, ради которой она жила, являлся Бен. Все чаще и чаще одолевало Элен предчувствие, что стоит ей чуточку сосредоточиться, и тот их счастливый год супружества станет явью. А все остальное время, заполненное одними только воспоминаниями о Бене, канет в вечность и сотрется в мозгу, потому что на самом деле его-то никогда и не существовало.

Осознав это, Элен пришла к выводу, что нервная система ее истощена до предела и в скором будущем ей грозит самое настоящее помешательство. Однако сопротивляться она не могла. По крайней мере, решила Элен, это будет

приятное безумие. Обманув себя, она избежит надвигающейся старости и одиночества...

Выход из этого тупика нашелся совершенно неожиданно. Через неделю после своего печального открытия Элен решила податься куда-нибудь в глубинку — туда, где на каждом шагу подстерегали трудности и ежедневная рутина. Где на выколачивание места под солнцем уходили все силы. На первых порах обитание в округе Шейдс и в самом деле оказалось для нее нелегким. Зато мало-помалу призрачная семейная жизнь и незаменимый Бен отодвинулись на второй план. И в конце концов Элен влюбилась. Сначала объектом любви стал домик в живописном местечке Шейдс, а потом, значительно позже, и один из его обитателей — Эд Коннелли.

Элен с Пэгги уже отъехали от деревенской почты на приличное расстояние, когда дочь неожиданно спросила: — Мам, а кто такой Майкл?

Любой, даже самый невероятный вопрос не смог бы заставить врасплох Элен, которая давно уже привыкла к дочкиным подковыркам. Однако в этот раз она опешила, и Пэгги пришлось пояснить:

— Ну, тот мальчик, который тебе недавно звонил.

— А, тот...— Элен чуть притормозила на развилке, потом свернула на дорогу, ведущую к дому, и продолжала: — Я действительно не знаю, кто это был. Видимо, какой-нибудь озорник. Делать ему больше нечего, как накалывать взрослых.

— Но ты говорила, что это был Майкл. А как его фамилия?

Элен на секунду задумалась и, наконец, решительно заявила:

— Майкл был братом твоего кузена Крэга. Но он давно умер. Тебя тогда еще на свете не было, а Крэгу в то время исполнилось только одиннадцать лет.

— А что случилось с Майклом?

— Он убежал из дома. Майкл частенько сбегал, но тогда, в последний раз, он заблудился и напрямиком угодил в лапы метели.

— Его так и не нашли?

— Нашли, но только через несколько месяцев.— Элен подъехала к дому и припарковала свой фургончик на ас-

фальтированной стоянке для посетителей магазина.— Поэтому, как ты сама понимаешь, этот племянник мне никак не мог позвонить. Видимо, какой-то шалопай решил подшутить, вот и все.

Теперь Элен находилась во всеоружии и была готова ответить на любой вопрос, который мог возникнуть в головке любознательной Пэгги, но, к ее удивлению, девочка вполне удовлетворилась этой версией и моментально забыла про Майкла.

— Мам, а если Флетчер Эймс поймает скунса и отдаст его мне, можно, зверек будет у нас жить?

— Нет, нельзя. Скунсов в доме никто не держит.

— А можно, я заведу котеночка?

— Наверное, тогда Сэтч обидится. Он не потерпит соперника.

— Опять этот Сэтч,— пренебрежительно фыркнула Пэгги.— Вот его-то точно не надо держать в доме. Этот постоянно куда-то намыливается.

— Да уж. А ты-то разве нет? Кстати, Бренда подаст сегодня ужин немного раньше, имей в виду.

Осенью наплыв туристов сокращался, городок посещали обычно не более десятка человек, поэтому Элен уже после двух часов закрывала свой магазин.

Однако на сегодня она назначила встречу со своей старинной клиенткой, которая коллекционировала антикварные предметы из матового стекла. Пока Элен развлекала эту даму приятной беседой, к магазину подкатил автобус из Иллинойса. Из дверей вылезли несколько пожилых туристов, горевших желанием тут же осмотреть все сокровища Элен. Они ковыляли по магазину из угла в угол до самой темноты, но так и не сподобились купить хоть какую-нибудь финтифлюшку. Однако это было в порядке вещей. Дважды звонил телефон. Первый раз Элен спрашивал оформитель из Канзас-Сити. Он интересовался, не поступал ли в магазин овальный бело-синий настенный коврик. Второй раз Элен потревожил гробовщик из Стилвилля, который счел своим долгом сообщить весьма важную новость. В их городишке скончалась одна старая дева. Так вот, после нее осталась куча любопытных антикварных штучек. И вероятнее всего эти потрясающие вещицы пойдут с молотка, как только наследники организуют аукцион.

Элен терпеть не могла всю эту суету, однако допустить конкурентов к такому лакомому кусочку было выше ее сил.

Посему она выведала у гробовщика все подробности. Разумеется, тот уже успел побывать в доме усопшей и поэтому смог детально описать все предметы. Да, похоже, там было чем поживиться, и Элен тут же решила подать заявку на участие в аукционе. Пока илинойские любители раритетов взглядами полировали стеллажи ее магазинчика, беспрестанно гундя и жалуясь на баснословные цены («Помню денечки,— проворчал один из них,— когда вот таких кувшинов в каждом доме была пропасть — не знали, куда и девать их... А теперь только взгляните!..»), хозяйка тем временем улизнула в свой кабинет и принялась за кое-какие подсчеты. Рабочий день был уже на исходе, однако она позвонила в Сент-Луис и связалась с вице-президентом Брентвудского банка. С ним Элен была на дружеской ноге, и стоило ей только заикнуться, кредит предоставляли Элен незамедлительно. Затем она посудачила с адвокатом в Сейлеме, и тот обещал посодействовать в сделке. Мало того, оказалось, что адвокат знаком с наследниками. Он уверял Элен, что любой из них просто «обалдеет от счастья, когда узнает, какую кругленькую сумму она готова выложить за всю эту рухлядь».

Такой поворот дел вселял надежды. Элен чиркнула себе записочку, чтобы не забыть отправить гробовщику перевод на двадцать долларов. После этого она со спокойной совестью вымыла руки и отправилась ужинать. Бренда уже несколько раз пыталась разогреть еду и, похоже, сама начинала закипать.

Пэгги с жаром повествовала о подробностях очередной ссоры с Розалиндой, собирая на тарелке реповую кашу в небольшой холмик. Вообще-то Розалинда была ее самой лучшей подругой. Однако уж больно частенько та задирала нос.

Зазвонил телефон. Элен встала из-за стола и по дороге в прихожую отметила про себя, что в доме стало прохладнее. Очевидно, температура резко упала.

— Я слушаю.

— Тетушка Элен?

«Бог ты мой, опять»,— вздрогнула Элен. Но тут же совладала с собой и строго заговорила:

— Не могу понять, зачем вы меня разыгрываете, однако должна вас огорчить: на меня это не действует. И прекратите сюда звонить, понятно вам?

— Тетушка Элен, почему вы не пришли за мной? — раздался в трубке детский плачущий голос.

— Послушайте!..

— Уже темно, я не могу один добраться домой. На меня мама будет сердиться...

— Кто это?

Ответа не последовало. Вместо этого на другом конце провода послышался вздох. Сердце у Элен сжалось, а по спине побежали мурашки. Однако через пару секунд она поняла, что это всего лишь ветер завывает в трубке. Она заворуженно усталилась в окно, разглядывая, как в свете уличного фонаря собираются в небесный хоровод осенние листья.

— Пожалуйста, приходите,— вновь захныкал мальчик. На этот раз голос был совсем жалким и измученным.— Что случилось, тетущка Элен? Вы на меня сердитесь?

— Я не...— начала было Элен, но связь вдруг оборвалась, как и в первый раз. Элен потерла лоб указательным пальцем, словно с минуты на минуту ожидая, что в трубке опять послышится тревожный детский голос. Затем швырнула ее на рычаг.

— Теперь я и впрямь начинаю сердиться,— угрюмо проворчала Элен. В этот момент Пэгги крикнула из кухни:

— Мам, кто это был?

— Призрак,— устало бросила Элен, появляясь в кухне. Она мельком взглянула на висевший термометр.— Воробушек, тебе не холодно в этом свитере?

— Нет,— нетерпеливо откликнулась Пэгги.— Какой еще призрак?

Элен подошла к плите и в который раз налила себе чашку кофе.

— Да никакой, я пошутила. Это был... какой-то озорник. Он просто дурачится.

— Как Розалинда?

— Нет, не как Розалинда. Розалинда просто... То есть, Розалинда не делает так, чтобы... Послушай, давай поговорим о чем-нибудь другом, ладно? — И Элен бросила многозначительный взгляд на нетронутый холмик реповой каши в тарелке дочери.

— Мне почему-то не нравится сегодняшняя каша,— заявила Пэгги и нахмурилась.— Значит, как Майкл?

— Что?

— Этот призрак, с которым ты разговаривала... он такой же непослушный, как Майкл?

— Ну, если уж говорить правду, то... Каша сегодня здорово переперченная, да?

Пэгги кивнула.

— Да, но Бренда не виновата.

— Может, ты хочешь черничного морса?

— Да!

— Ладно, я сейчас его приготовлю, а ты пока вымой свою тарелку.

— А твою тоже мыть?

Элен посмотрела на свою почти нетронутую порцию.

— Да, и мою тоже захвати,— мрачно произнесла она.

Пэгги безропотно вымыла тарелки и, подойдя к матери, сочувственно обняла ее за плечи.

— Кто бы там ни звонил,— серьезно возвестила она,— лучше бы он этого больше не делал!

— Воробушек, ничего страшного в этом нет. Не волнуйся.

Однако теперь Элен осознала, что ее раздражение и негодование, вызванные этими дурными звонками, распространяются и на окружающих. Весь вечер напролет Элен из кожи вон лезла, пытаясь развеселить дочку и отвлечь ее от грустных размышлений. Эх, если бы просто выкинуть из головы эти странные звонки и вообще не напоминать Пэгги о Майкле... Элен не была уверена, что эта история с кузеном задела за живое Пэгги, но, подумав, все же решила никогда больше об этом не заикаться, и уж тем более сейчас.

Еще не было и восьми, а телефон уже дважды трезвонил. Каждый раз, дрожащей рукой снимая трубку, Элен внутренне напрягалась. Но оба раза нарушители спокойствия оказывались ее старыми знакомыми.

Сегодня Пэгги отправилась спать чуть позже обычного, но уснула не сразу. Еще долго ворочалась она в постели. Ветер, обрушиваясь на окно, протяжно и угрожающе завывал, деревья дрожали от его порывов и шелестели полюблетевшими кронами. Когда дочь, наконец, задремала, Элен тут же перебралась в свой уютный кабинет, где любила засиживаться в одиночестве. Здесь стоял огромный секретер с раздвижными дверцами. Сюда, в свое заветное гнездышко, перетаскивала постепенно Элен все те ве-

щицы, с которыми не в силах была расстаться. Взгляду посетителя открывались многочисленные светильники и канделябры в стиле барокко, бронзовые статуэтки детей в самых разных позах, куча чернильниц и фарфоровых пресс-папье. Стены кабинета украшала целая коллекция миниатюр, а также бесчисленное количество фотографий викторианской эпохи, причем глаза у всех людей на этих снимках казались почему-то остекленевшими. Тут же, в рамке, висел и автограф Франклина Пирса¹. Неподалеку, в уголке, притулилась миниатюрная плюшевая скамеечка для ног, расшитая бисером. Повсюду были расставлены древнейшие фолианты в кожаных переплетах, которые источали едва уловимый запах плесени, навевавший мысли о бесконечном движении маятника столетий. Все эти предметы словно дышали вечностью, и здесь, в их компании, Элен отдыхала и расслаблялась. Поэтому, когда на душе было особенно мутно или же приходилось с головой погружаться в какие-нибудь очередные бумажные дела, Элен шла именно сюда.

Около одиннадцати вечера раздался телефонный звонок. Вздвогнув, Элен чуть было не выронила из рук альбом с фотографиями самых роскошных особняков в штате Луизиана. Ветер ревел за окном, а в кабинете было так тепло и уютно, что Элен, зевая погрузившись в сладкие мечты, почти задремала. Услышав звонок, женщина резко выпрямилась в кресле, и взгляд ее упал на бронзовый бюстик мальчика.

— Все хорошие мальчики в это время видят уже седьмой сон,— пробубнила Элен себе под нос и взглянула на ходики, пытаясь сообразить, сколько же времени она провела здесь с этим альбомом. Элен охватило смутное беспокойство. Женщина вдруг осознала: волнуется она вовсе не потому, что этот проказник опять может позвонить. Внезапно Элен со всей очевидностью поняла, что уже каждаый звонок вызывает в ней уверенность, будто это именно он. Негодуя, Элен с раздражением отметила в уме, что озорник все же добился цели — она чувствовала себя не в своей тарелке.

— Ну, это мы еще посмотрим...— прошептала она сквозь зубы и бросилась в холл, чтобы успеть снять трубку до того, как проснется Пэгги.

¹ Франклин Пирс — четырнадцатый президент США (1853—1857 гг.) (Примеч. перев.).

— Ну вот, ты и добился своего,— собралась было выпалить Элен, но не смогла — в горле пересохло, и слова так и застыли на устах.

Ребенок уже просто заходился в рыданиях, и Элен не на шутку перепугалась: так притворяться дети не умеют. В этом она была абсолютно уверена. Мальчонка стоял где-то вдали, совершенно один, перепуганный насмерть и беспомощный.

— Тетушка Элен...

— Д-да,— запинаясь, отозвалась женщина.

— Я... пришел домой... а здесь... никого нет.

— О Боже! — не выдержав, воскликнула Элен.— Прекратите немедленно. Кто бы вы ни были, я прошу...

— Никого... здесь никого нет. Где моя мама?

Ветер внезапно изменил направление и шквалом обрушился на дом. Входная дверь яростно застучала. Элен в ужасе отступила назад и облокотилась на стол. Она дрожала как осиновый лист.

— Где Крэг? Где мой брат?

— Я умоляю вас,— шепотом заговорила Элен.— Что вам от меня нужно?

Ребенок снова заплакал. Элен выронила трубку и бросилась вон из холла. Она ворвалась на кухню, но черные квадраты окон только усилили беспокойство. Оставаться здесь было еще страшнее. Получалось, что Элен так и не удалось отделаться от этого хулигана. Женщину трясло с головы до ног, она никак не могла избавиться от панического ужаса, сковавшего ее сознание. Элен всегда казалось, что она неплохо разбирается в детской психологии, и уж чем-чем, а подобными шалостями вывести ее из состояния равновесия не так-то просто.

«Да, но это когда нормальные дети,— думала она.— А здесь мы имеем дело с настоящим садистом. Ну, просто с каким-то чудовищем...»

Чутьочку успокоившись, Элен вернулась в фойе и снова подняла трубку. Она услышала лишь приглушенные вздохи — вернее, порывы ветра, которые поначалу приняла за чье-то неровное дыхание.

«Ну уж нет, я все-таки от тебя отделаюсь,— твердо решила Элен.— Я заткну тебя за пояс, даже если для этого потребуется...» И, собравшись с духом, заговорила:

— Алло. Вы хотели со мной побеседовать. Это неплохая мысль. Разумеется, мне тоже очень хочется с вами поговорить.— Элен немного помолчала и продолжала:—

Я знаю, что вы еще там, почему же вы молчите? Вы что, думаете, я буду...

И в этот момент она услышала пронзительный детский крик. Сердце у нее вновь упало.

— Майкл! — взвизгнула Элен, уже не осознавая того, что с ней происходит. — Май... — И запнулась.

— Я умер, да? Я умер! Я умер!!!

Элен выронила трубку и уставилась в пустоту. На ее глаза навернулись слезы.

— Мама? — позвала из спальни Пэгги.

— Что? Что такое, Пэгги?

— Ты с кем говоришь?

— Извини, я тебя разбудила. Пожалуйста, постарайся заснуть. Это звонил... преподобный Бартлетт. С ним-то я и разговаривала.

— Очень громко.

— Я знаю. Извини, воробушек. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

«Наверное, я так громко кричала, что Пэгги проснулась», — решила Элен. Она находилась на грани отчаяния. А тут еще и сердце заныло. — «Звонки продолжаются. Надо взять себя в руки и посмотреть правде в глаза. Это был не Майкл».

Внезапно Элен замерла, пораженная тем, что ей приходится убеждать себя в этом.

«Разумеется, это был не Майкл, — мысленно повторила она. — Никаких привидений не бывает».

А все-таки лучше кому-нибудь звякнуть, окончательно приуныв, решила Элен, и рука ее потянулась за сигаретницей, которая стояла тут же, рядом с телефоном.

Набирая номер, она внезапно осознала, что, возможно, именно сейчас теряет в себе уверенность. С тех самых пор, как умер ее муж, Эд Коннелли, они с Пэгги жили в доме совершенно одни. Однако за все эти долгие годы ей ни разу не пришлось в голову позвонить кому-нибудь, позвать на помощь в трудные минуты, а уж сколько было таких минут... Но теперь...

До утра протянулась целая вечность, и Элен поняла, что не высидит все это время в одиночестве. Слишком сильно взбудоражили ее звонки от «Майкла», да и тревожить сейчас знакомых был не самый подходящий момент.

— Крэг? Извини, что беспокою тебя в такое время, но... Что? Ты еще не ложишься? Вот хорошо. Понимаешь,

у меня тут что-то неладное творится... Что? А ты сможешь? Я была бы тебе крайне признательна... Нет, только езжай не спеша. Дорога сейчас ужасная. Не такое уж это и срочное дело.

Попрощавшись с племянником, Элен, к своему удивлению, почувствовала себя значительно спокойней.

«К черту самоуверенность»,— с облегчением подумала она и отправилась на кухню варить кофе.

Крэгу Янгу стукнуло уже двадцать восемь лет — вполне солидный возраст для его профессии. Крэг работал психоаналитиком, и многие его коллеги в тридцать лет обладали весьма внушительной наружностью, Крэг же, к своему глубочайшему сожалению, смахивал скорее на студента-первокурсника, а уж это никак не прибавляло ему авторитета. Он был высок — шесть футов и четыре дюйма, крепкого телосложения. В свое время Крэг состоял в университетской баскетбольной команде и считался неплохим игроком. Но был он тогда таким худым, что зрителям частенько приходила мысль, будто состоит этот юноша из одних только углов, вроде складной линейки, а посему особого доверия они к нему не испытывали. Со временем на лбу у Крэга образовалась приличная залысина, обрамленная нежным пушком. Но это не особенно беспокоило молодого человека, ибо, к счастью, многие его однокашники тоже успели значительно полысеть. Компенсируя недостаток шевелюры, Крэг отпустил невероятные рыжие усы. Он курил трубку, однако, частенько попыхивая этой трубкой, чувствовал себя не в своей тарелке. Но подобные мелочи даже не брались в расчет, ведь сам Крэг был уверенным в себе молодым специалистом, и ему удалось выхлопотать место в гринлифской школе-интернате для трудных детей, а не пришлось скитаться по больницам в поисках работы или продолжать чахнуть при университете. Он вырос здесь и так свыкся с родными местами, что не мыслил себе жизни вдали отсюда.

— Кто бы ни был этот мальчик,— уверенно констатировал Крэг, наливая себе третью чашку кофе,— очевидно, он порядком наслышан и о Майкле, и обо всей нашей семье.

— Даже слишком много.

— Могу предположить, что, возможно, кто-то еще вспоминает и мою мать, и, конечно же, Майкла. Встречаются чересчур впечатлительные дети, которые склонны частень-

ко убегать из дома, а некоторым из них смерть Майкла может показаться даже романтической, чем-то вроде подвига. Вполне вероятно, что такой ребенок, выслушав рассказ старших, впитал в себя всю информацию и в конечном итоге вообразил себя Майклом Янгом.

— Это не просто впечатлительный мальчик, Крэг. У него невероятные способности вживаться в роль.

— Что вы имеете в виду?

— Он убежден в том, что он — Майкл. Ведь то, что я слышала по телефону, — не просто детская игра или примитивный розыгрыш. Он не притворялся. Все, что он говорил, звучало потрясающе правдиво и искренне. А как он плакал! — Элен покачала головой. — Жаль, что я уже плохо помню голос Майкла...

Крэг качнулся на стуле и скептически улыбнулся:

— Вы знаете, по телефону у всех десятилетних мальчиков голоса кажутся похожими. Уж не хотите ли вы сказать, что у нас в округе объявился настоящий призрак?

— Он называл меня «тетушка Элен», — распаляясь, продолжала женщина.

— Ну и что? Я тоже вас так называл в детстве.

— Нет, — перебила его Элен. — Ты не называл. Только Майкл. И никто другой. Я должна признаться, что этот самозванец здорово напугал меня. Я не понимаю смысл всех этих звонков, однако очень странно — откуда он знал, что меня надо называть именно «тетушка Элен»?

Крэг задумался, а потом беспомощно развел руками и широко улыбнулся:

— Ваша взяла. Я зашел в тупик. Но все равно и здесь надо искать разумное объяснение.

— Да? — Слова племянника только еще сильнее взволновали Элен.

— Я работаю с трудными детьми. Вот уже шесть лет, как они стали для меня смыслом жизни. Вас поражает этот маленький самозванец, он постоянно звонит, вам даже становится страшно... И я вас не виню, но только помните: он самозванец и все тут. Рано или поздно ему наскучит эта забава, и он предпримет что-нибудь новенькое. Скорее всего обратит свой взор на секс.

— А когда ему это надоест?

— Не знаю. К сожалению, должен предупредить вас, что чем глубже они погружаются в свои фантазии, тем дольше может длиться само преображение. Это я знаю по опыту своей работы. Иногда уходят месяцы, а то и годы

на то, чтобы избавить ребенка от его фантазий и вымыслов.

Элен прикрыла ладонями лицо и застонала.

— Смените номер телефона,— посоветовал Крэг,— а новый номер не давайте никому, кроме закадычных друзей.

— Видишь ли, мой мальчик, дело в том, что я занимаюсь продажей антиквариата, и многим, очень многим людям необходим номер моего телефона. А кроме того, пока поменяют номер, пройдет несколько дней.— Элен снова закурила.— Кто же это может быть? Мне казалось, я тут наперечет знаю каждого мальчика и девочку. Но не могу поверить, что это кто-то из местных, Крэг, а может быть, это твой голубчик из интерната мне названивает?

— Да, я мог бы назвать нескольких ребят, обладающих болезненной фантазией и к тому же подверженных эмоциональным взрывам, но у них нет доступа к телефону, тем более в одиннадцать вечера.

— А бывает так, что они сбегают от вас по вечерам?

— Да, бывает, но уже после второго побега мы принимаем самые строгие меры, и тогда виновники сидят подолгу взаперти.

— Ну, в таком случае он мог сбежать из школы и...

— И в следующий раз перепоручить это дело своему дружку.

Элен вздохнула.

— Я просто пытаюсь найти хоть какое-нибудь разумное объяснение.

Крэг встал со стула, потянулся и отнес чашку с блюдцем в раковину.

— Хотите, я останусь здесь на ночь?

— Что? Нет-нет, так далеко это не зашло.— Элен взглянула на большие настенные часы и тут же вскочила.— Ради Бога, извини меня, Крэг. Уже без двадцати час — тебе давно следовало напомнить о времени.

— Ну что вы! Я уже целую вечность не приезжал сюда.

— А как поживает Эми?

— Она тут навещалась к родителям, но сегодня вечером как раз должна вернуться.

— Тогда в скором времени и соберемся все вместе,— предложила Элен, провожая племянника к входной двери.

Крэг снял с вешалки свою каракулевую шубу и, на ходу облачаясь в нее, зевнул.

— Этот ветер, наверное, не уляжется до утра. Мне иногда кажется, что такой сквознячок запросто может сдуть человека с горы Бен-Ломонд. Да, передайте привет Пэгги. Жаль, что вы меня поздно пригласили, и я не смог с ней поболтать.

Элен вышла с племянником на порог и там, дрожа от ночной прохлады, дождалась, когда он сядет в машину.

В этот момент в доме зазвонил телефон, но из-за сильного ветра она не сразу услышала его. Когда же звонок, наконец, донесся до нее, Элен встрепенулась и крикнула:

— Крэг!

Племянник уже сидел за рулем, но, услышав голос тетушки, поднял голову.

— Телефон! — Она пальцем показала на дом и бросилась внутрь.

Крэг вышел из машины и несколько секунд стоял в замешательстве, а потом, захлопнув дверцу, направился к дому. Торопясь снять трубку, Элен машинально закрыла дверь. Крэг подергал ручку и понял, что она заперта. Тогда он протянул руку к звонку, но тут же, спохватившись, прислонился лицом к стеклу и начал всматриваться в сумрак. В фойе было темно, но Крэг сумел различить фигуру тетушки на фоне полосы света, падающего из кухни. Одной рукой Элен оперлась о стол, а другой — крепко прижимала к уху телефонную трубку.

Крэг постучал пальцами по стеклу:

— Элен!

Она услышала его, повернулась и, швырнув трубку на рычаг, выскочила на улицу. Крэг отметил про себя, что в этот раз Элен напугана пуще прежнего — лицо ее побелело, глаза остекленели.

— Опять шутничок на проводе? — нахмурившись, осведомился Крэг.

— Да, это звонил Майкл.

— Кто? Послушайте, Элен, вы не должны... — Крэг осторожно взял ее под руку и проводил в комнату. Здесь царил покойствие, и можно было говорить, не пытаясь перекричать ветер.

— Тетя Элен, это был не Майкл, не мой брат Майкл. Он не мог вам звонить. Пожалуйста, не позволяйте себе впадать... — Тут Крэг запнулся, ибо понял, что она не слушает его. — И что же он выдал в этот раз? — Крэг сильно сжал тетушкин локоть, и она вскрикнула.

— Осторожно, Крэг, мне больно!

— Извините.— Он опустил ее руку.— Но вы выглядели так, будто...

— Не беспокойся. Со мной все в порядке. В этот раз он просто... сказал, что...

— Ну что же, Элен?

— Его голос звучал по-другому. Ему очень холодно. Он... послушай, я лучше присяду, если ты не возражаешь.— Она прошла в кабинет и тяжело опустилась в массивное кресло. Крэг застыл на пороге.

— Однако много он наговорить не успел, вы ведь находились у телефона секунд тридцать, не больше.

Элен медленно подняла глаза.

— Он только и сказал: «Моя мама умерла, да? Зачем вы послали ее на смерть, тетушка Элен?»

Крэг молчал, грустно разглядывая Элен. Спустя некоторое время он, наконец, заговорил:

— Если мы когда-нибудь отыщем парнишку, надо будет припомнить ему и это. Наверное... я должен сообщить обо всем шерифу.

— Зачем? Какой от него толк?

— Ну...— Крэг неопределенно пожал плечами.— Наверное, и в самом деле никакого, но мне почему-то показалось, что вам так будет спокойнее.

— Бог ты мой, Крэг, я не до такой степени переживаю!— Элен улыбнулась, лицо ее смягчилось.— Извини, я сегодня слишком резка. Надо хорошенько выспаться.

— Но перед сном не забудьте обернуть телефон толстым полотенцем и запихните его в кладовку. Если нашему хулигану приспичит еще разок побеседовать с вами, пусть он натрет себе на пальце мозоль, набирая номер.

Элен кивнула.

— Я понимаю, ты не можешь точно сказать, когда, наконец, этот мальчуган остановится, но все же... Как ты считаешь, может быть, теперь он будет звонить пореже? А что если он не ограничится одними звонками?

— Что вы имеете в виду?

— Вдруг у него появится желание... навестить меня?

— Нет, вряд ли, Элен.

— Но ты не можешь этого сказать наверняка?

— Пока нет, конечно...

— Он сердится на меня, Крэг. Он считает, что я его предала.

Элен уставилась на племянника, в ее глазах застыло сострадание.

— Может быть... вам с Пэгги лучше побыть несколько дней у меня, в горах... если вы боитесь оставаться здесь одни?

— Нет, тогда мне пришлось бы ей все объяснять. Пока что эти звонки ее не беспокоят, а вызывают лишь здоровое детское любопытство. Если Май... то есть, если этот мальчик будет опять звонить, я должна буду приготовиться к любой его выходке. Мне кажется, я смогу с ним справиться. Не на ту попал.

Крэг некоторое время молчал, а потом заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я думаю, есть все основания предположить, что мы больше о нем не услышим. Он уже и так достаточно запугал вас в последний раз, когда обвинил в том, что вы — причина смерти его матери.— Элен вздрогнула от ужаса, но Крэг продолжал: — И это хорошо. Может быть, именно здесь и содержится разгадка. Очевидно, последняя фраза и стала центральным звеном его фантазии, слепленной из обрывков разговоров о жизни нашей семьи. Скорее всего у этого мальчика тоже умерла мать или бросила его, и ему совершенно не известна ее дальнейшая судьба. Теперь же объяснение получено, и он знает, кто виновен в ее смерти. Нужда в дальнейшем развитии придуманного образа сама собой отпадает. Неважно, сколько времени потребовалось ему, чтобы вжиться в этот образ и представить себя Майклом, теперь он может прекратить игру в один момент.

Элен недоверчиво уставилась на племянника.

— Ты же психоаналитик, Крэг. Может, ты просто хочешь меня подбодрить?

Крэг простодушно улыбнулся.

— По-моему, здесь все логично. Когда я вернусь домой, попробую еще раз разложить все по полочкам, если, конечно, вы не передумаете и не оставите меня здесь...

— Нет, Бога ради, езжай домой. Я уже начинаю засыпать и через минуту буду зевать в открытую.

— Спорю на доллар, что мы никогда больше не услышим о нем.

— Мне начинает казаться, что ты — самый гениальный психолог. Не исключено, что ты умеешь околдовывать людей.

— Тогда завтра вечером я загляну к вам. Надо же будет получить доллар,— шутливо предупредил Крэг, направляясь к двери.

— Прекрасно. И учти: ты останешься у нас на ужин, иначе Пэгги перестанет жаловать тебя.

Крэг наклонился, чтобы чмокнуть тетушку в лоб, и вышел на улицу, поеживаясь от ветра. Элен сразу же нырнула назад в дом, еле сдерживая зевоту, которой пыталась напугать своего племянника. Затем погасила свет на первом этаже, размышляя одновременно о том, когда же, наконец, Эми заставит Крэга сбрить эти нелепые усы. Тут ей вспомнился спор на доллар, Элен тепло улыбнулась. Все, что говорил Крэг о несчастном мальчишке, звучало довольно правдоподобно. Она попыталась поверить во все его теории и отправилась наверх в спальню.

В этот момент зазвонил телефон.

«Проклятье!» — пронеслось у нее в голове.

Стиснув зубы, Элен подняла трубку.

— Эй, Бертрам! Привет, старина, еще не дрыхнешь?

— Приятель,— с облегчением выдохнула Элен.— Вы ошиблись номером. И за это вам огромное спасибо.

Глава третья

Гринлифская школа-интернат располагалась в двух милях от городского центра. Здесь на целых полмили протянулась лощина, окаймленная горными хребтами, которые, будучи совершенно отвесными, вздымались на высоту от четырехсот до тысячи футов. Со стороны спортивных площадок лощина была выровнена и засеяна травой. Над спортивными площадками на вершине южного хребта находились школьные корпуса, образовавшие квадрат с таким же ровным прямоугольным двориком внутри. Здания были выстроены лет двадцать назад из ценного камня. Весь комплекс окружала невысокая стена, подчеркивающая целостность ансамбля; эта стена была воздвигнута здесь вовсе не для того, чтобы каким-то образом ограничить свободу школьников или посетителей, ибо большинство обитателей этого интерната происходили из уважаемых и обеспеченных семей. На годовое содержание одного мальчика в гринлифской школе уходила куча денег, однако несчастные родители, находившиеся на грани отчаяния, не скупились. Тщательно подбирался и персонал: помимо высококвалифицированных учителей, специально подготовленных для обучения способных, но взбалмошных ребят, здесь работали два психиатра и два психолога. Психиатры наведывались сюда раз в неделю из Сент-Луиса, распо-

женного милях в ста пятидесяти от этого живописного уголка. Таким образом, основное бремя ложилось на плечи Крэга Янга и его ассистентки Эми Лоулор, потому что более двадцати мальчиков нуждались в ежедневном лечении.

Как-то раз, обедая с Эми в школьной столовой, Крэг невзначай обмолвился о странных телефонных звонках его тетушке. Эми живо заинтересовалась этой историей и попросила Крэга рассказать ее подробнее.

— А может, это один из наших,— предположила Эми после того, как Крэг выложил ей все детали необычной тетушкиной истории.

Крэг не спеша набил в трубку табак, раскурил и, время от времени затягиваясь, заговорил:

— Ту же самую мысль высказала и Элен, однако я с вами не согласен. Здесь, конечно, присутствует синдром потери родителей. Но я сомневаюсь, что кто-то из наших мальчиков хоть краем уха слышал о моем брате Майкле. Ведь это случилось шестнадцать лет назад. Да и кто вообще знает теперь о его существовании? Во всяком случае, сам я давно о нем не говорю, и вспоминаю-то уже не так часто. Да и вряд ли у кого из местных промелькнет в памяти Майкл. Такие вещи стараются побыстрее забыть.

— Да, но тот мальчик, который звонит Элен, несомненно, знает о Майкле очень много, и фантазии его довольно складные. И страшные. На месте Элен я бы потеряла покой.

— Да, но вот сегодня он не звонил,— бодро заявил Крэг.— Я разговаривал с Элен перед тем, как мы пришли сюда. Так что мои предположения, вполне возможно, окажутся верными: мальчику надоело играть в «Майкла», и он придумал себе новое развлечение.

Эми налила в свой стакан немного чая и бросила туда кубик льда. Ассистентка была годом моложе Крэга. Высокая стройная блондинка, Эми обладала хорошеньким личиком и хитрющими глазами, которым наверняка позавидовала бы любая восходящая звезда Голливуда. Она сама пыталась стать кинозвездой и даже пару раз снималась, но очень скоро поняла, что изнурительная жизнь и работа актрисы — не ее стихия.

— Да, возможно,— согласилась Эми, чуточку поразмыслив.— Но ведь твоя тетя была уверена в том, что звонил именно Майкл.

— Она просто не знала, что подумать.

— Крэг, я знаю, ты не веришь в привидения, но все же...

— Никогда не верил и не собираюсь.

— Да,— твердо произнесла Эми.— Я знаю. Зато я верю.

Застонав, Крэг улыбнулся:

— Ну, в этом-то случае ничего сверхъестественного быть не может.

— Правда? А я как раз считаю, что наоборот.

— Ну, валяй. Попробуй, убеди меня. Ты, кстати, будешь доедать пирог?

— Нет. Если хочешь, возьми мой кусок. Крэг, ты сказал, что мальчик, который звонит тете, настолько вжился в историю твоей семьи, что и взаправду считает себя Майклом. А с другой стороны, ты сам только что уверял меня в том, что ни один десятилетний парнишка ничего не может знать о твоём брате, погибшем шестнадцать лет назад.

— Ну, на все сто процентов я не стал бы этого утверждать.

— Я это учту. Но ведь этот мальчик обращался к Элен именно «тетушка Элен», и она клянётся, что, кроме Майкла Янга, ни один человек в мире так ее не называл.

— Однако по меньшей мере человек сто слышали, как он называл ее «тетушка Элен», когда был жив.

— Позволь с тобой не согласиться. Это не те слова, которые раз и навсегда врезаются в память, тем более, если речь идет о соседях или знакомых.

Крэг подцепил вилкой последний кусок вишневого пирога и снисходительно глянул на свою собеседницу:

— Ну, и какие же отсюда выводы?

— Может быть, дух твоего брата Майкла...

— Снял телефонную трубочку и несколько раз звякнул Элен. Какую трубочку? И где снял? В астральной приемной, о которой частенько судачат оккультисты?

— Если тебе так нравится подкалывать меня...

— Нет, конечно, нет. Ради Бога, извини. Валяй дальше.

Эми вздохнула и, рассудив, что повода для обиды нет, улыбнулась и вполне серьезно продолжала:

— Дух твоего брата вполне может вселиться в самого обыкновенного мальчика, который живет неподалеку и обладает повышенной психической чувствительностью.

— Одержимость? Ну, если бы это произошло, то не явилось бы тайной для остальных жителей городка. Роди-

тели незамедлительно приволокли бы мальчугана к нам для изгнания дьявола, или чего-то в этом роде, уж не знаю, что с этими демонами принято делать.

— Не совсем так. Может быть, иногда мальчик себя странно ведет, чем озадачивает родителей, да и только. И ничего серьезного не возникало до тех пор, пока этот дух, дух Майкла, не начал заставлять свое новое тело выполнять дикие вещи. Может быть, все получается не совсем так, как этого хочет дух. Или Майкл просто желает войти в контакт со своей тетушкой.

— Господи Боже мой, Эми, где ты набралась такой чертовщины?

— В университете у меня имелся приятель — настоящий медиум. Он занимался спиритизмом. Кстати, потом он стал блистательным психиатром. Так вот он, между прочим, даже не сомневается, что некоторые из душевных заболеваний вызываются именно демонами. И я с ним вполне согласна.

— И когда же в последний раз ты встречалась с демоном?

Эми махнула рукой в сторону школьных корпусов:

— Вон там их больше сотни.

— А конкретно?

— К счастью, мне не приходилось встречаться пока что ни с демонами, ни с привидениями. Но на спиритических сеансах я часто слышала, как разговаривают духи.

Крэг бросил на нее умоляющий взгляд, но Эми не заметила его и лишь быстро поправила упавшую на лицо пушистую прядку волос.

— Теперь в твоем арсенале еще одна теория происхождения телефонных звонков, и я считаю, что она ничуть не хуже других. Пораскинь мозгами на досуге.

— Ты не хочешь сейчас прокатиться?

— С удовольствием. Но послушай, ты действительно со мной согласен?

— Я в восторге.

— Ну, это уже кое-что, — слегка растерявшись, пробормотала Эми.

— В восторге от того, что проведу с тобой по крайней мере еще целый час, — добавил Крэг и рассмеялся.

Они сели в машину Крэга и тут же выехали на городское шоссе, представлявшее собой старую, разбитую, хотя

и покрытую асфальтом дорогу. Крэг окрестил ее как-то «слепой», ибо пролегла она большей частью через непроходимые леса. Спустя несколько минут психолог решил задать Эми еще парочку вопросов относительно ее теории:

— Ну, допустим, это призрак Майкла. Тогда где же он пропал все эти шестнадцать лет?

— Вот этого-то я и не могу тебе сказать, потому что сама ничего не смыслю в спиритизме.

— Он что, мог обитать в городе?

— Ты, конечно, пытаешься убедить меня в том, что это маловероятно, но, поверь, существует куча документов, подтверждающих случаи, когда дух умершего подолгу скитается вблизи своего физического тела.

— Итак, он всегда был здесь, но так как он — дух, следовательно, его никто не видел.

— Не обязательно так. Если дух встретит психически чувствительного человека, тот сразу ощутит его присутствие. Некоторые люди даже способны видеть духов так же ясно, как я сейчас вижу тебя.

— Ты встречала медиумов?

— В этой местности — нет. А что?

— Просто любопытно. Я никогда не присутствовал на таких сеансах.

Эми усмехнулась.

— Искренний и простодушный медиум второпях мог бы принять тебя за верующего.

— Не будь так самоуверенна. Кстати, куда мы сейчас направляемся? У тебя уже созрел план?

Воздух к этому часу успел прогреться. Чистое небо поражало почти идеальной голубизной. Крэг не старался жать на газ, но только они миновали городок, тут же удвоил скорость. Длинные волосы Эми разлетелись по ветру, и она восхищенно улыбалась, любясь красивой окрестностью. Они мчались сквозь тенистые рощи, тронутые осенним багрянцем, мимо древних крутых утесов, кое-где треснувших или расколовшихся от времени. Затем, оставив позади деревянную дамбу, пронеслись по старому железному мосту. Внизу пробежал ручей глубиной фута четыре. Его сверкающая вода была до того чистой, что пить ее можно было без опаски.

В этот момент Крэг начал было что-то рассказывать, но Эми не расслышала и жестом попросила его сбавить скорость.

— Мы когда-то жили неподалеку отсюда,— громко крикнул Крэг.— Вон на той горе. Там еще до сих пор стоит наш дом. Хочешь посмотреть?

Крэг впервые заикнулся о своем детстве. А разговор за обедом только распахнул любопытство Эми. Ей не терпелось узнать о трагедии, случившейся много лет назад.

Эми с ходу согласилась, испытав, однако, при этом некоторое замешательство, потому что прекрасно понимала, что на этот раз Крэг коснулся в разговоре святая святых. Получалось, что он посвящал ее в свою сокровенную тайну.

Крэг притормозил, не доезжая до перекрестка, где узкое, посыпанное гравием шоссе пересекало проселочную дорогу. Здесь на обочине возвышались три столбика с почтовыми ящиками. Эми успела разглядеть их. Последний ящик основательно проржавел, однако Эми без труда прочитала фамилию «Янг».

Дорога пошла круто вверх, и тут Крэгу пришлось трудновато: то и дело приходилось лавировать между ухабами и объезжать булыжники, которыми была сплошь усеяна эта Богом забытая дорога. По левую сторону до самой вершины хребта тянулся вырубленный лес. Редкие сохранившиеся деревья казались огромными и величественными. Солнце заливало землю своим сиянием. Однако, несмотря на теплую красновато-оранжевую палитру листвы, раскинувшийся справа лес удручал. Он выглядел словно непроходимая стена, от которой так и веяло каким-то враждебным холодком.

— Кто живет здесь, я не знаю,— объявил Крэг, указывая на непокрашенный деревянный дом.— Наверное, хозяева приезжают только на лето. А семья Крофутсов обитает в самом конце дороги. По крайней мере они там были, когда я последний раз навещал эти места.

— А когда?

— Уже не помню,— задумался Крэг. Внезапно он помрачнел, и Эми никак не могла понять причину такой резкой смены настроения.— Может, пару месяцев назад, а может, и лет.

Крэг поднялся еще футов на пятьсот по дороге, выглядевшей все более и более разбитой, а потом свернул с нее на какую-то широкую тропу, поросшую травой и мелкими кустиками, которые скрывали все рытвины и ямы. Наконец, они добрались до каменной площадки на вершине хребта. Обернувшись, Эми едва разглядела внизу шоссе, а впереди, в проеме между остроконечными хребтами, из-

вестном, как «Седло Кларка», расстилалась долина Шейдс — в десять, или даже в двадцать квадратных миль; пожелтевшие участки пастбищ сменялись огненно-рыжими осенними лесами.

— Какая красота,— прошептала Эми.— Как здорово здесь жить!

— Я тоже всегда так думал.— Крэг вышел из машины и, сунув очки в карман рубашки, направился к заброшенному коттеджу. На полпути он остановился и, повернувшись, вопросительно посмотрел на Эми.— Ты идешь? Хотя, конечно, не больно-то здесь и интересно.

Эми быстро подошла к нему, и вскоре они очутились перед небольшим домиком, двери которого выходили на восточную сторону. Крыша отсутствовала, как, впрочем, и одна из стен. Повсюду валялись почерневшие камни. Здесь царствовал мох, все вокруг было покрыто им. В отдельных окнах еще темнели осколки закопченного стекла. Над руинами склонился гигантский древний дуб, который хотя и пострадал от огня, все же остался на месте и, как согбенный старец, пытался прикрыть собой развалины.

Эми заворуженно уставилась на дом. Внезапно появившаяся гладенькая белочка прервала ее мысли. Зверек скользнул по верху обгорелой стены. Эми взглянула на Крэга и поняла, что все это время он пристально наблюдал за выражением ее лица.

— Как видишь, дом сгорел,— констатировал он.

— А что случилось?

— Из-за матери. Она в трезвом-то состоянии не всегда нормально себя вела, ну, а уж когда напивалась, от нее просто житья не было. В доме у нас был камин, и его вполне хватало, чтобы согреться холодными зимними вечерами. Но за огнем надо следить, ты же понимаешь. А мать имела привычку класть слишком много дров на угли, а потом сразу же засыпала на диване. В ту злополучную ночь несколько искр попало на ковер. К счастью, мать проснулась и, более того, успела еще и нас вытащить через черный ход... Внутри показывать нечего. От дома остался один скелет. Дело было зимой, и снег с крыши в конце концов потушил пожар, иначе даже этот каркас не уцелел бы.

Эми осмотрела площадку и заметила в углу целую кучу мусора: какие-то бумажки и консервные банки.

— Похоже, здесь частенько устраивались пикники. Кто сейчас владеет этой территорией?

— Я. Я унаследовал ее в возрасте двадцати одного года.

Эми подошла поближе к дому.

— Вот здесь и стоял этот самый Майкл, как он уверял, когда звонил вчера вечером твоей тетушке. Интересно, а...

— Ради Бога, Эми,— строго оборвал ее Крэг.— Пошли отсюда. Я больше ничего не хочу слышать о призраках.

Он стремительно зашагал к машине, и Эми едва поспевала за ним.

— Я ляпнула, не подумав,— извинилась она.— Знаю, что здесь ты провел не самые лучшие годы.

Крэг посмотрел на нее, но взгляд его ничего не выражал.

— Нет, Эми, ты не права. Мы с Майклом были счастливы. Я бы даже сказал, очень счастливы.— Он прислонился спиной к машине и, доставая трубку, задумчиво разглядывал через «Седло Кларка» долину Шейдс.— Мы росли в естественных условиях, мы бегали по лесам, и нам было хорошо с матерью, словно она приходилась нам старшей сестрой. Теперь-то я знаю о ней гораздо больше, чем тогда, и, разумеется, понимаю ее вину. Она пила и... не совсем верно воспринимала мужчин, не больно-то разбиралась в них, частенько она вообще забывала о нас, но мы тогда не замечали этого. Мы знали, что если она не вернулась сегодня домой, то обязательно приедет завтра и снова приготовит нам еду, постирает, уберет дом, выкупает нас и выслушает все истории про наши подвиги и приключения. Даже теперь мне кажется, что она была тогда счастлива с нами, хотя сегодня оцениваю прошлое по-другому.

— Наверное, твоя мать была очень милым человеком, несмотря на все свои недостатки.

— Да, теперь-то я знаю, что на первой стадии развития маниакальной депрессии люди бывают просто очаровательными, пока не начинаются приступы. А мы с Майклом не часто наблюдали их. Мать была умной женщиной и в такие периоды старалась уйти из дома. Возможно, она понимала, что в один из таких приступов может убить нас. И еще одна мудрая штука, на которую мать решилась: когда болезнь начала прогрессировать и постепенно у нее развивался настоящий психоз, она сблизилась с тетей Элен.

Эми подошла поближе и уткнулась в его плечо.

— А что случилось с твоей матерью, Крэг?

— После того, как сгорел дом, Элен поняла, что мать

представляет опасность и для нас обоих. Сначала она пыталась уговорить ее добровольно обратиться в психиатрическую лечебницу Кэмптона. Но мать смертельно боялась подобных заведений. Поэтому пришлось отправить ее туда принудительно. Она умерла буквально через несколько часов после того, как ее доставили в больницу. Мать сразу же попыталась сбежать оттуда и погибла от кровоизлияния в мозг. Ей было всего двадцать девять лет.

— Это ужасно.

— Она относилась к тем самым обреченным людям, которые изредка и нам с тобой встречаются. Стоит только взглянуть на них, и ты нутром чувствуешь, что они умрут очень рано. Наверное, и на Майкле лежал этот отпечаток, но я сейчас плохо помню брата и не могу сказать наверняка. Он был копия матери: темноволосый, вечно напряженный, полный энергии и легко поддающийся сменам настроения.— Неожиданно Крэг рассмеялся:— А интересно, какой вид у меня? Неслабый, вероятно, компотик из плодов со всего генеалогического древа.

— А мне очень нравится твой вид,— мечтательно произнесла Эми, закрывая глаза.— И не разрушай мой идеал.

Крэг нежно обнял ее одной рукой.

— А ты встречалась с интересными мужчинами в Калифорнии?

— И очень часто.

— И все они, конечно, в тебя влюблены.

— По крайней мере, когда я уезжала, они мне клялись в этом.

— Тогда не надо было уезжать.— Крэг покачал головой.

Эми шагнула назад и внимательно посмотрела на него.

— Иногда я просто не могу понять, когда ты шутишь, а когда говоришь серьезно.

— Конечно, я шучу.

— А может, ты и вправду хочешь, чтобы я уехала назад в Калифорнию?

— Эми, не глупи.

— Я весь день мечтаю, что ты меня, наконец, поцелуешь и поздравíš с возвращением, но, видимо, не дождусь ни того, ни другого.

Крэг предпринял робкую попытку вновь коснуться девушки, но Эми, отпрянув от него, произнесла:

— Ну уж нет, если я об этом прошу сама, значит, ты уже опоздал.

Казалось, Крэг колеблется и не знает, что делать. Он никак не мог подобрать нужных слов.

— Крэг, мы с тобой поженимся?

— Надеюсь, что да.

— Это уже кое-что. А когда?

— А когда ты хочешь?

— А ты когда?

— Сегодня вечером.

— Это неправда.

— А собственно, чем это мы с тобой занимаемся? — вдруг спросил Крэг, невинно заморгав. Сейчас он выглядел очень привлекательным и каким-то растерянным. — Мы же гоняемся друг за другом по кругу. Так ведь можно очень легко с него сойти.

— Мы знаем друг друга уже полтора года, — осторожно начала Эми. — Теперь я уверена, что уже давно люблю тебя. Полгода назад я могла сказать то же самое и о тебе. А вот теперь снова ни в чем не уверена и никак не могу понять, что же произошло. Может, я одеваюсь, как клуша? Или моя косметика ни к черту? А может, у меня испортилась фигура?

Крэг едва заметно улыбнулся.

— Ну, так в чем же дело?

— Эми, я тебя очень люблю.

— Либо ты говоришь мне неправду, либо ты ко мне просто привык.

— Не думаю.

— Возможно, — рассердилась Эми. — А может, я слишком часто езжу с ночевкой на Бен-Ломонд? Не в этом ли причина, Крэг?

— Черт, ты же сама все прекрасно понимаешь... никаких причин быть не может, Эми. Я хочу быть с тобой, как и прежде.

Она опустила голову.

— Да, ты так говоришь. Но я этого почему-то не чувствую.

— Мне кажется... надо решить более определенно насчет нашей свадьбы.

— Нет, когда я об этом прошу сама, то уже поздно.

Он усмехнулся:

— Ничего не поздно!

Эми сделала вид, что собирается убежать от него.

— Не думай, что меня очень просто вот так схватить и...

Крэг рванулся вперед, и она едва успела добежать до ближайшего дерева. Сначала он притворился, что не может догнать Эми, а потом неожиданно в два больших прыжка настиг и прижал ее, сопротивляющуюся, к стволу. Эми со зверским выражением лица врезала ему коленом по бедру, но так, чтобы не причинить боли. Крэг, пытаясь ее успокоить, легко удерживал девушку одной рукой, а другой гладил по голове.

— У тебя очень красивые глаза,— с серьезным видом заметил он.— Тебе надо было сниматься в кино.

— А я снималась.

— Докажи.

— Главная женская роль в фильме «Голливудские зверюги»!

— По-моему, я его смотрел,— соврал Крэг.— Раз, наверное, пятьдесят.

Он начал целовать ее сначала в щеки, а потом, все более распаляясь, со всей страстью, которой ей так не хватало, в губы. Счастье захлестнуло Эми, она таяла в его объятиях, перестав, наконец, сопротивляться.

Через несколько минут они уже возвращались к машине, шагая рядом и держась за руки. Лица их полыхали. У Эми в волосах застрял кусочек коры.

— Бен-Ломонд, мы идем к тебе,— мечтательно произнесла Эми.

— Ну... немного попозже. Боюсь, что мне придется задержаться в школе часов до девяти.

— Значит, попозже,— согласилась она.

Пока они выбирались на шоссе, Эми успела расчесать волосы. Всю обратную дорогу хорошее настроение не покидало их. Эми уже забыла и о Майкле Янге, и о звонках, и даже о разрушенном обгоревшем коттедже, когда вдруг Крэг неожиданно заговорил:

— Скорее всего он был здесь, на пикнике, вместе с родителями и услышал всю эту историю от них.

— Кто?

— Тот мальчик, который названивает Элен. И видимо, его заинтриговала история нашей семьи. Впрочем, это уже неважно. Ведь звонки прекратились.— Крэг посерьезнел.— По крайней мере я на это надеюсь.

— Да, хорошо бы. Бедная Элен. Наверное, нелегко ей пришлось. Надо ведь было воспитывать двух мальчиков.

— Собственно, я-то не причинял ей особых хлопот. Но Майкл никак не мог примириться с тем, что она взяла нас

к себе. По-моему, он решил, что именно она виновата в смерти матери, и я так и не сумел переубедить его. Он то и дело удирает из дома, но я всегда отправлялся искать его и вовремя находил. Конечно, он сопротивлялся, доходило даже до драк, и хотя я был всего на полтора года старше, физически я его значительно превосходил. И каждый раз благополучно конвоировал Майкла домой. Но вот как-то ночью, месяцев через десять после смерти матери, он снова сбежал и попал в сильную пургу. Такие бураны не часто случаются в наших краях. И я не смог найти его. Его обнаружили только летом в лощине милях в пяти отсюда. Остался один скелет на дне ручья. Вот так. А осенью я пошел в школу и приезжал в Шейдс только на летние и рождественские каникулы. Может, это и к лучшему. А то я бы затосковал по Майклу.

— Но ты сделал все возможное, чтобы помочь ему.

— Ты так считаешь? — Он улыбнулся, но улыбка получилась какая-то перекошенная. — Я ведь тоже был мальчиком и не понимал, как нужно вести себя, когда у него начинались приступы депрессии. Мы хорошо уживались с ним, дружили, как братья, но в такие минуты Майкл словно отключался. Он просто вычеркивал меня из своей жизни.

— А ты знаешь, с тобой тоже такое случается иногда.

— Что именно?

— Вычеркивать людей из своей жизни. Когда ты забываешь о моем существовании, я тоже не знаю, что делать, и прихожу в отчаяние.

— Прости, Эми. Сегодня все будет по-другому.

— Да, — откликнулась она. — Я очень на это рассчитываю.

Из канавы выскочил белый щенок с коричневыми пятнами, и Элен резко крутанула руль, чтобы не задавить песика. Машину понесло на встречную полосу, и лишь на противоположной обочине Элен удалось справиться со своим фургончиком. Эльза Бриттон вскрикнула, слегка ударившись о приборную доску.

— Бог мой, Эльза! Ты не ушиблась?

— Нет-нет, все в порядке. — Эльза мельком взглянула на подругу. — Да ты вся побелела как полотно. Он же был далеко.

— Это ужасно, но я сейчас — просто сплошной комок нервов.

— Ты плохо спала?

— Точнее, вообще не спала.

— В нашем возрасте бессонница — уже непростительная роскошь. Это сказывается на внешности, — решительно заявила Эльза, и Элен улыбнулась: Эльзе стукнуло уже шестьдесят три.

Эльза протянула руку и нежно похлопала Элен по плечу:

— Не волнуйся так. Давай-таки оставим всех психов и придурков Крэгу, он по этой части дока. Крэг ведь уверял тебя, что мальчик больше не будет звонить.

— Ну, пока он и не звонит, но в дальнейшем...

— Если ты так беспокоишься, то бери Пэгги и приходи сегодня ночевать к нам.

— Меня беспокоит то, что... — пробормотала Элен и притормозила. Они стояли у дома.

— Так что же?

— Эльза, понимаешь, первое, о чем спросила сегодня Пэг, так это «звонил ли Майкл опять».

— Это вполне естественно.

Они вышли из машины, и Элен, открыв задний борт, попыталась извлечь оттуда два старинных стула, которые ей удалось приобрести в Глэддене.

— И еще она попросила меня показать фотографию Майкла.

— А у тебя есть? — удивилась Эльза, помогая вытаскивать стулья.

— Я и сама не помнила этого. Только я подумала, что если ей показать снимок, то, может быть, она успокоится и быстрее обо всем позабудет. Поэтому я перерыла все старые альбомы и, наконец, нашла снимок. Майкл там в четвертом классе.

Элен облокотилась на спинку стула и задумчиво разглядывала дорогу. Небо еще оставалось голубым, но сумерки начали постепенно сгущаться.

— Ну, она осталась довольна?

— Эльза, она лишь мельком взглянула на фотографию и тут же заявила буквально следующее: «Все правильно, я его видела».

— И это вполне естественно, — стояла на своем Эльза. — У девочки отличное воображение.

— Не думаю, что она это вообразила. Пэгги говорила

вполне уверенно и, кроме того, упомянула, что этот мальчик не из их школы. Понимаешь, этот мальчик — Майкл — он не ходит в школу Шейдс.

— А где она его видела?

— На школьной спортивной площадке. Помнишь, на прошлой неделе она оставалась после уроков на репетиции? Ну, они готовились к празднику города. Собираясь забрать Пэгги, я еще тогда опоздала к ней на целый час. Так вот, она оставалась на этой площадке совершенно одна до самой темноты. Я хочу сказать, что, кроме нее и этого мальчика, больше никого там не было. Пэгги уверяла, что он подошел сзади и стоял буквально в нескольких шагах от нее, а когда она повернулась, мальчик бросился бежать в сторону леса.

Эльза попыталась улыбнуться.

— Наверное, он из Гринлифа, — предположила Элен. — Но, видишь ли, в такое позднее время у них бывает проверка по комнатам, и все мальчики обязаны находиться на своих местах. Эльза, ты хорошо помнишь Майкла?

— Да, очень хорошо. — Эльза подняла один стул. — И я так же ясно помню его похороны, — заявила она.

— Нет-нет, не надо, — запротестовала Элен. — Я сама все занесу в дом, не волнуйся. Энди, небось, уже голову ломает, куда же ты запропастилась. Спасибо, что составила мне компанию.

— Да что ты, мне очень понравилось, — возразила Эльза. — Будь так добра, сделай мне небольшое одолжение. Выкинь из головы всех этих призраков и прочую чертовщину.

— А я и не думала о них. Но вот в последнее время что-то уж больно много совпадений. Ну, теперь иди, а то сейчас Энди начнет обрывать телефон и задаст мне порядочную взбучку.

— Да он даже и не заметил, наверное, моего отсутствия, — отмахнулась Эльза. — У него по горло работы: надо красить сарай, а тут еще эти пчелы... Его на обед-то можно теперь только пушечным залпом зазвать. Никогда не предполагала, чтобы мужчину так могло затянуть его увлечение. Ну, спокойной ночи, Элен. Позвони мне сегодня, если что не так.

Элен проводила Эльзу до машины, которая была припаркована у дома, а потом, прихватив один стул, направилась к крыльцу, где ее уже поджидала разъяренная Бренда.

— Ужин давно готов, а я никак не могу дозваться эту хулиганку Пэгги. Она мне даже не отвечает.

— А где она, Бренда?

— Смылась в свою халупу на дереве. И молчит как рыба.

— Ну, я ее сейчас приведу. Подавай на стол.

Элен оставила стул у крыльца, принесла туда же второй, потом заперла машину и, обогнув дом, направилась в сад. Темнело, идти приходилось медленно, иначе можно было очень легко споткнуться о корень дерева и вывихнуть ногу.

— Пэг! — позвала Элен, подойдя к старому ореховому дереву, где девочка соорудила себе из досок маленький домик наподобие собачьей конуры. Но ответа не последовало. Элен подумала, что дочка, возможно, заигралась где-нибудь в другом месте.

И тут она услышала плач.

Глава четвертая

Ферма Бриттонов, расположенная милях в четырех от города на восточном склоне Блу-Ай-Ноб, славилась на всю округу. Когда-то Энди Бриттон был здесь единственным врачом. Ближайший госпиталь находился в сорока трех милях отсюда, подъездные дороги к нему были в плачевном состоянии, и больным стоило больших трудов добратся туда. Теперь же и в самом городке построили собственную больницу на тридцать коек. Там помимо Энди работали еще три молодых доктора. Энди же, который, кстати, и основал эту больницу, являлся сюда лишь один раз в неделю на осмотр пациентов. На ферму Энди выкроил из своего драгоценного времени два дня, остальную же часть недели ею занимался помощник, человек надежный и настолько опытный специалист, что стадо неизменно приносило немалые прибыли.

Таким образом, у доктора оставалась уйма свободного времени, и он посвящал его либо охоте или рыбалке, либо с головой уходил в свое любимое занятие — пчеловодство.

Для этой цели на территории фермы были оборудованы четыре здоровенных амбара, где и содержались в зимнее время пчелы. Температура и влажность поддерживались здесь в надлежащем режиме, который соблюдался, пожалуй, даже более неукоснительно, чем на молочной ферме.

С утра до вечера доктор разгружал сегодня сено вместе с Гарри Рендлом, единственным работником на ферме, который не боялся заходить в пчелиные амбары. Здесь временами роилось до полумиллиона насекомых.

Для доктора Рендла был темной лошадкой. Молодой человек числился у Бриттонов вот уже почти год и, если не считать их самого толкового помощника Сэма Клейпула, являлся наиболее способным и старательным работником. За все это время Гарри еще ни разу не опоздал, никогда не ныл, что ему «не здорovится». Короче, он в поте лица отработывал свое жалованье. Он знал толк в сельскохозяйственной технике, время от времени чинил ее собственными руками. Кроме того, этот юноша запросто мог найти подход к самой бодливой корове, а уж такая способность безусловно относилась к врожденным талантам. Рендл схватывал все буквально на лету, все так и плыло ему в руки. И в конце концов доктор Бриттон решил, что помощь Рендла будет неплохим подспорьем Сэму. Однако в глубине души он все-таки колебался и не спешил предлагать Гарри постоянное место на ферме, ибо не раз слышал о нем весьма не лестные отзывы.

— Шесть ульев уже подготовлены для зимовки, — сообщил доктор, когда они перетаскивали сено в амбар. — Рабочие пчелы уже в основном уснули, а трутней уже давно выгнали, несколько недель назад.

— Похоже, их тут немало, — засомневался Рендл, не решаясь войти в амбар. Как раз в этот момент мимо его носа пролетела пчела.

— Это разведчики, из тех ульев, которые постоянно кормятся и будут подкармливаться в течение всей зимы. Но они тебя не тронут, к тому же не так уж их и много.

Они уложили сено и остановились немного передохнуть.

— Да тут все кишмя кишит ими, — заметил Рендл, но сказал это так спокойно, будто пчелы на самом деле несколько не волновали его. — А откуда вам известно, что они не собираются сбиться в рой и напасть на нас?

Доктор Бриттон засмеялся:

— Если мы их не будем обижать, ничего страшного произойти не может. Но вот если, например, мы отнимем у них кормушки... У каждой пчелы есть внутри свои собственные биологические часы, которые точно указывают, когда наступает время кормления. До еды еще несколько часов, и я напoлню их кормушки. А пока надо будет об-

курить ульи, чтобы все рабочие пчелы вылетели оттуда. Ты когда-нибудь работал на пасеке, Гарри?

— Да, несколько лет назад.

— А где? По-моему, ты мне никогда не рассказывал, откуда родом.

— В самом деле никогда,— отозвался Рендл, не глядя на доктора. Бриттон дружелюбно разглядывал его и ждал, когда тот заговорит. Гарри снял свою бейсбольную кепку цвета хаки и почесал в затылке. У него была чудесная густая и темная шевелюра. Гарри улыбнулся, осознавая, что доктору и в самом деле интересно узнать о нем кое-что.

— Где я только не жил. И везде мне нравилось.

— Но ведь должен у тебя быть либо родной город, либо деревня.

— Разумеется. Где-нибудь я наверняка родился.— Он повернулся к доктору и уставился на него, не переставая улыбаться. Однако улыбка эта скорее напоминала маску.— Но я не знаю, где именно. Я родился, потом меня бросили, потом кто-то меня воспитывал. Ну, так ведь часто бывает. Вот и начал я шляться с места на место. Надоест одно — сразу еду дальше.

— Наверное, тебе нравится здесь у нас. Ведь ты почти год у меня работаешь, правда?

— Точно,— подтвердил Гарри, едва сдерживая зевок и давая этим понять, что любопытство доктора пришлось ему не очень-то по вкусу.— Здесь нормально. Может, закончим лучше с сеном, пока еще не стемнело?

Они не спеша покинули амбар.

— Могу тебя заверить,— снова начал доктор,— что я очень доволен твоей работой на ферме. Я говорил недавно с Сэмом. Ему нужен помощник, и лучшего кандидата, чем ты, он мне не смог назвать.

— Вот как,— буркнул Гарри и замолчал. Он не произнес больше ни слова, пока они перетаскивали в амбар сено. Потом молодой человек внезапно остановился, стер со щеки пыль и медленно произнес, внимательно глядя на доктора: — Меня это не интересует.

— Может быть, ты мне объяснишь, почему?

— Я как раз через месяц-другой собирался сматывать-ся отсюда,— неохотно заговорил Гарри.— Когда точно, еще не знаю.

— Понимаю. А я думал, что ты испугался взять на себя такую большую ответственность.

Рендл пожал плечами.

— Послушай, Гарри. Тебе ведь уже двадцать шесть лет. Ты не можешь бродить вот так с места на место всю жизнь. Конечно, у меня не самая роскошная ферма в округе, но, работая здесь, ты сможешь скопить неплохие деньги. Я ведь знаю, что ты не лентяй. И мне бы очень хотелось, чтобы ты занялся более интересными вещами, чем быть тут на побегушках, как до сих пор.

Гарри перестал улыбаться и помрачнел:

— А почему это вас беспокоит?

— Потому что так будет лучше для тебя. Потому что ты совсем неглупый парень, и у тебя все должно получиться. А когда-нибудь ты даже сможешь построить свою собственную ферму.

Рендл усмехнулся:

— Ну уж нет, спасибо!

Доктор Бриттон грустно улыбнулся:

— Ты уверен, что правильно поступаешь, Гарри?

— Мне нравится немного поработать, потом немного побездельничать. И я не хочу быть привязанным к одному месту. Нет уж, спасибо.

— Ну хорошо.— Они снова вышли из амбара. Солнце уже скатывалось за горы.

— Ну, раз уж мы с тобой разоткровенничались,— снова подавал голос доктор,— то позволь мне дать тебе совет, Гарри.

— Пожалуйста,— согласился Гарри, вовсе не потому, что обожал выслушивать советы, а просто приличия ради. Он был крайне напряжен.

— Ты ведь недавно отсидел срок в тюрьме, верно?

Гарри Рендл на секунду застыл на месте, собираясь поднять очередную перевязанную охапку сена.

— Я думаю, вам это известно не хуже меня,— с какой-то наигранной легкостью отозвался он.— Именно так оно и было. Три года. Я угнал машину.— Бриттону даже показалось, что Рендл произнес это с некоторой гордостью, словно совершил подвиг.

— Но у тебя еще и до этого случались разные неприятности, пока ты был мальчишкой. Ну так вот, я хочу сказать, что единожды оступившись, не так-то просто порвать со своим прошлым. Может, ты и не ищешь на свою голову неприятностей, но ведь тебя тянет в питейные заведения, где скорее всего ты снова влипнешь в какую-нибудь сомнительную историю. Ну, например, в кафе «Удар молнии». В пятницу вечером там вообще завязалась на-

стоящая поножовщина, как мне потом рассказали. Да, я знаю, что в тот день ты там не присутствовал. Но все же...

— Послушайте,— резко перебил Гарри. Взгляд его на несколько секунд стал жестким. Казалось, он вот-вот швырнет на землю охапку сена и, повернувшись, уйдет отсюда навсегда. Но вдруг дежурная улыбка вновь напозла на его лицо, и он заговорил уже без всякой злобы:— Я вкалываю у вас по восемь—десять часов в день. Остальное время — мое личное. Я знаю, как надо избегать неприятностей. Знаю, что надо заниматься своим делом и не совать нос в чужие дела. Если вы не возражаете, доктор, то я сам о себе позабочусь.

Доктор Бриттон не обиделся, у него и в мыслях не было ссориться с Гарри, поэтому он решил поскорее свернуть этот неприятный разговор. Однако ему хотелось помочь Гарри, прежде чем тот навсегда покинет их края в поисках нового пристанища.

— Твое дело, Гарри. Давай-ка лучше закончим с сеном.

Для своего возраста доктор был человеком достаточно сильным и постоянно поддерживал форму. Ему нравилось работать, но с сеном они покончили лишь после наступления темноты. Вдвоем перетащили его из грузовика и обложили охапками внутренние стальные стены амбара, обеспечив таким образом хорошую теплоизоляцию на всю зиму.

— Оставь грузовик возле дома Сэма, хорошо? Ты только глянь, какой туман поднимается! — воскликнул Бриттон.

В округе Шейдс из пяти осенних сезонов четыре обязательно выдавались туманными. Доктор посмотрел в сторону своего дома, который находился всего футов в пятидесяти от амбара, и увидел, что тот весь окутан дымкой. Крыша его словно плыла по белым волнам, а чуть ниже едва проглядывали светящиеся пятна окон.

Как только Гарри Рендл ушел, доктор сразу же направился к амбару и, войдя внутрь, плотно прикрыл за собой стальную дверь. Все здесь было залито ослепительным электрическим сиянием. Лампы располагались в потолке таким образом, чтобы освещалось все помещение вплоть до самых потаенных уголков. И горели они все двадцать четыре часа в сутки. Бриттон медленно двинулся вперед по дощатому полу, с удовольствием осматривая улы, которые

были выкрашены в цвета, без труда различаемые пчелами: синий, желтый, черный и белый. На столах стояли разноцветные кормушки.

Несколько насекомых-разведчиков кружили над пустыми кормушками. Бриттон улыбнулся. Одна из пчел вдруг взлетела и устремилась к ульям. Доктор проследил за ней взглядом, а когда снова повернулся к столам, ощутил внезапно какую-то перемену. И тут же понял: в амбаре резко потянуло холодом. Бриттон огляделся по сторонам и заметил, что вторая дверь, расположенная в задней стене, открыта. Похоже, оттуда и сквозило. Доктор нахмурился: дверь всегда запиралась на замок, причем изнутри, а сам он крайне редко пользовался ею. Бриттон торопливо подошел к двери, распахнул ее и выглянул наружу.

За амбаром начинался спуск длиною футов тридцать. Далее извивалась тропинка, поросшая с обеих сторон молодыми деревцами. Тропинка эта вела на гору Блу-Ай.

Но сейчас в этом тумане различить дорогу не было никакой возможности. Лишь деревья неясными силуэтами маячили где-то вдали.

Работники фермы за редким исключением боялись пчел и предпочитали подальше держаться от пасеки, если, конечно, крайняя необходимость не толкала их заходить сюда. Поэтому Бриттону даже и в голову не могло прийти, кто же в его отсутствие мог заглянуть в амбар днем да еще и отворить заднюю дверь... А вдруг дверь эта оставалась открытой уже несколько дней? Ведь у него и в мыслях не было проверять ее. И теперь уже не имело смысла искать виновного. После драки кулаками не машут.

Но это событие могло повлечь за собой весьма печальные последствия. Если дверь действительно оставалась открытой в течение нескольких суток, постоянный приток холодного воздуха мог пагубно сказаться на пчелах, по крайней мере на некоторых их породах.

Затворив дверь, Бриттон понял, что не на шутку рассердился.

Поблизости располагалась оранжерея. Сейчас она пустовала и выглядела непривлекательно. Кроме того, здесь находился и еще один недостроенный, но весьма любопытный отсек, представляющий собой стеклянную клетку размерами примерно десять на двенадцать футов. Передняя стенка этого сооружения была оборудована скользящими рамами. Именно отсюда наблюдал доктор в свой мощный цейсовский бинокль пчел в момент роения. В этой клетке

Бриттон разместил и рабочий стол, и многочисленные ящички, и только-только приобретенный новенький улей.

В тот момент, когда доктор запирает деревянную дверь, зазвонил телефон. Бриттон поднял трубку.

— Энди? Я только что вернулась, так что ужин будет готов не раньше половины седьмого.

— Вот и хорошо, я тут как раз успею пометить парочку пчел. Ну, как себя чувствует Элен?

— Все еще не может прийти в себя.

— Вот это плохо. Звонки продолжаются?

— Нет, будем надеяться, что они действительно прекратились. Тогда, я думаю, через пару дней она отойдет.

— Это было бы здорово. Ну, перезвони мне, когда все сготовишь.

Поговорив с Эльзой, доктор уселся за стол и принялся работать. Он достал с полки, уставленной множеством различных баночек и пузырьков, одну бутылочку янтарного цвета, на которую был надет пульверизатор и наклеена этикетка с надписью «Хлороформ». Потом выложил на стол несколько баночек с красками и тоненькие кисточки. Пометить насекомых — дело простое, но довольно кропотливое. А нужны эти метки для того, чтобы следить за отдельными пчелами. Сначала пчелиную колонию необходимо усыпить, затем, не торопясь, выбрать подходящих особей. С помощью элементарного цветового кода, где красный означал единицу, желтый — двойку, и так далее, доктор мог пометить до шестисот пчел, используя при этом всего пять основных цветов и нанося несмываемую краску на брюшко каждой пчелы. Яркая и хорошо различимая издали краска останется на пчелах в течение нескольких недель, и со своего удобного наблюдательного пункта Бриттон без труда сможет уследить за всеми перемещениями насекомых.

Улей, стоящий сейчас перед доктором, представлял собой кубический деревянный ящик со съемными рамами и крышкой. Пчелы уже выстроили в рамах соты. Весной и ранним летом сравнительно небольшой улей вмещал до семидесяти тысяч пчел. Но сейчас стояла осень, и, как Бриттон и объяснял Пэгги, в улье находилось не более пятнадцати тысяч пчел, подросших и окрепших за время летнего сезона.

Доктор нацепил на лицо марлевую повязку, прикрывшую нос и рот, осторожно сдвинул крышку улья, одной

рукой взял лупу, а другой — бутылочку с хлороформом, и не спеша начал опрыскивать внутреннюю часть улья.

Бриттон не заметил, как вылетела первая пчела. Она тут же ужалила его, но даже и теперь доктор не встревожился. Такое встречалось и раньше. На некоторых пчел не сразу действовал хлороформ, и, вылетая, насекомые инстинктивно устремлялись к свету. Кроме того, ужаленное место не болело, словно это был просто укол булавкой. Не доверяя повязке, доктор задержал дыхание и отступил назад, чтобы выждать несколько секунд, пока хлороформ заполнит соты. А затем приоткрыл верхнюю заслонку.

Целый сгусток черных пчел тут же поднялся из образовавшейся щели и молниеносно облепил незащищенную руку Бриттона. Десятки жал вонзились в кожу. Доктор отдернул руку, и весь улей, перевернувшись, рухнул на пол, крышка отвалилась, и вся внутренняя часть улья моментально обнажилась.

В ужасе Бриттон начал стряхивать пчел с руки, давя и размазывая десятки жужжащих телец. Но из упавшего улья в воздух поднимались тучи насекомых. Доктор отупевшим взглядом уставился сначала на пчел, а потом на бутылочку с хлороформом, которую до сих пор удерживал в руке. Бриттон скинул марлевую повязку и понюхал пузырек. И тут вместо хлороформа в нос ему ударил совершенно иной запах — сладковатый аромат спелых бананов.

Вскрикнув от испуга, доктор повернулся и бросился к двери, но запах бананов уже пропитал его одежду, и пчелы плотной массой со всех сторон облепили Бриттона.

Когда доктор подбежал к двери, он уже не помнил себя от боли: Бриттону казалось, что его жгут раскаленным паяльником.

И тут они добрались до глаз.

Доктор Бриттон издал душераздирающий вопль и упал на деревянный пол. Он слишком хорошо разбирался в пчеловодстве, чтобы оценить ситуацию. Бриттон понял, что сейчас умрет. Однако ужас и инстинкт самосохранения заставляли его сопротивляться. Он катался по полу, давил пчел, но их, похоже, даже не убавлялось. Каждый раз, когда ему удавалось подняться, они снова и снова валили его с ног. Бриттон разъярил их этим банановым запахом, и теперь пчелы обезумели. Они ослепили и оглушили своего хозяина, забив его нос и рот. И покрыв все его тело страш-

ной коркой. Казалось, что вся его одежда внезапно ожила и зашевелилась.

Бриттон снова упал и через несколько секунд замер.

Эльза уже собралась было разогреть отбивные, как вдруг в кухне зазвонил телефон.

Она вытерла руки о фартук и сняла трубку.

— Эльза? Это Элен. Я не знаю, надо ли мне было звонить, но Пэг до того расстроена...

— Что с Пэгги? — перебила Эльза.

— Нет-нет, с ней-то все в порядке. Но... Эльза, мне опять звонили. Снова этот Майкл. Как раз в то время, когда мы с тобой возвращались из Глэддена. Не знаю, где в эту минуту находилась Бренда, наверное, в подвале, потому что к телефону подошла Пэг.

— Она разговаривала с ним? Что-то у тебя голос...

— Да, она с ним говорила, Эльза. А где Энди?

— Возится со своими пчелами. А что такое?

— Майкл сказал Пэгги, что... в Шейдс с одним нашим другом случится беда.

— Что-что? — заволновалась Эльза, тут же забыв об отбивных.

— Вот поэтому я и хочу знать, где Энди. Майкл сказал, что... он сказал, что Энди...

Но Элен не успела закончить фразу. Эльза выронила трубку из рук и бросилась к окну. Сквозь густой туман она едва различала огни в окнах пчелиного амбара, с трудом проглядывали и контуры самого строения. Несколько секунд стояла Эльза, как громом пораженная, всматриваясь в туман, а потом вернулась к телефону.

— Я тебе скоро перезвоню, — резко бросила она Элен в трубку.

— Что-нибудь не так?

Эльза не ответила, нажав на рычаг, сразу же набрала три цифры — телефонный номер пасеки — и, вцепившись в трубку, стояла не шелохнувшись целую минуту. Так и не дождавшись ответа, она швырнула трубку на рычаг и бросилась к задней двери, споткнувшись по дороге о ножку стула.

— Энди! — в страхе закричала она.

До амбара было рукой подать, но дорога шла под уклон, а Эльза вдобавок не разбирала пути в тумане и двигалась

наобум. Два раза она споткнулась о корни и чуть было не упала. Сердце ее разрывалось на части. Она холодела от мысли, что Энди постигнет очередной сердечный приступ, но пуще всего ее испугал этот зловеющий звонок от Майкла. Эльзе было необходимо сию же минуту увидеть мужа, и если с ним все в порядке... Что ж, она согласна выглядеть полной дурой, лишь бы все было в порядке.

— Энди? — еще раз позвала она и попыталась отворить стальную дверь, но та никак не открывалась. Эльза едва сдерживала рыдания. Она пнула дверь ногой. Наконец, дверь подалась, и Эльза шагнула внутрь амбара.

В ослепительном сиянии перед ней предстал кэшмар — смерть в облике роящихся и обезумевших пчел.

У двери на стене висела сетка пасечника, защитные перчатки, комбинезон из плотной джинсовой ткани и красный цилиндр, по виду напоминающий огнетушитель, в котором находился инсектицид. Спустя мгновение, показавшееся Эльзе вечностью, женщина нащупала рукой сетку, накинула комбинезон и открыла клапан баллона с инсектицидом. В эти минуты Эльзе казалось, что сердце ее не выдержит подобного испытания.

«Сейчас я умру», — пронеслось в ее голове, и неожиданно для самой себя Эльза начала молить Бога о смерти, потому что Энди не двигался.

Отравленные пчелы, все еще пытаясь ужалить ее, падали на пол и уже не взлетали. Самые стойкие доползали до ее сапог, а она медленно продвигалась в глубь амбара. Пчелы градом сыпались на сетку и соскальзывали с комбинезона.

«Он сильный, — мелькнула вдруг мысль, — он выживет...»

Но едва увидев его лицо, Эльза поняла, что надежда оказалась тщетной.

Эльза стояла над мужем и разбрызгивала яд во все стороны, пока чад внутри амбара не стал таким же густым, как и туман на улице. Наконец, все насекомые погибли или запрятались в щели. Внезапно Эльза выронила из рук баллон. Неуклюже опустившись на колени, она с трудом подняла мужа и подтащила его к ближайшей двери. Эльза на мгновение отпустила тело, отперла замок, а когда вновь нагнулась, то почувствовала, что силы оставляют ее. Собрав всю свою волю в кулак, женщина снова поволокла тело. Эльза выбралась из амбара, и холодный туман начал обволакивать женщину. Она повернулась и сквозь белую пелену заметила, что невдалеке кто-то стоит.

«Помогите! — воскликнула Эльза, но про себя, ибо сил произнести это вслух у нее не осталось. — Помогите мне».

И тут она внезапно увидела его. Туман вдруг рассеялся. Мальчик стоял молча, юное круглое личико ничего не выражало, а печальные темные глаза вопросительно уставились на Эльзу. Вид у него был настолько жалкий и потерянный, словно его одного бросили в этом тумане. А ведь именно так он всегда и смотрел на Эльзу.

— Майкл! — в ужасе выдохнула она и без чувств свалилась подле мужа.

Глава пятая

Кузен Арона Ландерса Чак наведался в гости из соседнего городка всего на денек, но уже порядком успел поднаесть своему брату. И жизнь бедняги Арона превратилась в сущий ад. Чак был всего на два года старше своего кузена, однако, не по возрасту дерзкий, он слыл среди сверстников эдаким тертым калачом.

Начал Чак с того, что без спроса завладел велосипедом кузена, на котором, правда, сам Арон так еще и не научился толком кататься. И теперь Чак демонстрировал свое мастерство двум девочкам — сестре Арона Мелиссе и ее подружке Кэрол-Сью. Чак небрежно нажимал на педали, выкруливая на гравиевую дорожку и почти не касаясь руля, потом мчался назад и на полной скорости неожиданно давил на тормоза, выписывая на гравии невероятные фигуры. Внезапно он застыл перед остолбеневшими девочками, притормаживая еще и левой ногой, а правую продолжая держать на педали.

— Ты мне сотрешь шины, — возмущался Арон.

— Если шины хорошие, с ними ничегошеньки не случится, — возражал Чак.

В глубине души Арону даже хотелось, чтобы велосипед испортился и этот выпендрожник Чак свалился бы с него и схлопотал себе пару ссадин или, на худой конец, синяк. Вот бы порадовался тогда Арон. Однако и Чак был малый не промах. Ведь если что-то подобное и произошло бы, он скорее всего в этом злоключении обвинил либо кузена, либо его велосипед.

Казалось, мытарствам Арона не виделось конца. Все, похоже, должно было завершиться для него весьма плачевно. Мальчик еле сдерживал слезы — а уж это вообще никуда не годилось, ведь здесь все время торчали девочки.

Неожиданно на горизонте появилась надежда. Окутанный дымом, по дороге катил красный тарахтящий мотороллер. Двигался он с черепашьей скоростью. На мотороллере восседал долговязый мужчина в очках. Он был настолько высок, что его колени находились почти на уровне руля.

— Доремус! — радостно взвизгнул Арон и бросился навстречу мотороллеру, проскочив мимо Чака и не обращая на того ни малейшего внимания, в то время как злобный братец пытался затормозить, взметнув в воздух переднее колесо велосипеда.

Мотороллер неистово затрясся, стоило Доремусу Брайтлоу сбавить скорость. Поравнявшись с Ароном, Доремус воскликнул, пытаясь перекрыть шум мотора:

— Ну, Арон, как ты поживаешь?

Арон, пристроившись рядом с мотороллером, так и затрусил возле Доремуса, краешком глаза изредка поглядывая на Чака. Тот из кожи вон лез, пытаясь уследить за ними. Мелисса и Кэрл-Сью, которые тоже хорошо знали и очень любили Доремуса, сломя голову помчались ему навстречу.

— Вы поедете в город, Доремус? — с надеждой в голосе спросил Арон.

— Скорее всего да. — И тут он заметил Чака, который пытался пересечь дорогу. — А кто это там на твоём велосипеде? — поинтересовался Доремус и, протянув к клаксону руку, два раза просигналил Чаку, к великому восхищению Арона.

— Это мой двоюродный брат, он живет в соседнем городе.

— Привет, Доремус!

— Привет, Мелисса! Как поживает твоя киска?

— Она все еще у ветеринара.

— Что-то долго он ее лечит. Наверное, она серьезно прихворнула?

Чак продолжал буравить Доремуса презрительным взглядом, однако в последний момент мальчик все-таки передумал и отъехал в сторону, решив не связываться с приближающимся мотороллером.

— Мой папа сейчас в городе, — сообщил Арон, начиная уже понемногу задыхаться. — И если вы меня возьмете с собой, я вернусь домой с папой. — Сколько раз видел Арон, как Доремус катал подростков, но все эти ребята были старше Арона. И поэтому у мальчика даже дыхание перехватило от собственной дерзости.

Притормозив, Доремус нахмурился, потому что мотор сразу же начал оглушительно чихать и капризничать. Но стоило Доремусу взглянуть на Арона, лицо его тут же прояснилось. Доремусу Брайтлоу стукнуло уже за сорок, вид у него был усталый, словно его изрядно потрепала судьба, а кое-где в волосах проглядывала чуть заметная седина. Доремус снял солнцезащитные очки, чтобы протереть стекла, и тогда на этом худом изможденном лице засияли глаза — светло-голубые, добрые и внимательные. Доремус ментально понял, что происходит сейчас между братьями, и, не вдаваясь в подробности, заявил:

— А я как раз хотел спросить, не хочешь ли ты прокатиться в город, Арон. Ну-ка, устраивайся сзади.

Как только Арон уселся поудобней, Доремус нажал на газ. Девочки какое-то время бежали рядом, провожая их. Доремус помахал им рукой, Арон же, прижавшись к его штормовке, ничего не замечал вокруг. Мальчика охватило сильнейшее возбуждение, и он восхищенно уставился вперед.

— Похоже, твой братец превосходно устроился здесь, — прокричал Доремус, когда они въехали в город и тащились теперь по улицам со скоростью пятнадцать миль в час.

— Да, неплохо, — согласился Арон. Он торжествовал и испытывал к Чаку в эти минуты что-то похожее на снисхождение. У входа в кафе «Рокуэлл» Арон увидел несколько знакомых ребят, однако тут же притворился, будто не замечает их. Он надеялся, что Доремус прокатит его по всему городу, но тот неожиданно свернул к стоянке возле почты и остановился.

— А где сейчас твой папа? — осведомился Доремус.

— Он в клубе художников. Доремус, если вы поедете назад до обеда, то...

Доремус улыбнулся.

— Нет, Арон, мне придется задержаться.

— Ну, ладно. — Арон соскочил с мотороллера и помчался по улице. — Мы еще увидимся, — пообещал он. — Большое спасибо!

— Заходи ко мне, когда будет время!

Доремус заглянул на почту, отправив несколько писем. Одно из них адресовалось сестре Доремуса, живущей в Бервине, неподалеку от Чикаго. Он писал ей каждую неделю, а раз в год обязательно навещал. Другое письмо предназначалось для Владислава Арщенко, который жил под Москвой. Доремус понятия не имел, в каком уголке карты

затерян этот городок, где проживал его приятель, но желания навестить его до сих пор не испытывал. Подойдя к своему почтовому ящику, Доремус выгреб оттуда почту, Он тщательно просмотрел письма и половину из них, даже не вскрывая, тут же выбросил.

— Так можно и упустить свой шанс,— резюмировал кто-то сзади.

Доремус оглянулся.

— Видишь ли, Хэп, это просто необходимо. Я и без того, наверное, один из счастливейших людей на белом свете. Деньги так и сыплются ко мне, если уж я играю в лотерею, то обязательно выигрываю. Боюсь, что если начну участвовать во всех розыгрышах сразу, то государственно-му казначейству придется открывать филиал прямо у меня на дому.

Хэп Уошбрук прислонился к почтовым ящикам, просунув толстые пальцы под широкий кожаный ремень. Именно благодаря портупее, да еще лихо заломленным широким полям своей шляпы, Уошбрук как две капли воды смахивал на шерифа из одного популярного телесериала. Этот выдавший виды телевизионный шериф был невероятно падок на всякого рода подкупы и взятки. Почерневшее на солнце лицо вкупе с усталым выражением глаз еще больше усиливали сходство. Однако на самом деле Уошбрук был честным малым, да к тому же и неглупым. В свое время он состоял в военной полиции и к моменту демобилизации дослужился до полковничьего чина. В округ ежегодно наезжало не менее четверти миллиона отдыхающих, и большинство из них составляли охотники. Разумеется, они прихватывали с собой и ружья. При этом частенько выходило так, что целились они почему-то не в дичь, а друг в друга. И далеко не всегда подобный выстрел оказывался непредвиденным. За двадцать лет у Хэпа выработалось безошибочное чутье, и он с первого взгляда мог отличить несчастный случай от преднамеренного убийства. Кроме того, Хэп являлся докой по части огнестрельного оружия и не хуже любого эксперта разбирался в ранениях.

— Да-а,— задумчиво протянул Хэп.— Если бы мне повезло, и я бы выиграл «кадиллак», набитый деньгами, то я бы сразу перегнал его в Мексику, в Акапулько. Я уже целую неделю мечтаю о Мексике. Ты что-нибудь знаешь об Акапулько?

— Ровным счетом ничего.

— А у меня это золотая мечта детства. Там солнце жа-

рит напропалую и куда ни плюнь — всюду самые что ни на есть роскошные фемины. Ну, разумеется, эти детские грезы овладевают моим разгоряченным воображением именно в тот момент, когда охотничий сезон уже на носу. Впрочем, я, пожалуй, согласен жить в любом другом месте, хоть у черта на куличках, но только не в округе Шейдс во время охотничьего сезона. А как насчет чашечки кофе?

Доремус согласился. Они неторопливо вышли на улицу и направились в самый центр городка мимо небольшого местного театра и антикварного магазина Уэлдона. Затем миновали центральную художественную галерею.

— Вот уже недели две я что-то не изволю лицезреть тебя в городе,— проронил вдруг Хэп.— А ведь я тешил себя мыслью о том, что у Вашего Величества есть задумки остаться навсегда в этом райском уголке.

— Хэп, я ведь обитаю в здешних местах вот уже два года и считаю, что по праву являюсь жителем округа Шейдс.

— Кроме того, я очень рассчитывал на то, что ты, наконец, решишься открыть здесь частное сыскное агентство.

Доремус улыбнулся, но так ничего и не ответил.

— Причем агентство, самое процветающее на всем Среднем Западе,— не унимался Хэп.— Я и сам не прочь открыть такое дельце.

— Хэп, а вот тебя заставили бы носить на работу галстук. И к тому же все это — жуткая тяготи́на. Примерно то же самое, что торговать обувью.

— Сегодня утром я и обувью торговать был бы рад-ра-дешенек.

Войдя в кафе, они заняли отдельный кабинет, и Хэп подозвал официантку. Доремус заглянул в усталые покрасневшие глаза шерифа и встревожился:

— Что-то серьезное, Хэп?

— Вчера вечером умер Энди Бриттон. Ты его знал?

— Доктор? Он меня зимой лечил от обморожения. А что стряслось?

— Его пчелы зажалили насмерть.

— Медоносные пчелы?

Хэп бросил сердитый взгляд на Доремуса.

— А я-то дурак и не знал, что бывают другие. Ну, в общем, там этих тварей собралось не меньше полумиллиона, и они все разом набросились на Бриттона.

— Ни с того ни с сего?

— Ну, наверное, он не слишком осторожно с ними об-

раждался.— Подошла официантка и поставила перед ними кофе.— Долорес, принеси мне еще булочку с вареньем,— попросил Хэп.

— А давно он разводил пчел? — поинтересовался Доремус.

— Эльза говорила, что, насколько помнит свою семейную жизнь, пчелы у них водились всегда, а женаты они уж тридцать восемь лет. Именно она нашла его в амбаре и сразу же потеряла сознание. В общем, у нее случился сердечный приступ. Ночью ей стало хуже, но я уверен, что Эльза выкарабкается. Эти немки такие живучие.— Он мрачно уставился на дымящийся кофе.— Сама по себе смерть — это уже несчастье. Но тут дело гораздо серьезней. Если интересно — я расскажу.

— Конечно, Хэп.

Торопливо и несколько запутанно шериф поведал Доремусу о телефонных звонках некоего мальчика, называющего себя Майклом. Потом вкратце изложил историю семьи Янгов, а в заключение огорошил заявлением, будто бы Эльза мельком видела возле злосчастного амбара «Майкла собственной персоной».

Когда он закончил, Доремус достал из кармана крохотную сигару, раскурил ее и только после этого заговорил:

— И ты веришь, что именно пчелиный яд явился причиной смерти Бриттона?

— Ты бы видел его тело! Уж я точно бы удивился, если бы узнал, что это не так. Конечно, на всякий случай тело будет сегодня же отправлено на вскрытие. Еще кофе?

— Нет, Хэп, спасибо. А тот мальчик, которого видела миссис Бриттон, он не мог оказаться их соседом?

— Нет, она уверяет, что видела его впервые. В том смысле, что он не живет здесь. Более того, Эльза абсолютно уверена, что это был именно М а й к л Я н г.

— Да, а что с тем мальчуганом, который предсказал несчастье и разговаривал с дочерью Элен Коннелли?

— Это еще не выяснено до конца,— признался Хэп.— С утра пораньше я отправился к Элен Коннелли, чтобы поговорить с Пэгги и выяснить, что она помнит об этом звонке, но девочка находилась в страшной депрессии. Она переживала гибель доктора и отказывалась с кем-либо общаться. Пэгги ведь не знала своего настоящего отца, и доктор в какой-то мере заменил его девочке.

— Миссис Коннелли — вдова?

— Ее муж — Эд Коннелли — был моим закадычным

другом. Он работал егерем и погиб много лет тому назад во время очередного весеннего наводнения. Вот о чем я подумал, Доремус... мне очень важно узнать подробности того телефонного разговора между Пэгги и неизвестным мальчиком. Ты ведь так легко находишь с детьми общий язык. Я так не умею. Вот если бы ты...

— Хэп, ты же знаешь, я больше не служу в полиции.

— Да-да, я понимаю. Но разве это похоже на ежедневную полицейскую рутину?

— Ну, даже и не знаю... Конечно, буду рад помочь тебе, Хэп. Но эта маленькая девочка — как ее — Пэгги — она ведь точно так же может не захотеть разговаривать и со мной...

К дому Коннелли они поехали в машине Хэпа. Однако воспользовались они не полицейским, а его личным автомобилем. Элен все еще находилась на ферме Бриттонов и ухаживала за Эльзой. На пороге дома их встретили Крэг и Эми.

— Доремус работал раньше в чикагской полиции, — сообщил Хэп после того, как представил всех друг другу.

Крэг внимательным взглядом окинул Доремуса. Кажется, он заинтересовался бывшим полицейским.

— В самом деле? — изумился он. — А в каком отделе?

— Я работал следователем.

— В отделе расследования убийств, — уточнил Хэп.

Крэг улыбнулся, а это со всей очевидностью означало, что к последней фразе он отнесся с должным трепетом.

— А что привело вас сюда, в Шейдс, мистер Брайтлоу? Вы в отпуске?

— Нет, я живу здесь уже два года, у озера под названием «Гармония».

— Мы с Доремусом зашли сегодня выпить по чашечке кофе, и я рассказал ему о смерти Энди Бриттона...

— Вы считаете, что это был несчастный случай, шериф? — вклинилась в разговор Эми.

— А мне больше ничего не остается, Эми. Пока, возможно, не раскроются иные обстоятельства дела.

— Наверное, — начала Эми и смутилась, заметив, что Доремус пристально смотрит на нее своими внимательными и добрыми глазами: — Наверное, вам необходимо будет выяснить, кого же вчера видела Эльза.

— Да, этот мальчик здорово будоражит мое воображение, но на этот счет у меня пока нет никаких предположе-

ний. Однако сейчас самое главное — телефонные звонки, поэтому-то я и попросил Доремуса заехать к вам. Может быть, ему удастся разговорить Пэгги.

— О, это вряд ли,— засомневался Крэг.— Все утро напролет я понапрасну пытался успокоить ее и уговорить выбраться из этого домика на дерево.

— Домик на дереве,— повторил Доремус.— А где это?

— На заднем дворе. Там рядом с гаражом растет огромное дерево, я вам покажу.

— Не надо, я найду его сам.— Доремус сунул руки в карманы своей штормовки и не спеша направился к выходу.

Эми взглянула на Крэга, но тот лишь усмехнулся:

— Похоже, он чувствует себя, как дома,— заявил он, когда Доремус скрылся из виду.

— Я и раньше видела его в городе,— задумчиво произнесла Эми.— Значит, когда-то он работал следователем. Эх, кожа да кости. Но вообще ужасно милый. Интересно, Элен успеет его застать здесь?

Доремус приблизился к дереву и, вглядываясь в густую крону, медленно обошел вокруг мощного ствола. Под ногами шуршали опавшие листья.

— Эй! — позвал вдруг Доремус. Он снял солнцезащитные очки и, протерев их о рукав фланелевой рубашки, прислушался. Потом порывшись в карманах, достал пластинку коричной жвачки и, развернув, засунул ее в рот. Доремус задумчиво изучал лестницу, приставленную к дереву. Наконец, он решился и начал карабкаться вверх, отчего ступеньки под ним жалобно заскрипели.

Лаз в домик был крохотный, рассчитанный на ребенка, и Доремус едва ли просунул бы туда даже плечи. Он заглянул внутрь и увидел Пэгги. Девочка забилась в дальний угол домика и, как затравленный зверек, уставилась на незванного гостя. Доремус тут же прикинулся, что его интересует не Пэгги, а ее необычное восхитительное сооружение.

— Потрясающе,— заявил он, прищурив глаза.— Чуть тесноват, правда. Если бы я строил на деревьях дома, я бы поднимал крышу немного повыше. И вообще сделал бы домик попросторней, чтобы хватило места и для моей собаки. Она все время торчит на деревьях, вот я и подумал: хорошо бы и у нее была крыша над головой. Как ты считаешь?

Помолчав, Пэгги равнодушно возразила:

— Собаки не умеют лазать по деревьям.

— Большинство собак действительно не умеют лазать по деревьям. Но к моей это не относится.

Пэгги задумалась, почему в ее домике нет такой собаки. Однако объяснение этому прискорбному факту было моментально найдено:

— Мою собаку задавила машина.

— Как жаль.

Девочка выглянула из маленького окошка, которое находилось возле нее.

— Правда, это была ужасно непослушная собака,— сообщила она и вздохнула.— И еще она кусалась.

— Собаки не всегда кусают по собственному желанию, им частенько приходится это делать.

— Все равно она кусалась. А ваша собака кусается?

— Нет, она уже очень старая.

— А у меня есть... старый кот.

— А вот у меня никогда кота не было.

— И он тоже... непослушный. Он царапается.

— Коты тоже не всегда царапаются по своему желанию,— заметил Доремус.— Так же как и пчелы не всегда хотят ужалить.

— Нет... всегда! — воскликнула Пэгги, и по щекам ее заструились ручейки слез.— Ненавижу пчел!

— Иногда, Пэгги, это, правда, случается редко... пчелы сильно жалят людей на пасеке. И люди даже умирают от этого. Никто не знает, почему это происходит.

Пэгги не переставала всхлипывать.

— Это Майкл их заставил!

Ей так хотелось разрыдаться, но присутствие Доремуса удерживало девочку. Стиснув зубы, Пэгги вытерла слезы.

— А он тебе говорил, что заставит их, Пэгги? Он говорил, что доктора Бриттона будут жалить пчелы?

— Он сказал... что произойдет несчастье. И еще он сказал, что оно произойдет с Энди... Это он во всем виноват, это он все подстроил! Я ненавижу Майкла!

— А ты его хорошо знаешь? — осторожно закинул удочку Доремус. Он не торопил Пэгги с ответом и в то же время не допускал, чтобы та погрузилась в тягостные раздумья.

— Нет.

— А вот я знаю одного мальчика по имени Майкл — это Майкл Ландерс, кузен Арона. Ты с ним дружишь?

— Да, ему двенадцать лет.

— Правильно. Но ведь ты не с ним разговаривала вчера?

— Нет. Вчера был Майкл Янг.

— Это он тебе так сказал?

— Он сказал... что его зовут Майкл, и еще он сказал, что уже разговаривал с мамой. Я знала, кто это.

— Но раньше ты с ним не разговаривала?

— Нет, однажды я его видела. На школьной площадке. Но Майкл сразу же убежал.

— И даже не поговорил с тобой? — удивился Доремус.

— Нет, он просто... убежал.

— Мне бы очень хотелось его увидеть, — задумчиво произнес Доремус. — Ты ему это передашь, когда снова будешь с ним разговаривать?

— Я не хочу... я вообще не хочу с ним больше разговаривать, — вскричала Пэгги и замотала головой.

— Ну, он всего лишь маленький мальчик, Пэгги. И он никому не может сделать ничего плохого. Может быть, он вовсе не хотел тебя пугать. Ему плохо, потому что он один-одинёхонек на всем белом свете.

— Совсем-совсем один?

— Да, кто бы он ни был, мне кажется, что он очень одинок.

— Вы думаете, он мертвый?

— Нет, Пэгги, я так не думаю.

Пэгги пришла по душе уверенность Доремуса.

— Мама показывала мне его фотографию, — вспомнила вдруг Пэгги, но Доремус чувствовал, что ей уже надоело говорить про Майкла. Девочка перестала плакать, и слезы в детских глазках успели подсохнуть. — А вы будете строить домик на дереве? — спросила она.

— Да, я серьезно раздумываю над этим.

— А где вы живете?

— У озера «Гармония». Слыхала про такое?

Пэгги кивнула.

— Эми и Крэг возили меня туда летом купаться.

— Значит, ты видела и мой дом. А меня зовут Доремус. До-ре-мус.

— До-ре-мус, — повторила Пэгги, тщательно выговаривая каждый слог.

— Как ты думаешь, твоя мама даст мне попить, если я ее попрошу?

— Конечно. Только ее сейчас, наверное, нет. Она ушла к...

— Ну и ладно. Тогда я сам найду стакан, если ты, конечно, поможешь мне.

— Я вам помогу,— тут же согласилась Пэгги. Она встала и поспешно юркнула в лаз.— Осторожней, когда будете спускаться,— предупредила девочка.— Я один раз упала отсюда, и мама целую неделю не пускала меня на дерево.

Очутившись на земле, они сразу же направились к заднему крыльцу.

— А вот и мама! — радостно воскликнула Пэгги и бросилась вперед к идущей навстречу Элен Коннелли. Женщина была одета в строгое платье из черной шерстяной ткани.

— Привет, воробушек.— Элен нагнулась и поцеловала девочку, а потом, взглянув на Доремуса, приветливо улыбнулась. Следователь заметил, что издали эта женщина выглядела несколько моложе. Ее шею избороздили многочисленные, еле заметные морщинки, но по-прежнему густые и прекрасные волосы отливали на солнце медным блеском. А взглянув на стройные ноги Элен, легко было предположить, что в молодости эта женщина, несомненно, слыла красавицей.

— Он хочет попить,— объявила Пэгги.

— Доброе утро, миссис Коннелли. Меня зовут Доремус Брайтлоу.

— Рада познакомиться, мистер Брайтлоу. Не хотите ли пройти в дом? Мы обычно собираемся на кухне.

После того, как Пэгги выпила стакан молока, мать увела ее наверх, чтобы девочка приняла ванну. Возвратившись, Элен обнаружила, что Доремус оживленно беседует с Крэгом, обсуждая телефонные звонки «Майкла».

— Миссис Бриттон уверяет, будто видела мальчика, очень похожего на Майкла Янга, каким она его помнит,— объявил Доремус.— И Пэгги встречала неизвестного мальчика, которого считает Майклом. Конечно, это, возможно, никак не связано с таинственными звонками. Более того, даже смерть доктора Бриттона может оказаться случайной.

— Как вы можете говорить такое? — неожиданно вскинулась Эми.— Ведь вчера этот телефонный хулиган сообщил, что Энди должен умереть, и буквально через час его нашли в амбаре, насмерть истуканного собственными пчелами.

— Ну пока что,— вступил в разговор Хэп,— у нас имеются лишь показания Эльзы, будто какой-то мальчик действительно появился перед ней. А ведь в этот момент Эльза находилась в тяжелом состоянии — на грани обморока. Как же можно верить в то, что ей, возможно, померещилось. Вполне вероятно, это мог оказаться какой-нибудь подросток,

которому вдруг взбрело в голову срезать путь к дому, вот он и поплелся на ферму.

— А я верю Эльзе,— уже спокойнее заявила Эми.— Не исключено, что это было привидение, но именно Майкла, а не кого-нибудь постороннего.

Крэг уныло покачал головой.

— Ну вот, опять призраки.

Элен протянула Доремусу небольшую фотографию.

— Мистер Брайтлоу, вам, наверное, будет интересно взглянуть на этот снимок. Это школьная фотография Майкла Янга, ее сделали за пару месяцев до его гибели.

Доремус, внимательно рассмотрев снимок, передал его Хэпу. Эми и Крэг через плечо полицейского тоже изучали фотографию.

Крэг внезапно помрачнел, а Эми, бросив на него виноватый взгляд, неуверенно улыбнулась. Она не могла простить себе, что завела этот глупый разговор о привидениях.

— Он мне чем-то напоминает среднего сына Бойеров,— пробормотал Хэп.— Только этот еще более щедедушный.

— Видите ли, в этом возрасте мальчики часто похожи друг на друга,— вмешался Крэг.— Некоторые наши ребята...— Тут он неопределенно пожал плечами.

— Скажите, а ваши мальчики из Гринлифа находятся под постоянным надзором? — поинтересовался Доремус.

— Нет, мы стараемся давать им как можно больше свободы. Но если бы тот парнишка оказался нашим подопечным, ну, тот, которого увидела Эльза, то меня поставили бы в известность. Ведь для того, чтобы добраться с фермы, ему пришлось бы отмахать миль двадцать, и тогда он непременно опоздал бы на вечернюю проверку — в восемь тридцать.

— Если, конечно, он не поймал попутную машину.

— Да, это я упустил из виду,— вежливо согласился Крэг, и Доремус улыбнулся.

Хэп встал из-за стола.

— Элен, если вы не возражаете, я пока подержу у себя эту фотографию. Мне надо будет показать ее кое-кому.

— В том числе и Эльзе? — насторожилась Эми.

— Боюсь, что да.

— Хэп...— начала было Элен, но замолчала и опустила глаза.

— Доремус, ты не хочешь проехаться со мной до фермы Бриттонов? — спросил Хэп, не рассчитывая на положительный ответ. Однако Доремус охотно принял его предложение.

Элен проводила мужчин до дверей.

— Мистер Брайтлоу,— обратилась она к Доремусу.— Спасибо вам за Пэгги. Вам так легко удалось успокоить ее. Доремус смутился.

— Ну что вы, миссис Коннелли. Пэгги — очень симпатичная девочка, и с ней совсем нетрудно разговаривать. Она мне понравилась.

В серых глазах Элен мелькнула печаль.

— Вы нам поможете? Хэп говорил, что вы раньше работали следователем.

— Все верно. Хотя сейчас я даже и не представляю, чем смог бы помочь вам.

— Майкл снова позвонит, я точно знаю...

— Если это случится,— прервал ее Хэп,— сразу же свяжитесь со мной, в любое время дня и ночи.— Он нахмурился.— Жаль, что вы сразу не сделали этого.

Они сели в машину шерифа и поехали на ферму Бриттонов.

— Эта женщина держится молодцом,— заметил Хэп.

— А как у нее продвигается торговля антиквариатом?

— Судя по всему, довольно успешно. У конкурентов, правда, чуток побойчее — у Уэлдонов и Вильгельмины Карли, но те так и норовят подсунуть настоящую рухлядь.— Хэп почесал живот и усмехнулся.— Года два или три назад я и сам подумывал о том, чтобы приударить за Элен. Однако ничего не вышло. Да и кто я такой? Простой парень из Шейдс, а вот у нее такое романтическое прошлое! — Он мельком взглянул на Доремуса.

— Надеюсь, когда-нибудь ты мне расскажешь эту историю поподробнее,— задумчиво протянул Доремус, выпуская клубы сигарного дыма и глядя в окошко автомобиля. Что-то, казалось, встревожило его. И вплоть до самой фермы Доремус не произнес больше ни слова. Когда Хэп указал на амбар, где обнаружили тело доктора Бриттона, Доремус моментально оживился.

— А можно заглянуть внутрь и походить вокруг этого сарая?

— Конечно, амбар не запирают. А я пойду переговорю со старушкой Эльзой. Только ты там поаккуратней, внутри еще до черта живых пчел.

— Скажи-ка мне вот что, Хэп. Где именно находился доктор, когда на него напали пчелы?

— В рабочем кабинете. Ты его увидишь.

Доремус кивнул и, выйдя из машины, направился к амбару. На секунду замешкавшись, он потушил сигару.

Войдя в амбар, Доремус какое-то время постоял, не двигаясь. Он внимательно изучал все вокруг, затем медленно шагнул к тому месту, где погиб доктор. Этот участок уже успели огородить колышками, обтянутыми проволокой. Амбар был залит ослепительным сиянием люминисцентных ламп, отчего все предметы казались какими-то неестественными. Доремус окинул внимательным взглядом опрокинутый баллон с инсектицидом и, достав из брючного кармана перочинный нож, присел на корточки. Рядом с баллоном валялось несколько пчелиных трупиков. Доремус осторожно подцепил один из них лезвием и, прищурившись, поднес к глазам. Затем Доремус вынул коробку сигар, снял с нее целлофановую оболочку и опустил погибшее насекомое в этот импровизированный пакетик. Сунув пакетик в карман, Доремус несколько раз прошелся вдоль колышков. Пол амбара был усеян мертвыми пчелами. Время от времени Доремус опускался на корточки и подбирал трупики лезвием ножа.

Наконец, его пакетик наполнился мертвыми пчелами. Доремус выпрямился. От частых приседаний заныли колени. Доремус направился в сторону ульев. Не колеблясь, он приподнял на одном из них крышку и осмотрел соты и пчел.

Проверив таким образом пять ульев, Доремус пошел в недостроенное здание оранжереи, служившее доктору Бриттону рабочим кабинетом. Дверь в стеклянное сооружение с плоской крышей оказалась открытой. Доремус с опаской приблизился к ней и тут же, возле стола, увидел разбитый улей. Тот лежал на полу с отломанной крышкой, а вокруг с жужжанием носились оставшиеся пчелы. В воздухе стоял резкий запах инсектицида, который постепенно проник в самые укромные уголки амбара, уничтожая всех насекомых без исключения. Убедившись в том, что дверь позади него так и осталась отворенной, Доремус шагнул в кабинет. Он осмотрительно пытался держаться подальше от рухнувшего улья. Доремус заметил, что оставшиеся в живых пчелы начали заново обживать свое разбитое пристанище.

Доремус исследовал содержимое всех баночек и пузырьков, расставленных на полках, затем на столе обнаружил краски и тряпицу, напоминавшую хирургическую повязку. Он нахмурился. Несколько минут простоял Доремус в оцепенении, раздумывая над чем-то. Затем нагнулся и на полу

заметил пузырек с пульверизатором. Видимо, тот упал со стола и закатился под нижние полки. Доремус достал его и прочитал на этикетке: «Хлороформ».

Тогда он поднес бутылочку к носу и глубоко вдохнул.

Но вместо хлороформа почувствовал совсем другой запах. Доремус остоленел от удивления. Он чуть было не приснул немного жидкости на руку, и только инстинкт удержал его от этого рокового шага. Доремус еще раз внимательно оглядел разбитый улей и, выпрямившись, поставил пузырек на стол.

— Что-то не так? — раздался вдруг за спиной голос.

Доремус обернулся. На пороге стоял Гарри Рендл.

— Вот, нашел на полу, — дружелюбно откликнулся Доремус. — А вы кто такой будете?

— Рендл. Я работаю у Бриттонов.

— Я и не слышал, как вы вошли.

Гарри кивнул в сторону открытой задней двери.

— Вы из полиции?

Доремус улыбнулся и покинул кабинет. На этот раз он решил воспользоваться задней дверью. Рендл не спеша последовал за ним. Снаружи у самого выхода почва была каменной, затем начинался спуск, и землю здесь покрывали сплошные сорняки, слегка подернутые морозцем. У дороги близ ухоженного белого забора росли могучие вязы и несколько кустов боярышника.

Доремус извлек новую сигару, прикурив, затушил спичку и сунул ее в карман.

— Скажите-ка на милость, — обратился он к Рендлу, — доктор всегда запирает заднюю дверь?

Гарри уставился прямо в глаза Доремусу.

— Понятия не имею, — наконец ответил он и пожал плечами. — Вообще-то я редко сюда заглядываю.

— То есть сами вы не изволите заниматься пчелами?

— Да мне наплевать на них. А вы пашете на шерифа, насколько я понимаю?

— В каком-то смысле. Вчера днем вы случайно не видели доктора перед тем, как он погиб?

Гарри кивнул.

— Да, мы выгружали сено. Закончили, когда уже стемнело. Потом я откатил грузовик к Клейпулу. Наверное, пчелы напали на него как раз после того, как я уехал.

Доремус задумался.

— А не заметили вы что-нибудь из ряда вон выходящее, пока находились в амбаре?

— В смысле, насчет пчел? Несколько штук там летало. Но доктор всегда говорил, что это в порядке вещей. А еще он говорил, что они никогда не нападают целым роем, если их... не разозлить. Наверное, он каким-то образом и разозлил их. Ну, мне-то здесь, в общем, нужно было забрать грабли, так что я лучше пойду.— И он повернулся к амбару.

— Пожалуйста, не трогайте ничего внутри, если это возможно.

— А я и не собирался. Может, лучше запереть дверь на замок?

— Неплохая идея.— Доремус обогнул амбар и зашагал к машине Хэпа. Шериф уже вернулся из дома и теперь по радию передавал что-то в участок.

— Ну, выяснил что-нибудь насчет пчел? — окликнул он Доремуса, укладывая на место радиомикрофон.

— Нет.— Доремус достал из кармана самодельный целлофановый пакетик и показал его Хэпу.— Вот, я тут парочку одолжил, если, конечно, не возражаешь.

Хэп поморщился от отвращения.

— Да забирай хоть всех. В любом случае Эльза намеревается съечь их.

— Правда? Очень жаль. Ведь у доктора был только один улей с немецкими пчелами. Похоже, именно они и напали на него. По-моему, это американские пчелы немецкой породы, а не привезенные. А еще у него неплохие итальянские колонии да два улья кавказских пчел. Самые злые пчелы — кипрские, но они желтой окраски, и к тому же я не нашел среди мертвых насекомых желтых пчел.

Шериф улыбнулся. Восхищению его, казалось, не было границ:

— Так ты, оказывается, еще и специалист по пчелам?

— Упаси Бог! Просто мой дядюшка Суэн разводит пчел на своей ферме в Висконсине. Однако я уже основательно подзабыл все, чему он меня когда-то учил. Я собираюсь позвонить ему.

— Так ты обнаружил что-нибудь стоящее? — с надеждой в голосе спросил Хэп.

— Точно не уверен. Но есть тут одна загвоздка, которая не дает мне покоя. Что могло заставить насекомое внезапно напасть на опытного пчеловода? Ведь тот всего в нескольких футах находился от двери, а значит, и от спасительного свежего воздуха. Выходит, они еще в кабинете начали жалить его. И получил он никак не меньше ста ранений.

— Даже вскрытие не могло точно определить этого. А что здесь необычного?

— Черт возьми, все необычно.— Доремус засунул пакетик в карман штормовки и глубоко затаился, рассеянно глядя в безоблачное небо. Хэп нервно покусывал ноготь большого пальца.

— Но ведь это просто несчастный случай, Доремус, да?

— Думаю, доктор был достаточно опытен, чтобы избежать опасности, открывая улей с немецкими пчелами. Может, его преследовал злой рок или что-то в этом роде. Как часто он заходил сюда, Хэп? Два-три раза в неделю?

— Гораздо чаще. Наверное, каждый день.

— А вот если бы мне непременно понадобилось найти доктора, смог бы я встретить его именно в этом амбаре, скажем, во второй половине дня?

Хэп кивнул.

— Тебе что-то известно, Доремус?

— Ты не в курсе, встречался ли Бриттон перед смертью с кем-нибудь, не считая Гарри Рендла?

— Я переговорил со всеми, кто находился тогда поблизости. Гарри единственный, кто не боится пчел: все остальные работники стараются держаться подальше от ульев. Ну, хорошо, а что из того, если там находился еще кто-то?

Вместо ответа Доремус спросил:

— Ты показывал фотографию миссис Бриттон?

— Да. И она готова поклясться на Библии, что видела именно Майкла Янга. Она утверждает, будто к тому времени поднялся туман, но она все равно отчетливо видела мальчика, словно днем. Представляешь? — Хэп часто заморгал. Глаза его покраснели от усталости и напряжения.— Ну, и что ты теперь думаешь?

— Я не исключаю, что призрак находился внутри амбара в тот момент, когда пчелы атаковали доктора,— отозвался Доремус. Лицо его посерьезнело.

— Я бы...— начал Хэп, но тут же замолчал и мрачно добавил: — Так ты, выходит, еще и в призраках разбираешься, Доремус?

— Нет. Но у меня есть тетушка в Индиане, которая занимается спиритизмом и весьма преуспевает в этом деле. Может быть, я ей тоже позвоню.

— Черт побери, Доремус...

Хэп оторопел. Он ошарашенно уставился на приятеля. Доремус спокойно и уверенно выдержал взгляд Хэпа.

— А если это не призрак, то остается предположить, что тут не обошлось без юного маньяка лет эдак девяти-десяти отроду. Так вот от этой мысли у меня кровь стынет в жилах. Кто-то ведь растревожил пчел, Хэп. Я пока не могу понять, почему произошла трагедия, но если хочешь, я это выясню.

— Значит, его все-таки убили?

— В этом-то и вся загвоздка. Похоже, здорово придется покормить, доказывая, что произошло именно убийство.

— Проклятье! — с отчаяньем в голосе выпалил шериф. — Что же теперь?

— Ну, до начала оленьего сезона еще уйма времени, Хэп. В любом случае ты пока не больно-то перетрудился.

Глава шестая

Доремус владел несколькими акрами леса и небольшим деревянным домиком, который словно прорастал из гигантской известковой скалы. Окнами домик выходил на разлившуюся реку Компетишен. Река эта отличалась строптивым нравом, но именно здесь, на протяжении полумили, она вела себя на удивление спокойно. Глубина ее чуточку подкачала, чтобы реку можно было по праву назвать озером. Однако ее восхитительные темно-изумрудные воды так успокаивающе действовали на жителей, что с незапамятных времен этот райский уголок так и окрестили «озеро Гармония». Неподалеку от пристанища Доремуса ревел водопад, срывающийся со скалы бурным потоком. Но сырость ни в коей мере не угрожала сейчас домику: сквозь по-осеннему редкую медно-рыжую листву солнце свободно проникало и согревало крышу, охраняя жилище от плесени.

Когда Доремус приобрел домик, тот находился в весьма плачевном состоянии. Новоиспеченный хозяин был вынужден срочно овладеть профессией кровельщика, а для человека, ни разу в жизни не державшего в руках молоток, это явилось настоящим подвигом. Со временем Доремус настолько овладел плотницким мастерством, что в одиночку выстроил себе небольшой флигель, а затем переоборудовал и веранду.

Возвратившись с фермы Бриттонов, Доремус провел остаток дня на коленях, в поте лица приколачивая доски к ступеням своего новехонького крыльца. За этим кропотливым трудом следили трое местных ребяташек, усевшихся, подобно любопытным птичкам, на ближайшую изгородь. Время от

времени Тим, Мэйси или Сет прыгивали с доморощенного наместа и подавали своему кумиру то гвозди, то инструменты. При этом они умудрялись сидеть молчком, словно воды в рот набравши, ничем не досаждая Доремусу.

В доме зазвонил телефон. Это был уже десятый звонок за сегодняшний день.

Мэйси резко обернулась, когда Тим с нескрываемым злорадством громко крикнул:

— Спорим, это твоя мама!

— Не моя!

— Эй, помощнички, кто-нибудь, поднимите же трубку,— не повышая голоса, попросил Доремус.

Сет, самый старший, смерив Мэйси презрительно-высокомерным взглядом, процедил сквозь зубы:

— Теперь она, наверное, подумала, что ты свалилась в озеро.

— Я уже в прошлый раз снимал трубку,— проворчал Тим.

Доремус взял очередной гвоздь и безукоризненно вогнал его в доску.

— Я жду важного звонка из другого города,— крикнул он.

Все трое притихли и сделали вид, что это их не касается. Каждый боялся, что звонит именно его мать, и она тут же заставит свое чадо вернуться домой. А вот уж этого-то не хотелось никому.

— Ну, ладно,— вздохнул, наконец, Доремус, поднимаясь с колен.

Однако и на этот раз звонил не дядя Суэн из Висконсина. В трубке раздался голос Элен Коннелли:

— Мистер Брайтлоу, мне так неловко беспокоить вас... Видите ли, дело в том, что... вы сегодня так мило поговорили с Пэгги, что я подумала...— Женщина замолчала, а потом неожиданно выпалила: — Она не у вас?

— Нет, миссис Коннелли, с тех пор, как я от вас уехал, мы не виделись. А разве девочка не дома?

— В том-то и дело, что нет. Сегодня днем я отвезла Пэгги и еще нескольких соседских ребятишек в церковь. У них там проходят репетиции к празднику города. В общем, сначала все торжества хотели отменить из-за происшедшей трагедии, но потом Эльза узнала об этом и воспротивилась. Энди не допустил бы, будь он жив, срыва праздника. Ну вот, я оставила детей в церкви, а сама помчалась к Эльзе.

Сначала я намеревалась остаться у нее на часок, не больше, но когда я ее увидела, то поняла, что Эльзу нельзя сейчас надолго оставлять одну. И поэтому я вернулась домой только что, а Пэгги здесь нет. Моя соседка обещала привезти ее обратно, но в церкви было столько детей — буквально сотни, и они могли растеряться...

— А не соорудила ли Пэгги еще где-нибудь укромный уголок, где любит прятаться?

— Я вас не поняла.

— Ну, кроме домика на дереве.

— А, теперь понимаю. Нет, только этот домик. Я уже обзвонила всех, с кем она дружит, но Пэгги ни к кому сегодня не заглядывала. Потом я соединилась с церковью, и преподобный Бартлет вспомнил, что видел ее с Мэйси Дункан, вот поэтому-то я и решила позвонить сразу же вам. — Элен неуверенно засмеялась, но в голосе ее продолжала звучать тревога. — Пэгги — послушная девочка, и никогда без разрешения надолго не отлучается...

— Подождите, давайте спросим у Мэйси, — предложил Доремус и подозвал девочку. — Ты сегодня разговаривала с Пэгги Коннелли? — спросил он.

Мэйси кивнула.

— Да, в церкви.

— А потом Пэгги вместе с тобой поехала домой?

— Нет.

— Ты с мамой приехала домой?

— Нет.

— А с кем же?

— Я забыла.

— Постарайся вспомнить, пожалуйста.

Нахмурив лобик, Мэйси закатила глаза, пытаясь сосредоточиться.

— Вместе с миссис Каммингс.

— Может быть, Пэгги тебе рассказывала, куда она собиралась сегодня пойти?

Но Мэйси отрицательно покачала головой.

— Ну, хорошо, — сдался Доремус. — Там в морозилке найдешь газировку. Достань пару бутылочек и угости мальчиков, ладно? — Он пересказал в трубку те нехитрые новости, которые узнал от Мэйси.

— Что ж, придется садиться в машину и ехать на поиски, — не на шутку встревожилась Элен. — Еще раз извините за то, что...

— Простите, миссис Коннелли... Что ты сказала, Мэйси?

Белокурая девчушка поднялась на цыпочки, пытаясь дотянуться до морозилки.

— Она говорила, что хочет поискать Майкла.

— Что-что? Почему же ты мне раньше об этом не сказала?

Мэйси неопределенно пожала плечами и принялась извлекать из холодильника бутылку за бутылкой.

Доремус взглянул на часы. Пять минут пятого. Он прикрыл ладонью трубку и обратился к Мэйси:

— А как фамилия этого Майкла?

— Ну-у... Я не знаю.

— Открывалка вон там, на буфете, Мэйси.

Доремус с некоторым сомнением окинул взглядом трубку, которую держал в руке, а потом возобновил разговор:

— Мэйси вспомнила, что Пэгги говорила ей, будто собирается искать Майкла.

После короткого молчания Элен в ужасе выдохнула:

— Господи Боже мой!

— Миссис Коннелли, я хотел бы помочь вам разыскать Пэгги, если, конечно, вы не против. Может быть, у вас появились какие-нибудь предположения, где может сейчас находиться девочка?

— Понятия не имею. Может быть, позвонить шерифу?

Доремус почувствовал, что женщина вот-вот запаникует, и поспешил ее успокоить: — Ну что вы, пока в этом нет никакой надобности. — Он взглянул на Мэйси, безуспешно пытавшуюся откупорить бутылки с лимонадом. — Видите ли, у меня тут сейчас соседские ребятишки, и я минут через десять отправлю их по домам. А вы пока что выезжайте в направлении моего дома...

— Уже еду, спасибо вам, — согласилась Элен.

— Хорошо. Мой дом находится в самом конце Компетишен-роуд.

Когда Элен Коннелли добралась до жилища Доремуса, солнце уже опускалось за лес, а сам Доремус ждал ее, прислонившись к темной веранде.

Отъехав от дома, Элен опять засомневалась:

— Я не понимаю, что заставило Пэг уйти куда-то без разрешения. Не больно-то она любит приключения. Наверное, Пэг все еще взбудоражена Май... то есть тем мальчиком. Я, как могла, пыталась убедить ее в том, что Майкл Янг умер много лет назад, но она заупрямилась. Пэгги считает, что разговаривала по телефону именно с Майклом, и для нее он существует реально, как любой другой мальчиш-

ка.— Элен натянуто улыбнулась.— Впрочем, и для меня он тоже, кажется, начал существовать.

— А где находится эта церковь, миссис Коннелли? Это ведь недалеко от деревни, да?

— Да, возле Пайн-роуд.

— А были у Пэгги какие-нибудь деньги?

— Ну, может, центов двадцать оставалось в кошельке, не больше.

— Скорее всего она добралась до центра, хорошенько гульнула там на свои двадцать центов, а теперь плутает где-то и не может найти дорогу домой.

Элен хваталась за любое мало-мальски логичное объяснение, как за спасительную соломинку.

— Наверное, я начинаю терять материнский инстинкт,— с грустью в голосе подытожила она.— Мне почему-то кажется, что Пэгги сидит сейчас в своем любимом кафе у Хаффейкера и без умолку болтает с Чарли. Чарли — ее последнее увлечение. Ему пятнадцать лет, и он недавно научил Пэгги плавать.— Элен затормозила у дорожного знака «стоп». Небо на востоке начинало темнеть — собирались грозовые тучи.— Наверное, я напрасно отняла у вас столько времени, мистер Брайтлоу. Похоже, вам нет смысла ехать со мной в город, у вас же столько дел...

— Смысл есть во всем. И, если можно... называйте меня просто Доремус.

— Только если вы перестанете обращаться ко мне «миссис Коннелли».

Доремус улыбнулся, и Элен сделала для себя маленькое открытие. Раньше ей казалось, что Доремус не обращает на нее внимания, потому что дел у него просто невпроворот; но теперь женщина вдруг поняла: причиной этому — скромность Доремуса. Даже скорее какая-то робость. «Весьма необычная черта для полицейского, вернее, бывшего полицейского», — отметила про себя Элен. Да и назвать Доремуса «мужчиной в годах», то есть в том возрасте, когда пора и в отставку, просто язык не поворачивался. Наверное, Брайтлоу не поладил с кем-нибудь, а может, на работе не слишком преуспевал. Хотя нет, ведь Хэп Уошбрук буквально благоговел перед ним, а уж Хэп обычно вообще ни с кем не считался.

— Как я успела заметить, вы много чего знаете о детях и неплохо разбираетесь в их поведении, Доремус. У вас есть дети?

— Нет. Зато у моей сестры их целый выводок. Поэтому мы с Марианной частенько брали их как бы напрокат.

— Вы женаты?

— Я был женат. Вы не против, если я закурю?

Элен не возражала. Прикурив, Доремус как по мановению волшебной палочки сбросил с себя застенчивость и как будто оттаял изнутри. Они заговорили, как старые добрые друзья, словно общались вот так — по-домашнему — уже целую вечность. Солнце клонилось к западу, заливая все вокруг спелым золотистым светом. Сгущавшиеся впереди тучи напоминали огромные синие горы, перед которыми холмы округа Шейдс казались настоящими карликами.

Элен остановила машину возле закусочной Хаффейкера и зашла внутрь, но очень скоро вернулась, покачивая головой.

— Чарли ее сегодня не видел. Надо подумать... Магазин сувениров уже закрыт, но я знаю еще пару местечек, куда Пэгги любит наведываться.

Вдоль заброшенных железнодорожных путей они направились в сторону южной окраины, где располагалась еще одна уютная забегаловка, что-то вроде молочного бара. Но Пэгги не оказалось и там — это сразу же стало ясно, и им даже не пришлось выходить из машины. Оставалась еще хлебопекарня Койла. Пэгги обожала наблюдать, как плавно проплывают по ленте конвейера румяные и пышные жаром батоны. Но и на хлебопекарне сообщили, что сегодня девочка здесь не появлялась.

— Надо позвонить домой, — растерянно пробормотала Элен.

Трубку взяла Бренда, которая сообщила, что Пэгги «носу не показывала, да и не звонила».

Когда Элен, вконец расстроенная, вернулась к машине, небо уже сплошь заволокли тучи, а Доремус раскуривал вторую сигару. Какое-то время Элен молча сидела, положив руки на руль, а потом срывающимся голосом заговорила:

— Меня начинает пугать все это. Ведь уже шестой час.

— Может, она заболталась с какой-нибудь подружкой? — спокойно возразил Доремус. — Ужин не за горами, вот тогда-то Пэгги и вспомнит, что пора возвращаться. Отправляйтесь-ка домой, потому что Пэгги может позвонить в любую минуту, а я выскочу у депо, там сяду на шестичасовой автобус, а уж он-то останавливается в двух шагах от моей усадьбы.

— Нет, так не пойдет,— отсутствующим голосом произнесла Элен, все еще поглядывая на освещенную телефонную будку, откуда она только что звонила. Под ослепительным сиянием люминисцентных ламп, заливающих стоянку, кожа Элен выглядела неестественно белой, а верхняя губа, чуть приподнявшись, так и застыла. Элен нервно вздохнула и внезапно призналась: — Чего я начинаю бояться... Она ведь хотела отыскать Майкла. А вместо этого он сам нашел ее Опять. Но на этот раз он никуда не убежал.

Доремус резко повернул голову в ее сторону.

— Ну-ка, расскажите мне подробнее.

— Когда я показала Пэгги фотографию Майкла Янга — ту же самую, что и шерифу,— дочка сказала: «Ну да, я его видела». А потом я заинтересовалась, где именно...— Элен замолчала и широко раскрыла глаза.— Я знаю, где она! Пэгги говорила тогда, будто две или три недели назад видела мальчика, похожего на Майкла Янга, на школьной спортивной площадке. Значит, она будет искать его именно там.

Школьные корпуса, где училась Пэгги, расположились у подножия горы Контебль, как раз в полумиле от того места, где они сейчас находились. Школа состояла из четырех корпусов. Возле каждого здания имелась асфальтированная стоянка, а между корпусами и за ними — несколько спортивных площадок. И фасад школы и все стоянки прекрасно освещались. Элен с Доремусом объехали все четыре корпуса, но Пэгги нигде не заметили. Элен притормозила у кафетерия. Доремус вышел из машины и обвел взглядом спортивные площадки, за которыми возвышались поросшие лесом хребты.

— По-моему, там кто-то есть,— заявил он.— Посигнальте.

Элен дала длинный гудок, опустила стекло и позвала девочку.

В ту же секунду из темноты выскользнула Пэгги. Она задышалась от быстрого бега, лицо ее покраснелось. Увидев дочь, Элен одновременно и рассердилась, и обрадовалась.

— Я ищу тебя везде,— взорвалась она, выплескивая скопившееся напряжение.— Мы всю округу объездили.

Пэгги удивленно посмотрела сначала на Доремуса, потом на мать, но ничего не сказала.

— Ладно, садись в машину,— приказала Элен.

— Извини, что заставила тебя волноваться.

— И очень сильно.

— Я хотела повидаться с Майклом,— тихо пробормотала Пэгги.

— Пэгги...— строгим голосом начала было Элен, но Доремус перебил ее:

— И ты его видела?

Пэгги оценивающим взглядом окинула Доремуса и тут же безошибочно смекнула, что обретает в его лице союзника.

— Нет. Он живет в лесу. Но сегодня он не приходил. Я хотела сказать ему...— Тут Пэгги еще сильнее покраснела, и уголки рта у нее опустились.— Я хотела сказать, чтобы он оставил нас в покое. И чтобы больше... никому ничего плохого не делал.

Девочка опустила глаза и виновато уставилась в землю.

— Воробушек,— ласково заговорила Элен,— пожалуй-ста, садись в машину.

— Я не хочу... если ты будешь продолжать на меня злиться.

— Я уже не злюсь. Давай побыстрее все забудем. И про Майкла тоже.

Пэгги изо всех сил сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Я звонила Бренде, и она сказала, что на ужин сегодня цыпленок с клецками. Может быть, ты пригласишь Доремуса, и он согласится поехать к нам в гости?

В предвкушении такого прекрасного вечера Пэгги позабыла обо всех своих невзгодах и смахнула подступившие слезы:

— Вы хотите с нами поужинать? — с трепетом обратилась она к Доремусу.

— Есть только одна вещь, которая мне нравится больше, чем цыпленок с клецками,— отозвался Доремус.

— И что же это?

Доремус вынул изо рта сигару, задумчиво уставился на обгоревший ее кончик и, пожав плечами, покачал головой:

— Забыл.

Пэгги расплылась в улыбке, и все втроем уселись в машину, причем девочка устроилась посередине. Она все пыталась поймать какую-нибудь музыкальную передачу. Наконец, из радиоприемника зазвучали песенки в стиле «кантри», и Пэгги, довольная и счастливая, откинулась на спинку сиденья.

По дороге Доремус спросил Элен:

— А что находится по другую сторону хребта? Помо-
ему, дорога ведет в школу Гринлиф, если не ошибаюсь.

— Точно. От хребта до школы мили две, не больше.

— Ну, это плевое дело для десятилетнего мальчика, особенно если у него развита склонность к путешествиям,— пробормотал себе под нос Доремус, но Пэгги была увлечена музыкой. Не услышала его и Элен.

После ужина Пэгги демонстрировала Доремусу свои самые-пресамые любимые антикварные безделушки. Элен тем временем убирала со стола посуду. «Самых-пресамых» уже давно перевалило за сотню, однако девочка тарахтела без умолку, совсем как ее мать, а Доремус внимал ей с неослабевающим интересом. Элен почувствовала легкие угрызения совести: она не могла с уверенностью поручиться, нравится ли Доремусу вся эта болтовня про «красивые штучки». При других обстоятельствах Элен давным-давно отослала бы Пэгги куда-нибудь, чтобы дать Доремусу возможность нормально расслабиться. Но теперь, глядя на их возбужденные лица, Элен понимала, что если она разлучит сейчас Пэгги с Доремусом, то тем самым расстроит не только дочку, но и самого Доремуса. Элен не терпелось поговорить с ним об этом «таинственном Майкле», однако она все-таки решила не торопить события.

На улице, наконец, пошел дождь. И хотя черные, сгустившиеся тучи и предвещали грозу, дождь этот робко накрапывал за окнами.

Составив грязные тарелки в посудомоечный автомат, Элен наскоро выпила еще одну чашку кофе и отправилась на поиски Доремуса. Тот оказался в гостиной. Доремус устроился на мизиниатурной скамеечке. Ее сиденье было обтянуто тканью из плетеного конского волоса. С ног до головы окутанный клубами сизоватого дыма, Доремус попыхивал сигарой и внимательно слушал подробнейшую лекцию Пэгги о назначении старинных серебряных плошек.

— Пока ты все это будешь расставлять на свои места, Доремус успеет позвонить своему дяде. Это очень важно.

— Ну, тогда я начинаю,— весело откликнулась девочка.

— Телефон у нас в холле,— объяснила Элен Доремусу, поднявшемуся со скамеечки,— но провод длиннющий, и я могу перетаскать телефон в свой кабинет. Это совсем не трудно...

— Ну что вы, в этом нет никакой необходимости. Я хотел звякнуть дядюшке Суэн и задать ему всего несколько вопросов относительно пчел.

— Да? — протянула Элен. — Насчет пчел?

Она собралась было помочь Пэгги расставить антиквариат на полках и уже переступила порог гостиной, но Доремус жестом остановил ее. С телефоном в руках он опустился на ступеньки лестницы и, тщательно уравновесив на носке ботинка сигару, так, чтобы та не соскользнула, соединился с Висконсином.

— Дядюшка Суэн? Это Доремус... Да-да, Доремус... Нет, я не в Чикаго, я у себя в... Да, все они здоровы, насколько мне известно, все семеро... А вы и не слышали? Нет, их уже семь. Я уверен, вам посылали открытку. Карл этим летом свалился с дерева и сломал руку... Нет, то случилось прошлым летом, а в этот раз — руку... Нет-нет, слава Богу, не правую. Дядюшка Суэн, я вот по какому поводу вам звоню. Вчера в нашем округе пчелы до смерти зажали одного человека, и... немецкие пчелы, дядюшка... Да, именно такие, как вы говорите... Нет, он знал, чем занимается, он разводил пчел уже несколько лет подряд. Все это произошло в амбаре, он опрыскал пчел какой-то дрянью, которую принял за хлороформ. Он собирался проделать с ними какие-то опыты. Но только это оказался не хлороформ, как я полагаю. Совсем другой запах. Как у спелых бананов.

Доремус поднял с ботинка сигару и сунул ее в рот, приготовившись слушать. Он ни разу не перебил своего дядю, и Элен решила было, что прошла целая вечность. За все это время лицо его несколько раз менялось. В конце концов он нахмурился, сразу посерьезнев. Элен вдруг показалось, что перед ней совсем другой человек. Дождь барабанил по крыше. Женщину внезапно охватил ужас.

— Хорошо, дядюшка Суэн, спасибо вам за информацию. И вот еще что: какой эффект может произвести призрак на улей, полный пчел? — Доремус усмехнулся и отставил от уха трубку так, чтобы и Элен смогла услышать безудержный хохот дядюшки Суэна из Висконсина.

Когда дядюшка успокоился, Доремус снова заговорил:

— Только стаканчик черносмородинового винца после ужина, дядюшка Суэн. Еще раз спасибо за информацию. Я сразу же дам вам знать, буквально в ближайшие дни... Нет, я все еще в отставке. Просто любопытствую по поводу одного дела, которое, как мне кажется, связано с убийством.

Он повесил трубку, все еще улыбаясь, но когда увидел посеревшее лицо Элен, то опустил глаза, почувствовав, что слишком далеко зашел в своей откровенности.

— Как могло случиться, что Энди убили? — тихонько спросила Элен, оглянувшись по сторонам. Она опасалась, что Пэгги может оказаться где-нибудь поблизости.

— Я в этом не уверен, — тут же пошел на попятную Доремус. — Но теперь я точно знаю, отчего все это произошло. Энди считал, будто усыпляет пчел хлороформом, и смело опрыскал целый улей, а вещество оказалось далеко не снотворным: это была эссенция пчелиного яда. Одного его запаха достаточно, чтобы пчелы взбесились до состояния массового самоубийства. Вы знаете, что пчела может ужалить только один раз, и после этого она погибает. Так вот, пчелы как будто знают это и готовы смириться со многими неприятностями, лишь бы не жалить. С другой стороны, даже самые миролюбивые пчелы жалят иногда по неизвестным причинам. Но, как объяснил мой дядюшка Суэн, все пчелы одинаково яростно реагируют на запах яда. Два раза ему приходилось сжигать перчатки — знаете, такие, до локтя, специально для пасечников, потому что они пропитались ядом, а лезть в таких перчатках в улей очень опасно — можно вызвать нападение пчелиного роя.

— Наверное, Энди просто ошибся и открыл не тот пузырек, — с грустью заметила Элен.

— В принципе это возможно. На пузырьке была этикетка «Хлороформ», а на полках стояло много бутылочек из такого же стекла и с наклейками, и без них. В какой-то наверняка должен находиться хлороформ. Я выясню это утром. — Доремус взглянул на сигару, поморщился и, решив, что уже вволю накурился, потушил ее в пепельнице. — Простите, что я сказал «убийство», это опрометчиво с моей стороны. Но только попытайтесь предположить, будто кто-то хорошо знал доктора, а заодно и его привычку днем заниматься пчелами. Этот «кто-то», пронюхав кое-какие особенности пчелиной жизни, поменял этикетки на пузырьках. Ведь, по сути, подобная выходка — то же самое, что приставить к виску доктора обреза. Только такое убийство гораздо более безопасно. Конечно, возможен и другой вариант: кто-то из его рабочих заглянул в амбар по какой-нибудь надобности, испугался пчел и, запаниковав, сбил с полки несколько баночек, а потом перепутал этикетки и наклеил их не туда, куда следовало. Надо бы отправить эти пузырьочки химику или фармацевту и тщательно исследовать содержа-

щиеся в них жидкости, а также то, насколько соответствуют им этикетки. По-моему, Хэп может это устроить.

— А что, если только на бутылочке с ядом оказалась неверная этикетка?

— Тогда я буду склонен считать, что ее наклеили умышленно.

Элен оглянулась, заметила рядом стул и тяжело опустилась на него, сложив на коленях руки.

— Но... но кто? И зачем? Энди Бриттон был... я не могу представить себе, чтобы хоть кто-то мог желать ему смерти, причем такой страшной.

— Ну, мотивы могут оказаться самые банальные. Например, давняя злоба или зависть. Сколько лет было доктору? Примерно шестьдесят пять? Да, наверное, женщины здесь уже ни при чем.— При этих словах Элен обиженно нахмурилась.— Хотя кто знает? — Доремус поставил телефон на маленький столик, встал и подошел к стеклянной двери, глядя сквозь нее на освещенную улицу, блестящую от дождя, словно ее натерли воском.— Я бы ограничился банальными мотивами, но ведь остается еще и Майкл. Кто он такой, и что ему известно? А что нам известно о нем? Как говорит ваш племянник Крэг, этот мальчик весьма изобретателен, с безудержной фантазией и склонностью причинять зло. А еще он умеет внезапно появляться и как раз в нужный момент — поэтому я начинаю верить, что миссис Бриттон видела именно его, когда вытаскивала из амбара тело своего мужа.— Доремус задумался, взвешивая в уме это предположение.— А может, мы имеем дело не с одним, а сразу с тремя разными мальчиками, которые внешне похожи друг на друга. Ну, имеется, конечно, еще один вариант: тут не обошлось без сверхъестественных сил, как считает мисс Лоулор. Но это противоречит здравому смыслу и сводит на нет все логические изыскания следователя.

Доремус повернулся к Элен, и взгляд его несколько смягчился.

— Расскажите мне о Майкле Янге,— попросил он.— Сколько времени прошло до того, как отыскиали его тело?

— А тела, собственно... и не было. Нашли только его одежду и кости. Прошло, как мне помнится, месяцев семь, прежде чем все это обнаружили в лощине, где он и замерз. Какие-то люди отправились туда собирать ягоды, ну и...

— А как он был опознан? По стоматологической карте?

— Нет. Я узнала клетчатое пальто, в котором он убежал в ту ночь. И этого... оказалось достаточно.

— Сейчас ему было бы двадцать шесть лет, верно?

— Да,— подтвердила Элен.

— Если бы он остался жив,— отчеканил Доремус, и от этих слов Элен даже чуть приподнялась на стуле,— если бы Майкл Янг остался жив после всего, что случилось, тогда мы нашли бы ответы на многие наши вопросы. Но такая возможность исключается, потому что она тоже противоречит здравому смыслу и... — Тут он встретил взгляд Элен и запнулся на полуслове, заметив, как близко к сердцу воспринимает она все сказанное.— Простите, у меня ужасная привычка рассуждать вслух. Ох ты! Уже половина девятого. Вы, наверное, мечтаете от меня избавиться.

Элен протестующе замахала руками, однако в действительности головная боль исподволь начинала одолевать ее, к тому же Элен сильно расстроилась. Не оттого, что Доремус ей не понравился, нет. Разумеется, он представлял собой личность несколько странную, но при этом человек он был симпатичный и занимательный. Просто Элен здорово задела манера Доремуса обсуждать смерть Энди, как будто все это происходило не в жизни, а на киноэкране. Доремус словно забавлялся, выдвигая все новые и новые версии. Неужели он забыл, что Энди был ее близким другом, и она до сих пор мучительно переживает его смерть. Оставшись одна, Элен часто плакала, вспоминая Энди. Однако на людях, и особенно в присутствии Пэгги, она неизменно брала себя в руки.

Элен почувствовала необходимость остаться сейчас в одиночестве. И хотя — приличия ради — она и предложила Доремусу побыть у нее еще немного, тот прекрасно понял ее состояние. Им даже ничего не надо было объяснять друг другу. Элен предложила Доремусу отвезти его домой, а Пэгги сбегала наверх и принесла плащи себе и матери.

Доремус вглядывался в ливневые потоки за окном машины, погруженный в глубокие раздумья, то и дело окутывая себя сизыми клубами сигарного дыма.

Элен же с огорчением размышляла о том, что предстоит нудная обратная дорога. И еще о том, как печально закончился этот чудесный поначалу вечер.

Глава седьмая

По дороге домой Элен заметила, что дождь ослабел, а затем и вовсе прекратился. Пэгги, приклонив на сиденье рядом с матерью, уже мирно посапывала. Воздух остыл и повлажнел. Сквозь рваные тучи пробивалась луна. Внезапно Элен заметила, что впереди на дороге, в низине, разлился ручей. Машина с ходу влетела в него и буквально поплыла.

Вода захлестнула лобовое стекло. Не растерявшись, Элен резко сбавила скорость и ехала так до тех пор, пока они не выбрались из низины. «Слава Богу»,—мысленно перекрестилась Элен. Они только что избежали серьезной опасности; их могло занести чуть в сторону, и тогда они, попав в самое глубокое место, просто пошли бы ко дну.

Дорога круто пошла вверх. Элен притормозила и решила перевести дух, чтобы прийти в себя после всего пережитого. И пока она так сидела, тяжело дыша и унимая дрожь в коленях, фары внезапно погасли. Мотор заглох.

Элен взглянула на Пэгги. Та сладко дремала, даже не проснувшись в тот момент, когда они въехали в разлившийся ручей. Девочка подложила под щеку ладошку и блаженно улыбалась во сне. Она так вымоталась за сегодняшний день, что было немудрено отключиться прямо в машине. Элен вздохнула и попыталась завести мотор. Как ей хотелось очутиться сейчас вместе с дочкой дома!

После четвертой попытки Элен окончательно потеряла надежду завести машину. Погасла даже приборная доска. Элен ровным счетом ничего не смыслила в устройстве автомобиля, однако понимала, что без электричества машина просто не сдвинется с места. Очевидно, какие-то провода намокли, когда их занесло в растресканный водный поток. И никуда они с Пэгги отсюда не уедут на этом умершем фургоне. Оставалось одно: ждать попутную машину.

А пока что они находились в остывающем фургоне, одни посреди пустынной дороги, окруженные кромешной тьмой. Внезапно луна пробилась сквозь облака и осветила все вокруг. Но что могло дать сейчас это вынужденное любованье местными красотами! Элен было не до них. Она прекрасно осознавала, что в этот поздний час вряд ли кто поедет такой дорогой. Через какое-то время Элен вдруг заволновалась: а если-таки подобное случится, не врежется ли попутная машина в ее автомобиль, ведь темень такая, что просто глаз выколи. Кстати, Хэп наверняка должен

знать, что ручей разлился. Он, несомненно, выйдет за ними машину. Элен всячески пыталась осадить свое разбушевавшееся воображение.

Тихонько — чтобы не разбудить Пэгги — она открыла дверцу и выбралась из фургона. Впереди, в нескольких футах от машины Элен заметила столб с тремя почтовыми ящиками и гравиевую дорожку, убегающую наверх, в горы. Вокруг стояла гробовая тишина, и было слышно, как срываются с листьев дождевые капли.

«Итак, три дома на вершине холма», — рассуждала про себя Элен. Один из них сгорел еще шестнадцать лет назад и теперь пустовал. На полпути к нему стоял другой особнячок, принадлежавший семье Кутнер. До него было рукой подать — около двухсот ярдов, но Элен не помнила, обитали в нем хозяева круглый год или же домик являлся летней постройкой. Однако, даже если там никого нет, Элен может проникнуть в дом и по крайней мере воспользоваться телефоном. В противном случае женщине оставалось будить Пэгги и брести в темноте по пустынной дороге добрую милю до того места, где дорога пересекала шоссе.

Элен обернулась и сквозь автомобильное окно посмотрела на спящую дочку. Подумав немного, Элен решила запереть дверцы. Звук ее шагов казался неестественно звонким. Элен обошла машину спереди и повернула ключ в дверце автомобиля. Ей не хотелось оставлять девочку одну, пусть даже на каких-нибудь десять минут, но потом, взвесив все «за» и «против», Элен успокоилась. Машина припаркована, худо-бедно, на обочине, и с этой стороны вряд ли может исходить опасность.

Заперев дверцы Элен побрела по скользкой размытой дороге с глубокими рытвинами и ухабами. Луна освещала ей путь. Слева лес был окутан искрящимся таинственным туманом, и при иных обстоятельствах Элен наверняка остановилась бы, чтобы полюбоваться этим великолепным зрелищем. Направо же лес высился темной и непроходимой стеной, от которой — как внезапно показалось Элен — отражалось ее собственное тяжелое дыхание.

Женщина замедлила шаг, вглядываясь в даль. Она надеялась увидеть огонек в доме Кутнеров. Светящееся окошко помогло бы ей сориентироваться в окружающей темноте. Но дом, похоже, пустовал.

Внезапно Элен разглядела еле заметное свечение на вершине холма, как раз в том месте, где по ее подсчетам, никто не должен был жить.

Элен, как бабочка, устремилась на свет этого крохотного маячка, который то манил ее, то прятался в листьях растущих на вершине холма деревьев. Женщину словно околдовал этот волшебный огонек, она воспряла духом и чуть было не проскочила темный особняк Кутнеров.

С минуту Элен постояла перед входом, переминаясь с ноги на ногу и размышляя, как ей поступить. Глаза ее успели привыкнуть к темноте, и Элен заметила, что окна в доме либо заколочены досками, либо закрыты деревянными ставнями. Похоже, Кутнеры давно покинули свое жилище, и ожидать их здесь раньше мая не имело смысла. А дверь взломать будет трудно, к тому же и небезопасно. Зато далекий маячок продолжал манить Элен. Он словно гипнотизировал ее. Может быть, она заблудилась? Или же кто-то поселился там, наверху, с тех пор, как Элен проезжала этой дорогой в последний раз?

Элен тут же отмела последнее предположение. Ведь всеми угодьями на вершине холма заправлял Крэг, насколько было известно Элен, а уж ее племянничек вряд ли разрешил бы кому-либо поселиться на своих землях.

Выкинув из головы все опасения, Элен зашагала в гору на огонек. Дорога заметно испортилась, гравий расплзался под ногами, глина облепляла сапоги и мешала идти. Элен дважды поскользнулась, а один раз, споткнувшись, упала на колени. Но она даже не ушиблась, потому что была одета в брюки из плотной ткани. Элен уже почти поднялась с колен. И тут в каких-нибудь ста футах от себя она увидела мальчишеский силуэт. Он четко выделялся на фоне леса, окутанного светящимся туманом.

Этот четкий, неподвижный силуэт обладал такой же колдовской силой, как и огонек на вершине холма. Поэтому в первое мгновение Элен не успела осознать весь ужас происходящего. Она остолбенела, вглядываясь в отчетливые контуры мальчишеского тела. Внезапно туча набежала на луну, и фигура впереди растворилась, слившись с черным, безмолвным лесом. У Элен от напряжения защемили глаза, она протерла их, и в этот момент страх стальной хваткой вцепился ей в горло. Элен чуть было не задохнулась от ужаса. Она рванулась с места и помчалась вперед, не разбирая дороги. Элен бежала куда глаза глядят. Падая и вновь поднимаясь, она летела, забыв обо всем. Исчез и крохотный огонек — последняя ее надежда на спасение.

Внезапно Элен остановилась, еле переводя дух, и оглянулась. Луна выскользнула из-за туч, но мальчика уже не было и в помине.

— Я видела его! — упрямо повторяла она. — Я видела!.. Язык не поворачивался произнести его имя.

Возвращаться было уже слишком поздно. Элен поняла, что отмахала уже три четверти пути. Дорога больше не взлетала так круто вверх, как прежде, и идти стало неизмеримо легче. Неведомый огонек дружелюбно подмигивал сквозь листву — теперь он был уже большой и яркий.

«Там обязательно кто-то есть, — убеждала себя Элен. — И этот «кто-то» непременно поможет нам выбраться отсюда».

Дом плотным кольцом окружали кусты боярышника, сумаха и кизила, разросшиеся здесь за те долгие годы, пока жилье находилось без хозяина. Кусты перегородили и дорогу. Элен уже еле брела, с каким-то животным отчаянием продираясь сквозь колючие и мокрые заросли. Она промокла до нитки и, ко всему прочему, умудрилась потерять свой шарф. То и дело спотыкаясь о корни, Элен со стоном отдирала от лица цепляющиеся на каждом шагу колючие ветки. Наконец, она выбралась на поляну, где, как сказочный драгоценный камень, сверкал в доме огонек. В доме, в котором когда-то жил Майкл Янг. Этот огонек все еще манил Элен. Она дотронулась до оцарапанной щеки и вдруг онемела от ужаса.

Так и застыв всего в нескольких футах от освещенного окна, Элен колебалась. Теперь свет казался ей почему-то неземным. Ведь внутри дома все выгорело, там никого не могло быть — откуда же взялся этот сияющий манок?

Осколки разбитого стекла внезапно фонтаном полетели прямо в лицо Элен, и свет погас. В оконном проеме мелькнула чья-то тень.

Элен вскрикнула и, повернувшись, бросилась прочь от этого дома, но кто-то уже вскарабкался на подоконник... Вот он спрыгнул с него и помчался следом за Элен, стремительно нагоняя ее...

Споткнувшись, Элен рухнула на колени.

Чья-то рука схватила ее за плечо.

— Боже мой, — слышался голос. — Элен? Что вы здесь делаете?

Она прищурилась от яркого света фонарика, бывшего ей прямо в глаза.

— Крэг?

— Давайте, я помогу вам подняться. Вы меня насмерть перепугали, Элен.

— Я... перепугала тебя?

— Вы не ушиблись?

— Нет... все в порядке. Я... у нас фургон застрял... он там, внизу, а я решила вот пойти посмотреть, может, кто из дачников еще не уехал... А потом увидела этот огонек. Я не хотела идти сюда, но...— Элен не договорила, в испуге уставившись на своего племянника.— Крэг, ты здесь... уже давно находишься?

— Ну, минут двадцать. Один из помощников Хэпа уверял меня, будто сюда повадились какие-то мальчишки. Они вроде безобразничают в старом доме. Вот я и решил разобраться с ними. И положить этому конец.

— Мальчишки? — эхом отозвалась Элен.— Крэг, я видела... По-моему, я видела одного... там, чуть ниже, в лесу. Он стоял между деревьев и смотрел на дорогу. Ему, наверное, лет десять, не больше, и он там совершенно один.

— Вы точно уверены, что видели его?

— Крэг, ну, не с пнем же мне его спутать. Говорю тебе, это был мальчишка. Пожалуйста, не бросай меня здесь. Мне никогда еще не было так плохо. У меня просто ноги подкашиваются... Я его видела возле дома Кутнеров. И он был в двух шагах от меня, Крэг.

— Хотелось бы мне сейчас отыскать его. Наверное, он как раз из той компании, которая перебралась сюда.

— Перебралась?

— Сейчас я вам все покажу,— мрачно произнес Крэг и повел Элен за домик, где когда-то находилась задняя дверь. Женщина неуверенно следовала за племянником, но тот рассеял ее страхи, осветив мощным лучом внутренность дома.

На кухне возле обугленной и вздувшейся стены стояла новенькая койка армейского образца. Над этим углом чудом сохранилась крыша, здесь было даже уютно и относительно сухо во время дождя или снегопада.

— Я не знаю, сколько времени проторчала здесь эта кровать,— проворчал Крэг.— Видите, металл уже немного заржавел, а матрас начинает плесневеть. Сдается мне, что этим маленьким негодьям все равно — ведь сверху можно набросить одеяло — и все в порядке.

— Крэг, но тот парнишка, которого я видела... он, по-моему, еще слишком мал для таких дел.— Элен вдруг умолкла, задумчиво разглядывая кровать.— Крэг, зачем ты разбил окно? Разве ты не видел, что это я?

Крэг усмехнулся.

— Я видел только, что кто-то приближается, и решил

дать отпор неожиданному гостю. Или хотя бы напугать его. Извините, я же не мог подумать, что...

— Ну, конечно, нет.

— А эту коечку я собираюсь спустить с горы,— поклялся Крэг, указывая пальцем в глубь пустого дома,— а когда-нибудь потом, когда у меня заведутся деньжата, я восстановлю здесь все, как раньше.

— Сомневаюсь, чтобы Эми...— начала было Элен, но внезапно осеклась, сообразив, что сует нос не в свое дело, и тут же перевела разговор на другую тему.— Мне пришлось оставить Пэг одну в фургоне,— объяснила она,— и теперь я опасаясь, как бы она не проснулась. А меня нет рядом. Но я не видела твоей машины...

— Я ее специально спрятал, чтобы не спугнуть молодежь. Она там, с другой стороны поляны. Ну как, вам уже немного лучше?

— Гораздо лучше.

— Так что случилось с вашим фургончиком?

— Там ручей разлился, а я не заметила, и мы чуть не утонули. Наверное, в машине что-то промокло.

— Ну, ее-то мы заведем. А если нет, можете воспользоваться моей, а за мной пришлете потом кого-нибудь из города.— Крэг осветил дорогу, и они направились к поляне, переступая через булыжники, гнилые бревна, миновав старый искалеченный дуб, который, как молчаливый страж, застыл перед заброшенным домом. А дом этот интересовал сейчас, пожалуй, на всем белом свете одного только Крэга.

Пэгги проснулась и резко села на сиденье. Она поняла, что машина застряла, и что уже наступила ночь. Кругом было тихо. Внутреннее чутье подсказывало девочке, что, не доехав до дома, они остановились где-то на полдороге.

И тут Пэгги услышала странные звуки. Она повернула голову и догадалась, что кто-то пытается открыть дверь машины.

— Мам, это ты?

Крэг притормозил, когда они спускались с холма, и Элен указала место, где возникла та странная детская фигура. Крэг долго высвечивал фонариком этот участок — но они так никого и не обнаружили.

— Кто бы он ни был,— заявила Элен, — я надеюсь, ему есть где переночевать. Мне он показался одиноким,

как будто... как будто он стоял вот так и ждал здесь целую вечность.

— Наверное, вы просто плохо его разглядели,— хладнокровно обронил Крэг.

— Дело не в этом, Крэг, я просто почувствовала его одиночество.

Голос Пэгги они услышали одновременно. Он был далекий и глухой, словно девочка кричала из глубины колодца:

— Мама! Мама!..

Крэг завел мотор, и они рванулись вперед. Светящиеся фары то и дело выхватывали из тьмы высокие деревья по обе стороны черной и мокрой от дождя асфальтированной дороги.

— Вон она! — воскликнула Элен.— Крэг, остановись, дай мне выйти!

Пэгги бежала навстречу машине, и Элен, распахнув дверцу, выскочила из автомобиля и прижала к себе дочку.

— Я видела его, мамочка! Майкл был здесь! Он подошел совсем близко к машине!

Элен крепко обняла девочку, но та попыталась вырваться.

— Мам, давай отыщем его! Он только что был здесь!

— Крошка...

Крэг присоединился к ним.

— Что случилось? Ей приснился кошмар?

— Дядя Крэг, я видела Майкла! Он посмотрел на меня через окошко, а потом исчез!

— Он что, убежал? — изумился Крэг.

— Нет, он просто исчез. Как призрак.

— Пэгги... Пэг,— успокаивала ее мать.— Ну, что ты? Расскажи теперь поподробнее, что же здесь все-таки произошло?

Но Пэгги никак не могла успокоиться, хотя и заговорила теперь более внятно:

— Я проснулась, а тебя нет. И тогда я услышала, что кто-то хочет открыть дверцу в машине. Я повернулась и увидела Майкла. Но, когда я посмотрела на него, он исчез. Я вышла из машины, но его уже нигде не было.

Крэг бросился к фургону и начал тщательным образом изучать гравий справа от дверцы машины, а потом, освещая все вокруг фонариком, добрался до асфальтированной дороги. Элен взяла дочку на руки и понесла к машине.

— Мам, он точно был здесь! — не унималась девочка.

— Да-да, конечно, я тебе верю. Но сейчас его нет. Пэгги, он ушел и больше не вернется. Поэтому мы можем поехать домой, а, как ты считаешь?

— А можно, мы поедем утром? Я хочу его еще раз увидеть.

Элен находилась на грани отчаяния. Она еле сдерживала подступающие слезы.

— Ну, я не знаю... может быть, он не хочет, чтобы мы его видели. Мы... поговорим об этом днем.

— Мам, с тобой все в порядке? А где дядя Крэг? Где ты его нашла?

— У нас машина остановилась, я пошла за помощью и, к счастью, встретила его.

— Я просила Майкла, чтобы он подождал. Я еще сказала, что ничего плохого ему не сделаю. Я же сказала! Почему тогда он убежал?

Вернулся Крэг. Элен с надеждой взглянула на племянника, но тот только пожал плечами и неуверенно покосился на Пэгги.

— Никаких следов... кроме ваших, Элен.

— Дядя Крэг, что случилось с Майклом? Он сердится на нас?

Но Крэг не отозвался, будто не слышал вопроса.

— Элен, дайте мне ключи от машины, я посмотрю, удастся ли нам завести эту колымагу.

Он отпер дверь и сел за руль. Повернул ключ зажигания, но безрезультатно. Выйдя из машины, Крэг поднял капот, повозился там какое-то время и, захлопнув его, снова забрался в фургон. На этот раз фары ярко вспыхнули. Все превосходно заработало.

— Я там что-нибудь напортила? — неуверенно пробормотала Элен.

— Нет, просто не было контакта, — успокоил ее Крэг. — Только будьте осторожны на дороге, и доберетесь без приключений. — Однако с утра пораньше проверьте-ка еще разок проводку.

— Ну, а теперь по ко́ням, крошка, — скомандовала Элен, подталкивая дочку и усаживая ее на сиденье. Пэг двинулась к окошку и уставилась на мглистую стену леса. Майкл не появлялся, и девочка ужасно расстроилась. Пэгги казалось, что мальчик должен с лихвой вознаградить ее за такое пристальное внимание к его особе.

— Лучше поговорите с ней по дороге,— тихонько посоветовал Крэг.— Иначе скоро по всему округу поползут слухи, будто у нас завелось семейное привидение.

— А разве это не так? — с горечью возразила Элен.

Крэг устало опустил голову. Все это, похоже, успело ему порядком поднадоесть.

— Если существует другое объяснение, я с радостью приму его. Но пока что могу сказать только одно: я сама видела мальчика сегодня ночью, и Пэгги тоже... Мы видели Майкла, и у нас не могло быть одинаковых галлюцинаций. И опять-таки, в обоих случаях он исчез, просто растворился, как привидение. Крэг, может быть, ты мне объяснишь, что может делать в лесу ночью маленький мальчик, причем совершенно один?

Крэг пытался было что-то сказать, но только покачал головой. Однако спустя мгновение в его взгляде появилась решимость:

— На этот вопрос он мне сам ответит. Кто бы он ни был, но прячется он здесь. Может быть, мне удастся спугнуть его...

Элен ласково положила на плечо племянника руку.

— Не оставайся здесь, Крэг,— попросила она.— Пожа-луйста, не надо! Отправляйся домой или, лучше, поезжай к Эми. Но только не броди здесь один.

— Элен, да вы просто...

— Я просто насмерть перепугана,— закончила за него Элен. Теперь ей было уже наплевать, слышит эти слова дочь или нет.

Глава восьмая

Последний автобус, развозящий учеников по домам, отъехал от здания Гринлифской школы в пять пятнадцать.

Эми забежала в свой кабинет. Она здорово вымоталась за сегодняшний день, но тем не менее находилась сейчас в приподнятом настроении. Ей так хотелось скинуть с себя этот строгий, подобающий торжеству костюм и облачиться во что-то уютное и домашнее.

Эми натянула облегающие брюки и шерстяной свитер. На волосы она повязала красную косынку. Из письменного стола извлекла маленький подарочный сверток. Девушка направилась по коридору административного здания к кабинету Крэга. Она тихонько постучала, не услышав ответа, толкнула дверь и вошла внутрь.

Крэг, развалившись в массивном кожаном кресле, сидел в углу своего кабинета. Очки слегка сползли ему на нос, и психолог что-то оживленно строчил в блокнот. Лишь настольная лампа освещала кабинет Крэга — она стояла на полке, прямо у него над головой. Шторы на окнах, выходящих во внутренний школьный дворик, были задернуты.

— По-моему, ты сегодня переработал,— объявила Эми, и Крэг тут же оторвал взгляд от блокнота.

— А, это ты, Эми. Который час? — Он снял очки в черной оправе и опустил их на колени, где у него лежали какие-то исписанные листки.

— Пора выходить, иначе мы все пропустим.

— Пропустим,— как эхо повторил Крэг и зевнул.— Восемнадцатый раз один и тот же праздник. Каждый год. Пока что могу сказать, что он ничем не будет отличаться от семнадцатого. Обязательно хлынет ливень, но в конце концов мы все равно явимся в школу, запрем все двери и, до ниточки вымокшие, начнем восхищенно обсуждать в этих казенных неуютных кабинетах, какой чудесный праздник состоится-таки у нас в городе в следующем году.

Эми подошла к окну и раздвинула шторы, впуская внутрь лучи заходящего солнца.

— Нет, туч я сегодня не вижу,— возразила она.— Боги, ответственные за праздники, наконец-то благоволят нам.— Крэг даже не шевельнулся в своем кресле, и, подозрительно взглянув на него, Эми добавила: — Я вижу, тебе это безразлично. Похоже, сегодня мне придется развлекаться в одиночку.

— Ну... если ты не возражаешь, Эми, пока у меня рабочий настрой... я хотел бы закончить с этой писаниной. Она займет не больше часа.

— Мы же договорились встретиться с Элен в половине шестого, ты что, забыл?

Крэг растерянно заморгал:

— Теперь вспомнил. Обещаю найти вас на празднике.— Тут только он заметил в ее руках подарочный сверток.— Это для Пэг? По какому же случаю?

— Нет, здесь кое-что для Питера, деревянная головоломка. Три дня я с ней провозилась, но так и не разобралась до конца. Уверена, что Питер соберет ее еще до вечера.

— Кажется, сегодня его уже должны выпустить из лазарета.

— Миссис Кейгл говорит, что температура у Питера еще держится, и доктор не разрешает ему вставать. Мне ужасно

жалко его — ведь мальчик пропустит такой праздник, а уж ему-то, как никому другому, необходимо развлечься. — Эми раскрыла сумочку и вынула оттуда открытку. — Подпиши, пожалуйста. Если этот подарок будет от нас обоих, он станет намного ценнее.

— Разумеется. — Крэг расписался и грустно улыбнулся. — Хотя, увидев мои закорючки, он вообще может забросить куда-нибудь твой подарок. В последнее время отношения у нас с Питером, похоже, совсем разладились. Он настроен ко мне даже несколько враждебно. Хотя, может быть, я слишком много от него требую. Но хотелось бы, чтобы он стал чуток пообщительней, ведь Питер — мальчик очень умный.

— Ты всего добьешься, — заверила его Эми. — Не отчаивайся.

— Прошел уже целый год, но я не уверен, что мы с ним действительно подружились. — Крэг уставился на окно, залитое теплым золотистым светом последних солнечных лучей.

— Если уж доктор Томлинсон удовлетворен твоими успехами, то, думаю, все в порядке. И еще я думаю, что тебе все-таки стоит отложить свои бумажки и немного проветрить мозги на празднике.

— Я обещаю тебе, Эми. Максимум — один часик.

Несколько секунд Эми молча стояла, наблюдая за Крэгом. Но он выглядел таким робким и застенчивым, что девушка не удержалась и, нагнувшись, поцеловала его.

— Ну, я пошла, — бросила она на прощанье. — Но если я из-за тебя пропущу фейерверк, то обещаю, что в течение двух недель не обмолвлюсь с тобой и словечком, как и Питер Мэтис.

Выйдя из кабинета, Эми сразу же отправилась в лазарет на третий этаж, где ее встретила дежурная медсестра Кейгл.

— Питер спит? Я бы хотела оставить для него вот этот сверток. Это подарок, я надеюсь, он поможет мальчику по-быстрее выздороветь.

— Нет-нет, Эми, он не спит, заходите. — Распахнув стеклянную дверь, они вошли в сумрачную палату. Сегодня Питер Мэтис находился здесь совсем один. Мальчик сидел в кровати среди подушек и держал во рту термометр. Это был худенький девятилетний парнишка с большими карими глазами и длинными темными волосами. Кожа его поражала бледностью, под глазами темнели синяки. С первого

взгляда на Питера Эми поняла, что эти глаза говорят о многом. Мальчик стал ее любимцем, но подружиться с ним оказалось делом действительно нелегким. В этом Крэг был прав.

— Я слышала, ты пошел на поправку,— начала Эми.

Мальчик не изменился в лице. Он пристально смотрел на Эми с того самого момента, как они с медсестрой вошли в палату. Питер несомненно заметил сверток в ее руке, но к подобным вещам он, похоже, вообще не проявлял интереса.

Эми положила сверток на кровать возле мальчика.

— Это для тебя выбирал Крэг,— солгала она.— Я подумала, что, когда тебе надоест читать, эта штучка развлечет тебя.

Питер не сводил с нее глаз. Со стороны это выглядело бы даже неприличным, но Эми привыкла к мальчику и поэтому улыбнулась, как ни в чем не бывало.

— Хотя, может быть, с этой штучкой тебе будет весьма непросто разобраться. Это головоломка, и очень сложная. Я сама пыталась ее составить, но у меня ничегошеньки не получилось.

Всего сказанного, похоже, с лихвой хватило, чтобы заинтересовать Питера. Мальчик схватил сверток, и глаза его заблестели. Потом он заморгал, давая понять, что благодарит Эми.

— А вот и твой обед,— объявила миссис Кейгл, услышав звонок, и направилась к выходу, чтобы занести поднос.

— О, сегодня у нас спаржа и отбивная,— воскликнула Эми, восхищенно принимаясь.— Я приду завтра и прихвачу тебе что-нибудь из города. Ты любишь жареные пирожки? Я тоже, а на ярмарку привезли палатку, там их и будут продавать. Я таких вкусных никогда не пробовала.— Эми указала на подарок.— А ты мне покажешь, как справиться вот с этим,— весело добавила она.— Ну, мне пора бежать.— Эми притворилась, будто спешит, потому что на самом деле ей хотелось посидеть с Питером еще несколько минут. Но его одиночество и болезнь выбили Эми из колеи. Она не знала, как помочь мальчику, и боялась усугубить и без того нелегкое положение Питера.

На улице было ветрено, но не холодно. Небо прояснилось, и кое-где на темно-синем фоне уже проглянули первые звезды. Эми шагала, засунув руки в карманы куртки. Девушка была погружена в невеселые мысли. Она здорово расстроилась. И прежде всего потому, что так и не смогла

поговорить по душам с Питером Мэтисом. А еще потому, что не было рядом Крэга. Подойдя к стоянке, где она припарковала свой черный «мустанг», Эми взглянула на окно Крэга. Но оно даже не светилось, и девушка, вздохнув, села за руль.

Для Крэга эта неделя выдалась на редкость тяжелая: все вокруг только и говорили о призраке. На каждом углу шушукались о том, что в Шейдс якобы завелось семейное привидение. Тут же выплыла и трагедия семьи Янгов, которая явилась бесспорной темой для пересудов, вытеснив из разгоряченных умов даже страшную автодорожную катастрофу, когда совсем недавно грузовик на полной скорости врезался в автобус. Два почтенных джентльмена заявили на днях шерифу, будто нос к носу столкнулись с призраком Майкла Янга. Шериф, конечно, по горячим следам бросился на поиски пресловутого Майкла. Но в обоих случаях выяснилось, что уважаемые горожане ошиблись, приняв за Майкла кого-то другого. Да и Крэгу несколько раз звонили разудалые юнцы, пытаясь сыграть с ним весьма злую шутку. Видимо, у них это считалось высшим пилотажем.

Однако в городе хватало и вполне серьезных людей, которые нисколько не усомнились в подлинности слухов о привидении. Да и сама Эми никак не могла твердо решить, на чьей же она стороне. Но, выслушав до конца всю историю о страшной трагедии семьи Янгов, она начала склоняться к тому, что прав все-таки Крэг. А тот чуть было не затеял драку с одним фермером, который накануне вечером предложил Крэгу помощь своего родственника. Этот родственник якобы имел связь с потусторонним миром и при случае мог вступить в контакт с духом умершего Майкла Янга.

Эми вздрогнула, внезапно влетев в багряный вихрь листьев, который мчался над асфальтом. Миновав эту осеннюю круговорот, она улыбнулась мистеру Аллисону, ночному сторожу, который дежурил сегодня вечером. В конце концов с какого это перепугу вздумалось ей дуться на Крэга, обвиняя его в том, что он, видите ли, не сопровождает ее на праздник. А о самом Крэге она подумала? И о том, что все будут тыкать в него пальцем и шушукаться за его спиной? Да, она, конечно, не удивится, если этот «часик» растянется на весь вечер, а потом, к самому завершению праздника, Крэг действительно найдет ее и, навешав ей лапши на уши, постарается затащить в какое-нибудь укромное местечко, где они останутся, наконец, наедине друг с другом.

— Вот именно,— вслух проворчала Эми, чувствуя, как пылают ее щеки. Но неожиданно для себя самой ощутила вдруг облегчение.

Несмотря на городские сплетни, со времени последнего звонка миновала уже целая неделя, и тип, который заварил всю эту кашу, то есть Майкл-самозванец, с тех пор больше не объявлялся. Глядя на звездное небо, Эми радовалась в душе, надеясь, что эта странная и совершенно необъяснимая история, наконец, закончится.

А может быть, восставший дух Майкла Янга, разгуливая среди живых, исполнил свое заветное желание и отправился теперь в края дальние и неведомые? Обрел ли он покой, так необходимый сейчас и его брату, Крэгу?

Внезапно Эми осознала, что уж этого-то ей никогда не узнать. Она вдруг ощутила резкую и пронзительную жалость к самой себе.

Праздничная ярмарка, протяженностью в целых три квартала, расположилась на центральной магистрали округа Шейдс. Движение транспорта на улице пришлось перекрывать. Восточная сторона ярмарки представляла собой всевозможные карусели и кучу других аттракционов, принадлежавших братьям Бринкли. Здесь мелькали и вспыхивали разноцветные огни, звенели и лязгали цепи, зазывая прохожих от души повеселиться в этом шумном ярмарочном балагане. День города праздновался осенью, в самый разгар туристского сезона, да и вечер выдался теплый и ясный, поэтому и аттракционы, и торговый палаточный городок были битком набиты посетителями.

В этот вечер Хэп Уошбрук поднял на ноги всех своих сотрудников. Кроме того, и окружная дорожная полиция выслала несколько дополнительных патрульных машин и регулировщиков уличного движения, которые теперь из кожи вон лезли, растолковывая водителям объездные маршруты. Короче, полиция трудилась в эти часы в поте лица, хотя сам Хэп тем временем благополучно отдыхал.

Шериф с удовольствием присоединился к Элен, Пэгги, Эми и Доремусу. Компания завалилась по дороге в кафе, где в гриле запекались аппетитные цыплята, и Хэп угостил всех ужином. Перекусив, они отправились в сторону аттракционов. Мужчины оставили Элен с Эми вдвоем, а сами вместе с Пэгги устремились к каруселям. Здесь они вдоволь накрутились и теперь размышляли, куда направиться дальше.

— Ну, и куда теперь, Пэгги? — осведомился Хэп, помогая девочке сойти с карусели. Пэгги, деловито и прицельно осмотревшись, указала на огромное чертово колесо, грохочущее и сияющее неоновыми огнями. Элен побледнела, но Доремус сразу же взял Пэгги за руку, и они направились к колесу.

Заметив на груди Хэпа значок шерифа, молодые люди, обслуживающие колесо, пришли в легкое замешательство и тут же усадили Доремуса с Пэгги на только что освободившиеся места в кабинке. И вот Доремус с девочкой уже взмыли вверх, к самым небесам.

— Боже мой, — пробормотала Элен.

— Эта штукавина только с виду кажется рухлядью, — поспешил успокоить ее Хэп. — Я собственноручно проверил здесь каждую гайку. Эми, может быть, мы тоже с вами прокатимся?

В этот момент к Хэпу подошел один из его помощников — высокий сутуловатый молодой человек. Из кобуры у него торчал внушительный пистолет с массивной рукояткой, инкрустированной перламутром.

— Шериф, — тихо шепнул юноша, — Инок просит вас заглянуть в участок на пару минут.

Хэп нахмурился.

— Что случилось?

— Вас кто-то спрашивает по телефону.

— Боже мой! — зашипел Хэп. — Я занят. Пусть передаст, что ему надо.

— Он уже и передал Иноку.

Хэп мучительным взглядом окинул помощника и упавшим голосом спросил:

— Ну и что там?

— Инок мне не сказал. Говорит, найди шерифа и пусть срочно подойдет в участок.

Хэп с сожалением посмотрел на заманчивое чертово колесо, а потом повернулся к Эми. Он громко заговорил, стараясь перекрыть и карнавальную музыку, и голоса ярмарочных зазывал:

— Девочки, мне надо отлучиться. Я вас найду минут через десять. — И в сопровождении своего долговязого помощника зашагал прочь.

Прошло полчаса, но Хэп так и не возвратился.

— Понятия не имею, что могло его так задержать, — удивился Доремус, когда они слезли с очередной карусе-

ли.— Но, похоже, произошло что-то из ряда вон выходящее, и мы вряд ли сегодня увидим Хэпа.

Раскрасневшаяся от возбуждения Пэгги подбежала к матери. Ее глазенки сияли от восторга:

— Мам, можно я еще раз прокачусь на чертовом колесе?

— Уже без четверти восемь, а в двадцать минут девятого ты должна быть в парке в своем костюме, поэтому нам пора идти.

— Ну, всего один разочек! — настаивала Пэгги, повиснув на руке матери, как тряпичная кукла.

— Ну-ка, выпрямись, и не веди себя, как маленькая. Я прошу тебя. Эми, может быть, ты хочешь остаться на тот случай, если вдруг Крэг...

— Нет, даже если он и появится, мы не найдем друг друга в такой толпе.— Эми виновато улыбнулась Доремусу, но он так и не понял, чему она улыбается.— Если никто не возражает, я пойду вместе с вами. Не могу же я пропустить дебют Пэгги!

Довольная Пэгги приняла позу хористки и нараспев затянула:

Индейцы окружили домик Мэри Гейтвуд,
Однако запугать ее им не удалось

— По-моему, я это уже где-то слышала,— спохватилась Элен, а мрачное лицо Доремуса осветилось доброй улыбкой.— Ну, будем надеяться, что Хэп не подумает, будто мы от него скрылись.

— Рано или поздно Хэп тоже придет в парк,— поддержала Эми.— Там мы его и встретим.

Хэп сидел в машине с выключенными фарами и радиоприемником. На автомобиле отсутствовали опознавательные полицейские знаки. Битый час Хэп напряженно, до рези в глазах, вглядывался в мощный бинокль, пытаясь уловить хоть малейшее движение на том или другом берегу реки Компетишен. Это же название получил и весь парк по обеим сторонам реки.

Хэп притормозил ярдах в ста от условленного места. Шерифу удалось бесшумно пересечь парк и отыскать на редкость удачный для наблюдения, укромный и потаенный уголок. Хэп двигался почти наугад, с потушенными фарами. Лишь лунное сияние освещало путь.

Пока все шло по плану. Рано или поздно незнакомец, назначивший встречу, потеряет терпение, начнет нервни-

чать. Короче, так или иначе выдаст свое присутствие. Но, похоже, происходило все как раз наоборот. Нервничать начал сам Хэп. Да и бестолковое ожидание изрядно вымотало его. В какой-то момент Хэп вдруг решил, что его просто жестоко разыгрывают.

Спина разламывалась, и нестерпимо хотелось курить. Вокруг — ни души. Ни в крошечном заколоченном домике поблизости, ни на мосту над рекой, величественно несущей свои спокойные воды вдоль гигантских валунов, окаймляющих ее берега. Здесь, в этом заброшенном уголке, Хэп находился в полнейшем одиночестве, а чуть ниже по течению столпились тысячи и тысячи людей. Они веселились, принимая участие в праздничном представлении. Пожалуй, День города относился к тем немногим торжественным событиям, которые с неизменным упорством из года в год отмечали в округе Шейдс. Скоро начнется фейерверк. Хэпу страшно не хотелось пропустить это восхитительное зрелище. Тем более что проторчал он здесь уже уйму времени и так и не видел карнавального шествия...

Шериф в который раз поднял бинокль и пристально всмотрелся в даль. И вздрогнул. Впереди, у камней, мелькнула вдруг бледная тень — словно лунный блик на фоне пыльного зеркала — мелькнула и вновь растаяла... Было ли это чье-то лицо?

Хэп Уошбрук облегченно вздохнул и выругал себя за излишнюю доверчивость. Ох уж эти анонимные телефонные звонки!

«Присмотрись повнимательней, — сам себя убеждал Хэп. — Ничего страшного там нет».

Теперь шериф почти уверовал в то, что его разыграли, хотя поначалу ему было не до шуток. Поэтому-то он в буквальном смысле подкрался к условленному месту и целый час выжидал, заставляя себя поверить в то, что разговаривал он не с призраком.

Крики толпы, доносящиеся даже сюда, начали стихать, и Хэп невольно взглянул на светящийся циферблат своих часов. Без десяти девять.

Черт! Вот-вот начнется фейерверк.

Хэп возмущенно засопел и отстегнул от приборного щитка большой электрический фонарь на шести батарейках. И тут взгляд шерифа упал на двустоволку, которую он почти всегда возил с собой на переднем сиденье.

— А зачем? — сам себя спросил Хэп, обдумывая, стоит ли брать с собой ружье. Однако сомнения с новой силой

одолели его, и шериф, осторожно вылезая из машины, прихватил с собой и двустволку.

Хэп стремительно двинулся вперед с удивительной грацией, никак не соответствующей его грузной фигуре. В правой руке шериф сжимал фонарь, а в левой — наперевес — держал заряженную двустволку. Хэп пока не включал фонарь, ибо не хотел быть обнаруженным. Внезапно высоко над головой раздался треск. И тут же под синим бархатым куполом неба распустился фиолетовый букет салюта. Хэп застыл, восхищенно вглядываясь в красочное сияние. «Да, не зря наши жители платят налоги, — весело подумал он. — Две тысячи долларов за один фейерверк!»

Фиолетовые огоньки, наконец, погасли.

«Зрелище просто великолепное, — решил Хэп, отступив слегка назад и любуясь салютом. — Все небо полыхает. — Он вспомнил про фонарь. — Ах ты, черт, ведь теперь можно и эту штуку пустить в ход!»

На этот раз небо осветилось желто-зеленым пламенем. После очередного залпа наступила короткая пауза, а затем — снова треск — и синий купол пробороzdили мерцающие огоньки. Они словно бегали по кругу, и Хэп уже забыл, как называются эти ракеты.

Шериф направился к реке, размышляя об Эми. Как это ей удастся сводить с ума мужчин одним только своим присутствием? Бог мой, вот уж загадка, так загадка! Жаль, если такая роскошная фемина выйдет замуж за племянника Элен. Хэп мрачно скользнул взглядом по водной поверхности, осветив фонарем целую кучу булыжников, осыпавшихся прямо на берег еще во времена оны. Волны с шумным плеском ластились к берегу, а вдали небо вдруг вспыхнуло ярко-красными сполохами салюта.

Хэп приблизился к заколоченному домику рядом с мостом. Шериф вслушивался в плеск волн, пытаясь уловить и другие, посторонние звуки. Дом действительно оказался закрытым. На двери висел замок. Ставни заколочены. Ровным счетом ничего особенного.

«Наверное, надо перейти по мосту на другую сторону», — решил Хэп.

Небо снова осветилось.

«А видок отсюда что надо», — подумал шериф.

На середине моста он остановился, внимательно рассматривая огромные, отколовшиеся глыбы известняка, которые громоздились прямо на берегу, влажные и сверкающие от брызг.

Хэп заметил летящий камень лишь за мгновение до того, как тот попал в него. И как раз вовремя, чтобы выбросить вперед левую руку, иначе булыжник угодил бы ему прямо в лицо. Камень оказался небольшим, однако он больношиб Хэпа, и шериф тут же позабыл о фейерверке.

Он принялся обшаривать лучом фонарика окрестности, но так ничего и не обнаружил. Следующий камень просвистел совсем рядом и, ударившись о парасет, упал в реку.

Шериф благоразумно решил ретироваться с моста подобру-поздорову.

Пригнувшись, он поспешно бросился прочь с этого проклятого места и чуть было не поскользнулся о каменную глыбу возле самого берега. Волна тут же накрыла его ботинки.

Тишину вновь нарушило шипение ракет, которые вдруг с каким-то особым остервенением выплюнули в небо кучу пурпурных угольков. Даже речные валуны окрасились внезапно ярким, мерцающим багрянцем.

— Ну хорошо, вот я и пришел! — сердито крикнул Хэп. — А сам-то ты где?

Шерифу вдруг показалось, что чуть дальше по течению раздался странный всплеск, словно кто-то свалил в воду булыжник. Хэп сделал шаг вперед и, очутившись по щиколотку в реке, осветил фонарем водную гладь. Луч протянулся на добрую четверть мили и растворился только в том месте, где начинался водопад. Хэп наобум шлепал по воде, пытаясь разглядеть хоть малейшие признаки жизни. И тут он опять заметил мелькнувшую на берегу тень. Хэп выбрался из воды, проклиная себя за то, что прихватил эту дурацкую двустволку — теперь она только мешала ему. Внезапно шериф подвернул ногу и, споткнувшись о мшистый булыжник, растянулся, до крови ободрав костяшки пальцев. Он снова выругался. Осветив берег, Хэп различил длинную косу, покрытую галькой, и поросший высокими деревьями горный хребет, круто вздымающийся над самым берегом.

— У меня заряжено ружье, — крикнул Хэп. — Я буду стрелять!

Сквозь плеск волн шериф вдруг отчетливо разобрал и другой звук. Всего в нескольких дюймах от себя он услышал чье-то тяжелое и учащенное дыхание, словно звериное. Сердце его бешено заколотилось.

Что-то, похожее на бейсбольную битку, с чудовищной силой ударило его по руке. С хрустом сломалась кость чуть

выше локтя. Застонав от страшной боли, Хэп выронил ружье, и оно с грохотом упало на камни у его ног. От удара Хэп поскользнулся и, не удержав равновесия, рухнул в реку. Стекло фонаря разбилось, а сам Хэп очутился по грудь в ледяном потоке.

Холодная вода моментально привела его в чувство и слегка ослабила боль. Шериф еле справлялся со стремительным течением, увлекающим его вниз по реке, к водопаду. Зажав в руке фонарь, Хэп кое-как, шаг за шагом, выбрался на берег. Вытянув вперед руку, шериф осветил фонарем камень, на который чуть было не наткнулся.

И тут Хэп увидел его. Шериф застыл на месте, пораженный ничуть не меньше, чем в тот момент, когда услышал по телефону его голос. Голос Майкла. Хэп был настолько потрясен, что даже не осознал в первый момент одну страшную деталь. Двустволка, которую он только что выронил на берегу, была теперь нацелена ему прямо в лоб.

— Ты ведь любил мою мать, верно? Ты, как подлый трус, тайком занимался с ней любовью, однако защищать ее тебе и в голову не пришло.

Хэп почти не разбирал его слов. Он сосредоточился лишь на том, чтобы снова не соскользнуть в воду. Хэп попытался было подняться с колен и нащупать ногой точку опоры. Боль в руке становилась невыносимой, однако ему и раньше доводилось не раз испытывать ее. Он понимал, что надо сконцентрироваться и не обращать на боль никакого внимания.

Небо осветилось розовыми и золотистыми огнями. В голове Хэпа стоял туман, он ничего не слышал вокруг. Шериф не мог собраться с мыслями, единственной целью пока была попытка встать на ноги. Все остальное потеряло смысл. Даже тот факт, что он — Хэп Уошбрук — находился сейчас один на один с ангелом смерти. Поднявшись с колен, шериф еще раз заглянул в дула собственного ружья. В душе у него неприятно заныло, словно от предчувствия страшной опасности.

— Эта штука может убить,— услышал Хэп свой голос.— Ради Бога, прошу тебя, только не стреляй.

В небо взвились очередные ракеты, располосовав его на огненные и зеленые дорожки. Каждое слово давалось шерифу сейчас с неимоверным трудом. Странное это было чувство — стоять под прицелом собственного ружья, уставясь в эти мертвые, ненавидящие глаза. «Этого не случит-

ся, и завтра я опять встречу новый день», — пронеслось у него в мозгу.

Рано утром он проснется в своей кровати, наденет накрахмаленную зеленую рубашку с отполированным до блеска, массивным значком и, чтобы побыстрее продрать глаза, завалится в ближайшую забегаловку. Там он выпьет кофейку и придет в себя. Услышит знакомое «Доброе утро, шериф».

С каким-то печальным свистом взлетели новые ракеты.

«Здорово все-таки отсюда видно», — решил Хэп. И вдруг, задыхаясь от угасающей надежды, хрипло повторил: — Эта штука может и убить.

В этот момент грохнул дуплетный выстрел, и две пули одновременно пропороли грудь шерифа. Поток хлынула кровь, и умирающий Хэп рухнул в стремительные воды равнодушной реки.

Всеобщий восторг достиг, кажется, апогея. Небо было расцвечено сияющими огоньками, то и дело слышался треск взрывающихся петард, распускающихся многоцветными яркими букетами. Пэгги забралась на плечи Доремусу. Она здорово устала за сегодняшний день. Разглядывая ослепительный фейерверк, девочка сонно зевнула.

Наконец раздался последний залп, и небо погасло. Зрители, толпящиеся около огромного стофутowego водопада, начали понемногу разбредаться, двигаясь в сторону выхода. Мысли их были заняты обратной дорогой, ведь возвращаться приходилось на битком набитых автобусах.

— Что, уже все? — сразу же сникла Пэгги. Эми ласково похлопала ее по коленке. Девочка была одета в костюм американских первопроходцев, который Элен сшила ей собственными руками. Пэгги так и не переделась после представления, а щеки ее продолжали алеть густо намалеванными румянами. В ходе спектакля Пэгги с таким жаром и пафосом декламировала свою единственную фразу, что тут же сорвала дружные аплодисменты восторженных зрителей.

— Да, воробушек, в конце праздника всегда бывает чуточку грустно, — заметила Элен. Они стояли у самого подножия водопада — путь до стоянки предстоял довольно утомительный, а Элен за последние несколько часов ни разу не присела. Она подумала вдруг о том, что неплохо было бы опереться на Доремуса. Но как он к этому отнесется? От усталости у Элен начинала кружиться голова.

— А тебе что, не понравилось? — спросила Пэгги.

Элен открыла было рот, собираясь ответить дочке, но тут вдруг в небо взвились ракеты — то был прощальный залп. Красный, синий и белый цвета на этот раз символизировали национальный флаг.

Толпа восхищенно загудела, а затем все начали торопливо расходиться.

И тут пенящийся поток вынес на поверхность тело. Труп стремительно приближался, затем вдруг замедлил движение и, развернувшись на подводных камнях, понесся дальше, увлекаемый быстрым течением. Голова трупа была неестественно наклонена вбок, руки раскинуты. Достигнув водопада, тело сорвалось вниз и на какое-то время задержалось у основания.

Люди застыли, словно пригвожденные к месту. Уставившись на труп, они как будто ожидали, что им вот-вот растолкуют смысл этой глупой шутки. Ибо никто в эти минуты не мог смириться с тем, что труп — настоящий. Ощущение торжества не покидало людей, хотя сам праздник уже завершился.

Еще несколько минут тело то появлялось, то исчезало в кипящей пене водопада. Но вот поток вытолкнул труп, и его снова повлекло вниз по реке. Внезапно перед остолбеневшими от ужаса людьми мелькнула разорванная зеленая рубашка и на ней — блестящий шерифский значок, знакомый каждому горожанину. Взгляд шерифа, словно погруженный в бесконечную задумчивость застыл и был обращен в небо.

— Боже мой! — воскликнула Элен и закрыла лицо руками, чтобы не видеть, как в страшной, неестественной позе, проплывает мимо тело Хэпа Уошбрука.

Глава девятая

В час ночи у дома Коннелли остановилась патрульная машина. Из нее вышел Доремус. Элен уже поджидала его и сразу же проводила бывшего следователя на кухню, где Крэг и Эми пили виски. Доремус таким жадным взглядом уставился на бутылку, что Элен тут же без слов налила ему стаканчик.

Крэг и Эми с ходу засыпали следователя градом вопросов.

Доремус походил сейчас на выжатый лимон. Все это время он обшаривал берег, и когда поднял стакан, отли-

вающий радужным сиянием, руки его задрожали. Не ответив ни на один вопрос, Доремус сделал большой глоток и раскурил сигару.

— Машина Хэпа припаркована неподалеку от мостика у заброшенного дома, — наконец заговорил он. — Она была надежно спрятана, словно Хэп боялся оказаться замеченным. Место, откуда Хэп упал в реку, мы быстро нашли: он выронил фонарь, но тот все еще работал. Там же лежала и его двустволка, стреляли из нее. По ранам можно определить, что в Хэпа стреляли с очень близкого расстояния.

— Но кто? — вскричал Крэг.

Доремус снова отхлебнул виски.

— Он сам, — пробормотал следователь.

На лице Эми отразилось крайнее изумление, она недоверчиво покачала головой. Доремус уловил этот взгляд и пояснил:

— Похоже, Хэп искал там что-то. Или кого-то. Он потерял равновесие и выронил ружье. И оно выстрелило либо в тот момент, когда падало из его рук, либо, когда Хэп попытался поднять его. Это ближе всего к истине. Утром патруль прочешет там каждый дюйм, а к вечеру будет готово заключение патологоанатома. Тогда, возможно, у нас появятся и другие версии.

— Но ведь сами-то вы не считаете, что это несчастный случай, — вмешался Крэг.

— Хэп всю жизнь имел дело с оружием. Маловероятно, чтобы он выронил его. Но и не исключено.

— Может быть, Хэп сцепился с каким-нибудь прошельгой, и тот выхватил у него ружье? — предположила Эми. — Вы же сами сказали, что шериф поджидал там кого-то и скрывался. Значит, он знал, что встретит этого человека. — Эми настолько разгорячилась, что чуть было не опрокинула полный стакан виски, стоявший перед ней. — Элен, помните, вечером к Хэпу подходил помощник? Я не слышала весь разговор, но вроде Хэпу кто-то позвонил и просил его срочно явиться в полицейский участок. Этот звонок, похоже, является очень ценной ниточкой. Сдается мне, он каким-то образом связан с убийством.

— Но пока еще не установлено, убийство ли это, — напомнил Доремус. Он многозначительно посмотрел на бутылку, и Элен подлила ему виски.

— Убийство или несчастный случай... самое ужасное, что Хэп погиб, — подхватила она. — И похоже, Шейдс ста-

новится веселеньким местечком.— Элен опустилась на стул и нервно сжала кулаки.

Крэг взглянул на Эми, та кивнула, и они одновременно поднялись.

— Уже очень поздно,— спохватился Крэг.— Нам пора. Элен, давайте завтра же перебирайтесь все ко мне, а? — Скользнув взглядом по Доремусу, Крэг секунду поколебался, а потом добавил:

— И вы, Доремус.

— Спасибо,— поблагодарил Доремус. Лицо его осветилось улыбкой. Однако она не скрыла его напряженных раздумий.

— Вы сами доберетесь домой? — поинтересовалась Эми.

— Разумеется.

— Крэг, я не уверена насчет завтрашнего дня,— торопливо заговорила Элен.— Я тебе еще позвоню.

— Хорошо, договорились. Нет, не надо нас провожать. Сидите.

Выйдя из дома, Эми попыталась успокоить Крэга и, не долго думая, затараторила:

— Ты не заметил, они начали обращать друг на друга чересчур много внимания.

— Что?

— Ты ничегошеньки не заметил. Я имею в виду то, как Доремус поглядывает на Элен. По-моему, он и сам еще не понял, что уже втюрился, но я-то уверена...

— Эми, замолчи, ради Бога,— нахмурился Крэг.

Эми обиделась и, пока они садились в машину, девушка молчала. Но как только машина отъехала, Эми, словно оправдываясь, продолжила:

— Элен давно пора замуж. Ей нужен мужчина в доме.— Глаза Эми заблестели.— Как, впрочем, и большинству женщин.

Крэг нервно дернул рычаг скорости.

— Если уж она соберется выйти замуж, то только не за этого... оборванца-рыболова, или чем он там занимается

— Ты несправедлив к Доремусу. Его нелегко понять, но... Я не думаю, чтобы он остаток своих дней проторчал на реке, не так он устроен. По возрасту Доремус подходит Элен — ему лет сорок пять — немногим больше, чем ей. Просто за ним никто не ухаживает, и поэтому он небрежно одевается — это его и старит. По-моему, в его жизни что-то стряслось, и он пытается прийти в себя.

Крэг прищурил глаза, будто вспоминая какой-то страшный эпизод.

— Я надеюсь, Элен не упустит своего шанса,— не умолкала Эми.— Да к тому же, не больно густо в наших краях с подходящими для нее женихами...

— Эми, я, кажется, просил немного помолчать. Послушай, у меня голова просто раскалывается, и я...

— То есть, «держись от меня подальше, Эми». Ты это хотел сказать? А ведь я тебя сегодня прождала целых четыре часа.

Крэг внезапно затормозил посреди пустынной улицы и устоялся на Эми. Девушка была расстроена и даже не пыталась скрыть этого.

— Ну, прости меня,— выдавил, наконец, из себя Крэг после долгой и неуютной паузы.

— Это уже было.

— Нет, Эми, я в самом деле виноват...— Лицо его сморщилось, и Эми забеспокоилась. Ей показалось, что он вот-вот заплачет. Однако Крэг тут же справился с нахлынувшими чувствами, и через несколько секунд заговорил как ни в чем не бывало: — Я не в самой лучшей форме нынче, но все равно... мне хочется, чтобы сегодня ночью ты была рядом. Всю ночь, Эми. Мне как никогда хочется этого.— Он закрыл глаза и прижался лбом к рулю. Эми коснулась его плеча и почувствовала, что Крэг напрягся.

— Что случилось, Крэг?

— Помнишь, что сказала Элен? Что в Шейдс стало опасно. А ведь я прожил здесь всю свою жизнь. И вот теперь невеста откуда появляется зло, меня захлестывает страх. Мне в самом деле страшно. Я боюсь ЕГО, Эми. Своего собственного брата Майкла.

Эми застыла, не в силах пошевелиться. Эти слова буквально сразили ее.

— Теперь я, наконец, поверил. Я знаю, что это делает Майкл. Он каким-то образом убил их обоих, Эми.

— Майкл не имеет никакого отношения к смерти Хэпа. Его... его ведь не было там, в парке.

— Разве не было? — похолодел Крэг и бросил на Эми взгляд, полный ужаса.— А откуда тебе это известно?

Доремус опрокинул третий стакан виски и почувствовал, как живительное тепло разливается по всему его телу. Весь вечер напролет Элен сидела как воды в рот набрав-

ши. Она тщетно пыталась выкинуть из головы образ Хэпа — перед ее мысленным взором то и дело пенящийся поток выносил труп шерифа. В конце концов она поняла, что если многократно переживет в памяти это чудовищное зрелище, то быстрее успокоится. И тогда она перестала пытаться забыть о Хэпе. Постоянное прокручивание в мозгу одной и той же картины медленно, но верно стирало остроту впечатления. Спасительные слезы не приходили к ней. Видимо, нервная система не очень-то спешила разрядиться.

— Не желаете ли еще выпить, Доремус? — вежливо осведомилась Элен.

Ей хотелось, чтобы он побыстрее ушел, хотя и одной оставаться сейчас было страшновато. Но еще ужасней казался новый, пока неведомый кошмар. И в задумчивом взгляде следователя Элен уже улавливала отблески каких-то жутких, грядущих событий.

— Нет, благодарю вас, — отказался Доремус. — Еще немного виски, и я начну буянить. Или, что еще хуже, превращусь в отвратительного зануду.

— Не могу представить себе, что вы способны буянить. Доремус наклонился вперед и, положив на стол руки, сцепил пальцы.

— Один раз в году я позволяю себе поколобродить, — признался он. — Мне это необходимо. Чтобы снять напряжение. — Для убедительности следователь кивнул. — Вы не представляете себе, как это сложно — расследовать убийства. Это тяжкий труд. Ну, конечно, раз в два-три года удается почти сразу раскрыть преступление, но...

Перед Элен стоял пустой стакан. Внезапно Доремус поднял его и наполнил виски. Элен удивленно посмотрела на следователя.

— Попробуйте выпить, — предложил он. — Вы неважно выглядите. Мне не нравятся эти синяки под глазами... У моей жены болела печень, и у нее постоянно появлялись такие же... Так что, пожалуйста, выпейте...

Элен терпеть не могла виски и собралась было объявить об этом, но слова застряли в ее горле: уж больно искренне звучала просьба Доремуса, а взгляд его был таким умоляющим, что женщина так и не нашла в себе сил отказать следователю.

— Нет, я чувствую себя нормально, — возразила она. — Просто... просто я очень устала.

— Для вас это был страшный день, я понимаю.— Доремус сочувственно покачал головой, а потом подмигнул ей с напускной серьезностью. Элен так поразило это неуместное подмигивание, что она от неожиданности оглушила почти весь стакан. А когда жжение в пустом желудке улеглось, Элен с удовлетворением отметила про себя, что виски и в самом деле обладает успокаивающим эффектом. Она перестала дрожать, стены в кухне как будто немного сдвинулись, да и свет стал мягче. Элен заворуженно уставилась на переплетенные пальцы Доремуса. «Слишком поздно»,— подумала она, но и это не имело теперь значения. Руки Доремуса были большие и сильные, и ей нравилось рассматривать их.

Он снова наполнил ее стакан и, немного поколебавшись, плеснул себе. Доремус опустился на стул, который тут же заскрипел под ним. Над плитой в полной тишине громко тикали часы. Элен пришла в себя и, заметив полный стакан, выпила, не раздумывая.

— Сегодня вечером Хэпу звонил Майкл, да? — уверенно произнесла Элен, и следователь после секундного замешательства печально кивнул.

Элен горько усмехнулась.

— А потом он убил Хэпа.

— Я не знаю, что происходило там, у реки. Пока Майкл — это только голос в телефонной трубке, не более.

— Что же он сказал Хэпу?

— Об этом знал только сам Хэп. Помощник, который поднимал трубку — как его? Инок... Инок Милс — знаете такого? — так вот, он ничего не смог нам сообщить.

— Но это точно был Майкл. Вот вы говорите — голос в трубке. А он может оказаться где угодно. Он видит нас всех и хочет убить!

Доремус окинул Элен быстрым и цепким взглядом.

— Почему вы так говорите?

Элен не знала, что ответить. Страх вновь овладел ею.

— Он вам угрожал? Может быть, он звонил вам еще раз, но вы забыли мне рассказать?

— Нет...

— Тогда почему вы считаете, будто он хочет вас убить?

— Потому что он должен ненавидеть меня! Он то и дело сбегал из дома. И вот однажды, когда он в очередной раз вернулся, матери уже не было в живых, она умерла... она умерла в больнице, куда отправила ее я, и он

обвиняет меня, он обвиняет меня, так было всегда, и он...— Элен тряхнула головой и не договорила, беспомощно уставившись на Доремуса.— В общем, надо перестать думать о нем,— тихо добавила она.

— Мальчики были просто неуправляемыми,— попытался возразить Доремус,— и ваша сестра с ними не справлялась. Если верить Хэпу, то она и со своими слабостями не могла справиться...

Элен вздрогнула, услышав последние слова, но Доремус, словно не замечая этого, продолжал:

— И другого выхода, кроме как поместить ее в психиатрическую лечебницу, у вас не было. Да, она там умерла, и это прискорбно, но вы ведь искренне хотели ей помочь.

— Теперь я жалею, что вообще приехала сюда, в Шейдс.— Элен встала, подошла к стеклянной задней двери и через нее посмотрела на улицу.— Хотя нет, это, наверное, не так. Я любила Эда. И что бы я сейчас делала без своей Пэгги? Но я сомневаюсь, что мне хватит... мужества пережить такое еще раз. Бедная, насмерть перепуганная Алиса, и Майкл, непослушный, своенравный, постоянно сбегаящий из дома. Я ничем не могла ему помочь.— Элен опустила голову.— Мне самой хочется бросить все к чертовой матери, забрать из школы Пэгги и рвануть отсюда куда глаза глядят. Но этим я бы только напугала дочь, и, кроме того, я не уверена, изменилось бы от этого что-нибудь. Я ведь и на новом месте не поднимала бы телефонную трубку, вздрагивала бы от каждого стука или звонка в дверь, потому что каждый раз думала бы, что это наверняка опять Майкл. Этот маленький мертвый мальчик. Пару дней назад я возле школы поджидала Пэгги, и сзади ко мне подошел мальчишка. Внешне он несколько не походил на Майкла, но, лишь взглянув на него, я почувствовала, что еще немного — и потеряю сознание. Причем все это происходило средь бела дня. Тысячу раз я твердила себе, что все это чепуха, что призраков не бывает, но неизменно внутренний голос шептал мне потом: «А вдруг?» Два моих добрых друга уже погибли, неизвестно от чего, а он продолжает звонить.

Доремус мрачно смотрел на несчастную женщину и молчал; да и как он мог ее утешить, если ответа к этой страшной загадке с Майклом просто не существовало? И тогда Доремус, как бы размышляя вслух, поинтересовался:

— А какие отношения были у Майкла с доктором Бриттоном? Они ладили между собой?

— Ладили?.. Да они почти и не виделись. Пару раз, кажется, Энди лечил Майкла от простуды или какого-то детского заболевания, но я точно не помню. Я ведь и сама плохо знала доктора в те годы.

— А Хэп был уже тогда шерифом?

— Да.— Элен, не дожидаясь следующего вопроса, затараторила:— И Майкл знал его немного лучше, чем доктора. Пару раз, когда Майкл убегал из дома, сотрудники Хэпа находили его и приводили к шерифу; Хэп сам доставлял Майкла домой. Он хорошо относился к мальчику, я бы сказала, с сочувствием. Хэп даже пытался подружиться с ним, но никому из нас так и не удалось сойтись поближе с Майклом.

— Давайте предположим, что Майкл жив. Могут ли у него возникнуть причины желать этим людям смерти?

— Как это — жив? — Элен вздрогнула.— Неужели вы считаете...

— Да я сам ничего не знаю,— грустно вздохнул Доремус.— Я просто так, с потолка беру самые невероятные теории и пытаюсь добраться до истины. Ну так что, Элен? Я уже понял, что мальчик сердился на вас, но что он мог иметь против доктора и Хэпа? Попытайтесь вспомнить какую-нибудь мелочь, которая со временем могла бы перерасти в повод для мести. Ведь людей убивают по многим причинам, и совсем не обязательно, что убийцей оказывается закоренелый преступник. Хотя... подождите-ка секундочку.

Глаза следователя заблестели.

— Наверное, я задаю дурацкие вопросы. Ведь дело не в том, как они относились к Майклу. Их отношение к его матери — вот что важно! — Доремус посмотрел на Элен, словно ища поддержки, но женщина, казалось, была ошеломлена и ничего не понимала.— А мог ли в те годы доктор Бриттон быть любовником вашей сестры?

— Что вы такое несете! Конечно, нет.

— Может, вы просто ничего об этом не знали. Ведь доктор был знаком с Алисой, и довольно близко, а у нее, как известно, частенько менялись дружки. И если эта связь продолжалась некоторое время, то его жена обязательно должна знать об их отношениях. Надо будет спросить у нее.

— Да как же вы сможете даже заикнуться об этом в присутствии Эльзы!

— Запросто. Я ко всему привык на своей работе.

— Это точно! — выпалила Элен и, замолчав, снова уставилась в темноту. Но Доремус, пропустив мимо ушей ее замечание, продолжал развивать свою теорию:

— Ну, что касается Хэпа, то он от рождения бабник. Я это точно знаю. И такую симпатичную женщину, как ваша сестра, он бы не пропустил.

— Я в этом не уверена, — напряженно произнесла Элен. — Во всяком случае, если поначалу она и явилась для Хэпа лишь очередным развлечением, то под конец шериф вел себя так, будто искренне полюбил мою сестру, несмотря на все неприятности, которые ему пришлось из-за нее перенести. И Хэп не хуже меня понимал, что ей необходима помощь психиатра. В тот день, когда я перевозила Алису в больницу, он поехал с нами. Всю дорогу Хэп развлекал ее, шутил и пытался отвлечь от грустных мыслей. Ведь Алиса считала, что ей придется жить в заточении, как в настоящей тюрьме.

— Итак, вы с Хэпом решили поместить ее в психиатрическую клинику. Но для этого необходимо специальное заключение терапевта, подтверждающее недееспособность Алисы.

— Да, все документы подписал Энди.

— Человек с больной психикой счел бы подобное заключение вполне веской причиной для того, чтобы убить доктора — ведь тот фактически подписал ей смертный приговор, — рассуждал Доремус. — Скажите, а вашу сестру поместили в больницу после суда?

— Да. Судью звали Скофилд, но он умер несколько лет назад.

При этих словах Доремус с любопытством взглянул на Элен, и та продолжала:

— По-моему, у него случился сердечный приступ. — Элен не спеша приблизилась к столу и села. Сейчас она выглядела скорее заинтригованной, чем перепуганной: — По-моему, просто невероятно, чтобы Майкл выжил после той метели. Да и пальто его нашли, я сама опознала его. Кроме того, обнаружили и скелет. А принадлежать он мог только Майклу.

— Насколько мне известно, не проводилось никаких медицинских экспертиз, которые бы установили, как долго пролежали эти останки в лощине. Никто, например, не идентифицировал зубы по стоматологической карте мальчика. В этом Хэп безусловно проявил небрежность. Не исключено, что найденные останки принадлежали совер-

шенно другому мальчику, например, из гринлифской школы. Этот мальчик мог точно так же убежать и погибнуть, но случилась эта трагедия гораздо раньше, много месяцев тому назад, а то и лет. Это легко проверить. Думаю, ваш племянник поможет мне в этом.

— И все равно я не верю, что Майкл жив,— стояла на своем Элен.— Если так, то где же он пропадал все эти годы? И как ему удалось выжить?

— Он вовсе не глуп,— развивал свою теорию Доремус.— Ведь когда он исчез, то был уже вполне самостоятельным человеком. Из собранных фактов напрашивается вывод, что мальчик очень решителен, хорошо знает лес и безошибочно в нем ориентируется. Такой не пропадет.— Следовательно вертел в руках незажженную сигару и размышлял вслух:— Мне как-то проще поверить в живого, реально существующего Майкла, нежели в его призрак,— уверенно добавил он.— А если мальчик жив, то все это время он находился в Шейдс или, скажем, в его окрестностях. А что, если вы сами сотни раз встречали Майкла и не узнавали его? Вас-то он, конечно, не забыл, но вы сами не обращали на него никакого внимания.

Элен хотела было возразить, но Доремус жестом остановил ее:

— Нет-нет, вы бы его просто не узнали и не заметили. Похоже, что Майкл Янг — умный и изворотливый маньяк-убийца. У него есть свои причины, чтобы скрываться и чтобы убивать. Теперь он по-настоящему пугает меня.

— А что вы скажете по поводу телефонных звонков, Доремус? Ведь мне звонит не взрослый человек, а маленький мальчик

— Да, и это тоже меня здорово тревожит. Долго же он, видимо, вынашивал свой план! Все тщательнейшим образом продумано. Ведь то, что он позвонил сначала именно вам, вовсе не случайно.

Элен бросила на Доремуса непонимающий взгляд.

— Я уверен, что он получил огромное удовольствие, разделившись с доктором и Хэпом, но тем не менее они явились случайными персонажами в трагедии его матери. Именно вы должны понести самое тяжкое наказание за то, что с ней произошло. Ведь это из-за вас ее отправили на верную смерть, как он считает. Вы вмешались в их жизнь, исковеркав ее. Тогда Майкл и возненавидел вас с такой нечеловеческой лютостью, что это заставило его превратиться в настоящего убийцу.

Элен закрыла глаза, почувствовав приступ головокружения. Доремус испуганно заерзал на стуле и попытался успокоить несчастную женщину:

— Но Майкл не призрак и, следовательно, при всей своей изощренности, не вездесущ. Мне думается, что...

Внезапно Элен вскочила и бросилась из кухни. Доремус тут же последовал за ней. Но заметив, как женщина заспешила вверх, на второй этаж, он догадался, что сейчас происходит в ее душе. Доремус спокойно вернулся на кухню и, задумавшись, взял в руки стакан с виски. Сделав глоток, он поставил стакан на место, затем убрал со стола посуду и начал мыть ее. К этому времени вернулась Элен. Она была по-прежнему бледна, но, похоже, немного успокоилась.

— Простите, я подумала, что... Мне надо было проверить, как там Пэг.

— Ну, и как она там?

— Спит крепко.— Элен встревоженно посмотрела на следователя:— Вы же сами сказали, что Майкл хочет заставить меня страдать. Как вы думаете, сможет ли он что-нибудь сделать с Пэгги? Если он ненормальный, то он способен на...

— Я даже предположить не могу, каким будет его следующий шаг,— признался Доремус.— Пока что ему хватило ума и осторожности, чтобы не появляться вблизи вашего дома. Но если мои догадки верны и вы — следующая жертва в страшном списке, то ему волей-неволей придется объявиться.

На лице Элен ровным счетом ничего не отразилось, но, когда она схватилась за спинку стула, Доремус заметил, как дрожат ее побелевшие пальцы.

— Как же нам его найти?— в ужасе выдохнула Элен.— Прежде чем он позвонит, прежде чем он появится здесь Я не знаю, стоит ли мне, может быть...

— Утром я переговорю с Иноком Милсом,— не повышая голоса, перебил ее Доремус.— Я пару раз видел его и с точностью могу сказать, что это неплохой полицейский. Будучи первым помощником шерифа, Милс может заняться расследованием по делу Майкла Янга и помочь вам. Я попрошу его об этом и попытаюсь убедить, что это крайне необходимо. Милс тщательно проверит всех, кто может носить личину Майкла... Правда, на это потребуются время, и я не больно-то рассчитываю на успех. А пока

самым разумным было бы отправить Пэгги к родственникам.

Некоторое время Элен не отвечала.

— Это невозможно,— вымолвила, наконец, она.— Лучше нам уехать с ней вдвоем на несколько недель или на все это время, пока вы будете разыскивать Майкла.

— Нет, Элен, вы, к сожалению, должны оставаться здесь.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутилась Элен.— Оставаться и ждать, пока он меня прикончит? Какой смысл...

— Если вы покинете Шейдс, Майкл, разумеется, последует за вами, и тогда у меня не останется ни малейшей возможности помочь вам. Пока вы здесь, защита будет обеспечена. А если все хорошенько обмозговать, то и Пэгги лучше никуда не уезжать. Пока она находится в школе, за ней будет постоянно следить один из помощников шерифа. Таким образом, мы не спугнем Майкла. Ничего не должно отвлекать его внимание от вас — и от меня тоже.

— И что же вы намерены предпринять?

— Я хочу дать понять Майклу: если он собирается причинить вам зло, то для начала ему придется убить меня.— С этими словами Доремус раскурил крохотную сигару, которую вертел в руках.— Сдается мне, Майкл примет вызов.

— Откуда вам известно, что он попытается вас убить?

— У него не останется другого выхода. Потому что с этого момента я буду находиться рядом с вами двадцать четыре часа в сутки.— Услышав такую новость, Элен нахмурилась.— Он не глуп и сразу смекнет, почему я не выпускаю из виду ни вас, ни Пэгги. А так как до сих пор ему везло, Майкл непременно захочет довести свое дело до конца и отомстить. И насколько я его понимаю, мое присутствие вряд ли серьезно озадачит его, поэтому нам остается выжидать момент, когда Майкл допустит какую-нибудь оплошность.

— И вы собираетесь остаться со мной? — спросила Элен, стараясь подавить в голосе испуг.

— Я предпочел бы первый этаж,— рассеянно откликнулся Доремус.

— Вы знаете, по-моему, там нет подходящей комнаты...

— Я смог бы воспользоваться вашим кабинетом.

О лучшем уголке и мечтать нельзя. Помнится, там стояла какая-то кушетка или диванчик. Давайте навестим ваш кабинет еще разок.

Доремус двинулся по темному холлу, Элен беспомощно следовала за ним.

— А это что — вход в подвал? — Следователь распахнул дверь и, мельком взглянув на замок, нахмурился: — Не годится, — пробормотал он. — Надо поставить прочный засов. С утра пораньше я и займусь этим. — Доремус закрыл дверь и направился дальше. — А вон там под лестницей ванная комната, верно?

— Почти. Самой ванны там нет, только душ, и он, честно говоря, не очень...

— Ну, там мне придется только бриться, — бодро отозвался Доремус, поворачивая в фойе выключатель. На пороге кабинета он остановился и по-хозяйски окинул взглядом великое множество антиквариата. Диван, о котором он упомянул, оказался прелестной — викторианского стиля — кушеткой пяти с половиной футов в длину.

— Великолепно, — прокомментировал Доремус. — И здесь нет окон. Вот это мне уже нравится.

— Если нужно, я могу кое-что отсюда убрать...

— Не стоит беспокоиться, здесь просто прекрасно. А если вдруг утром у вас выпадет свободный часок-другой, можно будет сгонять ко мне за вещичками.

— Но на этом диване нельзя спать. Это все равно, что провалиться целую ночь на асфальте.

— Я сплю только в том случае, если мне больше нечем заняться, — возразил Доремус. — Наверху у вас я заметил великолепные старинные шахматы. Если не возражаете, я позаимствую их на несколько дней.

Элен молча уставилась на следователя, все еще не осознавая до конца происходящего, а потом вымолвила:

— Вы что, серьезно хотите остаться здесь?

— А вас это не устраивает?

— Нет, нет, все в порядке.

— Надеюсь, мое присутствие не слишком отяготит вас?

— Ну, что вы... все будет хорошо. Что ж, надо так надо. — В глазах у Элен от усталости начиналась резь. — Сейчас принесу вам постельное белье и свежее полотенце. А потом, наверное... пойду спать.

— Неплохая мысль, спокойной вам ночи. Вы не возражаете, если я поднимусь вместе с вами?

— Зачем?

— Мне надо изучить планировку дома.

— А-а...

Они медленно шагали вверх по лестнице. Доремус то и дело останавливался, когда под ним раздавался скрип ступеньки. Каждый шорох, каждый подозрительный шум он старался отметить про себя. Очутившись на втором этаже, Доремус вошел в спальню Элен и долго наблюдал из окна, запоминая каждое деревце на заднем дворе. Потом, распахнув одно из окон, он высунулся по пояс и внимательно изучил контуры крыши. Убедившись, что на второй этаж без лестницы не заберешься, Доремус удовлетворенно закрыл окно на щеколду и захлопнул ставни.

Элен доставала из стенового шкафа простыни, когда Доремус, наконец, вышел из ее спальни.

— А где спит Пэгги? — на пороге прошептал он.

Элен указала ему комнату. Следовательно осторожно отворил дверь и заглянул внутрь, а потом, так же тихонько закрыв ее, повернулся к другой комнате, расположенной напротив.

— Это кабинет моего мужа,—объяснила Элен, подходя к нему с целым ворохом простыней и чистых полотенец.— Там до сих пор остались его вещи, и я...

— Я там ничего не трону,—пообещал Доремус и вошел внутрь. В темноте его сигара светилась красным угольком. Элен вздохнула и зажгла верхний свет.

— Неплохая коллекция оружия,—констатировал Доремус, указывая на небольшой стеклянный шкаф возле двери.

— Мой муж был егерем. А вы любите оружие?

— Нет. Но я знаю, как с ним обращаться.— Он указал на автоматический кольт 22-го калибра.— Вот этот подойдет, если, конечно, у вас есть к нему патроны.

Элен удивленно взглянула на следователя.

— Если он вдруг придет, возникнет необходимость стрелять,—терпеливо пояснил Доремус.

— Вы и в самом деле верите, что Майкл забредет к нам?

— Я не в курсе его дальнейших планов. Я только делаю предположения. Однако я, возможно, ошибаюсь, и вся моя теория ни на что не годится...— Он потушил сигару.— Придется ждать,—печально добавил Доремус.

Элен раскрыла стеклянные дверцы шкафа и достала пистолет, а потом выдвинула ящик, где хранились боепри-

пасы.— Они лежат здесь уже долгие годы,— заметила она, с сомнением разглядывая коробки с патронами.

— Это не имеет значения.— Доремус осмотрел пистолет. Тот был хорошо смазан и, следовательно, вполне пригоден. Доремус с удовольствием засунул его себе за ремень. Затем, взяв простыни и полотенца, он поспешил в коридор.— Вам нет необходимости спускаться со мной, Элен. Я прекрасно управлюсь сам. Спокойной ночи.

Следователь направился к лестнице, а Элен потушила свет в кабинете мужа и плотно закрыла дверь. У самых ступенек Доремус вдруг на секунду замешкался и обернулся:

— Не волнуйтесь,— прошептал он, будто Элен только и ждала от него этих слов, а потом начал спускаться вниз, в фойе.

«Не волнуйтесь»,— печально повторила про себя Элен и, направившись в спальню, принялась стелить постель.

Она надеялась, что сразу же уснет, но вместо этого в голову залезли разные мысли и воспоминания: страшные и добрые, грустные и веселые... «Бедняга Хэп, ты же не хотел причинить никакого вреда моей сестре, я это знаю... Майкл, неужели ты действительно возненавидел меня за то, что я натворила? Ты ведь никогда не говорил, что ненавидишь меня, почему же теперь ты желаешь моей смерти?» Элен, как ни старалась, так и не смогла представить себе Майкла живым взрослым мужчиной, который пытался теперь убить ее. Он виделся ей брошенным, жалким мальчонкой. «Как же тебе должно быть одиноко сейчас, Майкл!» Элен задремала, и последним, о ком она подумала в ту ночь, был Доремус. Она уже не испытывала никакой тревоги. Ведь там, на первом этаже, остался Доремус, со своими крошечными сигарами, пистолетом и шахматами — надежным лекарством от скуки. Так что теперь наступило время спокойно поспать.

Глава десятая

Эми проснулась на рассвете от шума мотора. Там, внизу, действительно тарахтел автомобиль Крэга. Девушка повернулась на бок, с трудом разлепив глаза, провела рукой по простыни, где Крэг только что лежал. Простыня была еще теплой. Эми обеими руками обняла его подушку и, прижав ее к обнаженной груди, вздохнула и снова погрузилась в сладкий сон.

Через некоторое время она опять проснулась — на этот раз от телефонного звонка.

Эми села в кровати.

— Крэг? — позвала девушка и тут же вспомнила, что он недавно уехал. Эми взглянула на часы — без четверти восемь.

— Что же ты меня не разбудил? — сердито пробормотала она.

Телефон не умолкал, Эми широко зевнула, потянувшись, и сняла, наконец, трубку.

— Алло?

— Я хочу поговорить с Крэгом.

— Что?

— Дайте мне Крэга, — повторил детский голос.

— Крэга... — пробормотала Эми, собираясь с мыслями. — А Крэга здесь нет... Сейчас только восемь часов. С какой стати ему здесь быть? Кто это говорит?

— Он был здесь, — с отчаянием в голосе выдохнул мальчик. — Он спал рядом с вами. Куда он уехал?

— Ты звонишь из школы? — Эми почувствовала, как ужас исподволь начинает заползать в душу. — Кто ты?

— Майкл, — выпалил мальчик, — и я хочу...

— Майкл?

— ...поговорить с Крэгом.

— Майкл Янг? — Несколько секунд оба напряженно молчали. Когда Эми, наконец, заговорила, ей вдруг почудилось, будто у нее внезапно пропал дар речи. — Что?.. Зачем тебе нужен Крэг?

— Мне надо ему кое-что рассказать, — нетерпеливо выкрикнул мальчик.

— Но его... его правда здесь нет. То есть он уже уехал. Я в это время еще спала, но слышала, как он заводил машину и уезжал.

Выговорившись, Эми почему-то почувствовала себя более уверенно и теперь начала сомневаться, не снизошла ли она в этой беседе до одного из своих гринлифских подопечных. Поэтому она бодро добавила:

— Докажи, что ты Майкл Янг.

Тишина, которая последовала за этими словами, с каждой секундой сгущала страх в душе Эми. В какой-то момент девушка решила, что мальчик повесил трубку. И тогда он снова заговорил. Голос его был озорным, но в нем явственно звучали злобные и угрожающие нотки:

— Когда мама была маленькая, она любила играть с тетушкой Элен. Они играли в парикмахерскую. И моя мама остригла тетушку наголо. До этого волосы у той были рыжие, а когда снова отросли, стали почему-то темно-коричневые. Спросите тетушку Элен. Она подтвердит.

— Ну, хорошо. Весьма занятная история, если она, конечно, действительно имела место. Непременно спрошу Элен.

Но Эми уже знала, что мальчик не обманывает ее. Теперь она была убеждена, что разговаривает именно с Майклом Янгом.

— А другие доказательства у тебя есть?

— Я не хочу больше с вами говорить,— разозлился мальчик.

— Вчера вечером... страшная штука приключилась с шерифом Уошбруком. Тебе об этом что-нибудь известно?

— Да,— угрюмо буркнул Майкл.

— Ты там был?

— Он получил по заслугам. Может быть, вы все-таки позовете Крэга?

— Майкл, где ты находишься? — в отчаянии воскликнула Эми.— Я хочу увидаться с тобой и поговорить.

— Я уже сказал, что с вами не буду разговаривать! — стоял на своем мальчик. Казалось, он вот-вот расплатится.

— Ну, прошу, выслушай меня. Крэга здесь нет, но если ты хочешь ему что-то передать, скажи мне, и я его разыщу.

Эми вдруг осеклась, испугавшись, не сболтнула ли она лишнего. Наверное, нельзя было требовать от Майкла так много, но вот он снова заговорил, чуть слышно, с хныкающими интонациями:

— Передайте ему... я хочу, чтобы он умер.

— Нет! Нет, Майкл. Ты не можешь хотеть этого.

— Я хочу, чтобы он умер. Я ненавижу его.

— Ты не можешь ненавидеть всех, Майкл. Это просто невозможно! Крэг любил тебя, он всегда о тебе заботился...

У Эми перехватило дыхание, она никак не могла отыскать подходящие слова. Мальчик плакал теперь навзрыд.

— Майкл,— взмолилась Эми,— я очень хочу помочь тебе. Пожалуйста, скажи мне, где ты находишься, и я к тебе приеду.

Раздались всхлипывания.

— Я нахожусь... — промямлил мальчик, но тут связь неожиданно оборвалась.

Эми сидела, зажав в кулаке трубку и подтянув к груди колени. Ее начало знобить. Внезапно девушка почувствовала, что по щекам заструились слезы. Она вытерла их уголком простыни и положила трубку на рычаг. В комнату пробивались солнечные лучи, но Эми то и дело зябко поеживалась. Она встала с кровати и, отыскав в шкафу самый теплый халат, тут же облачилась в него. Она попыталась собраться с мыслями и закурила. Подойдя к телефону, Эми решительно набрала номер Крэга, но тут же передумала и, поникнув головой, опустила трубку.

— Боже мой, что же мне теперь делать? — надрывно воскликнула Эми.

Но план уже созрел. Девушка торопливо потушила сигарету, натянула брюки и лыжный свитер и, забыв обо всем: о работе, о сыром, прохладном утре — бросилась в старенький гараж.

Доремус в который раз заставил Эми повторить разговор с Майклом, пока не удостоверился, что она пересказала все слово в слово. Наконец, он задал вопрос в упор:

— А почему, собственно, разыскивая Крэга, Майкл звонил именно вам?

Эми покраснела.

— Ну, хорошо, тогда скажите, в котором часу Крэг уехал?

— Понятия не имею, — смущенно пробормотала Эми. — Но на улице было уже светло. Может быть, в половине седьмого, а может, и в половине восьмого. Но не позже. Я слышала, как он заводил мотор, но так и не проснулась до конца.

Вошла Элен и налила всем троем кофе.

— Как же нам объяснить все это Крэгу? — расстроилась она.

— Я считаю, что ему вообще не следует передавать этот разговор, — вставил Доремус.

— Да, но ведь Майкл грозился убить его! — запротестовала Эми.

— Тут вы не совсем правы. Если не ошибаюсь, Майкл выразился иначе: «я хочу, чтобы он умер». А это вовсе не угроза.

— Нет, лично я уверена, что это и есть самая настоящая угроза. К тому же он добавил, что ненавидит Крэга.

— Возможно.

— Ну разве из этого не следует, что он намеревается...
Доремус покачал головой.

— Не знаю, что заставило его позвонить именно вам. Мне казалось, что это не входит в его планы. Но то, что Майкл успел сообщить, вполне похоже на него. Однако я по-прежнему уверен, что следующей жертвой в его кровавом списке должна стать Элен.

Эми чуть не выронила чашку из рук и испуганно уставилась на Элен. Но та лишь грустно улыбнулась и вкратце пересказала Эми версию Доремуса, пока он увлеченно намазывал пирожное маслом.

— Неужели Майкл жив? — изумилась Эми и повернулась к следователю. — Ну, знаете ли, сказать «невероятно» будет, видимо, слишком мягко.

— Странно. Похоже, вы охотнее поверите в привидения и прочую ерунду. А вот разумное объяснение вам никак не подходит.

— Разумное, ничего себе! Ваше «объяснение» не учитывает массу фактов. Ведь многие уже видели маленького мальчика. А Пэгги — целых два раза, да и бедняга Эльза... К тому же сегодня утром я разговаривала именно с мальчиком, а никак не со взрослым мужчиной.

— Вероятно, он просто подделал голос, — предположил Доремус.

— Нет уж, — упорствовала Эми. — Вы уж меня извините, но я работаю с такими мальчиками и слышу их голоса восемь, а то и десять часов в день. Здесь уж меня не провести. Я слушала Майкла и могу с уверенностью констатировать, что со мной говорил именно мальчик.

Элен кивнула

— Тут я с Эми полностью согласна. Не знаю, был ли это один и тот же голос, но я убеждена, что...

— По телефону можно запутать кого угодно, — возразил Доремус.

— Я потребовала у него доказательств, что он — Майкл Янг, и он мне их представил.

Доремус встрепнулся.

— Вы что-то забыли мне рассказать?

— Да. Я попросила, чтобы мальчик доказал, что он на самом деле Майкл Янг. После долгой паузы мальчик заговорил, и довольно самоуверенно — вы же знаете, какими противными мальчишки бывают в этом возрасте. Майкл рассказал, что, когда его мать и Элен были маленькими, они любили играть в парижмахерскую. Да, именно так.

В парикмахерскую. И однажды Алиса взяла ножницы и обкорнала Элен, отхватив чуть ли не все волосы. До этого у Элен была рыжая шевелюра, а когда волосы снова отросли, их цвет поменялся на темно-каштановый.

Элен онемела от ужаса.

— Все правильно. Я еще помню, как рассердились родители на Алису за эту выходку. Хотя мне, по правде говоря, было почти безразлично — ходить лысой или с волосами. Зато уж Алиса вволю покуражилась — между нами всегда возникало что-то наподобие соперничества. Нет, сдается мне, я об этом никому не рассказывала.

— Возможно, сама Алиса и поведала мальчикам эту леденящую душу историю, — предположила Эми и повернулась к Доремусу. — Ну, что вы теперь скажете?

— Я склонен придерживаться собственной теории, — стоял он на своем, отхлебывая кофе из большой чашки. — Вот теперь, Элен, кофе у вас удался на славу. Тридцать лет я потратил на то, чтобы научиться заваривать кофе по этому рецепту, а вы, я вижу, схватываете все на лету.

— Да, неплохой получился, — сухо поддакнула Элен и взглянула на Эми. — Завтрак сегодня нам приготовил Доремус.

— Правда? А что же Бренда? Как же она вынесла присутствие на кухне второго повара?

Доремус снова улыбнулся и неспеша развернул маленькую сигару.

— Скажите, а как долго вы еще намереваетесь оставаться здесь? — неожиданно заинтересовалась Эми.

— Трудно сказать.

— Может быть, лучше за домом понаблюдает помощник шерифа?

— Лучше меня вряд ли кто-нибудь сможет охранять Элен с Пэгги, — возразил Доремус.

— Однако пока в опасности жизнь Крэга, а вам, похоже, и дела до этого нет.

— Может быть, вы правы, — согласился Доремус. — Хотя я могу и ошибиться.

— Вы признаете, что его могут убить, и пальцем о палец не ударяете, чтобы защитить Крэга? Потом-то вы, конечно, признаете свою ошибку над его трупом!

— Эми! — укоризненно осекла девушку Элен.

— Я не смогу промолчать! Я должна рассказать Крэгу про Майкла.

Эми немного помолчала и добавила:

— Может быть, я смогу ему как-то помочь.

— А почему бы не пригласить Крэга вечером сюда? — предложил Доремус, обращаясь сразу к обеим женщинам. — Надо растолковать ему, зачем я здесь торчу, какие у меня дальнейшие планы и соображения. Не исключено, что и Крэг подкинет мне парочку дельных советов.

Доремус зевнул и поднялся из-за стола.

— Кстати, неплохо было бы провести Инока Милса. А вдруг они нашли в городском парке что-нибудь стоящее? — С этими словами Доремус, попыхивая сигарой, удалился. Небритый, он выглядел чересчур по-домашнему.

— Не знаю, что и подумать, — тихо произнесла Эми. — До недавнего времени я возлагала на него такие надежды! Но теперь мне кажется... он какой-то... невоспитанный, что ли?

— Сама не пойму, — безразлично отозвалась Элен.

— Я уж было подумала, что он вас заинтересовал.

Элен печально улыбнулась.

— Возможно, дела наши и пошли за последнее время кувыркком, но чего-чего, а ума я покуда не лишилась.

— Вот и прекрасно. Теперь-то я уверена, что этот человек создан не для вас. И все же...

Эми положила в остывающий кофе кусок сахара и начала его размешивать.

— Он такой самонадеянный и слишком много о себе воображает. Но, несомненно, в нем что-то есть. Особенно это заметно детям. А уж их-то провести невозможно.

— Разумеется, ведь они всегда отзываются на доброту, — согласилась Элен.

Крэг приехал к Элен вечером. Он с каменным лицом выслушал подробный рассказ Эми о телефонном звонке Майкла. К ее ужасу, Крэг не проронил ни единого слова. Он только бросил на Эми такой взгляд, который мог означать одно из двух: либо Крэг счел все это выдумкой, либо решил, что Эми действительно спятила. Потом в разговор вступил Доремус и подробно изложил свою теорию о том, что Майкл, вероятно, жив. Эта версия сразу же заинтересовала Крэга, и он начал задавать Доремусу бесчисленные вопросы, все более оживляясь с каждой минутой. В конце концов Крэг так разволновался, что вскочил со стула и начал взад-вперед метаться по кухне.

— Это уже кое-что! — бормотал он себе под нос. — Ско-

рее всего так оно и есть. Майкл не погиб тогда в пургу. Я немедленно начну поиски документов. Надо обязательно проверить, не пропал ли из гринлифской школы какой-нибудь мальчик в ту же самую зиму, что и Майкл. Вы уже спрашивали об этом Инока Милса? У шерифа должны храниться документы о пропавших без вести.

Доремус кивнул.

— Да. Правда, Милс не сообщил мне ничего утешительного, но это не имеет решающего значения. О пропавших детях ведь не всегда заявляют.

— Может быть, Майкл и выжил,— резко бросила Доремусу Эми, не задумываясь над тем, что о ней подумает Крэг,— но тем не менее во всей этой истории замешан мальчик. И я не понимаю, как можно упускать это из виду или так легко отмахнуться от подобного факта.

Доремус внезапно обернулся к Эми, и девушка застыла с открытым ртом. Решив про себя, что следовательно просто неудачник и растяпа, Эми была поражена его взглядом. Глаза Доремуса сверкали, как у волка, напавшего на след. Эми тут же почувствовала, что в этом человеке заключена недюжинная сила, а также безошибочная профессиональная интуиция. Эми моментально воспряла духом.

— Я ничего не упускаю из виду,— спокойно парировал Доремус.— Но пока я вынужден ждать и бездействовать. И еще надеяться, что мои суждения верны, и я нигде не допустил серьезного просчета.

Около двух часов ночи Элен внезапно проснулась. Она была твердо уверена, что в ее спальню кто-то зашел.

Небо затянули тучи, и тусклая луна еле-еле пробивалась сквозь них. На стене спальни, как гигантская ночная бабочка, шевелилась тень от дерева. И тут Элен заметила вдруг чью-то крадущуюся фигуру. От неожиданности женщина чуть было не закричала.

— Мам! — раздался внезапно жалобный голосок Пэгги.— Мне плохо. У меня живот болит.

Элен облегченно вздохнула и направилась за лекарством. Уложив дочку и вернувшись к себе, она поняла, что сон как рукой сняло. Женщина решила выпить чашечку крепкого горячего кофе и спустилась в гостиную.

Элен собиралась бесшумно проскользнуть в кухню, чтобы не потревожить Доремуса, и ей показалось, что, передвигаясь по лестнице, она не издала ни звука. Но только она

сделала несколько шагов, дверь в кабинет распахнулась, и перед Элен возник следователь с пистолетом в руке. Лампу в комнате он чем-то прикрыл, и перед взором Элен предстал лишь маленький квадрат света, выхватывающий из тьмы шахматное поле, которое, видимо, и изучал несколько секунд назад Доремус.

— Не сварите ли и мне чашечку? — попросил он.

Когда Элен занесла поднос с кофе в кабинет, Доремус уже снова с головой погрузился в шахматы, склонившись над доской. Черный «кольт» лежал тут же, всего в нескольких дюймах от его левой руки.

— Вы играете сами с собой? — поинтересовалась Элен.

— Нет. Вот эти фигуры — мои, а черные принадлежат моему приятелю Арщенко. Это русский филолог, он работает в Московском университете. Мы играем с ним уже несколько лет подряд, с того самого дня, как встретились в Чикагском университете. Сейчас мы сражаемся по переписке. За четыре года я только раз выиграл у него, но мне кажется... уж нынче-то победа останется за мной. Это выяснится весной.

Он взглянул на Элен и принял из ее рук чашку с дымящимся ароматным кофе.

— А вы, я полагаю, не играете?

— Мы с мужем играли иногда, но я...

— Это замечательно! — загорелся Доремус и смел с доски фигуры. — Не хотите ли партию прямо сейчас?

— Ну, а как же мистер Арщенко?

— Он подождет. На обдумывание хода у меня еще целых три дня.

Доремус принялся заново расставлять фигуры. Элен, внезапно вспомнив о теплой разобранной постели, чуть слышно вздохнула.

— Ну, если только одну партию... А вообще-то, я играю так себе...

Это вполне соответствовало истине: через двадцать минут она получила мат. Доремус тут же в мельчайших подробностях объяснил Элен все ошибки, тщательно разобрав партию. Элен помимо воли широко зевнула. Доремус изумленно взглянул на часы, стоявшие рядом на столике.

— Вы знаете, Элен, а у вас есть способности к этой игре, — заявил он. — Вот моя жена так и не смогла научиться...

Доремус сунул руку в карман в поисках сигары и обнаружил, что уже выкурил последнюю. Он в отчаянии отки-

нулся на спинку кресла, безразлично уставившись на шахматную доску. Элен составляла чашки из-под кофе на подносе. Заметив рассеянный взгляд Доремуса, она сочувственно присмотрелась к нему и вдруг спросила:

— А когда умерла ваша жена, Доремус?

— Три года назад.

— Ее звали Марианна?

— Да.

Он помолчал некоторое время, а потом задумчиво посмотрел на Элен:

— Вы были просто молодцом. Я имею в виду ваше отношение к моему переезду сюда, и все такое прочее. Ведь это было очень непросто. Но другого выхода не оставалось. Мне необходимо пока что находиться в вашем доме.

— Я все понимаю.

— Может быть, он и не явится сюда... Но если все-таки придет, то вы встретите его не одна. А вот Марианна была совершенно одна. Она пыталась сопротивляться, но как она могла справиться?

Доремус замолчал, погружившись в тяжкое раздумье.

Элен, услышав такие слова, пришла в замешательство. Она никак не осмеливалась спросить Доремуса, что же все-таки произошло с его женой. Постепенно напряжение спало, и тот снова заговорил:

— Мне пришлось вылететь в Де-Мойн вслед за подозреваемым, чтобы провести следственный эксперимент. Обычно, когда я отсутствовал, Марианна всегда переезжала к моей сестре и ждала меня там, но на этот раз она помогала соседу: у него скоро должна была состояться свадьба, и моя жена решила остаться, чтобы подсобить. Марианна чувствовала себя уверенно: дело было весной, а места у нас тихие... Впрочем, где сейчас в этом подлунном мире можно найти тихий уголок?

В четыре утра самолет приземлился в Мейфилде, а в шесть я уже закончил дела с подследственным и около семи явился домой. Подойдя к подъезду, я увидел молочника, взял у него бутылки и сразу же засунул их в холодильник. Затем я быстренько пробежал глазами «Геральд Трибьюн» и, наконец, поднялся наверх. Никаких признаков взлома не было, иначе я бы сразу заметил это. Так что, ничего не подозревая, я вошел в собственный дом.

Доремус заморгал и потер рукой слезящиеся глаза.

— Что меня поначалу поразило — так это кровь на стенах — она казалась такой свежей... В комнате царил жут-

кий хаос. А Марианну я обнаружил чуть позже — она лежала за кроватью, вернее, была зажата между спинкой кровати и стеной. Убийца нанес ей пятьдесят ножевых ударов и в конце концов сломал лезвие.

Остолбенев, Элен уставилась на следователя широко раскрытыми глазами. Лицо ее посерело. Так и застыв на пороге, она не могла оторвать от Доремуса полный смятения взгляд.

А тот, будто не замечая хозяйку дома, продолжал:

— Мальчишка находился в ванной — передвигаться он уже не мог. Не знаю, как она отбивалась от его ножа, но я частенько демонстрировал ей самые разные приемы, в том числе и те, которыми пользуется уличная шпана. Кроме того, моей жене наверняка хватило храбрости, чтобы дать отпор малолетнему хулигану. Им оказался соседский мальчишка, которому мы оба искренне хотели помочь. Скорее всего, узнав, что за дверью стоит именно он, Марианна и открыла. Другого объяснения я не нахожу. Он лежал на полу в ванной, потому что не мог даже ползти. Стены были забрызганы и его кровью. Кое-где с его головы был сорван скальп, один глаз выдран, а зияющая глазница заполнена свернувшейся кровью. Зрелище чудовищное. Лицо его походило на застывшую маску, но только я вошел, он грязно выругался. Видимо, я тогда плохо соображал, потому что, медленно достав револьвер, в упор всадил в него пять или шесть пуль, а потом спокойно покинул ванную.

Элен стояла, как громом пораженная. Так и не найдя слов утешения, она молча вышла, сполоснула в раковине чашки и блюда, а затем вернулась к Доремусу. Задумавшись, следователь расставлял шахматные фигуры. Внезапно он натянуто улыбнулся Элен.

— Поверьте, я не хотел огорчать вас своими воспоминаниями.

— А вы еще кому-нибудь рассказывали об этом?

— Я никогда никому не доверял свою трагедию. Мне казалось, что на это не хватит ни сил, ни мужества.

— Не надо было держать все это в душе, — с легким укором пробормотала Элен.

Какое-то время они с теплотой смотрели друг на друга.

Доремус улыбнулся и, водружая на нос очки, заметил:

— Спасибо, кофе получился отменный. А что если нам сыграть еще разок?

— С удовольствием. Знаете, Доремус... наверное, в последние дни я была к вам несправедлива. Простите. Это

здорово, что вы сейчас здесь, со мной. Правда, очень здорово. И не только потому, что я боюсь Майкла. Надеюсь, когда вся эта чертовщина останется, наконец, позади, вы не откажетесь время от времени навещать меня?

— Придется. Ведь Пэгги предложила мне в качестве отступного половину своего школьного пособия, если я останусь у вас навсегда,— как бы невзначай обронил Доремус, и лицо его приняло невинное выражение. Элен, даже не успев покраснеть, весело расхохоталась.

— Ну уж если Пэг обещала, то обязательно отдаст. Спокойной ночи, Доремус.

Глава одиннадцатая

Далеко за полночь он свернул на запад и промчался мимо спящего городка, затем вырулил на сбегавшую вниз извилистую улочку под названием «Белая Церковь». За окном мелькали окутанные ночным сумраком домишки. Стояла безлунная ночь.

Слишком долго подкарауливал он подобную темень. Но вот теперь-то спешить не следовало — ведь начини он сейчас суетиться, и весь план моментально рухнет. Снова и снова обкатывал он его в уме, возвращаясь мыслями к той веселенькой разминке, которую устроил всего неделю назад. Зайти в дом и покинуть его. Суметь осуществить все за каких-нибудь двадцать минут — и никак не дольше. А потом — снова в путь. Так что на рассвете — его и след простыл. Это, кстати, являлось важнейшей частью плана.

Добравшись до особняка Коннелли, Гарри припарковал автомобиль на обочине под густыми кронами старых вязов. Он тщательно осмотрел дом и только после этого заглушил мотор. Два последних квартала Гарри пришлось двигаться с габаритными огнями, ведь горящие фары вполне могли привлечь чье-то внимание. Теперь же, сидя в полной тишине, он медлил и старался не смотреть на те яркие и сияющие столбы света, что выхватывали из тьмы уличные фонари.

И тут он почувствовал, как тревожно забилося сердце. Ладони стали липкими от холодного пота. Это означало лишь одно — пора начинать. Рядом с ним на сиденье лежало все необходимое, и Гарри осторожно поднял эти вещи. Здоровый бельевого мешок с тугой резинкой, какими обычно пользуются в прачечных, Гарри засунул под свой черный свитер. Нож с пружинным лезвием — в правый кар-

ман брюк. Разумеется, складной ножичек подошел бы для этой цели куда как лучше, однако за него никогда нельзя поручиться — в самый нужный момент эта штукавина имеет обыкновение сама собой складываться. А уж тогда — пиши пропало.

Гарри тихонько приоткрыл дверцу и выскользнул из машины, затем несколько секунд постоял не шевелясь. Дыхание его походило на пар, неведь откуда возникший здесь, в пустом пространстве. Взяв себя в руки, Гарри решительно двинулся вперед.

Где-то вдалеке залаяла собака, но он не обратил на нее внимания.

Застыв на полоске тени, отбрасываемой уличным фонарем, Гарри на миг заколебался, а потом стремительно перемахнул через приземистый каменный забор, ограждавший владения Коннелли. Очутившись во дворе, он почувствовал себя спокойней и уже более уверенно зашагал к дому. Накануне здесь, видимо, здорово поработали граблями: лишь пару раз зашуршали под его ботинками опавшие листья. Дорога была ему хорошо знакома — Гарри с открытыми глазами мог отыскать тут каждый кустик.

В третий раз он остановился возле самого дома. Затаив дыхание, Гарри внимательно огляделся по сторонам. Отсюда машину уже не было видно. Вокруг по-прежнему стояла полнейшая тишина. За все это время ни один автомобиль так и не потревожил ее.

Гарри вытащил нож, и пятидюймовое лезвие, вырвавшись из рукоятки, с щелчком распорол воздух. Подходя к боковому крыльцу, Гарри опустил лезвие, опасаясь, как бы оно невзначай не сверкнуло в темноте. Конечно, нож создавал кучу неудобств, однако, в конечном итоге, все эти неудобства — ерунда ведь Гарри знал, как управляться с этой штукавиной.

Три ступеньки отделяли его от двери. Самая обыкновенная стеклянная дверь, с презрением подумал Гарри. Он прекрасно знал, что замок на двери сломан и, даже если его успели починить, все равно он — Гарри — за считанные секунды окажется внутри... просто на это уйдет чуть больше времени.

Расшатав лезвием ножа старый разболтанный замок, он без труда открыл дверь и бесшумно проник внутрь. Неплохо сработано.

Гарри вдруг живо представил себе женщину, спящую наверху, и злобно ухмыльнулся, прикинув в уме, как она

перепугается, когда увидит его с ножом в руке. Да, многое отдал бы он за один только ее страх. Но это никак не вошло в его планы.

Вся веранда была захламлена «мусором» — как окрестил разные сундуки да саквояжи Гарри, — так что ступать теперь приходилось осторожно. Надо было как можно скорее пробраться в просторную гостиную. Поначалу Гарри решил было воспользоваться карманным фонариком, однако интуиция подсказывала, что делать этого не следует. Да и глаза уже привыкли к темноте: он прекрасно различал все окружающие предметы. Гарри безошибочно ориентировался в доме, и, похоже, фонарик оказался здесь лишним.

Он уже почти миновал гостиную, когда внезапно остановился, чтобы перевести дыхание. Нервы были напряжены, и Гарри не терпелось поскорее закончить дело. Он снова двинулся вперед, чувствуя, как отчетливо гулко стучит в висках кровь. С улицы в гостиную проникал рассеянный свет. Гарри разглядел лестницу, ведущую наверх, и два застекленных шкафчика рядом с дверью.

Неожиданно ему почудился едва уловимый табачный запах, и это озадачило Гарри. Однако он тут же успокоился. Видимо, тот, кто здесь накурил, давно отправился восвояси и мирно посапывает сейчас в собственной постели. Гарри вновь сосредоточил свое внимание на шкафчиках. Он осторожно провел ладонью по стеклу. Пальцы нащупали крошечный замок. С такой ерундой Гарри, конечно, справится одним мизинцем. Ну что за блажь ставить такие хлипкие шутовины, если...

Внезапно гостиная озарилась ослепительным светом: он бил прямо из-за спины Гарри, как при фотосъемке. Гарри застыл, так и не успев убрать руку со стеклянной дверцы. Свет почему-то не гас, как ожидал Гарри, а, наоборот, разгорался все ярче и ярче. Теперь Гарри казалось, что это направленное сияние простреливает его затылок.

— Стой и не двигайся! — скомандовал Доремус. — Только шевельнешься — я продырявлю тебе обе ноги, Майкл.

Лезвие ножа сверкало всего в нескольких дюймах от правой руки. Молниеносный взгляд на нож... Сомнения... И рука Гарри инстинктивно поползла к ножу...

— Я не шучу, — предупредил тот же голос. — А сейчас сделай шаг назад и повернись ко мне лицом — и без глупостей!

Сила и решительность, прозвучавшие в этом голосе, словно околдовали Гарри. Он медленно повернулся и тут же зажмурился от нестерпимо яркого света, бьющего прямо в глаза.

— Ну все, все! Вы же меня ослепите!

— Стой спокойно! — Доремус шагнул к лестнице и поставил фонарь с мощной лампой на журнальный столик. Яркое сияние продолжало обволакивать Гарри Рендла чудовищным светом. Удерживая пистолет в одной руке, Доремус другой набрал телефонный номер. Трубку, видимо, долго не снимали. Наконец, следователь заговорил:

— Инок? Извини, что беспокою в такое время. Я поймал его... Да-да, Майкла Янга.

— Чего-чего? — нахмурился Гарри.

— Да, в доме. По-моему, он собирался наверх, в спальню.

Несколько секунд следователь молчал и слушал помощника шерифа.

— Ну, хорошо. Тогда встретимся прямо в участке.

— Какого черта!

— Заткнись! — рассвирепел Доремус, с ненавистью окинув взглядом нож Гарри.

— Что еще за Майкл Янг? Вы что, хотите сказать, что тот ублюдок, который...

В этот момент Доремус включил верхний свет и обернулся. По ступенькам спускалась Элен Коннелли. Она в недоумении переводила взгляд с Доремуса на Гарри Рендла и обратно. Внезапно Элен заметила в руке у следователя «кольт».

— В чем дело? И почему Гарри...

— Ну, а теперь поздоровайся со своей тетушкой Элен, — подсказал юноше Доремус.

— Миссис Коннелли, он что, свихнулся?

Элен все еще не могла ничего понять. Она удивленно уставилась на Гарри. Юноша замолчал и испуганно заморгал.

— Но... Доремус... как же так?.. Вы уверены?..

— Я уверен в том, что этот тип ворвался ночью в ваш дом без приглашения. И еще я уверен, что он не забыл прихватить с собой нож.

— Послушайте, — с отчаянием в голосе начал канючить Гарри. — Моя фамилия Рендл. Рендл, понимаете? Я никогда раньше не слышал про Майкла Янга, пока доктор Бриттон...

И тут на лице Гарри отразился ужас. Он ошалело взглянул на Доремуса, холодея от внезапной догадки.

— Да что здесь происходит? Вы хотите сказать, что... Почему вы все время называете меня Майклом?

— А я считаю, что ты и есть Майкл Янг. И сегодня ты явился сюда, чтобы убить Элен.

— Боже милостивый! — пролепетал Гарри. Казалось, сейчас в его голове осталась лишь одна мысль — рвануться к двери и сломя голову бежать отсюда.

Доремус будто прочел в его глазах это желание.

— За каждый шаг ты получишь по две пули, — напомнил он. — Пули, конечно, не Бог весть какие тяжелые, но пока ты доберешься до выхода, ты чуток прибавишь в весе. За это я ручаюсь. Так что оставь-ка эти мысли.

— Боже милостивый! — повторил Гарри. Лицо его побелело, как полотно. Он нервно облизнул пересохшие губы, неопределенным жестом указал куда-то в сторону улицы и, запинаясь, продолжал:

— Я ведь собирался уехать из этого города... Все, хватит, теперь уже навсегда отсюда. И поэтому... План-то у меня созрел давно. Ведь я частенько помогал завозить сюда разный мусор и, конечно, сразу же обратил внимание на всякие безделушки, которые есть в доме — ну, эти старинные драгоценные камушки и украшения... Вот я и подумал, что когда решу убраться отсюда, то по дороге непременно загляну в этот дом и... ну, в общем, прихвачу с собой кое-какие цацки. Я даже и мешок припас — вот он у меня, под свитером, можете сами убедиться. Я бы за пять минут с этим управился, ну а потом сбыл бы все это где-нибудь за несколько сотен.

Гарри исподлобья бросил на Элен смущенный взгляд, а затем перевел его на Доремуса. Теперь в глазах юноши застыла мольба. Он оттянул свитер, и пустой мешок вывалился на пол.

— Ну вот же! Видите? Да не вру я! А машину я оставил возле дома, чуть подальше. Я знал, что дверной замок уже еле дышит, но все равно, чтобы открыть его, мне был нужен нож. А убивать я никого не собирался! Да я ее почти и не знаю, просто подрабатывал здесь иногда. Мистер, меня зовут Гарри Рендл! Гарри! Рендл!

— Заткни-ка свой фонтан, а то разбудишь Пэгги, — рявкнул Доремус, тщательно взвешивая в уме слова Гарри Рендла. Только теперь сработала интуиция, и сомнение закралось в его душу.

— Пойду-ка я поставлю кофе,— предложила Элен. Она прошла мимо Доремуса, и, поравнявшись с Рендлом, пристально взглянула на того.

— Вы сами это скоро выясните,— мрачно буркнул Гарри.— Я вам ни слова не соврал. Вот выясните, кто я на самом деле такой. А с убийцей меня не путайте.

— Вот в одном ты точно не ошибся. В ближайшие сутки мы узнаем о тебе столько, сколько ты и сам о себе не знаешь. Тебе хоть раз приходилось иметь дело с детектором лжи, Рендл?

— Нет,— после долгой паузы выдавил из себя Гарри.— Но я не против такой проверки. Потому что мне нечего скрывать.

У ворот притормозила полицейская машина, и Рендл нервно оглянулся. Доремусу снова показалось, что у юноши мелькнуло желание убежать, но в следующий момент Гарри обмяк и, вперив в пол опустошенный взгляд, уже безвольно поджидал полицейских.

Главный помощник шерифа Инок Милс отличался крепким телосложением. Слегка сутулый, он уже успел наполовину облысеть. На его обильно усыпанном веснушками лице сияли добрые зеленые глаза. И хотя Доремус познакомился с Милсом совсем недавно, он уже с уверенностью мог сказать, что тот неплохо знал свое дело. Пожалуй, самым привлекательным в Милсе являлось то, что он легко сходил с любым человеком, а кроме того, был скрупулезен до мелочей.

Милс быстро связался с окружной полицией и выяснил прошлое Гарри Рендла. Вместе с Доремусом они устроили Гарри перекрестный допрос и, выпытывая мельчайшие детали его прежней жизни, терзали юношу до тех пор, пока тот не потерял дар речи от усталости. Доремус оказался прав. К шести часам вечера они уже знали о Гарри такие подробности, которых тот сам либо не знал, либо успел уже порядком подзабыть. В конце концов сыщикам пришлось констатировать, что Гарри Рендл на самом деле есть не кто иной, как Гарри Рендл, сирота, воспитанием которого успешно занималась сначала улица, а затем и тюрьма. Детектор лжи выявил, что Гарри не является убийцей, а в момент гибели шерифа Уошбрука юноши поблизости не было.

— Да, жаль, что он не Майкл Янг,— заявил Милс, когда они с Доремусом, покинув участок, заглянули в ресторанчик, чтобы выпить по чашечке крепкого кофе.— А теория ваша мне пришлась по душе. Ну, а теперь... что ж, снова поползут слухи о привидениях и прочей чепухе. А настоящий убийца будет преспокойно разгуливать на свободе.

— И все же не стоит пока забывать о моей теории,— подхватил Доремус.— Пусть даже я оказался неправ в отношении Гарри. Во всяком случае, теперь надо быть начеку. Раз нам не удалось поймать Майкла Янга, значит, он до сих пор бродит где-то рядом и ждет своего звездного часа. Вполне возможно, он явится сегодня ночью,— продолжал следовательно, потирая усталые глаза.— А может, и нет.

— Однако пока вы неплохо устроились. Я слышал, что миссис Коннелли — прекрасная хозяйка и отлично стряпает. Доремус улыбнулся:

— Ничего подобного. Я готовлю в сто раз лучше.

Глава двенадцатая

Очень скоро Элен обнаружила, что постоянное присутствие в доме телохранителя начинает мало-помалу действовать ей на нервы. Разумеется, Доремус был куда лучше всех этих ежедневных визитеров и покупателей. Однако уже в субботу она радовалась любому поводу, лишь бы сбежать из дома. Хоть на пару часов. Чтобы не видеть Доремуса, неотступно околачивающегося рядом. Вот таким-то поводом и явилось родительское собрание в школе. Однако Элен пришлось потратить пару часов, демонстрируя все присущее ей красноречие, чтобы убедить Доремуса остаться дома и не провожать ее в школу. В конце концов Элен удалось уговорить Доремуса, что в людном месте ей не может ничего угрожать.

— Собрание состоится в спортивном зале, а туда явятся сотни родителей!

— Вот это меня как раз не больно-то радует.

— Потому что один из них может оказаться Майклом? Вы это имеете в виду? Ну так что же? Неужели ему взбредет в голову у всех на глазах совершать преступление? При таком количестве свидетелей?

Доремус мрачно разглядывал потухший окурок.

— Я уже сказал, можете идти. Только никуда не отпускайте от себя Пэгги.

— Разумеется.

— Машину припаркуйте как можно ближе к школе и попросите кого-нибудь из знакомых проводить вас после собрания. О причинах желательно не распространяться.

— Ну, хорошо,— вздохнув, согласилась, наконец, Элен. Ее уже начало одолевает сомнение, правильно ли она поступает и сулит ли ей это собрание то радостное и приподнятое настроение, о котором она последнее время так мечтала. Стоит ли рисковать и собой и Пэгги?

— Позвоните мне сразу, если...

— Как же вы мне напоминаете отца!

— Понял, понял. Уже молчу.— Доремус виновато улыбнулся.

Итак, дом теперь находился в полном распоряжении Доремуса. Следовательно принял горячий душ, натянул новехонькие джинсы «Левис» и, набросив свежую сорочку, вышел во двор. Вечерняя прохлада начала обволакивать городок, и ложбины уже курились легким туманом. Доремус бросил взгляд в сторону городского центра. Тот находился всего в четырех кварталах отсюда. Однако клубы тумана заволокли и его. Доремус неторопливо обошел двор, разглядывая каждое деревце. Внезапно в сизой пелене возник здоровый котище. Он застыл на месте, словно замешкавшись, а потом, воровато оглядевшись, дал деру. Доремус решил немного постоять — в надежде увидеть и других существ, которые столь таинственно и чарующе являются из тумана.

Однако уже через пять минут следовательно убедился в своем полном одиночестве и вернулся в дом, потушив фонарь у входа на веранду. Он отыскал в библиотеке какой-то ковбойский роман и устроился в кабинете, предвкушая приятный вечер. Доремус успел вникнуть во все жизненные перипетии героев, с головой погружившись в чтение, когда вдруг зазвонил телефон.

Он неохотно оторвал взгляд от книги и, что-то прикинув в уме, снова увлекся романом. Однако телефон не умолкал. Насчитав восемь звонков, Доремус отложил, наконец, книгу и поднялся. Когда раздался десятый звонок, следовательно уже находился в полной уверенности: человеку на другом конце провода непременно надо поговорить.

— Магазин Коннелли,— хрипло произнес следователь.

— Вы хотите встретиться со мной, так?

Прошло несколько секунд, и губы Доремуса скривились в ледяной усмешке.

— Совершенно верно, радость моя.

— Мы можем увидаться через полчаса на мельнице у фермера Хока.

— Полчаса. А тебе хватит этого времени, чтобы материализоваться, или что там еще с вами, призраками, происходит?

— И приходите один, иначе вы меня не увидите.

Прежде чем Доремус сумел сообразить, как же заставить мальчишку разговориться, связь оборвалась. Следовательно медленно опустил трубку на рычаг и в задумчивости посмотрел на свои часы. Начало десятого. Мальчик говорил быстро, в его голосе чувствовалось напряжение. Видимо, он не меньше Доремуса жаждал этой встречи.

— Так, значит, на той старой мельнице? — вполголоса пробормотал следовательно. — Похоже, ты что-то задумал, парень.

Он снова потянулся к трубке и решительно набрал домашний номер Инока Милса.

— Говорит Доремус, — представился следовательно, услышав знакомый голос. — Мне только что звонил Майкл Янг.

Тут Доремус вспомнил, что мальчик не назвался, однако его это почему-то нисколько не смутило, и он продолжал:

— Майкл уже что-то припас и для меня, только вот я никак пока не могу сообразить, что именно... Да, помощь мне может понадобиться. Элен Коннелли увезла Пэгги на какое-то родительское собрание. Час тому назад. Наверное, неплохо было бы послать кого-нибудь из ваших людей в школу: пусть приглядывает за нами, но только осторожно, не привлекая внимания. Ну, а я никак не могу отказать себе в удовольствии посетить старую мельницу, ту, что стоит на ферме у Хока... примерно через двадцать пять минут я уже должен быть на месте. Похоже, я буду там впритык. Нет, этого не надо. Выжди, ну, скажем, часок, а потом мчись туда на всех парах. Час-то я продержусь в любом случае. К тому же он должен думать, что я один. Иначе мы его не увидим.

Мельница на речушке Айронуолл была выстроена еще в сороковые годы прошлого столетия, и хотя ее жернова по-прежнему изо дня в день перемалывали муку, тем не менее

эта старинная мельница служила теперь приманкой для падких на старину туристов. Время от времени сюда навещались и художники, охочие до разного рода экзотики. Мельница эта располагалась ярдах в ста от проселочной дороги, в верхнем течении реки. Схороненная за густыми кронами древних вязов, она словно растворялась ночью.

Доремус несколько раз бывал в этих краях, здесь, на берегу, он загорал и купался в реке, каждый раз поражаюсь обилию водорослей.

Следователь без труда вспомнил эту старинную мельницу, окруженную довольно высоким забором. До сих пор ее содержали в идеальном порядке. Со стороны пастбища, находившегося на севере, проникнуть на мельницу было несложно. У самой водной кромки клубился туман, сверкавший в лунном сиянии. Постепенно он окутывал пастбище. Сюда вела и еще одна дорога. Однако пролегалла она по отвесному берегу. Тропа брала начало у самого моста и, круто уходя вверх, петляла, повторяя береговые изгибы. Бродить по такой тропинке было весьма опасно. Именно этот путь и выбрал Доремус. А сделал он это вовсе не потому, что собирался подкрасться незаметно — нет, ведь даже глухой услышал бы в полной тишине шум его мотороллера. Просто здесь, вдоль всего берега, тянулась полоса густого кустарника вперемешку с высокими деревьями. Поэтому Доремус сколько угодно мог оставаться в укрытии.

Притормозив на обочине, он слез с мотороллера и по тропинке направился к реке, освещая дорогу фонарем. Левоу рукой следователь крепко сжимал девятизарядный револьвер.

Кустарник здорово мешал движению, но Доремус не торопился. Следователь еще раз убедился, что тропа, по которой бредет, — верная. Он неплохо знал эту дорогу, поэтому выключил фонарь и дальше пробирался уже в темноте. Внезапно над его головой показалось гигантское мельничное колесо.

Доремус остановился, прислушиваясь к плеску воды под колесом. Сделав несколько шагов вперед, он принялся внимательно изучать расчищенную площадку перед входом на мельницу. Вдали, на пастбище, шелестела сухая трава, уже тронутая желтизной. В лунном свете Доремус без труда мог разглядеть мельницу. Он на глаз прикинул ее высоту и заметил, что самые верхние окна заколочены досками. Пристегнув фонарь к ремню, следователь двинулся к входной двери. На всякий случай он слегка пригнулся. Набрал

в легкие побольше воздуха, Доремус одним прыжком преодолел последние метры. Прислонившись к прохладной стене, он опустился на колени.

На двери висел замок. Вернее, тот как-то беспомощно болтался на засове. Здесь, на этом пустыре рядом с мельницей, Доремус являлся отменной мишенью. Следовательно даже поежился, представив себе, как четко выделяется его силуэт на фоне звездного неба. Он толкнул дверь и, как змея, вполз внутрь. Очутившись в темноте, Доремус почувствовал себя уверенней и снова встал на четвереньки. Легкие распирало, однако руки не дрожали. Все вокруг обволакивала густая — хоть глаз коли — тьма. В нос ударила резкая смесь запахов плесени, гниющего зерна и крысиного помета. Медленно и осторожно отползая от двери, Доремус двигался вправо.

И тут в темноте послышался торжествующий детский смех. Точно так же внезапно он стих — словно кто-то зажал рукой рот. Доремус застыл на месте, нащупывая большим пальцем выключатель на фонаре.

— Ну ладно, — негромко начал он, — давай поговорим. Однако мне бы хотелось взглянуть на тебя.

Он снова передвинулся вправо, на этот раз более проворно. Пол на мельнице был земляной, во всяком случае, в том месте, где находился сейчас Доремус. Мимо проשמгнула крыса, шлепая лапами по грязи. Доремус не обратил на нее внимания. Он прислушивался к другим звукам. К тем, которые мог издать только человек.

И снова раздался смех — громкий и злорадный. Резко вскочив на ноги, Доремус включил фонарь. Луч света описал дугу, выхватив из мрака поленья, старые жернова, лестницу, ведущую наверх... И тут на ступеньках Доремус увидел мальчика, одетого в спортивную форму.

Мальчик, застигнутый врасплох этой внезапной вспышкой, прикрыл лицо руками, что было не удивительно, ведь в глаза ему бил такой яркий свет, словно исходил он от прожектора локомотива. Доремус и сам невольно прикрыл ладонью глаза, приближаясь к мальчику. Но тот быстро пришел в себя и рванулся вверх по ступенькам. Он так стремительно взлетел по лестнице на второй этаж, что следовательно не успел удержать его в луче своего мощного фонаря.

Добравшись до лестницы, Доремус остановился и направил пучок света вверх. Опять наступила полная тишина.

Сверху медленно осыпалась пыль, словно кто-то внезапно потревожил покой старой мельницы.

— Майкл!

Доремус начал медленно подниматься по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке. Да, конечно же, фонарь безусловно сделал свое дело, но теперь-то его уже не имело смысла использовать, и следовательно прекрасно понимал это. Мальчик настолько поразил его воображение — ведь Доремус рассчитывал встретиться здесь с кем угодно, но только не с этим дыпленком.

— Я не собираюсь играть с тобой в прятки, Майкл! — крикнул Доремус. — Давай поговорим!

Он добрался до лестничной площадки, откуда ступеньки резко уходили влево. Да, Майкл находился сейчас, конечно же, в более выгодном положении. Однако выбирать не приходилось — надо было двигаться дальше.

Пара ступенек отделяла Доремуса от заветного второго этажа, когда вдруг сверху на него свалились вилы. Они упали совершенно вертикально. Произошло это так внезапно, что, казалось, злой умысел здесь совершенно ни при чем. Вилы ударили Доремуса по запястью, и он выронил фонарь, пытаясь тут же подхватить его. Это ему не удалось, и фонарь грохнулся где-то на первом этаже. И тогда Доремус наугад три раза выстрелил. У него и в мыслях не было задеть мальчика. Следовательно хотел лишь напугать его. Затем Доремус быстро взобрался на второй этаж и, наткнувшись на стенку, остановился, чтобы перевести дыхание.

— Ты выиграл, — немного погодя произнес следовательно. Он уже успел прийти в себя.

Мальчик рассмеялся, но Доремус тут же смекнул, что и он изрядно вымотался от всей этой беготни.

Стараясь не издать ни звука, следовательно достал из нагрудного кармана маленький фонарик, напоминавший по форме карандаш.

Мальчик снова хихикнул. Доремусу показалось, что звук этот приблизился, хотя он не мог бы сказать этого наверняка. Следовательно не терпелось зажечь фонарик, однако тот, похоже, оставался единственным «сюрпризом» в его защитном арсенале. Поэтому Доремус решил все-таки повременить с фонариком.

Глаза уже успели привыкнуть к темноте. Кроме того, лунное сияние непостижимым образом просачивалось внутрь

мельницы — вероятно, сквозь трещины в крыше или щели между досками.

Пол заскрипел у него под ногами, и Доремус застыл как вкопанный. И тут пол опять скрипнул. Но на этот раз уже не под ним. Доремус вытянул вперед правую руку, ощупывая стену. Внезапно рука повисла в воздухе: стена здесь заканчивалась. Что же это перед ним? Дверной проем? Сердце заныло в тревожном предчувствии. А если там впереди какая-то клетушка, где и прячется сейчас мальчишка? Тут Доремус вспомнил вилы, просvisteвшие всего в нескольких дюймах от его головы, и следователя передернуло. Но другого выхода не было, как, впрочем, и времени на обдумывание ситуации.

Доремус включил фонарик и, шагнув в пустое пространство, направил луч прямо перед собой.

Мальчик стоял неподалеку — футах в десяти от следователя. В глазах его застыл страх. Приоткрыв рот, он, как загипнотизированный, уставился на фонарик. Вдруг мальчик пошатнулся и исчез.

Доремус стремительно рванулся с места и, молниеносно перебросив револьвер в правую руку, левой наугад хватанул пространство, где только что стоял мальчик. Пальцы вцепились в детскую курточку. Но уже в следующий момент мальчику удалось вывернуться.

И тут Доремус почувствовал страшный удар по голове. Теряя сознание, он рухнул на пол.

Придя в себя, он попытался встать, но не смог. Мозг лихорадочно работал. Доремуса охватила паника. Что произошло? И где сейчас его револьвер? Все еще в руке или он его выронил? Следователь попытался перевернуться на спину. Чудовищная боль моментально прострелила его, и Доремус опять потерял сознание. Вновь очнувшись, он мысленно выругался, проклиная себя за беспечность. Боль в затылке мучила, не давая сосредоточиться.

Рядом послышались шаги. И еще какие-то булькающие звуки. словно где-то отвернули кран с водой. Доремус инстинктивно свернулся калачиком, прикрывая руками голову. Внезапно он почувствовал, что кто-то поливает его ноги. В нос ударил резкий запах.

«Бензин, — пронеслась в голове жуткая мысль, и Доремус вновь сделал попытку подняться на ноги. — Бензин».

Следователь закашлялся и отвел руки подальше от лица, потому как бензиновые пары начинали разъедать гла-

за. Горючее уже стекало с его волос. Доремус громко застонал.

В дверном проеме появился дрожащий оранжевый язычок пламени, осветивший каморку. Увидев спасительный выход, Доремус тут же метнулся к нему. И в тот же миг ужас сковал его тело.

На пороге стоял Майкл и равнодушно смотрел на следователя. В руке мальчик сжимал горящий факел.

Похолодев, Доремус отступил назад. Он вцепился в пуговицы промокшей рубашки, пытаясь растегнуть ее. Пуговицы не поддавались, и Доремус разорвал ткань. Но бензин, просочившись сквозь нее, уже стекал по телу.

— Послушай, приятель, — вымолвил следователь, продолжая отступать, — ведь мы сейчас оба полыхнем. Так что лучше не подходи.

Казалось, Майкл не слышит его. Он медленно и неотвратно приближался, шаг за шагом, и в глазах его словно плясали дьявольские искры.

— Ты что, рехнулся? Сейчас бензиновые пары вспыхнут! — выпалил Доремус. — Немедленно брось факел, затопчи его ногами, слышишь?

Следователь уперся спиной в стену и шагнул в сторону. Майкл на секунду замешкался, будто раздумывая, правильно ли он поступает. А потом, криво ухмыльнувшись, решительно двинулся на Доремуса, выбросив вперед руку с факелом. Губы у него затряслись. Казалось, он что-то хочет и не может сказать Доремусу.

Следователь забился в угол. Дальше отступать было некуда. Факел пылал так близко от него, что Доремус всей кожей ощущал его жар.

— Нет! — в отчаянии выкрикнул он.

Внезапно старые, насквозь прогнившие доски позади Доремуса хрустнули и через мгновение затрещали, словно поленья, брошенные в костер. В ту же секунду следователь потерял равновесие. Упругий поток свежего воздуха, а также ощущение невесомости исторгли из его горла отчаянный вопль. Старая мельница, покачнувшись, начала заваливаться куда-то вбок, как показалось Доремусу, и вскоре вовсе исчезла. Небо стремительно закружилось, потом неведь откуда взялись кроны деревьев, и в следующий миг он камнем рухнул в спокойные воды пруда.

С головы до ног облепленный скользкими водорослями, Доремус выбрался на берег. Запах тины смешивался с резким запахом бензина. Следователь был до того потрясен

всем происшедшим, что в изнеможении повалился на холодную землю. Сильнейший озноб охватил Доремуса, он дрожал всем телом.

Так он и лежал, то проваливаясь в забытие, то вновь приходя в сознание. Он даже не пытался отодраться от себя налипшую корку из водорослей и почти подсохших осенних листьев.

Внезапно Доремус услышал голоса. Собрав последние силы, он пополз. К горлу то и дело подкатывался тошнотворный комок, тело не слушалось, но Доремусу удалось добраться до расчищенной площадки перед мельницей.

В глаза ударил яркий свет фонаря.

— Лежите спокойно, мистер, и не шевелитесь. У нас тут два обреза!

— Вы его видели? — чуть слышно пробормотал Доремус. — Он еще там, внутри? Я имею в виду мальчика.

— По-моему, с ним что-то стряслось, отец. Нюхни-ка. Кажется, он весь в бензине!

— Что это вы тут химичите у моей мельницы? — послышался грозный голос старшего Хока.

Из кустов появился юноша и, подойдя ближе, воскликнул:

— Па, кого это вы тут выловили?

— Какой-то придурок, Виллис, — проворчал Хок. — Ну вы, вставайте, что ли...

— Я же пытаюсь вам все объяснить! — не унимался Доремус. — Здесь только что был маленький мальчик. Вот он-то как раз и собирался спалить вашу мельницу... а заодно и меня. Ему примерно лет десять, темные волосы, бледное лицо. Одет в кроссовки и спортивную куртку. Не знаю, куда он убежал, но мы должны его найти!

— Па! — вмешался вдруг один из сыновей Хока. — По-моему, этот старый хрыч вывалился из окна. Вон там в пруду доски плавают.

Второй сын почесал в затылке и неуверенно обратился к Доремусу:

— Маленький мальчик, говорите?

— Да-да, вы его видели?

— Какой-то парнишка пару минут назад улепетывал отсюда, как заяц через пастбище. Только я его не успел хорошенько разглядеть.

— А в какую сторону? — Доремус напрягся.

— На север. К ферме Овермейера. Па, тебе не кажется, что он тут нам лапшу на уши вешает?

Целая вечность понадобилась Доремусу, чтобы объяснить, кто он такой, но стоило ему упомянуть Инока Милса, у мистера Хока в тот же момент отпало пламенное желание пристрелить Доремуса на месте, и фермер заговорил, растягивая слова:

— Ну-у, до фермы Оверме-ейера я с вами, пожалуй, прогуляюсь. Вреда не бу-удет. Джек, вы с Виллисом пока сгоняйте на мельницу, гляньте, все ли там в порядке. Да, Виллис, одолжи-ка этому мистеру свою куртку, а то эн, чего доброго, околеет от холода.

— Па, но это же совсем новая куртка.

— Ничего, он тебе ее вернет в целости и сохранности. Пойдемте со мной, мистер, а вы двое — делайте то, что я сказал.

Поблагодарив, Доремус застегнул куртку, отороченную овчиной, и последовал за фермером. Хок нес фонарь, точь-в-точь напоминавший тот, что принадлежал следователю

До пастбища было рукой подать, и они очень скоро добрались до луга. Полная луна заливала все вокруг своим сиянием. Здесь они перевели дыхание и осмотрелись по сторонам. Насколько хватало взгляда, вокруг не было видно ни одной коровы.

— Вот это и есть владение Овермейера, — объявил старый Хок, вытянув вперед грязный указательный палец.

— А чьи земли там дальше, внизу у дороги?

— Некого Брюннеля. Он то ли художник, то ли скульптор, черт его знает.

С этими словами Хок повернулся лицом к владениям Овермейера.

— Сдается мне, что нам в эту сторону, хотя, похоже, все это как мертвому припарки.

— А почему бы нам не разделиться? — предложил Доремус. — Скорее всего мальчишка побежал к Брюннелю: я помню, там ведь густые деревья, где можно надежно спрятаться.

— Да, конечно, хотя вряд ли. Если он хорошо знает эти края, то уж точно туда не сунется — вон там, за старым амбаром — сплошное болото.

— А может, он вообще никогда не бывал на этом пастбище. А если он решился заскочить к Брюннелю? Разрешите мне воспользоваться вашим фонариком?

— Что? Ну, конечно же, а то вы еще, чего доброго, извозите курточку Виллиса. Мистер, послушайте, я надеюсь, что вы точно знаете, за какое дело взялись.

— Абсолютно точно, — подтвердил Доремус, бросившись по тропинке вниз, пока Хок не спеша двинулся в сторону фермы. Фонарь помог Доремусу обойти топь и, миновав трясины, тот с легкой душой зашагал к большому амбару с заостренной крышей, расположенному на вершине холма.

Казалось, в этих Богом забытых местах не должна обитать ни одна живая душа. Однако ярдах в ста в крохотной хибарке мерцал огонек. Ни собачьего лая, ни возни скота в сарае не доносилось оттуда. Доремус взглянул вверх и в его сознании возникло смутное недоброе предчувствие. На противоположной стороне крыши сарая был установлен прожектор, но поначалу Доремус почему-то не заметил его.

Следователь медленно выключил фонарь и подошел к амбару, пытаясь все время оставаться в тени. Главные ворота были закрыты. На стене рядом с ними Доремус заметил небольшую табличку, и, осторожно приблизившись к ней, прочел: «Галерея Брюннеля, вход сзади».

Доремус окинул дом быстрым цепким взглядом. Внимание его привлекло единственное освещенное окошко. Следовательно вдруг показалось, что там, внутри, кто-то метнулся. Здание окружали густые заросли кустарника и невысоких деревьев, и уж если Майкл решил проведать здешний уголок, то он без труда найдет себе тут укромное местечко. Следовательно прикинул в уме, что за это время мальчик вполне мог отмахать полмили.

Изнутри амбара доносились странные звуки, напоминавшие лязг металла.

Доремус обогнул дом, пройдя мимо темных окон, и очутился у двери. Перед ней находилась широкая, вымощенная каменными плитами площадка. На стене висела еще одна табличка. Но Доремус даже не удосужился прочесть ее, потому что дверь оказалась распахнутой настежь. Включив фонарь, следователь решительно шагнул вперед. Первое, что бросилось ему в глаза, было огромное металлическое изваяние обнаженной женщины. Оно смахивало на четырехфутового морского льва, застывшего на гранитном пьедестале. За этим шедевром выстроились другие, изображавшие то ли женщин, то ли тюленей — во всяком случае, с первого взгляда определить это было непросто. А еще дальше располагалась целая армия металлических мужей — шагающих, бегущих, стоящих на коленях. Сплошь и рядом высились какие-то фантастические конструкции, выполнен-

ные либо из медной проволоки, либо из почерневших, угрожающе торчащих штырей. Очевидно, они символизировали город будущего с его таинственными и многочисленными лабиринтами.

Доремус направил пучок света вверх и заметил здоровенные куски металла — выкрашенные в яркие цвета, они свисали со стропил на верхнем этаже галереи. Там же находилась подвижная скульптура, которая то и дело покачивалась, лязгая гигантскими ножами, изображавшими, по всей вероятности, конечности.

Следователь опустил луч фонаря и сразу же разглядел на верхней ступеньке лестницы мальчугана. С ног до головы перепачканный, мальчик притаился и тяжело дышал, не мигая уставившись на фонарь.

Доремус вздохнул:

— Ну ладно. А теперь спускайся.

Внезапно мальчик вскочил и бросился прочь из освещенного круга. По дороге он задел гигантскую статую, и белая гипсовая голова, рухнув откуда-то сверху, покатилась к ногам Доремуса. Тот отшатнулся и, пытаясь удержать равновесие, вцепился в толстый канат, висевший рядом. Гулко ударил колокол, звон его эхом отразился от стен.

— Что ж, мне придется подняться к тебе, — заявил Доремус и двинулся по лестнице на верхний этаж галереи, тщательно высвечивая каждую ступеньку. Колокол прозвонил еще три раза.

Мальчик попятился. Доремус чуть опустил фонарь, чтобы не слепить его.

— Ну, хватит играть в кошки-мышки... Майкл.

Но мальчик продолжал отступать, прячась то за одну, то за другую статую. Каждый раз, когда луч света падал на него, он прыгал в сторону в поисках очередного укрытия. Сейчас он походил на маленького загнанного зверька. Даже мысль о том, что он чуть было не спалил Доремуса живьем, не могла убить в следователе жалость к этому несчастному.

— Успокойся, я не сделаю тебе ничего плохого.

Захныкав, мальчик весь съежился: галерея закончилась. Отступать было некуда. Оставалось только прыгать вниз.

— Даже не пытайся, — предупредил Доремус. В этот момент опять прозвонил колокол, и мальчик с ужасом взглянул вниз — пол первого этажа находился футах в двадцати отсюда.

Еще один удар колокола. Мальчик вздрогнул и, потеряв равновесие, упал. В последний момент ему удалось уцепиться своими худенькими ручонками за какой-то выступ, и он повис, вот-вот готовый рухнуть. Не колеблясь, Доремус подскочил к мальчонке и, подхватив за талию, втащил того обратно на второй этаж галереи. Оказавшись в руках следователя, мальчик начал отчаянно сопротивляться. Он извивался, брыкаясь и царапаясь, и в конце концов ему удалось вырваться. Он помчался к лестнице сломя голову. Доремус рванулся было за ним, но тут вдруг в амбаре вспыхнул яркий свет, и на пороге показались двое мужчин. Один из них — лысеющий толстяк с прямо-таки фантастических размеров бородой — судя по всему являлся владельцем студии. Другой — им оказался Крэг Янг — с трудом удерживал насмерть перепуганного рыдающего мальчугана. Психолог в недоумении уставился на Доремуса.

— Слава Богу, вам удалось поймать его, — пробормотал следователь, медленно спускаясь вниз по лестнице.

— Питер, — обратился Крэг к мальчугану, — Питер, что стряслось? Что ты здесь делаешь, и вообще, как ты сюда попал?

— Так вы его знаете? — нахмурился Доремус.

— Разумеется. Это один из моих подопечных. Его зовут Питер Мэтис.

— Сдается мне, что именно он-то и разыгрывал всех нас по телефону... Его изобретательности, похоже, и конца не видно: сегодня вечером он пытался убить меня.

— Это невозможно. — Крэг начинал сердиться.

— Неужели? Тогда пусть все расскажет сам.

— Не знаю, что он делал так далеко от школы, но уверен лишь в одном: Питер не мог никому звонить по телефону.

— Не мог? Отчего же вы так в этом убеждены?

— Потому что Питер немой, — отрезал Крэг и принялся успокаивать плачущего мальчика.

Глава тринадцатая

Доремус одолжил у скульптора Брюннеля рабочие штаны цвета хаки, а также чистую, хотя и выдавшую виды рубашку. Он сидел в кабинете директора гринлифской школы-интерната. Ботинки пришлось снять — они оказались слишком грязными, и Доремус опасался наследить на си-

нем бархатистом ковре. После падения в пруд шея словно одеревенела и постоянно ныла, однако все невзгоды тут же отошли на задний план, как только Инок Милс предложил Доремусу хорошую сигару, и теперь тот нисколько не сомневался, что сможет спокойно работать дальше.

— Питер никак не мог выбраться с территории школы и при этом остаться незамеченным,— настаивал директор

Фамилия его была Куинлэн, а вся осанистая выправка, бодрость и оптимизм этого стареющего джентльмена безошибочно свидетельствовали о его военном прошлом. Лицо Куинлэна покрывали многочисленные морщины, а когда он замолкал, губы его чуть заметно дрожали.

— Но ведь в субботу занятий в школе нет,— удивился Инок Милс.— И многие ребята отправляются в город.

— Обычно оно так и бывает, шериф. Но в эту субботу у нас проходил весьма ответственный футбольный матч, поэтому лишь несколько мальчиков оставались на территории школы. А большинство учеников находились под попечительством своих родителей или других родственников.

— И Питер весь день находился здесь? — поинтересовался Доремус.

— Я абсолютно в этом уверен. Обедали в половине шестого, а игра закончилась за двадцать минут до этого. Если бы он не обедал, я непременно узнал бы. А сразу после обеда показывали кино. Фильм длинный — почти два часа. Потом все мальчики разошлись по своим комнатам. В том корпусе, где живет Питер и другие ученики младших классов, вечернюю проверку проводят в восемь сорок пять, а в девять часов уже гасят свет. В корпусе для старшеклассников мы позволяем ребятам ложиться спать на час позже.

— Итак, без четверти девять Питер лежал в своей постели.

— В противном случае мне немедленно доложили бы о его отсутствии.

— И тем более он не мог улизнуть из школы, когда крутили кино? — вмешался в разговор Милс.

Куинлэн отрицательно покачал головой.

— Но Доремус утверждает, что меньше, чем через час после начала фильма,— продолжал Милс,— Питер уже находился на ферме Хока, а ведь до нее около пяти миль.

— Послушайте, а мог ли кто-нибудь из товарищей Питера подменить его во время вечерней проверки? Ну, ска-

жем, накрыться с головой одеялом, притворившись спящим?

— Такие уловки нам знакомы,— улыбнулся директор.— Но дело в том, что товарищей по комнате у Питера нет. Он живет один.

— Я хотел бы осмотреть комнату, где он живет,— попросил Доремус.

— Разумеется. Я сам вас провожу.— Директор достал из ящика большую связку ключей и повел Милса с Доремусом через окутанный туманом двор.

— Скажите, а у вас есть ночной сторож у главных ворот?

— Да. Три-четыре раза за ночь он обходит весь двор, но делает это, когда ему вздумается.

Доремус внимательно разглядывал здания интерната, их остроконечные крыши. Жилые корпуса, куда они направлялись, располагались под прямым углом друг к другу. Они оказались четырехэтажными. Эти строения соединялись со зданием столовой и спортзалом аркой. За столовой находилась автомобильная стоянка, но со стороны корпусов ее не было видно, и попасть туда можно было только через главные ворота, по неосвещенной и извилистой асфальтированной дороге, огибающей прямоугольный двор. За школьной территорией злобеще возвышались поросшие лесом горные хребты.

Директор уже отпирал дверь жилого корпуса, когда в административном здании дважды прозвонил колокол. Отсюда, со стороны ворот, вход в это здание хорошо просматривался. Он был ярко освещен. Кроме того, внутри коридоры также купались в люминисцентном сиянии.

— Сколько имеется таких ключей, как ваш? — осведомился Доремус, изучая массивную дубовую дверь.

— Три. И я могу точно сказать, где в данный момент находится каждый из них. К тому же вы, вероятно, успели уже заметить, что двери запираются исключительно снаружи.

Они поднялись наверх, туда, где жил Питер. Здесь замок был попроще, и директор легко отпер его запасным ключом.

— Каждое такое помещение представляет собой комплекс из двух спален и рабочего кабинета,— шепотом пояснил директор, когда все трое осторожно заглянули внутрь.— Давайте-ка посмотрим... По-моему, Питер обитает вот в этой.

Раздвинув занавеску, они вошли в небольшую спальню с двумя кроватями и шкафчиком, смахивавшую скорее на казарму, чем на детское общежитие. На одной кровати не было никакого белья, даже матраса. На другой же, очевидно, кто-то совсем недавно спал.

Доремус вдруг почувствовал, как внутри у него все похолодело. С замирающим сердцем он двинулся к окнам. Здесь их было три — каждое со ставнями, шириной в двадцать четыре дюйма. Одно из них оказалось приоткрытым. Снаружи протянулся довольно широкий карниз — около восьми дюймов. Доремус глянул вниз — высота футовそろок. Кладка была неровная, каменные плиты кое-где выступали, но не более, чем на пару дюймов. Так что спуститься из окна по стене было невозможно. Кроме того, Доремус не обнаружил ни одного выступа, за который можно было бы ухватиться руками.

Следователь перевел взгляд направо. Здесь покато спускалась крыша, а у самого ее края Доремус заметил желоб для стока воды. Он вполне мог служить опорой. Следователь поставил на карниз ногу и попробовал было вылезти из комнаты, но, даже не обремененный лишним весом, так и не смог этого сделать. Тогда он по пояс высунулся из окна, стараясь как можно внимательнее осмотреть выцветшую, красноватую крышу.

— Нет, таким образом Питер никак не мог выбраться отсюда, — запротестовал директор. — Уж больно рискованно. И всем мальчикам это хорошо известно. Мы ведь каждый год читаем на эту тему специальные лекции. Предупреждаем, что забираться...

— Я больше чем уверен, воспитанники следуют вашим указаниям. Все они, похоже, очень послушные мальчишки, однако Питер — исключение. Я теперь почти убежден, что выбирался он именно этим путем. И точно так же возвращался назад. Причем неоднократно, а по меньшей мере раз десять, а то и все двенадцать. Ну все, нам пора.

Оказавшись во дворе, Доремус посмотрел на окна Питера.

— Стоит преодолеть вон тот опасный участок, пока крыша не станет более плоской, и тогда путешествие по ней — вообще дело плевое. А на фоне темного леса мальчика вряд ли можно заметить. Самый сложный отрезок пути — вот эти двенадцать футов. Однако в кедах или кроссовках, да еще опираясь на водосточный желоб, не так-то и трудно добраться до плоской крыши. Ну, а теперь не-

плохо было бы отыскать то место, где он спрыгивал на землю, раз уж мы частично разобрались с его маршрутом.

Они подошли к следующему жилому корпусу. Здесь в сплошной стене одиноко чернела дверь, а дальше тянулся каменный переход в столовую. Стены его были увиты плющом.

— Вы считаете, что он лазал по этому плющу? — засомневался Милс.

— Это единственный путь, чтобы слезть с крыши.

— Да, но вы забываете, что Питер Мэтис не ахти какой спортсмен, — грустно возразил Куинлэн. — Что же могло заставить его совершать такие опасные прогулки по крышам?

Доремус задумчиво посмотрел на директора школы.

— Возможно, Крэг откроет нам эту тайну. А теперь надо проведать мальчика. Как он там себя чувствует?

Крэг и Эми покинули лазарет и сидели теперь в кабинете директора на диване.

— Сейчас он спит, — без обиняков начала Эми, как только вошли мужчины. — Но это стоило нам большого труда. Его так напичкали успокоительным, что, по идее, он должен был отключиться за считанные минуты. И тем не менее что-то его здорово беспокоит...

Голос девушки звучал печально.

— Он метался в постели и стонал. Пришлось повозиться с ним не менее получаса. Давно не случалось такого в моей практике.

Крэг ничего не добавил. Он выглядел крайне подавленным и все время молчал. А когда он собрался закурить, руки у него сильно задрожали. Это выглядело почти комично, словно какой-то заштатный актер бездарно пытался изобразить мертвеца пьяного.

— Можно утром задать Питеру несколько вопросов? — осторожно закинул удочку Милс, но Крэг тут же взорвался:

— Ни в коем случае!

Однако через несколько секунд он, очевидно, пожалел о своей вспышке гнева и, окинув присутствующих виноватым взглядом, начал оправдываться:

— Питеру надо сейчас хорошенько отдохнуть... ему нужен полный покой. Скорее всего придется поддержать его

на транквилизаторах несколько дней. Видите ли, я не знаю, какую душевную травму перенес этот мальчик, но постараюсь выяснить это сам в спокойной обстановке... Я расспрошу его обо всем...

— А вдруг Питер Мэтис как раз и есть ваш брат Майкл? — подал голос Доремус.

Психолог заморгал, будто ему только что пришлось выслушать какую-то дикость.

— О чем вы говорите?

— Я поясню. Может быть, он считает вас своим братом?

— Боже мой, ну, разумеется, нет!

— А ведь поначалу вы сами были убеждены в том, что мальчик, который звонил Элен по телефону, искренне считал себя Майклом Янгом.

— Да, я не отвергал такой вариант. Но Питеру ничего не известно о моем брате! Впрочем, за последние пару недель он и в самом деле мог понабрататься слухов о «призраке Майкла» и прочей чепухе, которая просочилась даже в эту школу. Похоже, за моей спиной уже частенько точат ласы по этому поводу. Но Питер-то не мог никому звонить по телефону. И об этом я вам уже говорил.

— Да, я помню, что он немой. Но проблемы у него психологические, а не физические, верно?

— В четыре года он перестал говорить из-за сильных эмоциональных переживаний и с тех пор не произнес ни слова.

— Возможно, он ничего не говорит, — согласился Доремус, — но как девятилетнему мальчику, ему удаются куда более необычные для этого возраста вещи.

И следовательно рассказал о том, что ему удалось обнаружить в комнате Питера. Крэг выслушал его молча, а потом встал и подошел к окнам, выходящим на освещенный прямоугольный двор интерната. Эми присоединилась к нему, и на какое-то время в комнате воцарилась тишина.

Когда Крэг, наконец, отвернулся от окна, вид у него был обескураженный.

— Я не могу в это поверить.

Милс посмотрел на Доремуса. Тот, очевидно, погрузился в свои размышления, потому что его умные зеленые глаза слегка затуманились, словно он сейчас что-то тщательно обдумывал. Следовательно ничего не добавил к словам Крэга, он продолжал разглядывать Эми, которая, казалось, не в силах была отойти от окна. Милс тербил

поля шляпы и вертел ее в узловатых пальцах, а потом вдруг заявил:

— Не верить — мало, и неверие вряд ли продвинет нас к разгадке тайны. То, что случилось сегодня, как раз лучше всего объясняет версия Доремуса. А теперь подытожим. Сначала раздаются эти телефонные звонки у миссис Коннелли — да вы ведь сами присутствовали при таком. — Крэг медленно покачал головой. — Во всяком случае, вы присутствовали в ее доме, когда раздался этот звонок. Короче, мальчик объявил, что он — ваш брат, а потом начал вести себя более вызывающе. Затем он звонит Пэг Коннелли и предупреждает, что с доктором Бриттоном должно произойти несчастье — и буквально в тот же день доктор погибает. Но это непохоже на несчастный случай; наоборот, все, кажется, продумано до мелочей и отлично сработано. А когда несчастная Эльза вытаскивает своего мертвого мужа из амбара, то сразу натывается на мальчишку, который непонятно за каким дьяволом шляется в такой час на их участке и при этом, по уверению самой Эльзы, как две капли воды похож на Майкла, каким он ей запомнился.

Инок прокашлялся. Видимо, он не привык к таким длинным речам, а затем решительно продолжал:

— И этот ваш подопечный, Питер Мэтис, вполне мог сойти за вашего брата, если вспомнить ту поблекшую любительскую фотографию, где Майклу примерно столько же лет. Очень уж Питер на него смахивает.

— По-моему, между ними нет ничего общего.

— Обратите внимание на форму лица и расположение глаз. Другие тонкости, в том числе и цвет волос, не так уж важны. Дайте мне закончить. Пэгги Коннелли уверяет, что дважды видела этого мальчика, и я охотно принимаю ее слова на веру, несмотря на то, что она всего-навсего ребенок. Однажды это происходит в сумерках на школьной спортплощадке в Шейдс, а ведь за школой тянется тот же горный хребет, как и здесь, да и расстояние между школами не более двух миль.

Тут Инок повернулся к директору.

— Послушайте, а у этого Мэтиса не наблюдалось привычки сбегать из интерната?

— Да, припоминаю что-то в этом роде. Когда мальчик впервые прибыл к нам в прошлом году, он несколько раз подряд уходил в город без всякого разрешения. Но толь-

ко днем. И вам это хорошо известно, шериф. Бидите ли, хотя основной контингент наших мальчиков — дети непослушные, можно сказать, бросающие вызов обществу, мы все же стараемся, чтобы наше заведение как можно меньше походило на исправительную колонию. И почти все наши беглецы возвращаются добровольно.

Куинлэн бросил беглый взгляд на Крэга, и тот кивнул, подтверждая слова начальника.

— Во всяком случае, Питер всегда возвращался сам. И нам ни разу не приходилось разыскивать его.

— Тогда легко объяснить, почему он встретился с Пэгги на школьной площадке. Но второй-то раз было поздно — далеко за полночь, а девочка с матерью находились тогда довольно далеко отсюда — милях в восьми.

— Я знаю, — устало отозвался Крэг. — Я сам был тогда вместе с ними.

— Но при этом вы не видели никакого мальчика?

— После того, как Элен уехала, я оставался на месте еще минут десять или пятнадцать и с фонарем искал этого «призрака», но так ничего и не обнаружил. Я подумал, что Пэгги просто приснился этот мальчик.

— Не исключено, — пробурчал Милс. — Но я-то во время праздника не спал в полицейском участке — это точно. В тот вечер мальчик позвонил и попросил к телефону Хэпа. Конечно, у нас нет доказательств, что этот звонок связан с тем страшным происшествием на реке...

— И уж, конечно, нет никаких доказательств, что все это время по телефону звонил именно Питер, — сердито перебил Милса Крэг. — Я устал повторять вам, что Питер не в состоянии произнести ни единого слова после давнишнего эмоционального потрясения, но вас, кажется, это никоим образом не убедило. Вы предпочитаете повесить на мальчика два убийства, причем очень жестоких. Вы забываете, однако, что речь идет о больном, измученном девятилетнем мальчике!

— Крэг, — начала было Эми, но голос ее прозвучал так тихо, что его не услышал никто из присутствующих.

Крэг беспомощно поник на диване.

— Я больше ничего не хочу слушать на эту тему, — устало пробормотал он. — Я несу ответственность за Питера, поэтому должен сейчас находиться рядом с ним.

— Я просто хочу кое в чем разобраться, — мрачно возразил Инок. — Сдается мне, я ни разу не назвал его убийцей. Но нам точно известно, где он находился сегодняшней

ночью и его намерение. Рядом с мельницей были обнаружены потухший факел и пустая канистра из-под бензина. И если Доремусу звонил не он, значит, тут замешан еще один сорванец. А может, черт возьми, их уже целая банда!

— Скажите,— вмешался Доремус,— а вы случайно не заметили за последнее время в поведении Питера поступков, где каким-то образом проявилось бы насилие или жестокость по отношению к окружающим?

— С тех пор, как мы познакомились, я сразу же обратил внимание на то, что у Питера время от времени случаются приступы гнева и раздражения,— охотно отозвался Крэг.— Но в этом нет ничего странного. Пару раз он даже подрался со старшеклассниками, но в каждом случае это было вполне объяснимо—его агрессивность ни в коей мере не превышала норму для мальчика его возраста. А о жестокости и говорить не приходится. Ума не приложу, за чем только ему понадобилось накидываться на вас.

— Расскажите, пожалуйста, поподробнее о Питере. Откуда он поступил в ваш интернат?

— Из Сент-Луиса. Его детство оказалось... весьма мрачным. Мать — испорченная женщина, ненавидящая всех и вся на этом свете. Она забеременела в семнадцать лет, отказалась выйти замуж за своего любовника и переехала в дом родителей, ожидая появления на свет малыша. Скорее всего она не любила своих стариков и решила таким образом отомстить им. Если бы вы их знали, вам не пришлось бы спрашивать, за что дочь так ненавидела их. Это была пожилая обеспеченная, вполне процветающая пара. Но более бессердечных людей лично мне встречать не приходилось. Тем не менее поведение дочери не вывело их из равновесия. Может быть, в каком-то смысле это делает им честь. Они переехали в свое поместье и перестали принимать гостей, да и сами полностью отказались от всяческих визитов. И сейчас они редко показываются на людях. И вот родился Питер. Надо ли говорить, что ранние годы он провел в атмосфере чудовищной ненависти, царящей в этом доме. Единственным утешением для ребенка оставалось то, что мать, видимо, оказалась не до конца испорченной женщиной. Она по-своему любила сынишку. Никому не позволяя прикасаться к ребенку, она, таким образом, взяла все заботы о малыше на себя. Но когда тому исполнилось три года, она погибла, сгорев в собственной кровати; не затушила, как следует, сигарету. И вот тогда Пи-

тер — беззащитный и легко ранимый — оказался один на один с холодным и жестоким миром. Я уже упоминал о том, что в четыре года мальчик лишился дара речи. Можете сами сделать вывод, что пришлось перенести бедняге в доме его бабушки и дедушки.

Внезапно на глаза Крэгу навернулись слезы, но голос его не дрогнул, и психолог продолжал:

— Если бы природа не наделила мальчика железной волей, Питер Мэтис наверняка находился бы сейчас в сумасшедшем доме. Однако могу вас заверить, что состояние Питера понемногу улучшается: с помощью гипноза я пытаюсь снять с его мозга блокаду, которая и влияет на способность разговаривать. Тут у нас уже наметились сдвиги. Хотя, боюсь, после сегодняшних событий нам придется начинать все сначала.

Крэг поднялся и, смахнув слезы, устоял на ковер. Трижды прозвонил колокол.

Доремус, слегка склонив голову, внимательно слушал.

— Если быть откровенным, я считаю, что сегодня на мельнице на меня напал вовсе не Питер, — заявил он, осторожно коснувшись шишки на затылке ближе к правому уху, — кроме Питера, на мельнице еще кто-то находился.

Шериф хотел было возразить, но следователь жестом остановил его:

— Нет, Иннок, я больше никого не видел, это чисто теоретическое предположение. Но, учитывая мой рост, трудно представить, что бегущий мальчик мог нанести мне удар по голове. Ведь пока мы там играли в кошки-мышки, он не стоял на месте, а все время удирал: да-да, для него все это явилось чем-то вроде игры. Питер не разговаривал, это верно, однако он то и дело злорадно хихикал, будто вся эта заваруха доставляла ему немалое удовольствие.

Теперь все, кроме Эми, пристально смотрели на следователя. Девушка же словно окаменела, не в силах отвести взгляд от окна.

— Понимаете, для Питера это была всего лишь игра. Он отправился на мельницу не для того, чтобы убить меня или кого другого. Даже когда он крался ко мне с факелом в руке, поведение его было каким-то странным. По-моему, он просто хотел передать мне факел, словно кто-то невидимый на каждом шагу подсказывал мальчику, что надо

делать дальше. И когда я не взял у Питера факел, он выглядел довольно растерянным.

Доремус замолчал, а потом вдруг неожиданно обратился к девушке:

— Эми, вам это ни о чем не говорит?

Вопрос не застал ее врасплох. Эми оторвала, наконец, взгляд от окна и после короткой паузы тихо, но отчетливо вымолвила:

— Да.— Голос ее звучал решительно.— Кажется, я начинаю понимать, что все это значит.

Тут Эми снова перевела взгляд на окно.

— Во всяком случае, нельзя отрицать, что Питер частенько удирал отсюда, иногда даже поздно вечером. Остается предположить, будто что-то или кто-то заставляли его пускаться в такие опасные путешествия. Другого объяснения я не нахожу. Питер одержим. Вот вам мое мнение.

Она вызывающе посмотрела сначала на Крэга, потом на ошеломленного директора интерната.

— И одержим он никем иным,— продолжала девушка,— как самим Майклом Янгом.

Глаза ее расширились, в них заметался страх, а голос стал еще тише.

— Вот кто контролирует его действия. Это он заставляет Питера совершать все жуткие поступки.

Крэг беспомощно застонал, а Куинлэн смерил девушку таким взглядом, будто она находилась в состоянии сильнейшего бреда.

— Эми, не надо опять...— с отчаянием в голосе начал было Крэг.

— Это просто ТЫ не веришь в одержимость духами, а ведь она на самом деле существует! Сколько томов написано на эту тему известнейшими людьми! Ты же сам недавно говорил, что чувствуешь, будто в Шейдс присутствует некое зло. Будто оно вырвалось на волю, как джинн из бутылки. Не хочу утверждать, будто это именно дух Майкла Янга. Но Майкл ведь может оказаться и живым, как предполагал Доремус. В этом тоже есть доля истины, правильно, Крэг? Ведь еще пару дней назад тебя вполне устраивала эта теория. Хорошо, допустим, что Майкл Янг действительно не погиб тогда, а вырос где-нибудь в другом месте, а потом вернулся назад, в наш город. Стало быть, он живой, настоящий, ходит себе рядом с нами и

убивает людей. Мы вот не знаем, кто он на самом деле... а Питер знает!

— Что-что? — только и выговорил Крэг.

— Да-да, Питер его знает, — настаивала Эми. — Он не раз встречался с Майклом в лесу, и они успели подружиться. Майкл много чего рассказывал Питеру о семье Янгов, о трагедии, разыгравшейся с его матерью, и, конечно же, сердце Питера растаяло, он проникся к Майклу симпатией и сочувствием. Ведь мать Питера тоже была несчастной женщиной — ее ненавидели, преследовали, и потом эта загадочная, страшная смерть от собственной сигареты... Видите, как много у них общего. А Майкл успел поумнеть — он ведь уже не ребенок. Вот он теперь и использует Питера в своих корыстных целях. Он же мог заставить Питера сделать что угодно, пойти на любое преступление во имя, ради...

Внезапно Эми замолчала на полуслове и вдруг выкрикнула:

— Элен! — Голос прозвучал необыкновенно хрипло, как будто у девушки сильно болело горло.

— С ней все в порядке. С одиннадцати часов у ее дома дежурит полицейский, — попытался успокоить Эми Инок Милс. Он скомкал свою широкополую шляпу, облизнул пересохшие губы и обратился к Доремусу:

— По-моему, версия Эми выглядит самой убедительной из тех, что мне сегодня пришлось выслушать в этой комнате. Не исключено, что Питер смог бы здорово помочь нам. Но это, разумеется, зависит от того, когда нам позволят навестить его, — закончил Милс и выразительно посмотрел на Крэга, который, казалось, даже не слышал его просьбы. — Кстати... где расположен ваш лазарет?

— На третьем этаже в этом корпусе, — поспешно ответил директор интерната.

— А сегодня ведь уже воскресенье, — задумчиво произнес Инок. — Как вы думаете, сколько еще проспит мальчик?

— Не менее пятнадцати часов, если, конечно, его не будут тревожить, — отозвался Крэг.

— Я считаю, у входа в лазарет тоже надо поставить полицейского. Только тогда я буду спокоен за то, что его никто не потревожит без вашего согласия. А еще лучше, отправим-ка его в городскую больницу. Не забывайте: мы

имеем дело с самым настоящим убийцей, а уж он ни перед чем не остановится, если ему взбредет в голову добраться до мальчишки.

При этих словах Эми побледнела.

— В лазарете, кроме Питера, еще три мальчика и дежурная сестра, она круглосуточно находится около больных,— возразил Крэг.— Так что здесь Питер — в полной безопасности. К тому же я лично буду дежурить возле него, пока он не проснется, а если понадобится, то и дольше.

— Чем раньше мы выясним личность его загадочного приятеля, тем лучше.

— Вполне с вами согласен.— Крэг бросил на Эми долгий взгляд.— Ну, теперь, когда мы знаем ответы на многие вопросы, я считаю, что вскоре мы разберемся с этими тайнами раз и навсегда.

Возбуждение вновь охватило Крэга. Казалось, его что-то тревожит:

— Но почему же Май... Майкл ни разу не пришел ко мне? Ведь мы с ним были друзьями... Неужели он и в самом деле желает моей смерти? Как мог он измениться за эти годы?

Эми положила ему руку на плечо, пытаясь успокоить, но Крэг не замечал ни ее руки, ни самой девушки.

— Мне теперь легче поверить в привидение. Или, например, в то, что у Питера выросли крылья, и он может летать.

Крэг хотел было рассмеяться, но поперхнулся и надрывно закашлялся. Глаза его лихорадочно блеснули, щеки пылали.

— Безумие,— бормотал Крэг.— Это какое-то безумие, это невероятно... Единственное, во что я пока согласен верить, это в мальчика. В нашего беспомощного, маленького мальчика.

Эми вздрогнула и убрала руку с плеча Крэга. Движение это было таким мимолетным, что не ускользнуло лишь от внимательных глаз Доремуса.

— Я бы тоже хотела остаться здесь на ночь,— тихо произнесла она.

— Что ты говоришь? Нет-нет, в этом нет никакой необходимости. Эми, тебе надо выспаться. А если что-нибудь произойдет, я тебе сразу звякну...

Крэг посмотрел на нее, и, кивнув на прощанье Иноку Милсу с Доремусом, направился к выходу. Закрыв за со-

бой дверь, Крэг бросился вверх по лестнице. Он так спешил, что перескакивал сразу через три ступеньки.

Инок Милс устало зевнул и, вынув из-под саржевого жилета кольт, передал его Доремусу.

— Чуть не забыл... мои ребята нашли вот это возле пустой канистры из-под бензина. Вы стреляли три раза, верно?

— Просто для остротки. Я ни в кого не целился.

Милс встревоженно покачал головой:

— Давайте завалимся завтра в какое-нибудь уютное местечко и обговорим подробности этого дельца. А теперь разрешите подбросить вас до деревни.

Доремус отказался, и Милс покинул кабинет, пожелав всем спокойной ночи.

Директор интерната поднялся и, шаркая домашними тапочками, начал везде гасить свет. Эми почувствовала себя брошенной и одинокой.

— А знаете, меня очень интересуют книги по демонологии, которых у вас, насколько я понял, предостаточно,— осторожно начал Доремус.— Вы не могли бы одолжить мне парочку на несколько дней?

— С удовольствием.

Все трое вышли из кабинета директора. Куинлэн жил неподалеку от здания интерната, и, когда Крэг срочно вызвал его, директор явился, наспех натянув на пижаму сразу несколько свитеров. Сверху он набросил теплое пальто.

— Наверное, необходимо сообщить о случившемся родственникам Питера,— предложил Куинлэн.— Это единственное, что пока приходит мне в голову. Но я даже не знаю, как им все это объяснить. Совсем не представляю, с чего начать.

— С Питером все будет теперь в порядке,— попыталась успокоить его Эми.— В этом я почему-то убеждена.

— С ним ужасно обошлись... Его просто использовали в корыстных целях. И все это произошло буквально у нас под носом. А я-то, старый осел, был уверен, что для наших мальчиков мы из кожи вон лезем... пытаемся сделать все, чтобы им было у нас хорошо.

— Разумеется, сэр.

— Мисс Лоулор, проследите, чтобы мистер Кетчам запер за вами, хорошо?

Поникнув головой, директор зашагал в сторону стоянки, где оставил машину. Он казался теперь беспомощным стариком.

— Куинлэн — замечательный человек, — сообщила Эми, — но только... наверное, уже слишком стар для такой тяжелой работы. Мне иногда бывает его искренне жаль. Всеми силами он пытается помочь каждому нашему ученику.

Они медленно шли по коридору до самого конца, туда, где располагался кабинет Эми. Она молча указала на застекленный шкаф с книгами и, опустившись на скрипучий кожаный диван, замолчала, теперь уже надолго.

Доремус из вежливости наскоро пролистал несколько томов, а потом обратился к девушке:

— Вы знаете, я тут подумал и пришел к заключению, что у меня сейчас вряд ли хватит времени на чтение. Может быть, я лучше попрошусь к вам в попутчики, и вы меня подбросите по дороге?

Эми возмущенно посмотрела на следователя, однако через мгновение взгляд ее смягчился:

— Вы знаете, пожалуй, я не откажусь от такой компании, — призналась она.

Глава четырнадцатая

Она лихо управляла своим стареньким «мустангом», время от времени потирая рукой глаза и передергивая плечами, чтобы не заснуть за рулем. Доремус, слегка согнувшись, сидел рядом. Сейчас ему как никогда хотелось закурить сигару.

— Если вас не затруднит... мне бы все-таки хотелось разыскать свой мотороллер. Я оставил его где-то в кустах неподалеку от мельницы.

— С удовольствием, — согласилась Эми, хотя в голосе ее послышалось легкое раздражение. — Если не ошибаюсь, это по дороге к молочной ферме Милликан?

— Совершенно верно.

В молчании они промчались мимо опустевшей деревни. Ранний туман только-только начинал рассеиваться, в небе сияла огромная ярко-желтая луна.

— Вы ведь достаточно близко знакомы с Крэгом Янгом, не так ли? — поинтересовался Доремус.

— С тех пор как приехала в ваши места, — полтора года. Сразу после окончания Калифорнийского университета.

— Значит, вы родом из Калифорнии?

— Я и родилась, и воспитывалась там. В Уэст-Ковине. Тогда там еще можно было побродить по настоящей апельсиновой роще.

— Элен рассказывала, что одно время вы даже мечтали стать кинозвездой.

— А какая девочка не грезит этим в шестнадцать лет?.. Мне везло во всем, к тому же многие считали, что я достаточно хороша для кино. Этаким бутончик, если можно так выразиться. Мне тут же предложили несколько эпизодических ролей, а потом мы задумали целую серию фильмов ужасов. Мы их снимали по ночам, освещая площадку взятым напрокат прожектором. За триллерами последовал еще один сериал, его крутили целых тринадцать недель, а потом о нем полностью забыли. Честно говоря, все это — чушь, но тогда успех буквально вскружил мне голову. И вот на меня положил глаз известный импрессарио. У него были такие связи, что, запросто звякнув любому киношному небожителю, этот агент за несколько минут мог договориться с тем о моем контракте.

Тем временем я, как говорится, совершенствовала свое искусство, училась у других актеров. В один прекрасный момент я поняла, что меня окружают совершенно феноменальные юноши, которые умудряются в свои двадцать с небольшим лет полностью утратить духовность. Через некоторое время, точнее, через два года, я, наконец, стала осознавать, что подобное может вскоре произойти и со мной. Вот тогда-то я решительно поставила на своей кинокарьере точку.

— Я вполне одобряю ваш нынешний выбор.

— Я тоже. То, чем я сейчас занимаюсь, — просто идеальный способ проявить мои возможности.

— Наверное, вы с Крэгом скоро поженитесь. Я угадал?

Несколько секунд Эми молчала, и пауза эта показалась обоим мучительной.

— Да, вероятно, уже скоро.

По проселочной дороге они направились к молочной ферме, поднимая за собой клубы пыли. В свете фар мелькнула еле заметный отсюда мост через ручей, и Эми затормозила.

— А я ведь собирался спросить Крэга, не приметил ли он кого на этой дороге, когда ехал сюда, — задумчиво произнес Доремус. — Странно, почему-то этот вопрос вылетел у меня из головы.

— Наверное, вы сильно переволновались. А кроме того, он ведь мог ехать по другому шоссе. К Брюннелю имеется и гораздо более короткий подъезд.

Доски моста угрожающе закрипели под колесами.

— Где мне остановиться?

— Как только съедем с этого мостика. Кстати, а каким образом Крэг очутился у Брюннеля? Представляю, каких усилий стоило бы нам затащить Питера назад в школу.

— Крэг с ума сходит от его шедевров, особенно от той гигантской бронзовой обнаженной дамы. А Брюннель фактически никуда не выходит из своей галереи — так и торчит там целыми днями.

Эми выключила мотор.

— Я думаю, лучше положить ваш мотороллер в багажник, боюсь, на заднем сиденье он не уместится. У меня есть веревка и тросс, так что мы его надежно прикрутим.

Они вышли из автомобиля, и Доремус при свете фар без труда отыскал в кустах свой мотороллер. Выкатив его, следовательно засунул мотороллер в багажник, и вдвоем с Эми они ловко привязали крышку багажника к заднему бамперу. Эми в задумчивости наблюдала, как вдали клубился туман. В лунном свете поверхность пруда сверкала, как зеркало, и Доремус сразу же узнал то место, куда он плюхнулся, проломив прогнившие доски мельницы.

Внезапно Эми вздрогнула.

— Жуткое местечко. Вы, наверное, не из робкого десятка, раз отважились навестить здешние края, не зная, что может ожидать...

— Ну, поскольку мы все-таки снова очутились здесь, мне хотелось бы теперь более тщательно осмотреть это место,— заявил Доремус и начал спускаться вниз к воде, освещая себе путь фонариком, который он одолжил у фермера Хока.

— Неужели вы оставите меня одну? — испуганно проронила Эми.

Доремус оглянулся и, широко улыбнувшись, предложил:

— Пойдемте вместе. Такая компания меня вполне устраивает.

Эми была в толстом розовом свитере, лыжных штанах и высоких черных сапожках, поэтому она легко пробралась сквозь густой кустарник и не раздумывая вошла в мелкий ручей. У самого берега рядом с мельницей Доремус протянул руку и помог девушке преодолеть скользкий участок.

Они стояли рядом в лунном свете и молча разглядывали вход на мельницу. Здесь, на площадке перед дверью, виделось множество различных следов.

— Куда же вы упали? — поинтересовалась Эми, и Доремус указал ей это злополучное место.

— Но это же очень высоко! Вы могли разбиться.

— Эта мысль пришла мне в голову всего лишь час тому назад. У меня внезапно появилось такое ощущение, что все тело изнутри охватила дрожь. А до этого я, вероятно, просто находился в состоянии шока.

Эми закусила губу.

— Пойдемте отсюда. Я так вымоталась, и, кроме того...

— Ну, еще хоть пять минут.

Они вплотную приблизились ко входу на мельницу.

— Меня мучает один и тот же вопрос: почему именно бензин? — вслух рассуждал Доремус. — Что же происходит сейчас у него в мозгах? Ведь он мог преспокойно дожидаться, пока я появлюсь в двери, и на куски разнести мне голову из того же кольта. Зачем только такие сложности — тащить с собой несчастного Питера?.. Да еще заставлять его участвовать в такой страшной игре?

— После того, как вы свалились в пруд, они тут же убежали, я правильно все поняла? Оба. А он, ну, Майкл, вероятно, подумал, что вы уже мертвы.

— Скорее всего да.

Теперь Доремус с Эми стояли у кустов перед мельницей.

— Они побежали сюда, в сторону главной дороги. Здесь-то он и выкинул факел, пустую канистру и мой револьвер. Очевидно, он нашел его внутри. Я ведь обронил кольт. И вот на полпути дорогу им перерезал один из сыновей Хока — Виллис. Он заметил их, к тому же у Виллиса был с собой фонарь. Вместо того, чтобы, пригнувшись, замереть и выжидать, пока минует опасность, Питер скорее всего перепугался и рванулся вперед, в сторону пастбища. И тогда Виллис помчался вслед за ним. Виллис был настолько возбужден, что вообще не заметил Майкла. А Майкл, уже не опасаясь никакой погони, беспрепятственно прошел через лес к основной дороге. Туда, где он заранее оставил машину.

Эми посмотрела на Доремуса, и теперь в лунном свете ее глаза напоминали два темных бездонных озера.

— Безусловно, у него есть машина, и Майкл сам ее водит: иначе как бы он каждый раз смог таскать с собой Пи-

тера? Следовательно, его автомобиль был припрятан где-то на обочине. А Питер остался на какое-то время без его присмотра. Итак, что бы вы сделали на месте Майкла?

— Я бы... просто ждала его возле машины, наверное.

— Ну, а если бы Питер так и не появился в скором времени, вы бы сами отправились на его поиски, так? И если последний раз вы видели его на пастбище, стоит отправиться именно туда? Но при этом необходимо соблюдать осторожность, чтобы не выдать себя. Значит, надо возвращаться лесом, двигаясь по его кромке, затем пересечь болото. И вот тогда-то вы окажетесь как раз у галереи Брюннеля.

— Да,— только и вымолвила Эми.

— Здесь-то вы и находите Питера. Он забрался на вершину холма, но звать его слишком опасно — значит, вам остается отлавливать его возле самого амбара Брюннеля, затем подвести к машине и срочно сматываться отсюда.

Доремус подвел Эми к залитому луной пастбищу. Кое-где траву прихватил легкий иней.

— Именно в этом направлении я и пошел в поисках Питера — к Брюннелю. Вероятно, Питер заметил меня и... Майкл, несомненно, тоже, в тот момент, когда я прятался у леса. Он сразу же оценил обстановку и смекнул, что я доберусь до Питера гораздо быстрее его, и тогда его затея — коту под хвост. Поэтому он возвращается на то самое место, где оставил машину. Скорее всего он припрятал ее в кустарнике, чтобы тот хоть чуть-чуть приглушил звук мотора. А потом...

— Он уехал,— быстро закончила Эми.

Доремус выключил фонарь и повернулся лицом к девушке. Они стояли по щиколотку в густой траве среди поднимающегося тумана, и их дыхание клубилось легкими облачками. Эми выглядела крайне изможденно, дыхание у нее словно сковало. Девушку охватила дрожь, но не от холода. Что-то не давало ей покоя. На щеках серебряными ниточками заблестели слезы.

— Нет, я так не считаю,— спокойно возразил Доремус.— Он доехал только до владений Брюннеля. И звали его не Майкл.

— Боже мой,— надломленным голосом еле выговорила Эми.— Боже, Боже, нет, нет, прекратите, Доремус! Я не хочу вас больше слушать!

— Там, в интернате, вы неплохо все подытожили, Эми. Вы по кусочкам сложили то, что было уже известно, все, о чем только могли подозревать — все наши теории и версии. Вам удалось слепить из них стройный рассказ, и звучал он весьма убедительно. Но не все в вашем рассказе оказалось правдой, потому что сама правда гораздо, гораздо страшнее. И тем не менее, Эми, мы должны посмотреть ей в глаза. Истина должна восторжествовать.

— Нет! Нет, это невозможно!

— В Шейдс нет никакого Майкла Янга, который якобы тщательно планирует убийства, пытаясь отомстить за свою мать. Майкл Янг умер в ту ночь во время бурана, а дух его сейчас пребывает на небесах. Нет никакого Майкла Янга. Он не существует в действительности. Несмотря на все отчаянные попытки Крэга вернуть его к жизни в образе Питера Мэтиса.

Доремус был готов к чему угодно, но только не к той реакции, которая моментально последовала у Эми после его монолога. Девушка набросилась на него с кулаками и, нанося беспорядочные удары, осыпала тумаками и голову, и плечи, и грудь Доремуса. Эми задыхалась и поэтому не могла кричать, но звуки, доносящиеся из ее горла, были куда страшнее самого отчаянного визга. Следовательно попытался удержать ее за руки. Тогда она ударила его головой в подбородок, и Доремус, потеряв равновесие, упал. Девушка начала безжалостно избивать его ногами — совсем как озверевший мужчина. При этом она вопила и истерично причитала. Доремус перекашивался с боку на бок, пытаясь избежать сильнейших ударов, наносимых каблуками. Наконец, ему удалось схватить Эми за лодыжку, и он с силой крутанул ей ногу. Эми тяжело рухнула на землю, но, к счастью, высокая трава смягчила удар. Девушка села, все еще продолжая лягаться, и угрожающе выставила вперед руку, словно собираясь вцепиться ногтями в лицо Доремусу. Тот отбросил ее руку и почти оглушил девушку здоровенной оплеухой. Взметнулось вверх облако волос, и Эми удивленно уставилась на Доремуса. Однако ухмылка никак не сходила с ее губ, растянутых в злобном оскале. Тогда Доремус влепил ей еще одну пощечину, и Эми разом обмякла, беспомощно уронив на грудь голову и опустив руки. Белокурые локоны рассыпались по плечам. Из горла Эми вырвался жуткий, нечеловеческий вопль.

Стоя над ней, готовый в любой момент вкатить девушке очередную затрещину, Доремус вдруг испытал в глубине

души желание овладеть Эми. Это обескуражило следовательно: ведь который месяц подряд ни одна женщина не вызывала в нем сексуального влечения. Но уже мгновение спустя Доремуса захлестнула нежность и жалость к несчастной девушке. Он осторожно склонился над ней и, приподняв за локти, помог встать на ноги. Эми не сопротивлялась, все еще не решаясь открыть глаза. Она то и дело всхлипывала, судорожно сглатывая. Доремус отпустил ее руки, и она распрямилась с той энергичной решимостью, с какой только что набрасывалась на следователя.

Доремус оставил Эми на лугу, а сам направился к мельничному пруду, разрывая по дороге рубашку, которую одолжил у скульптора. Он намочил ткань и вернулся на луг. Девушка ничком лежала на траве. Доремус опустился на колени, перевернул Эми на спину и осторожно приложил влажную ткань к ее распухшему лицу. Девушка вздрогнула и попыталась было отодвинуться от него.

— Я хочу умереть, — простионала Эми.

Доремус начал скрупулезно изучать лицо девушки. Все, на что он прежде не обращал внимания, теперь приятно поразило его: аккуратный чуть вздернутый носик, мягкий овал лица с едва выдающимися скулами, волевой подбородок, удивительно длинные и густые ресницы. «Какая же это для нее трагедия — так влюбиться в Крэга, — подумал про себя следователь. — Ведь она всеми способами пыталась защитить его, всячески оправдывая Крэга, а жестокая истина изнутри сжигала все ее существо». Доремус давно начал догадываться о происходящем, но вот как это хрупкое создание смогло оценить чудовищную ситуацию? Может быть, благодаря женской интуиции? «Как она прекрасна, — с тоской размышлял он. — Такая способная, восхитительная. Что же мне теперь с тобой делать, как успокоить, утешить, что сказать в эти страшные минуты?»

Доремус глубоко вздохнул и поднялся на ноги. Эми лежала на траве без движения, грудь ее едва заметно приподнималась. Следователь склонился над девушкой и легонько пошлепал по ее лицу влажной тканью, чтобы поскорее привести Эми в чувство.

— Вставайте, — приказал он. — Я не собираюсь тащить вас на руках. Вы уже достаточно взрослая, чтобы передвигаться самостоятельно.

Эми не обратила внимания на его замечание, и Доремус снова мягко ударил ее концом мокрой рубашки. Девушка открыла глаза и взглянула на Доремуса. При свете лу-

ны он заметил, как покраснелись ее щеки, а на одной из них виднелась небольшая ссадина.

— Вам не надо было этого делать.

— Вставайте.

Эми уселась на траву, а потом с трудом поднялась на ноги. Доремус бесстрастно наблюдал за ней. Внезапно Эми словно прорвало:

— Я вас терпеть не могу. На всем белом свете не найти более ненавистного для меня человека. Я не шучу. Я невзлюбила вас с самой первой встречи. Вы зазнайка, бессердечный и занудный пижон. И я хочу, чтобы вы об этом знали.

Закончив эту тираду, Эми, слегка пошатываясь, побрела через пастбище к мельнице. Там она остановилась и, коснувшись раненой щеки, зарыдала. Доремусу вдруг показалось, что именно так должны плакать обиженные дети, которых не понимает никто в мире.

Он подошел сзади и, поддерживая девушку за локоть, осторожно повел вдоль ручья к машине. Всю дорогу Эми не переставала всхлипывать. Когда же они сели в автомобиль, она неожиданно обняла Доремуса обеими руками и уткнулась холодным лицом ему в плечо, в новенькую курточку Виллиса Хока, которую тот одолжил Доремусу. Следовательно не противился, он ждал, пока Эми наконец успокоится. Небо на востоке начинало светлеть. Эта ночь оказалась бесконечной. И тут на Доремуса навалилась смертельная усталость. Он почувствовал себя измученным и опустошенным. К тому же голова его раскалывалась. А еще Доремус был уверен, что конец этой жуткой истории еще далеко...

— Наверное, он... тяжело и серьезно болен. Я не знаю, как это могло произойти... Но раньше я над этим не задумывалась. Ни разу за все время. Он что-то там скрывал, странные, навязчивые мысли днем и ночью терзали его. Сколько же времени вынашивал он в голове свои планы? О Господи, Боже, Боже, что я могу сделать, как помочь ему?

— Эми, теперь самое главное — всегда помнить об этом. Крэг действительно болен. И чрезвычайно опасен. Теперь же — как никогда, потому что может почувствовать, что мы близки к разгадке его тайны.

Эми отстранилась от Доремуса и испуганно обронила:

— Питер!

— Рядом с Крэгом Питер находится в полной безопас-

ности. Пожалуй, он единственный, кому сейчас ничего не грозит.

— Как же он мог заставить Питера делать все эти чудовищные вещи? Разгуливать по крышам школьных корпусов... Ведь он мог запросто сорваться и погибнуть. И какое отношение имеет Питер к смерти доктора и Хэпа? Доремус, я ничего не понимаю!

— Думаю, все началось именно с Питера. Ведь он внешне здорово смахивает на Майкла Янга, да и лет ему примерно столько же, сколько было Майклу, когда тот погиб. Кроме того, насколько мне известно, характеры Питера и Майкла, их темпераменты тоже имеют много общего. И вот в жизни Питера появляется Крэг — школьный психолог. Крэг пытается разрушить стену озлобленности и враждебности, из-за которой Питер потерял дар речи. Они все ближе и ближе друг к другу. Схожесть судеб сплачивает их. Ведь и у того, и у другого трагически погибли матери. Может быть, именно это влекло Крэга к Питеру — у того тоже отняли мать, и она трагически погибла, причем так внезапно.

— Но почему все так случилось? — не выдержав, воскликнула Эми.

— За последнее время мы только и слышали, как сильно любил свою мать Майкл. Он возненавидел всех, стал непослушным, неоднократно пытался сбежать из дома. А что мы знаем об отношении Крэга к матери? Как он воспринял ее смерть? Неужели ему было все равно? Сильно сомневаюсь. Думаю, ему было так же больно и обидно за мать. Вот он и затаил злобу на тех, кто приложил руку к ее смерти, и поклялся отомстить. Как и его брат. Но мальчики отличались друг от друга и характерами, и темпераментами. Крэг, видимо, относился к тем, кто, закусив губу, сжимает кулаки и держит все в себе. Кроме того, на плечи его легли заботы о младшем брате. Он почувствовал ответственность за братишку — ведь они остались совсем одни под попечительством мало знакомой тетки, которую поначалу невзлюбили и относились с недоверием.словно весь мир восстал против Янгов, и теперь Крэгу приходилось любой ценой охранять Майкла. Только представьте, как глубоко потрясла Крэга смерть брата — ведь он не уберег его, потерпев полное фиаско.

Выпрямившись в кресле, Эми с каменным выражением лица слушала все, что говорил ей следователь. А потом, облизнув губы, произнесла:

— Наверное, он чувствовал себя... виноватым. Невероятно, чудовищно виноватым в этой гибели.

— Именно так. И с возрастом комплекс вины набирал силу. Скорее всего его психика не выдержала. Безусловно, все эти годы он страдал. Вы догадываетесь, что может произойти с человеком, который постоянно ощущает на себе вину, который к тому же вынужден скрывать чувства и мысли от других, ежесекундно контролируя свои поступки.

Эми немного помолчала, а потом, запинаясь, промолвила:

— Он может... сам себя уничтожить. Или... перенести часть бремени на кого-нибудь другого.

— Разумеется. Как, например, на Элен Коннелли. Или на Эндрю Бриттона. Или на Хэпа Уошбука.

— Доремус... А почему вы все-таки уверены, что это дело рук именно Крэга?

— Подозрение закралось в тот момент, когда я понял, в какой зависимости от Крэга находится Питер. Кстати, в амбаре, когда я преследовал Питера, произошла тоже довольно любопытная штука. Я нечаянно дернул за веревку колокола, он прозвонил десять, а может, и двенадцать раз. И в эту самую минуту Питер встрепенулся, будто... очнулся от сна. Выглядел он так, словно плохо соображал, что делает и где находится. Происходящее, видимо, потрясло его, и он чуть было не упал. Позже, когда я слышал бой колокола в гринлифском интернате, очень схожий с колокольным звоном в галерее скульптора, мне вдруг показалось, что все это время, пока я его преследовал, мальчик находился под гипнозом. А колокол послужил как бы сигналом к его пробуждению. Ведь школьный колокол звучал точно так же. Я имею в виду, что Питер «очнулся» от навязанного ему гипнотизером сна. А потом и сам Крэг упоминал о том, что для лечения Питера он активно использует гипноз. Вот тут-то мне и пришла в голову мысль, что Питер по ночам выбирался из своей комнаты и как кошка путешествовал по крышам школьных корпусов. Теперь мне становится понятным, почему это так легко удавалось ему. Ведь он проделывал все эти трюки, находясь под глубоким гипнозом. Крэг контролировал каждое движение мальчика, кроме того случая в амбаре, когда Питер очнулся и, заметив Крэга, кинулся к нему.

— Что-то подобное и мне приходило в голову. Питеру кто-то наверняка должен был помогать убегать из интер-

ната. Тот, кто имеет разрешение покидать школу и возвращаться на машине в любое время. У него не спрашивали пропуск, ведь его лицо было хорошо знакомо сторожу. И тогда я тоже догадалась, потому что...

Эми замолчала и, пошатнувшись, уткнулась головой в подбородок Доремусу. Он успел поддержать ее, и густые светлые волосы рассыпались у него по плечам.

— Там, наверху, в изоляторе, когда Питер заболел, Крэг вышел из себя. Да, именно так. В это время я находилась в соседней палате — там, где хранят лекарства. Я хотела найти ампулу мепробамата. Медсестра у нас старенькая, и без очков ничего не видит. Она тоже очень переживала за Питера. Отыскав лекарство, я передала ей ампулу, чтобы медсестра подготовила все для укола, а сама вернулась к Крэгу. Он сидел на кровати с Питером, крепко обняв его, и поначалу мне показалось, будто рядом с ними находится еще какой-то мальчик. Я ведь могла не заметить этого третьего парнишку, мало ли зачем он мог прятаться в лазарете. Потом я услышала голос: «Не надо, Майкл, не надо... ты не погиб, ты не погиб...» И это был детский голос, голос маленького мальчика. Но в комнате, кроме нас, никого не было. Это говорил Крэг. И голос этот... я слышала раньше. Несколько дней назад, по телефону. Крэг уехал тогда от меня минут за тридцать до этого звонка. И я готова поклясться, что это был именно тот самый голос. По телефону он назвался Майклом. И завил, что ненавидит Крэга.

Эми напряглась, и Доремус крепче обнял ее.

— Боже мой! — со стоном произнесла девушка. — Мне так страшно!

— А что случилось после того, как вы услышали, что Крэг называет Питера Майклом?

— Крэг заметил меня и, повернувшись, уже своим нормальным голосом спросил: «Ну, что ты так долго возилась там? И где, наконец, эта медсестра?» Как раз в этот момент в палату торопливо вошла медсестра со шприцем и сделала Питеру успокаивающий укол. Причем дозу ввела немалую. Я ушла. И старалась не думать о том, что услышала несколько минут назад. Я заставляла себя не вспоминать больше об этом никогда. Потому что в тот момент меня словно ударили ножом прямо в сердце. Знаете, когда ранят острым кинжалом, кровь выступает не сразу, а чуть позже. Простите, Доремус, что я вам тоже причи-

нила боль. Но у меня, похоже, оставался последний шанс не утонуть в луже собственной крови.

Эми опустила руку следователю на колено. Он почувствовал ее дыхание на своей шее и улыбнулся, ощутив в душе внезапный прилив нежности.

— Но зачем он использует Питера? — продолжала Эми. — Почему он уперся, настаивая, что Питер и есть Майкл? Хотя, наверное, на этот вопрос ответ может дать только он сам. Я права?

— Вы же сами наблюдали, как он перевоплощается в течение нескольких секунд. Я не понимаю, зачем ему это, но... давайте рассуждать так: у Крэга на сердце тяжкий груз. В этом мире он одинок. Его жизненный путь представляет собой чередование светлых и темных полос. Вот, к примеру, Крэг попадает на темный, как ночная мгла, полный ужаса отрезок, а дальше, всего в двух шагах, сверкает солнце, и его теплые лучи, касаясь лица, согревают. Наверное, обо всех детских кошмарах Крэг вспоминает именно на темных участках пути. Он хотел бы замедлить этот стремительный бег времени, серьезно задуматься обо всем происходящем, но не в силах сделать этого. Ни на секунду не может он остановиться, потому что знает: тот груз на сердце погребет его. Когда я еще служил в полиции, мне частенько приходилось иметь дело с психопатами, нередко беседовал я и с психiatрами. Они и давали мне самые подробные консультации. Так вот, у психически больных людей на определенном этапе жизни отчаяние достигает апогея, и тогда даже самое незначительное событие, сущий пустяк, может навечно погрузить их во тьму, где кошмары полностью овладеют несчастными. Вы должны знать об этом, Эми, ведь это ваша профессия. Конечно, о таких вещах не больно-то приятно думать и рассуждать. Ведь закон не может предъявить Крэгу никакого обвинения — у нас нет доказательств. Ни единого. Его, разумеется, надо изолировать от общества. Но это практически невозможно.

— А что нам теперь-то делать? Убрать от него Питера?

— Я еще раз повторяю, что Питер под опекой Крэга находится в полной безопасности. Потому что психика Крэга в огромной степени зависит сейчас от этого мальчика. Правда, неизвестно, насколько Крэг сам навредил Питеру, я имею в виду его душу. Но надеюсь, что опытный специалист сможет вернуть мальчика в нормальное психическое русло, когда кончится весь этот кошмар.

— Но что же делать нам? — не унималась Эми.

— Советоваться, думать, искать выход. Да, сейчас мне нужно срочно позвонить. А потом... мне понадобится ваша помощь, это очень важно. Необходимо доказать, что Крэг сумасшедший и способен на убийство. Это будет нелегко. И к тому же времени у нас осталось в обрез.

Глава пятнадцатая

Элен проснулась сегодня даже раньше, чем Пэгги, в половине восьмого. Дочурка мирно сопела рядом. Она спала на животе, обхватив ручонками пышную подушку. Девочка все реже и реже забиралась теперь в постель к матери. А в былые времена Пэгги частенько шлепала голыми ножками по коридору, спотыкаясь в темноте о ступеньки. А затем, юркнув к матери под одеяло, тут же засыпала. От близости детского тельца у Элен сладко замирало сердце. Это были минуты, когда одиночество, казалось, отступало. И женщина со счастливой улыбкой погружалась в сон. Когда же Элен пробуждалась и обнаруживала рядом Пэгги, печаль иногда овладевала ею: природа властно требовала другого тепла.

«Да, воробушек растет. И как быстро», — заметила про себя Элен, подтыкая под Пэгги краешек одеяла, чтобы той было уютней.

Утро выдалось ясное и прохладное. На заднем дворе иней уже слегка тронул желтые опавшие листья. Элен накинула свой самый нарядный халат — в таком и королеве не стыдно было бы показаться — рукава оторочены кружевными манжетами, от ворота и до пола по всему запаху тоже спускались кружева, но только баснословно дорогие. Элен бежала вниз по лестнице, и, заметив вдруг, что дверь в кабинет распахнута настежь, застыла как вкопанная. Только теперь она поняла, что ставший привычным запах сигарного дыма отсутствовал. Элен заглянула в кабинет. Доремус, вероятно, заходил сюда ночью и, прихватив свои пожитки, покинул дом. Одеяло, простыни и подушка, на которой он спал, лежали на диванчике, аккуратно сложенные. Сверху Элен заметила записку, а рядом с ней — желтый бланк телеграммы.

«Элен!

Как Вы, наверное, уже поняли (из телеграммы), я вынужден ненадолго съездить в Платвилл. Я ведь вырос на руках у Суэна и его жены, поэтому не смог отказать им.

Я как раз успеваю на семичасовой автобус до Форт-Вуда. Оттуда — самолетом до Сент-Луиса или до Дьюбюка. А из аэропорта добраться на машине до их дома — пара пустяков. Если я уложусь вовремя, то вернусь завтра вечером (но поздно!). А вчера мы выяснили кучу прелюбопытнейших подробностей. Если они Вас интересуют, позвоните шерифу Милсу — и он введет Вас в курс дела.

Ничего не бойтесь!

Доремус».

Прочитав загадочную фразу «ничего не бойтесь!», Элен покачала головой. Она бегло перечитала записку, а затем взглянула на телеграмму: «Дядюшка Суэн серьезно болен, если можешь, приезжай, мы тебя любим — Мэда».

Нахмурившись, Элен вышла в гостиную. Она колебалась, раздумывая, стоит ли звонить в такой ранний час шерифу. Внезапно приняв решение, она подошла к телефону и быстро набрала домашний номер Инока Милса.

Яркие солнечные лучи, пробившись через окно спальни, коснулись щеки Эми, словно кто-то поднес к ее лицу зажженную свечу. Девушка вздрогнула и, закашлявшись, тут же проснулась. Открыв глаза, она моментально зажмурилась от ослепительного света. Несколько секунд Эми никак не могла сообразить, где находится, пока взгляд ее не упал на знакомый ковер. Девушка повернулась на другой бок. Желудок был словно набит булыжниками, и в нем препогано урчало. Так она и спала — в промокшей одежде, неумытая, с ошметками грязи, прилипшими к лицу. Эми казалось, что у нее отбиты все внутренности, а тело нестерпимо ныло, словно его хорошенько отделили дубинкой.

Пошатываясь, Эми поднялась и заглянула в зеркало на трюмо. Она по достоинству оценила свой вид. Покрасневшее лицо, на одной щеке отпечатались следы от свитера, который девушка так и не сняла перед сном. «Воскресный день, — грустно подумала она. — Да, видок у меня что надо. Как будто вчера здорово нализалась. Один раз такое со мной уже случилось, но всего один раз».

И только теперь сознание ее окончательно прояснилось, и Эми поняла, почему же ее не радует это солнечное воскресное утро. И почему оно кажется ей таким странным, почти угрожающим. А ведь всего несколько часов назад жизнь

Эми представляла собой чудесную сказку, где все наперед устроено и горизонты безоблачны. Девушка верила в завтрашний день, зная, что он непременно принесет ей счастье. Еще в детстве добрые и любящие родители вселили в Эми эту уверенность, и девушка была им благодарна. Но ведь и сама она впоследствии здорово потрудилась над собой, научившись избегать соблазнов, которые на каждом шагу подстерегали юную девушку и грозили превратить ее либо в истеричку, либо в пустышку. Да, немало пришлось ей хлебнуть горя на своем жизненном пути. Однако все удары судьбы Эми переносила с завидной стойкостью. Поставив цель, девушка твердо шла к ней. И она прекрасно знала, что ей нужно от жизни. В душе Эми гордилась своей принципиальностью и стойкостью, но вслух старалась не распространяться об этом. Конечно, случались и осечки, но они не сломили упрямую девушку. Она знала себе цену. Однако при этом искренне восхищалась другими достойными на ее взгляд людьми. Эми по-детски радовалась каждой мелочи, каждому, пусть даже самому незначительному успеху. А уж их-то в ее жизни было предостаточно.

Тропа судьбы запутанна и сложна, и ей все равно, кто ты таков. Невинные и добрые люди получают от судьбы те же затрешины, что и люди злые.

Эми почувствовала в горле комок и с трудом удержала внезапно подступившие слезы. Она отвернулась от зеркала и, сделав усилие, чтобы не упасть, застыла посреди спальни, залитой солнечным сиянием. Нервная дрожь охватила девушку. Она утратила всякие ориентиры в этом мире — похоже, тот готовил ей очередной сюрприз. Впрочем, так же, как и каждый день. Здесь оставалось лишь два пути: либо Эми будет встречать каждое утро уверенно и с радостью, либо — с ужасом ожидая подвоха. До сегодняшнего дня проблема выбора не стояла. В Крэге Эми черпала уверенность для себя. Его она любила и боготворила. За Крэга она боролась. Она спала с ним.

«Все решилось бы просто, если бы Крэг погиб,— подумала Эми.— Тогда бы я искренне оплакивала его, сердце мое разрывалось бы на части от горя. Ах, как это легко и просто — оплакивать возлюбленного, постепенно забывая о нем. А дальше... Что ж, а дальше жизнь продолжается».

Но ведь Крэг не погиб.

В своем небольшом коттеджике Эми обшарила каждый уголок, где Крэг мог бы устроить тайник. А потом обыска-

ла и двор. Птицы всюду заливались под теплыми солнечными лучами. Стояло лето, и легкий ветерок, подхватывая желтые листья, мчал их вдаль по пустынной дороге или же выводил рулады, забираясь в горлышки опорожненных молочных бутылок на крыльце. Где-то вдалеке звонили церковные колокола. Напряжение сковало Эми. Девушка смертельно устала.

«Я не боюсь его, — упрямо повторяла она. — Еще вчера я любила его. — Эми пыталась заставить себя поверить в эту любовь, но ей никак не удавалось. Девушке вдруг стало как-то по-детски стыдно. — В конце концов я же сама психолог, и уж в чем — в чем, а в подобных вещах должна неплохо разбираться. Я ведь могу помочь ему. Разве нет?»

Однако на самом деле Эми понимала, что ей необходимо сейчас предпринять, и пугало ее только одно — а вдруг уже поздно?

Эми разделась и, мельком оглядев синяки и ссадины, в подавленном настроении побрела в ванную. Горячая вода и пар сняли боль. Запрокинув голову, Эми намылила шею, грудь и, касаясь тела, вдруг с невероятной отчетливостью вспомнила, как они вдвоем частенько забирались в душ и здесь, такие ненасытные после волшебной ночи, полной любви, поцелуев и страстных объятий, скользкие, как два купающихся зверька, снова и снова стремились к близости. Да, Крэг был восхитительным любовником, но только поначалу... поначалу... А потом все это куда-то кануло... Сколько раз за последние месяцы они спали вместе? По пальцам пересчитаешь. И почему он так внезапно остыл?

Эми медленно завернула кран и, осторожно прикладывая полотенце к ранам, выбралась из ванны. Голова раскалывалась.

«А что произошло бы, если бы мы все-таки поженились?» — подумала девушка. При одной мысли об этом ее замутило.

Эми неторопливо одевалась, тщательно подбирая одежду: плотно облегающие шерстяные брюки, безумно дорогая с французскими кружевами на манжетах голубая блузка, застегивающаяся до самого подбородка. Из гардероба Эми извлекла ярко-розовый свитер, но затем, передумав, аккуратно сложила его и оставила на кровати. На волосы девушка натянула широкую яркую повязку и, водрузив на нос темные очки, проглотила сразу две таблетки аспирина. Затем завела ручные часы и бросила взгляд в зеркало. По-

бледневшие губы, белое, словно мелом посыпанное лицо, пустые, безразличные глаза. Высунув язык, она заметила, что и тот прикушен. Видимо, пытаясь заглушить боль, она стискивала зубы и случайно прикусила язык.

«Я поеду туда, я встречу с ним. Он ослепительно улыбнется, так, как улыбается один только он, и, нежно похлопав меня по плечу, успокоит: «Тебе все это только приснилось, Эми. Обыкновенный сон. Посмотри же на меня, Эми. Со мной все в полном порядке». Интересно, если я сейчас завизжу, как резаная,— это поможет?» — подумала вдруг Эми.

На спортивной площадке в полном разгаре кипел футбольный матч. Мальчишки, которые не испытывали интереса к игре, бесцельно шлялись вдоль школьных стен. Завидев «мустанг», они приветливо помахали Эми рукой. Но девушка, казалось, даже не заметила их.

В воскресные дни машины разрешалось парковать прямо перед административным зданием. Неподалеку, футах в сорока, Эми заметила «шевроле» Крэга. Девушка нервно затушила сигарету. Обогнув здание, Эми по тенистой аллее добралась до входа и решительно вошла внутрь. На первом этаже не было ни души. Слабо мерцал желтоватый свет. Она на цыпочках отправилась в свой кабинет. Выдвинула ящик письменного стола и принялась искать ключ от кабинета Крэга, который тот вручил ей пару месяцев назад. В душе Эми надеялась, что не найдет ключа, но тот лежал на своем обычном месте. К нему была прикреплена бирка с номером.

Кабинет Крэга располагался в самом конце коридора. Эми тихонько постучала в дверь, обитую панелями из древесины грецкого ореха, и, с трудом переводя дыхание, подождала немного. Затем, постучав еще раз, убедилась, что внутри никого нет. Тогда девушка вставила ключ в замочную скважину и, повернув его, робко вошла в кабинет.

Здесь было темно. Прижавшись к двери, Эми дождалась, когда глаза привыкнут к темноте, а потом, крадучись, двинулась по ковро к окну. Слегка раздвинув шторы, она выглянула в щелочку. Как нужны были ей сейчас доказательства, это Крэг — ее любимый Крэг! — безумен. Что Майкл Янг и Питер Мэтис непостижимым образом перемешались у него в голове. Вот Доремус не верит, будто

она сможет найти такие доказательства. Но ведь эта мысль пришла в голову именно ей, Эми. И доказательства добыть может только она. Так-то. Если допустить, что Крэг останется на свободе — кто сможет предугадать его следующий шаг?

Эми рылась в ящиках письменного стола. Чего только здесь не было: и какие-то старые истории болезни, и письма, сложенные пополам. Девушка обнаружила тут и записную книжку Крэга. Эми внимательно пробежала ее глазами, отыскивая хоть малейшие упоминания о Питере. Копаясь в ящиках, Эми то и дело посматривала на часы, с ужасом думая, как стремительно движутся стрелки циферблата. Девушка не знала, где в данный момент находится Крэг и когда он вернется в свой кабинет. Может быть, он в лазарете, рядом с Питером. А вдруг именно сейчас Крэг на пути сюда? Эми подняла голову, взглянула на шторы и, закусив губу, выдвинула следующий ящик.

Девушка так и не нашла в столе нужных бумаг. Она бросила растерянный взгляд на шкаф, полки которого были завалены книгами и папками. В голове мелькнула мысль, что их можно просмотреть и попозже, но отчаяние подхлестывало девушку. Да, Крэгу вполне соответствовал бардак в кабинете — но беспорядок царил здесь только с точки зрения человека постороннего. Сам же Крэг в два счета мог отыскать в этом хаосе любую важную бумажку. Эми перебрала папки, на которых стояли фамилии учеников. Папки Питера Мэтиса она так и не нашла. А что, если Крэг вообще не вел никаких записей об этом мальчике?

В нижнем ящике стола лежала коробка с дюжиной кассет. Переносной магнитофон фирмы «Воллензак» находился тут же, рядом. Эми опустила на корточки и внимательно просмотрела кассеты — ни на одной из них она не обнаружила наклеек. Сначала девушка решила было прихватить пленки с собой и без всякой спешки прослушать их у себя, однако, поколебавшись, пришла к выводу, что затея эта довольно опасная — ведь хозяин кабинета мог явиться сюда с минуты на минуту. И, упаси Бог, если он не досчитается своих драгоценных кассет... Вот уж ей тогда несдобровать...

Эми поднялась и носком туфельки попыталась задвинуть ящик. Похоже, она проиграла. Девушка почувствовала в душе страшную пустоту. И тут взгляд ее упал на магнитофон. Крэг, видимо, пользовался им совсем недавно.

Пленка была отмотана лишь наполовину. Не раздумывая, Эми нажала на кнопку и, перемотав пленку к началу, запустила ее. Девушка почти совсем убрала звук. Лента крутилась бесшумно. Прошло уже несколько минут, но из магнитофона не донеслось ни звука.

И вдруг из динамика послышался голос:

«Я убью тебя, шериф, я убью тебя, убью тебя, я прострелю твое проклятое брюхо, если ты не оставишь в покое мою мать...»

Эми остолбенела, услышав эту грубую брань. Судя по голосу, эти слова произносил ребенок. Угрозы между тем не умолкали:

«Ты оставишь ее в покое, ты не прикоснешься больше к ней своими вонючими лапами. Я отучу тебя. Если ты не прекратишь...»

Охваченная дрожью, Эми нажала на «стоп». Она чувствовала, как кровь стынет в ее жилах. Противоречивые желания разрывали на части ее душу. Испить до дна горестную чашу, дослушав этот страшный монолог, или же стремглав бежать отсюда, рвануть, куда глаза глядят, вырваться на улицу, головой окунувшись в солнечное прохладное утро, где можно, наконец, отдышаться и перевести дух. В щелку Эми заметила двух мальчиков, бесцельно шатающихся по школьному двору. Они выразительно жестикулировали и, судя по всему, что-то яростно доказывали друг другу. Эми напряглась. Непрошенные слезы вновь подступили к ее глазам.

И тут она увидела Крэга. Вместе с Питером тот проходил мимо столовой. Мальчик брел сзади, какой-то осунувшийся и поникший. И в то же время сосредоточенный. Крэг с неизменной трубкой во рту направлялся в сторону административного корпуса. Внезапно он остановился и что-то сказал Питеру. Эми показалось, что они даже улыбнулись друг другу при этом. Девушка резко отпрянула от окна, хотя прекрасно понимала, что снизу Крэг никак не сможет ее разглядеть. Только что виденная картина не укладывалась в голове у Эми. Вот они неспеша шагают по двору, решая при этом какие-то свои проблемы. А ведь сколько раз наблюдала Эми, как Крэг — такой внимательный ко всем своим подопечным — спокойно выслушивает подростков и каждому пытается помочь. Он был их кумиром. Из окон своего кабинета Эми частенько незаметно следила за Крэгом, испытывая за него чувство гордости.

Злобная, полная ненависти тирада, только что звучававшая на магнитной ленте, как гвоздь засела в мозгу у Эми. Девушка быстро прошла по ковру и, прикрыв за собой дверь, заперла ее на ключ. Стремглав промчавшись вдоль коридора, она добежала до своего кабинета и сходу бросилась на диван, который жалобно заскрипел под ней. Эми закрыла лицо руками и пролежала так, не шевелясь, минут десять.

Теперь девушка со всей отчетливостью поняла, каким образом Крэг мог находиться у дома Элен в то самое время, когда звонил «Майкл». Он просто записал голос на пленку. А Питер в этот момент дома у Крэга набирал нужный телефонный номер и просто запускал магнитофон.

Эми вдруг вспомнила слова Доремуса: «Если вам понадобится моя помощь, наденьте свой розовый свитер и выходите на школьный двор. Я обязательно приду. Не знаю сколько времени мне потребуется на сборы — минут десять или чуть больше, — но я во что бы то ни стало буду там».

Через некоторое время Эми услышала, как кто-то вошел в корпус. Она знала, кто. После этого вновь воцарилась тишина. Очевидно, они направились в лазарет.

Эми поглядела на свой розовый свитер, перекинутый через спинку рабочего кресла, но не стала надевать его. Нетвердой походкой двинулась она в сторону лестницы и, пошатываясь, начала спускаться. По блестящему кафельному полу, сверкая, прыгали солнечные зайчики. В потном кулаке Эми судорожно сжимала ключ от кабинета Крэга.

Крэг тщательно задернул шторы и включил настольную лампу. Он сидел за письменным столом, придвинув стул почти вплотную к подоконнику. Между бровей пролегла глубокая морщинка, свидетельствующая о крайней степени сосредоточенности. Сдержанный голос звучал тихо. Питер сидел рядом в маленьком кресле с подушечками для головы, положив ноги на невысокую скамейку. Голова его безвольно склонилась на бок, глаза были закрыты. В считанные секунды мальчик погрузился в глубокий гипнотический сон. Жизнь словно покинула ребенка, и его мертвецкая бледность особенно контрастировала на фоне ярко-красной кожаной обивки. Питер походил сейчас на восковую фигуру.

— Твоя мама здесь, Питер, — произнес Крэг, не сводя пристального взгляда с лица спящего мальчика. — Она здесь,

в комнате. И ты счастлив видеть ее. Ты очень ей рад. Она совсем близко. Ты ее очень любишь.

Постепенно лицо Питера осветила нежная улыбка, но тут же пропала, и он зашевелился во сне. Крэг придвинулся к нему поближе и нахмурился.

— Все в порядке, Питер. Ты рядом со своей мамой. Все в полном порядке. Сегодня ты будешь с ней разговаривать. Ты очень хочешь поговорить с ней, сказать... как сильно ты ее любишь.

Тут голос Крэга понизился почти до шепота:

— Это произойдет очень скоро, Питер. Сегодня ты будешь разговаривать с ней.

Крэг бесшумно поднялся со своего места и, обойдя стол, встал рядом с креслом Питера.

— Ты помнишь ее голос?.. Вот она уже беседует с тобой, Питер. Что она говорит тебе? Попробуй вспомнить, попробуй рассказать об этом и мне тоже.

Крэг напрягся, ожидая реакции мальчика. Голова Питера раскачивалась на подушке, губы приоткрылись, но из груди вырвался лишь тяжкий вздох.

На улице поднялся ветер. Он пригоршнями швырял в окна осенние листья. Крэг бросил тоскливый взгляд на окно, а затем снова сосредоточил все внимание на Питере.

— Пожалуйста, попробуй. Пожалуйста, поговори со мной.

Голова мальчика откинулась назад, будто в эти секунды он испытывал нечеловеческую боль и страдание. Питер застонал, но опять не произнес ни слова.

Крэг в упор разглядывал лицо мальчика. К горлу подступил горький комок. Крэг в отчаянии потер глаза руками.

— Ты не хочешь мне помочь,— надломленным голосом пробормотал психолог.— Питер, ты...

От сильного порыва ветра задребезжали стекла.

— Ну, давай попытаемся еще раз, хорошо?

И тут лицо Крэга исказилось. Ярость проступила на нем. В глазах сверкнула ненависть. Крэг резко подался в сторону мальчика. Ветер, будто угрожая, завыл еще сильнее, пытаясь остановить безумца. Вздвогнув, Крэг застыл на месте. Нет, этот шум доносился не с улицы — это бушевал его собственный мозг. А в сердце его уже долгие годы царствовала вечная, суровая зима. Споткнувшись, Крэг рухнул на пол рядом с Питером. Внезапно в его замерзшем ле-

дяном сердце ожил погибший одиннадцатилетний мальчуган.

М а й к л !!!

— Майкл! Майкл! — снова и снова повторял Крэг, в иступлении катаясь по ковру. — Майкл, вернись!

Крэг пополз к креслу. Каждое движение давалось ему с огромным трудом. Он попытался было встать на ноги, но не удержал равновесие и, повалившись совсем рядом с мальчиком, расплакался. Ногами он изо всех сил молотил по ковру. Захлебываясь в рыданиях, он не мог выговорить уже ни слова, так же, как и Питер Мэтис, спящий в кресле всего в нескольких футах от него. Но вот звуки стали членораздельными — вскоре уже можно было разобрать не только отдельные слова, но и целые фразы. Но только сейчас это был совершенно другой голос — голос подростка:

— Послушай, что Майкл сделал для тебя, мамочка. А я ему помогал. Мы сегодня ходили к ручью — он так разлился — ты бы только видела! А на дереве мы видели большую черную змею. Майкл подплыл прямо под ветку, где она притаилась, а змея ничего не заметила. А я сидел под водой и не дышал целых полторы минуты. Майкл сам считал...

Некоторое время Крэг, еле переводя дыхание, так и лежал на ковре в темном кабинете. Лицо его было спокойным, хотя сейчас на нем в избытке проступили морщины, свидетельствовавшие о мучительных страданиях.

Внезапно Крэг сел на ковре и прислушался, широко раскрыв глаза. Внимание его снова привлек спящий мальчик. Поднявшись, психолог вплотную приблизился к креслу и с самым серьезным видом осмотрел своего пациента. Когда он опять заговорил, стало ясно, что фразы могут принадлежать только взрослому человеку, хотя тембр голоса оставался по-прежнему мальчишеским.

— Я знаю, почему ты не хочешь отвечать мне. Я ведь все понимаю, Майкл. Ведь это я позволил им увести маму.

Лицо Крэга посерело от досады и ненависти, но он продолжал:

— Но я ведь нашел тебя. А это очень важно. Мы все считали тебя погибшим, но оказалось, что мы ошиблись. Ты скоро отзовешься, Майкл, верно? После того, как месть исполнится.

Крэг уселся за свой письменный стол и смахивал сейчас на одиннадцатилетнего подростка, на лице которого отра-

жалась решимость, а во взгляде появились целеустремленность и упрямство.

— Ее-то я приберегу напоследок. Я знаю, Майкл, что ты бы очень хотел помочь мне сегодня. Я знаю, ты тоже хочешь убить ее. И она вполне заслуживает смерти. Даже больше, чем все остальные. И она получит сполна.

На некоторое время в комнате повисла тишина.

— Мы опять позвоним ей по телефону. И тогда я скажу так...— Голос его зазвучал совсем по-детски, а глаза широко раскрылись, словно готовые вылезти из орбит.— Тетушка Элен, это звонит Майкл! Я должен обязательно встретиться с вами — что-то страшное произойдет сегодня с Крэгом! Пожалуйста, приезжайте быстрее — я сейчас возле дома Крэга — пожалуйста — быстрее!

Крэг мельком взглянул на спящего мальчика и, довольный собой, хихикнул, прикрыв ладонью рот. А потом протянул руку к микрофону и включил магнитофон:

«...трахать мою маму, ты не посмеешь теперь подойти к ней и на пушечный выстрел, ты больше не...»

Крэг поспешно нажал кнопку. Пленка остановилась. Несколько секунд психолог сидел в оцепенении, не сводя с магнитофона изумленного взгляда. Глаза его вдруг налились кровью, и он в ярости вскочил с кресла, спинка которого с треском ударилась о подоконник. Питер опять зашевелился, так и не проснувшись. Одним прыжком Крэг достиг входной двери и распахнул ее настежь.

В коридоре не было ни души.

Крэг захрипел и почувствовал сильное головокружение. Он едва успел прислониться к дверному косяку, чтобы не упасть. В коридоре дрожали пятна солнечного света, а само солнце уже клонилось к западу. От внезапного яркого сияния у Крэга заслезились глаза. Но кое-что он все же успел заметить: в конце коридора вспыхнула и сразу же исчезла полоска света. Кто-то закрыл дверь.

Некое подобие улыбки мелькнуло на лице Крэга. Челюсти его были крепко, до боли сжаты. Психолог захлопнул свою дверь и направился вперед по коридору. У главного входа он прикрыл ладонью глаза, чтобы солнечный свет не помешал ему все хорошенько разглядеть. Этот странный оскал и невероятная ярость, сверкавшая в покрасневших глазах, могли бы сейчас напугать кого угодно.

Дойдя до кабинета Эми, Крэг, ни секунды не колеблясь, ударом ноги распахнул дверь и решительно вошел внутрь.

Эми стояла у письменного стола. Услышав шаги, девушка вздрогнула и повернулась к Крэгу лицом. И чуть было не подпрыгнула от испуга.

— Мне помнится, я давал тебе ключ от своего кабинета. А теперь прошу немедленно вернуть его,— как можно спокойней произнес психолог.

Взгляд его словно буравил Эми насквозь. Крэг слегка пригнулся, как хищник, готовящийся к смертельному прыжку. Никогда, даже в кошмарных снах, Эми не видела его таким. Она тщетно силилась найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы дать ему отпор, однако на ум так ничего и не пришло. Эми лишь молча покачала головой и крепче сжала в кулаке ключ.

Улыбка на губах Крэга исчезла. Он медленно приближался к столу. Уставившись на Эми, он как будто пытался сжечь ее взглядом. Правая рука Эми лежала на столе. Девушка так сильно стиснула кулак, что костяшки пальцев побелели от напряжения.

— Проклятая шлюха,— презрительно бросил Крэг, будто речь шла вовсе не об Эми — о той, которую он так любил. Если, конечно, верить его же собственным словам.— Ты самая обыкновенная шлюха, не более.

У Эми перехватило дыхание. Она была ко всему готова, но только не к такому позору и оскорблению.

— За что? За что ты меня так обижаешь?

Она смотрела ему прямо в лицо, а перед глазами все расплывалось от подступивших слез:

— За то, что я... любила тебя?

— Верни ключ, или я сейчас сломаю тебе руку!

Эми разжала кулак, и выскользнувший ключ звякнул о стеклянную крышку стола.

— Вот. Забирай свой ключ. Крэг, я хочу... Мне необходимо поговорить с тобой. Может быть, ты присядешь?

Крэг метнул на ключ бешеный взгляд. Усмешка лишь на долю секунды промелькнула на его губах. Психолог протянул руку к ключу. Эми не следила за его движениями: ее больше интересовало выражение его глаз. На долю секунды пальцы застыли возле ключа... И вдруг Крэг схватил со стола пресс-папье размером с бейсбольный мяч — прелестная стеклянная бабочка, раскрашенная в черный и оранжевый цвета.

В этот момент Эми ласково коснулась другой руки психолога и умоляюще попросила:

— Крэг, нам очень надо поговорить...

И тут он с размаху ударил ее по уху тяжелым пресс-папье. Эми издала невнятный горловой звук и пошатнулась. Оседая, она все еще пыталась удержаться за его пиджак, уставившись на Крэга широко раскрытыми глазами, в которых застыло удивление.

Эми цепко держалась за пиджак, и Крэгу пришлось даже слегка склониться под тяжестью ее тела.

— А я не желаю с тобой разговаривать, — откровенно признался он, повышая голос. И тут же нанес второй удар — теперь уже по голове. В тишине маленького кабинета раздался хруст — золотисто-оранжевая бабочка раскроила череп несчастной девушки. Та сразу обмякла и повалилась на пол. Хлынувшая из раны кровь тут же окрасила светлые волосы.

Несколько секунд Крэг в отупении наблюдал эту картину. Затем поставил пресс-папье на место, нагнулся и, крича, поднял Эми на руки. Он опустил девушку на ковер, но только с другой стороны письменного стола. Правда, спрятать тело так и не удалось — одна нога выглядывала из-за стола. Крэг вернулся, согнул ногу в колене — теперь тело не так скоро обнаружат. Он снова взглянул на бледное лицо, синяки под глазами впалые щеки. Удар пришелся в висок, и теперь уже Крэг не поручился бы, осталась ли Эми в живых. Впрочем, ему было наплевать на это.

Он покинул кабинет и медленно побрел по коридору, пошатываясь и едва волоча ноги.

За все это время Питер так и не переменял позу. Он по-прежнему сидел в красном кресле, безвольно сложив ручки на коленях. Крэг опустился перед ним на корточки, нежно погладив мальчика по голове, и, услышав его стон, тихо произнес:

— Прости меня, Майкл, — почти шепотом начал он. — Мне очень не хочется брать тебя сегодня с собой. Но это необходимо.

Глава шестнадцатая

На вершине горы Доремус устроил себе отличный наблюдательный пункт. Год назад на этом месте лежал огромный валун, но совсем недавно он скатился отсюда прямо к подножию, сминая на своем пути кустарник. И сейчас ничего

не мешало следователю внимательно разглядывать все то, что происходило внизу.

Доремус сел, прислонившись спиной к величавому вязу, корни которого были наполовину вырваны из земли тем злощастным валуном. Следователь закинул ноги на один из высохших корней. Он оставил винтовку дома. И если бы не отсутствие ярко-оранжевой жилетки и такой же шапочки, Доремус бы точь-в-точь смахивал на местного охотника. Хотя его теперешняя одежда была тоже добротной и теплой. Иногда, правда, порыв ветра чуть не насквозь пронизывал его, однако в остальном Доремус чувствовал себя вполне сносно. Следователь заволновался — не слишком ли уютно он здесь устроился, а то с подступающей дремотой придется бороться не на жизнь, а на смерть.

Каждый час Доремус спускался к подножию горы, чтобы поразмять затекшие мышцы, а потом с тем же завидным постоянством возвращался наверх, карабкаясь по довольно отвесному склону. На шею следователь предусмотрительно повесил мощный японский бинокль. Не забыл он прихватить с собой и коробку сигар, а также здоровенную бутылку с водой. Кроме всего прочего, рация тоже находилась с ним. За все это время Доремус лишь дважды пользовался ею: днем, когда заметил машину Эми Лоулор, подъезжавшую к интернату; второй раз ближе к вечеру, почти на закате. Однако ничего интересного следователь так и не смог сообщить. Оба автомобиля — Эми и Крэга — по-прежнему поджидали своих хозяев. Они были припаркованы перед административным корпусом, который прекрасно просматривался отсюда. Ни Эми, ни Крэга Доремус так в течение дня и не видел. Вот это-то и волновало следователя сильнее всего.

Послышался знакомый зуммер, и тут же раздался голос Инока Милса:

— Доремус?

Следователь нагнулся и взял в руки микрофон:

— Слушаю.

— Уже десять минут десятого. Что-нибудь произошло?

— Нет. Очевидно, Крэг и Питер обедали в кабинете психолога... Я видел, как несли поднос. В семь часов Питер в одиночестве покинул административный корпус и через двор направился к себе. Теперь, я полагаю, он уже в постели. Свет в жилом корпусе погасили вовремя, а в здании для старшеклассников его потушат чуть позже. Насколько мне известно, Крэг находится до сих пор в своем кабинете.

— А девушка? Она намеревалась пробыть там не больше часа.

Доремус растерялся. За последние часы мысли его витали в другой области.

— Даже и не знаю, где она сейчас. Я наводил бинокль на ее окна, но там темно. Света нет, и мне ничего не видно.

— Тогда вполне возможно, что у нее неприятности. Кажется, нам пора начинать действовать.

— Если там и правда что-то случилось... А вдруг она... мертва. Значит, мы опоздали. Меня тоже одолевало какое-то недоброе предчувствие, словно очередная беда уже не за горами, иначе Крэг был бы сейчас дома. Но надо дать ему еще немного времени.

Битый час Доремус не отрывал глаз от окуляров и лишь на минутку опускал бинокль, когда на глаза наворачивались слезы, а изображение начинало двоиться. Следовательно нервно покусывал кончик незажженной сигары, проклиная себя за то, что уговорил Эми прокрасться в кабинет Крэга и поискать там улики против него, которые можно было бы использовать впоследствии. Но ведь она и сама настаивала на этом.

«В противном случае ему грозит что-то страшное, да? Может быть, его убьют? Давайте попробуем, Доремус», — вспомнил он слова девушки.

«Какой же я идиот!» — в очередной раз выругался следовательно. Сейчас девушка представляла собой комок нервов, а он так легко поддался на ее уговоры. В каком-то смысле он собственноручно передал Эми в лапы этому маньяку.

Доремус смял намокшую от слюны сигару и швырнул ее вниз.

«Нет, ей ничего не грозит, и она, конечно, жива, — пытался он сам себя успокоить и заглушить голос совести. — Возможно, она действительно наткнулась в его кабинете на что-то невероятное, и теперь Крэг ее не выпускает. И это означает только, что он еще больший злодей, чем мы о нем думали. — Доремус протер усталые глаза. — Ты глуп, Доремус. И на плечах у тебя не голова, а кочан капусты. Если бы ты оставался на службе, на твою долю выпала бы единственная должность — регулировщика движения на каком-нибудь заброшенном кладбище. Давай-давай, соображай побыстрее!»

Ветер донес десять ударов школьного колокола. Доремус вновь поднял бинокль и принялся тщательно изучать

территорию интерната. У ворот он прекрасно различал ночного сторожа. Тот читал газету. За весь вечер он ни разу не показал и носа из своего уютного домика. И если бы интернат внезапно провалился сквозь землю, сторож скорее всего узнал бы об этом из завтрашних газет.

Доремус навел бинокль на жилые корпуса. Окон не было видно, зато металлическая крыша отливала в лунном свете серебристым сиянием. Следовательно осмотрел ее, потом внимательно изучил автомобильную стоянку, столовую и место, где разгружались продукты. Левое плечо по-прежнему противно ныло, и Доремусу никак не удавалось разработать его. В конце концов он плюнул и, решив просто игнорировать эту боль, переключил внимание на жилой корпус младших учеников.

И тут на крыше этого здания появился мальчик. Казалось, жизнь покинула его, такой он был зачарованный, словно сомнамбула. Он стоял, не шевелясь, и в лунном сиянии был виден, как на ладони.

Доремус почувствовал, что у него перехватило дыхание.

Питер как будто прислушивался к чему-то, стараясь уловить звуки, известные лишь ему одному. Сильный порыв ветра чуть не сбил мальчика с крыши. Но тот удержал равновесие и быстро понесся по крыше, словно наперед зная, что делать. Добежав до стены, обвитой плющом, мальчик глянул вниз.

— Осторожней, малыш,— тихо пробормотал Доремус, затаив дыхание.— Может, и раньше тебе не раз приходилось карабкаться по стенам, но все же постарайся проделывать эти трюки поосторожней.

Мальчик сделал еще пару шагов и, крепко уцепившись за лиану, начал сползать вниз. Даже в свой прекрасный бинокль Доремус с трудом следил за движениями Питера. Прошло уже минут пять, а мальчик спустился всего на несколько футов.

Доремус вдруг испуганно подался вперед. То ли Питер не успел перехватить очередную лиану, то ли ее сдуло порывом ветра, но только мальчик, беспомощно взмахнув руками, сорвался со стены и начал падать. У Доремуса похолодело все внутри. Чувствуя свое полное бессилие, он с ужасом вглядывался в происходящее. Питер приземлился на ноги, прямо на каменный переход в столовую. Мальчик некоторое время постоял, приходя в себя. Внезапно он покачнулся, и у Доремуса опять замерло сердце. Еще чуть-чуть,

и Питер сорвется, рухнув теперь уже на асфальт. Но мальчик, тяжело вздохнув, опустился на одно колено. И через несколько секунд снова продолжил спуск.

Остаток пути представлял собой дело нехитрое, и вот уже мальчик исчез из виду. Доремус тщетно пытался определить, куда же делся Питер. И тут следователь увидел его — тот мчался по тропинке к автомобильной стоянке, огибая административный корпус. Доремус направил бинокль на «шевроле» Крэга и увидел, что психолог уже стоит рядом со своей машиной. Крэг, похоже, поджидал мальчика.

Он быстро переговорил о чем-то с Питером, положив тому руку на плечо, а затем, распахнув дверцу, пропустил мальчика на переднее сиденье. Но сам почему-то не сел за руль, а торопливым шагом направился к зданию. Доремус тут же потерял его из виду. Он опустил бинокль, пытаясь дать глазам хоть минутную передышку. Может быть, в корпусе существовал и черный ход, и запасной выход, к примеру, через подвал. Но как следователь ни старался, он так ничего и не обнаружил.

Доремус мельком глянул на светящийся циферблат своих часов: девять минут одиннадцатого. И снова поднял бинокль.

В десять часов двадцать минут Крэг появился вновь. И на этот раз он нес на руках Эми.

Расстояние их отделяло приличное, и Доремус не мог определить, что с девушкой. Поднимая крышу багажника, Крэг подхватил Эми под мышки. Лампочка в багажнике, к сожалению, не горела; но по тому, каким безвольным казалось тело девушки, следователь сделал вывод, что в лучшем случае Эми находится без сознания. Ну, а в худшем... это уже труп. Ненависть, которую Доремус вдруг испытал сейчас к Крэгу, походила на самый чудовишный приступ мигрени. Ярость на мгновение ослепила и оглушила следателя. Он наклонился, подняв рацию, и положил ее на колени. Вызывая Инока Милса, он ни на секунду не сводил глаз с «шевроле» Крэга.

— Начинаем операцию. Кроме того, есть кое-какие осложнения. Крэг собирается выехать с территории интерната. Питер Мэтис — в машине и, вероятно, лежит. Так что сторож у ворот не заметит его. Эми находится в багажнике.

— В каком она состоянии?

— Не знаю. Полчаса в багажнике, и она в любом случае задохнется. Внимание, он тронулся. Сядьте ему на

хвост, но только незаметно. И никакой иллюминации. Он может легко впасть в истерику.

— У нас все готово, — коротко отозвался Инок. — Мы уже в пути.

Прихватив рацию, Доремус зашагал вверх по склону. Он отстегнул от пояса фонарь и теперь, освещая себе путь сквозь густой кустарник, передвигался довольно быстро. Впереди, ярдах в двадцати, пролегла заброшенная, чуть заметная просека. На машине здесь, конечно же, не проехать, да и мотороллер придется частенько тащить за собой, но теперь эти сложности казались Доремусу сущим пустяком. Он уложил рацию, пристроил фонарь, как дополнительную фару, и, рывком заведя мотор, пониже опустил голову, чтобы ненароком не налететь на низко свисающие ветви.

Следовательно потерял счет времени. В уме он, правда, прикинул, что до главного шоссе, которое пересекает дорогу, ведущую в Шейдс, ему потребуется минуты четыре. Именно на этом перекрестке Милс решил устроить засаду.

Машина стояла посреди дороги. Обыкновенный автомобиль без единого полицейского атрибута. Рядом возились двое мужчин. Ни дать ни взять — забарахлил мотор, и автомобиль перегородил дорогу проезжающим машинам. План Милса сводился к следующему. Шериф, помахав рукой Крэгу, попросит того остановиться и помочь ему разобраться в моторе. Приблизившись к «шевроле», Милс выхватит пистолет и одновременно наведет на Крэга яркий фонарь. Этот план вполне мог сработать. Но, с другой стороны, Крэг ведь может и не остановиться. Он промчится мимо, задавив по дороге парочку случайных прохожих. К тому же у него наверняка есть пистолет. Однако из всех вариантов Милс с Доремусом все-таки остановились на этом. Он казался им наиболее безопасным.

«Если Крэг едет медленно, — размышлял Доремус, с трудом пробираясь на мотороллере вдоль просеки, — если он едет медленно, осторожно, если он внимательно следит за дорогой, за каждым ее опасным поворотом, да еще при этом беседует с Питером, то я, пожалуй, смогу выиграть целую минуту. Что ж, тогда сразу перепрятать мотороллер и присоединиться к ребятам. Лишний человек им не помешает».

Хотя сейчас Доремусу уже не хотелось вмешиваться. Ведь теперь все зависело от Милса. Тот был одет в штатское, и Крэг наверняка не узнал бы его сразу.

Внезапно дорога так резко пошла под уклон, что Доремус высоко подпрыгнул в седле, чуть не вылетев из него. Но вот дорога расширилась и выровнялась. Следовательно прибавил газу, не щадя молоденькую поросль.

«Бедная девушка,— не переставал казнить себя Доремус.— Я никогда не избавлюсь от этого груза на сердце. Это я виноват в ее гибели».

Он резко затормозил и, соскочив с мотороллера, бросился к главному шоссе, вытаскивая на ходу «кольт». У самого поворота Доремус увидел машину шерифа с горящими задними габаритками. Помощник Милса стоял с фонарем в одной руке, а другой удерживал обрез. Одет он был в длинный плащ с капюшоном. Сам же Милс склонился над машиной, словно рассматривая ее — это был большой белый «понтиак». Лучи фонаря светящимися дугами ложились на асфальт шоссе.

Услышав за спиной тяжелое дыхание Доремуса, Миле тут же повернулся к следователю.

— Похоже, местечко мы выбрали что надо,— сразу начал шериф.— Неплохое прикрытие, да и фарами он нас не ослепит.

— Как только вы вытащите Крэга из машины, я займусь мальчиком.

— Хорошо,— согласился Милс.

— А ваши ребята — они не отстали от него?

— Думаю, они держатся от него на расстоянии ярдов в тысячу, не ближе. Крэг и не подозревает о погоне, но если он вдруг решит улизнуть от нас, они сразу же преградят ему путь.

— Возможно, все будет именно так,— согласился Доремус. Вокруг стояла полная тишина, только изредка слышалось далекое завывание ветра, похожее на стон. Мороз загнал цикад и древесных лягушек в тину, туда, где потеплее, к тому же поблизости не было ни домов, ни ферм, откуда вечно доносится собачий лай. Доремус залег у дороги.

Прошло еще минуты три. Милс, переступая с ноги на ногу, сплюнул на асфальт. Его помощник начал кипятиться:

— Да где же он, черт подери?

— Может, он шину проколол? — предположил Милс.— А ты держи себя в руках в конце концов.

Доремус посмотрел на дорогу. К ним приближалась полицейская машина с погашенными фарами.

— Проклятье! — мрачно выругался Милс и посигналил фонарем. Полицейский автомобиль прибавил газу и затормозил рядом с ними. Доремус неторопливо поднялся на ноги. Полицейский за рулем высунул голову из окошка:

— Я думал, вы уже схватили его. Где же он?

— Тебе лучше знать.

— Вы не встретили его по дороге? — удивился Доремус.

— Да нет же, черт возьми!

— Куда же он мог деться? — обратился Доремус к Милсу.

— Понятия не имею. Чак, принеси-ка мне карту.

Двое других полицейских оставались в машине, не заглушая мотор. Когда Милс начал разворачивать автомобильную карту округа Шейдс прямо на багажнике своего «понтака», водитель включил фары.

— Тут один-единственный подъезд к этой точке от интерната, — пробормотал он, указывая лучом фонаря на одну из клеточек карты. — Эта дорога довольно грязная, с реки там бесконечно дуют ветры, а в конце вас подстерегает огромных размеров яма с водой, наполовину засыпанная гравием. Начинается через четверть мили от Биг-Даймонд и заканчивается на отметке «60».

— Значит, сейчас Крэг и едет по этой чертовой дороге.

— Возможно. Только дело в том, что полгода назад мы частично забаррикадировали эту дорогу. Весенний разлив расшатал мост над речкой. Он может рухнуть в любой момент. И Крэг должен знать об этом.

— А если он все же попытается проехать по мосту?

— Так на чем он там едет? — возразил Чак. — На игрушечной машинке, что ли? Ну, тогда непременно проскочит благополучно. Лично я и пешком бы побоялся пройтись по такому мостику. А почему вы решили, что он свернул с главного шоссе?

— Вероятно, Крэг что-то заподозрил. А может, он с самого начала собирался ехать по этой дороге. Или... может, он искал место, чтобы... — Тут Милс покосился на Доремуса, и в его зеленых глазах промелькнул ужас.

— Чтобы избавиться от тела, — закончил Доремус.

— Да уж, эта яма с водой — идеальное место, — согласился Милс. — Но ведь существуют и другие укромные места, где тело не скоро отыщут.

Края карты взлетали от порывов ветра, и Милсу приходилось удерживать их обеими руками.

— Возможно и следующее. Крэг притормозил возле ваших заграждений и выключил фары,— рассуждал Доремус.— Остановил машину и выключил фары. Потому что... скажем, ему понадобилась минута или две, чтобы все тщательно обдумать. В конце концов Эми, возможно, жива до сих пор, и из багажника мог доноситься ее голос или возня. А вдруг Крэг забыл в интернате что-то такое, что ему было жизненно необходимо. Если он выбрал ту грязную дорогу, то вполне мог заметить полицейскую машину с выключенными фарами и заподозрить неладное. И как результат — свернуть куда-нибудь. Хотя бы сюда.

Доремус изучал маршрут по карте округа. Шоссе протянулось на восток, пересекая местечко, где располагался интернат, и убегало дальше, вдоль противоположного горного склона.

— Если я прав, то в его распоряжении уйма дорог. Крэг может находиться где угодно.

Милс подошел к полицейской машине и о чем-то переговаривал со своими подчиненными. Водитель развернул автомобиль, резко взвизгнули шины, и машина умчалась прочь.

— Я велел Брайанту и Маклемору поискать его на этой стороне моста,— объяснил Милс, подходя сзади.— И еще. Если им все-таки удастся обнаружить Крэга — пусть немедленно хватают его. Но если его и там нет, они обыщут территорию интерната. Потом прочешут все дороги между хребтами Констебль и Баунстаун. Правда, машина Крэга может мчаться на полном ходу — тогда задерживать ее станет опасно — а вдруг случится авария, и этот мальчишка — Мэтис — весьма вероятно, пострадает от удара. А пока что я собираюсь взглянуть на ту яму с водой и гравием. Сдается мне, что Крэг именно там пытается сейчас отделаться от тела несчастной девушки. Вы поедете с нами, Доремус?

— Нет.

Милс пристально посмотрел на следователя.

— О чем же вы задумались?

— Я думаю о том, что же все-таки Крэг сделал с Эми. Может быть, он выбил у нее признание, что за ним следят? Его действия сейчас совершенно мне непонятны — он стал небрежным и в то же время подозрительным. Что же он задумал? До сих пор мы считали все его поступки в какой-то степени логичными, и именно с этой точки зрения рассматривали его поведение, а также и дальнейшие действия. Как, к примеру, поступит психически нормальный человек, у ко-

торого на руках — труп, и от него надо быстренько избавиться? А теперь представим себе, что Крэг окончательно рехнулся. Он вполне может начисто забыть, что у него в багажнике лежит Эми. Не исключено, что он бесцельно колесит по округе и при лунном свете бормочет всякую чушь, при этом с подбородка у него капает слюна, как у бешеного пса. Крэг способен потерять ориентацию и во времени, и в пространстве, и даже не соображать, холодно ему или жарко. Но есть и другой вариант. Крэг шаг за шагом приближается к развязке своего чудовищного плана и умышленно старается сбить нас с толку, окончательно запутать. А пока мы из стороны в сторону будем метаться в поисках его автомобиля, он преспокойно выйдет на следующую жертву: Элен.

— Конечно, я могу вызвать подкрепление, — вздохнул Милс. — Но что это даст? Даже если мы выставим у дома Коннелли усиленную охрану?

— Пока что этого делать не надо. Я думаю, у нас в запасе имеется еще часик — пока Крэг доберется до Элен. А сейчас пусть Брайант и второй помощник покрутятся на дорогах. Кто знает, а вдруг Крэг притормозил где-нибудь на обочине и декламирует детские стишки. А может быть, он действительно стоит сейчас над той ямой и, утопив Эми, счищает пузырьки на поверхности воды.

Доремус нахмурился еще сильнее.

— Я считаю, нам надо разбежаться, но как только появятся сведения о Крэге, соберемся опять все вместе. Я поеду на мотороллере в городок. Как раз сегодня вечером Элен и Пэгги хотели пойти со мной в кино, но меня срочно «вызвали» телеграммой, поэтому я надеюсь найти их в кинотеатре. Боюсь, что сейчас самое время открыть Элен глаза на любимого племянника.

Сеанс уже закончился — в кинотеатре было темно. Фильм оказался коротким, и уже после десяти вечера все разбрелось по домам. На улицах было пустынно. На всей центральной аллее работали только две пивнушки, находящиеся в противоположных концах.

Возле автозаправочной станции за два квартала до здания суда стояла телефонная будка, и Доремус, не раздумывая, снова уселся на мотороллер и помчался туда. Часы показывали без десяти одиннадцать. С того момента, как Крэг погрузил Эми в багажник, минуло уже полчаса. В мозгу

Доремуса проносились страшные видения: безумный Крэг колесит по дорогам округа и ждет, когда же, наконец, Эми сделает свой последний вдох и погибнет от удушья в его машине. Доремус только сейчас осознал, что его с ног до головы бьет мелкая дрожь. Разламывались все суставы. Следователь стиснул зубы и, остановив мотороллер у освещенной телефонной будки, набрал номер Элен Коннелли.

Раздалось гудков десять, и следователь покрылся холодным потом.

После восемнадцатого гудка послышался, наконец, сонный голосок Пэгги:

— Да? — И девочка сладко зевнула прямо в трубку.

— Пэгги, это звонит Доремус.

— Пра-авда? — протянула она с сомнением в голосе.

— Да. Я снова вернулся в Шейдс. Позови мне, пожалуйста, маму.

— Хорошо, — отозвалась Пэгги, и Доремус услышал легкий стук — трубку уронили на столик. — Ма-а-ама! Тебя к телефону просит Доремус!

Следователь привалился к стенке будки, глаза его начинали слезиться от напряжения. Он порылся в карманах рубашки и, вытащив темные очки, нацепил их на нос. Прошло минуты две. Но голоса Пэгги так до сих пор и не было слышно. Липкое и тревожное ощущение опасности сжало виски и поползло вниз по позвоночнику, постепенно овладевая каждым нервом.

— Пэгги! — закричал Доремус в трубку. — Пэгги! Ты меня слышишь?

Замерев в страшном напряжении, он прождал еще с полминуты. И тут на другом конце провода зазвенел знакомый детский голосок. Доремус судорожно перевел дыхание.

— По-моему, ее нет дома, — удивленно возвестила Пэгги.

— Ступай к двери, — скомандовал Доремус, всеми силами пытаясь не выдать своего волнения, — выгляни на улицу и посмотри, стоит ли у дома мамин фургончик.

— А мне и отсюда видно, — отозвалась Пэгги. — Его там нет. Доремус, а куда мама уехала?

— Я... Я думаю, что не очень далеко. Послушай, крошка, сделай мне одолжение. Прямо сейчас. Как только мы с тобой поговорим, и ты повесишь трубку, ступай к маме в кабинет и запри дверь на замок. Проверь, защелкнулся ли замок. И жди там. Жди, когда придет шериф Милс. Он

будет скоро — с минуты на минуту — и громко позовет тебя, так, что ты обязательно услышишь. Но больше... больше никого в дом не впускай. Ты меня поняла? Даже Крэга. Оставайся в запертом кабинете. Даже если услышишь, что Крэг просит тебя открыть ему, ни в коем случае не открывай.

— Почему?

— Это очень важно, Пэг. Когда встретимся, я тебе все объясню. А это будет скоро. А пока что пообещай, что будешь сидеть в кабинете и ждать приезда шерифа.

— Обещаю, — объявила Пэгги таким голосом, будто приняла все только что услышанное за несусветную чушь. — До свидания.

Доремус с некоторым облегчением повесил трубку. Он тут же достал рацию и вызвал шерифа:

— Милс!

— Милс слушает. Что случилось?

— Где вы находитесь?

— Направляемся по двадцать второму шоссе на юг. У ямы будем минуты через четыре.

— Вы можете изменить маршрут и подъехать к дому Коннелли? Я только что разговаривал с Пэгги. Она в доме одна. Очевидно, Элен не стала будить девочку и куда-то срочно уехала — ее машины нет на месте.

— Чак, разворачивай, — обратился Милс к помощнику и поинтересовался: — Как вы думаете, куда она могла отправиться?

— Понятия не имею. Но, вероятно, дело оказалось неотложным. Иначе она не оставила бы Пэгги вот так — одну-единешеньку после всех моих предупреждений. Скорее всего ее выманил из дома сам Крэг.

— Вы хотите сказать, что жертвой должна стать не Элен, а ее дочь?

Из радиции донесся визг шин, и Доремус понял, что автомобиль шерифа уже мчится к дому Элен.

— Не исключено. Я велел Пэгги запереться в кабинете на первом этаже и никому, кроме вас, не открывать дверь. Когда будешь стучаться, ори погромче.

— Мы можем по пути прихватить и вас, Доремус.

— Нет, я попробую отыскать Элен.

— На своем-то мотороллере? Я вызову на подмогу Брайанта и Маклемора.

Доремус нервно потер лоб.

— За последние полчаса у меня была дюжина предположений, куда мог направиться Крэг. Но, похоже, все они ни к черту не годятся. Я ведь считал, что Крэг просто в бредовом состоянии разъезжает по округе. Но это не так. Он знает наверняка, что делает. План его срабатывает, как по расписанию, с точностью до минуты. У него ведь не было еще ни одной осечки. Но есть у меня тут догадка и, да сохранит Господь семью Коннелли, если я ошибаюсь. Крэга не интересует Пэгги: он охотится за Элен. Он затащит ее в темное пустынное место и там убьет.

— А где именно?

— Здесь тоже два варианта: его всегда тянет к тому обгоревшему домику, где они когда-то жили с братом. Он и Питера туда таскал. Если следовать его логике — это как раз самое подходящее место, чтобы идеально завершить акт мести. Правда, на своей развалюхе я доберусь туда не раньше, чем через полчаса. А Брайанту с Маклемором хватит и пятнадцати минут.

— Я немедленно пошлю их туда. А второй вариант?

— На горе Бен-Ломонд. Крэг мог выбрать и самый простой способ — позвонить Элен из своего дома и вызвать ее к себе. Я примерно знаю, где расположен его дом. И там буду через десять минут.

— Мы едем вслед за вами.

— Нет, я и сам справлюсь. Возможно, Крэг ожидает преследования на автомобиле, и, заметив вас, тут же убьет Эми. Если, конечно, он еще не успел этого сделать. А мотоллер без фар вроде не слишком бросается в глаза. К тому же при таком ветре Крэг не услышит шума двигателя. Дайте мне... Ну, хотя бы полчаса. Думаю, я смогу приготовить ему хороший сюрприз.

На горе Бен-Ломонд стояло всего несколько домишек, потому что к ее вершине вела одна-единственная дорога, да и та — неасфальтированная. Эта дорога изобиловала крутыми спусками и подъемами и время от времени размывалась талой водой. Кроме того, частые оползни заваливали булыжником отдельные ее участки, так что дорога вообще становилась непроходимой. Длина этого небезопасного горного серпантина составляла две мили с четвертью, а единственным красивым местом во всей округе считали небольшой парк. Тем, кто с невероятным упорством продолжал обитать на горе, приходилось туго. Хозяева этих домов бы-

ли вынуждены регулярно раз в год менять свои даже самые надежные автомобили, так как дорога эта в считанные месяцы гарантировала владельцам машин их полную непригодность. Воду, скапливавшуюся в результате дождей и таяния снегов, местные жители откачивали либо специально приобретенными для этой цели насосами, либо заливали в специальные цистерны. Однако имелись здесь и свои плюсы. Сами дома, надо признать, были выстроены с большим вкусом, а неудобный подъезд к ним с лихвой компенсировался окружающей тишиной, отсутствием городской суеты и вдобавок — потрясающим видом на красивое плато, поросшее густым, непроходимым лесом.

Крэг жил в одном из таких домов уже почти два года. Он снимал его у человека по фамилии Дильбек, который в былые времена исполнял обязанности и губернатора штата, и сенатора США. А когда некий более везучий и богатый республиканец одержал победу на выборах, Дильбеку не осталось ничего другого, как в свои пятьдесят пять лет подать в отставку. Но едва он въехал в новенький домик, который был выстроен с тем расчетом, чтобы Дильбек безоблачно провел в нем остаток своей неудавшейся жизни, как неожиданно последовало назначение его послом в одну весьма респектабельную страну. Разумеется, произошло сие не без помощи Президента, с которым Дильбек с давних пор был на дружеской ноге. И вот уже более года он не появлялся в своем родном штате.

Дом отличался довольно причудливой конструкцией и по площади занимал не менее акра. По прихоти владельца его соорудили футах в пятидесяти от того места, где злощастная дорога круто уходила вверх. Вся территория была огорожена забором из красного дерева, а у самой дороги высились довольно внушительные кирпичные колонны. Стоит свернуть с общей магистрали на асфальтированный участок, он обязательно приведет вас к главным воротам. А если взглянуть на него с высоты птичьего полета, то подъезд этот напомнит огромную запятую. Задней стеной особняк словно упирался в горы с известняковыми вкраплениями. А площадка позади него была выровнена и занимала места ровно столько, сколько надо трем автомобилям, чтобы легко разъехаться. Остроконечная крыша, украшенная мозаичными фрагментами, возвышалась над основной асфальтовой площадкой всего на несколько футов. В длинной стене из белого кирпича не было ни одного окна. Вход в сам дом находился со стороны другой асфальтированной

площадки, на нижнем уровне. А первая — располагалась на высоте шести футов.

Охваченная тревожным предчувствием, Элен въехала через центральные ворота. Сегодня на ее долю выпала куча испытаний: и дорога, как всегда, оказалась размытой, и звонок этот... Звонок, конечно же, от Майкла. Не колеблясь ни секунды, Элен схватила в охапку свою сумочку, плащ, и тут же выскочила из дома. Уже по дороге женщина с досадой подумала, что не лишним было бы предупредить шерифа, куда она поехала. Но дело не терпело промедления. Элен серьезно опасалась за жизнь Крэга.

Его автомобиль она заметила сразу. Машина стояла на обочине. Элен затормозила и, припарковав свой автомобиль рядом с его «шевроле», выбралась наружу. Ветер в тот же миг растрепал ей волосы, чуть не сбив с ног. Элен слегка наклонилась вперед, чтобы легче было идти, и нерешительно сделала несколько шагов к дому. Она даже не сообразила, что позабыла выключить фары.

Внезапно ветер ослаб, словно кто-то удерживал его сначала, а теперь выпустил, и он, как цепной пес, оказавшийся вдруг на свободе, сразу же присмирел. Элен вытянула вперед руку, коснувшись стены. В тот же момент ветер снова взвыл и, как кнутом, хлестнул ее по лицу. Спотыкаясь, Элен добралась, наконец, до высоких ворот. Она с изумлением подумала вдруг о том, как Крэг умудряется жить здесь под вечные завывания ветра.

Вспомнив о Крэге, Элен опять заволновалась. В висках застучало. Женщина изо всех сил пнула дверь, которая никак не поддавалась, и, наконец, очутилась на территории особняка. Здесь было поспокойнее. Элен обвела взглядом длинную стену, но не увидела ни одного светящегося окна.

— Крэг!

На веранду вели две лестницы: первая — через крытую галерею, опоясывающую весь дом, и вторая, чуть дальше — напрямик на саму веранду. Элен осмотрела японский сад, разбитый параллельно лестнице и спускавшийся ровными террасами. Повсюду здесь росли какие-то вечнозеленые ботанические редкости. Высокие деревья величественно показывали ветвями и тут же, рядом, притулились растения-карлики, скрюченные, с мучительно изогнутыми стволами. Конечно, в светлое время суток этим садом можно было бы искренне повосхищаться. Но сейчас-то стояла ночь, и единственным источником освещения служила изредка выплывающая из облаков луна.

— Крэг, где ты?

Ветер снова затих, и где-то поблизости Элен услышала вдруг негромкий детский смех. Она резко обернулась.

И сразу же увидела мальчугана в ковбойском костюме, красной шляпе с широкими полями, завязанной под подбородком, в жилетке из искусственной кожи с шерифской звездой и расклешенных штанах из ткани, имитирующей шкуру бизона. Мальчик наставил на Элен игрушечный револьвер.

Он снова рассмеялся и выстрелил. Три раза подряд щелкнули пистоны. Вздвогнув от неожиданности, Элен чуть было не свалилась с каменистой тропинки вниз, туда, где начинались железные ступеньки лестницы. Когда она пришла в себя, мальчика уже и след простыл. Видимо, он с ловкостью кошки перемахнул через ограду и спрятался на одной из террас японского сада. Элен пригляделась к темным силуэтам деревьев, но так никого там и не обнаружила.

И тут за подстриженным в форме куба кустом мелькнула красная ковбойская шляпа.

— Иди сюда,— хрипло выговорила Элен.— Я хочу... Кто ты такой?

Она и сама уже почти догадалась, кто это, но его имя никак не всплывало в памяти. Но главное, что это не Майкл. Наверняка. Элен облегченно вздохнула. На душе потеплело. Самый что ни на есть обычный подросток. И сейчас он просто забавляется. Разумеется, это не Майкл.

Да, но ведь звонил-то ей именно Майкл.

Элен спустилась на террасу, где она только что видела мальчика. Она прикрыла уши ладонями, чтобы завывания ветра не оглушили ее. Внезапно Элен снова заметила его. Мальчик стремительно выскочил из-за высокого дерева, похожего на сливу, и прыгнул на другую террасу.

— Иди сюда... пожалуйста, подойди ко мне! Мне надо поговорить с тобой! Где Крэг? — Элен застыла в нерешительности и взглянула на дом.

«Что же стряслось?» — пронеслось у нее в голове.

Вдруг неведомая волна страха захлестнула ее.

— Мальчик! — громко позвала Элен, и в тот же миг из подсознания выплыло имя.— Питер! Хватит дурачиться! Мне надо с тобой поговорить.

Ветер опять стих, и теперь женщина отчетливо слышала треск пистонов. Обернувшись, она проследила взглядом,

как Питер, словно настоящий ковбой из какого-нибудь крутого вестерна, перебегает с места на место, стараясь оставаться невидимым.

Элен направилась в его сторону. Теперь она находилась в самом центре этого странного сада, окруженная причудливыми и невиданными растениями, никогда не произраставшими на землях штата Миссури. Высоко над головой тускло мерцали далекие звезды. Элен продолжала двигаться вперед.

Краем глаза она внезапно уловила движение в застекленной галерее. Женщина пригляделась, пытаясь рассмотреть, что же это могло быть... Собака? Но собаки не передвигаются так неуклюже. Элен подошла ближе. Позади не смолкало веселенькое хихиканье Питера, но тьма, да еще эта непонятная возня на галерее до того вывели женщину из равновесия, что она перестала оглядываться на дурацкий смех Питера.

— Крэг? — еще раз позвала Элен. Тень метнулась в сторону и замерла. Женщина находилась уже в двух шагах от галереи, но темнота мешала ей разобрать, что же такое прячется там внутри. И тут она поняла: это и есть Крэг, только стоит он почему-то на четвереньках.

«Наверное, ему плохо», — подумала Элен и, не мешкая, бросилась к лестнице. И тут тишину прорезал истошный горловой вопль. Звук его, словно электрический удар, поразил Элен. Она подняла голову и увидела Крэга.

Теперь он отчетливо вырисовывался на фоне темно-серого звездного неба. На Крэге почти не было одежды, но Элен поразило не ее отсутствие, а дикий, какой-то первобытный вой, не прекращавшийся до сих пор. Она почувствовала, как ее язык словно распух и в буквальном смысле прилип к нёбу, в сердце впились тысячи иголок. В затуманившемся мозгу пронеслось воспоминание. Элен поняла, где она слышала подобные безумные выкрики. Так во всех вестернах звучал боевой клич индейцев, когда те готовились напасть на поселенцев. После чего их — поселенцев — всех до единого вырезали.

Уголки ее губ слегка приподнялись, словно Элен вот-вот собралась улыбнуться, но в душе ей почему-то было не до веселья.

Медленно и с достоинством, как полагается вождю, Крэг высоко поднял руку. Холодно сверкнуло лезвие большого — никак не меньше десяти дюймов — ножа.

Крэг начал спускаться. Шаг, потом прыжок — и снова он на четвереньках. Еще один победный клич. Вот он опять напряжился, готовясь к прыжку, и через мгновение очутился футах в пяти от Элен. А она с ужасом разглядывала боевую раскраску на лице и груди Крэга — длинные черные полосы. Внезапно у нее в глазах потемнело. Все вокруг приняло неясные, зыбкие очертания. И только кинжал, огромный охотничий нож, Элен видела отчетливо. Все внутри у нее сжалось от страшного предчувствия.

«Ну хватит,— хотела было выкрикнуть она.— Не подходи близко. Это уже просто смешно!»

Но все эти слова только лишь промелькнули в ее мозгу. Так же, как и ужасная догадка, что происходящее — дело отнюдь не шуточное. И что Крэг сейчас убьет ее.

Весь окутанный клубами черного дыма, Доремус приблизился к воротам. Он тут же узнал автомобиль Элен с зауженными фарами и припарковал свой мотороллер прямо за «шевроле» Крэга. В ушах звенело от завываний ветра и треска мотороллера. Спрыгнув на землю, Доремус тут же бросился к машине Крэга.

Багажник оказался незапертым.

Эми, скорчившись, лежала внутри спиной к Доремусу. На светлых волосах темнели пятна крови, впрочем, это могла оказаться и грязь. Вытащить девушку оказалось делом нелегким: Доремус боялся сделать ей больно. Одну руку он просунул девушке под мышку, а другой — подхватил ее под бедра. Чуть потянул на себя, повернул на спину и, наконец, еле-еле извлек Эми из багажника. Голова Эми безжизненно откинулась назад, и Доремус грустно взглянул на ее перепачканное и мертвецки-бледное лицо. Он так и не смог определить, задохнулась ли девушка в багажнике. Кожа ее была холодной.

И вдруг где-то неподалеку раздался истошный и протяжный крик Элен.

Доремус рывком распахнул дверцу «шевроле» и бережно опустил Эми на сиденье лицом вверх. Захлопнув дверцу, он достал из-за пояса «кольт» и внимательно посмотрел на дом. Сначала следователь ничего не смог разглядеть. Снова раздался крик Элен, затем последовали странные звуки, похожие на треск детских хлопушек. Или это...

— Пистоны,— решил Доремус и помчался к забору. Через несколько мгновений он стоял уже возле самого дома.

Сначала следователю показалось, что в саду вообще никого нет, но вот опять подул ветер, и кроны деревьев зашелестели. И тогда Доремус увидел три застывших силуэта: Питера в ковбойском костюме, Крэга — почему-то полуобнаженного. Оба они замерли на нижней террасе у подножия огромной скалы, примыкавшей к дому. Элен, видимо, упала и теперь пыталась подняться на ноги. Она находилась на грани истерики, и крики ее перешли в жалобные всхлипывания. Крэг стоял над нею, уперев руки в бока. Внезапно до следователя донесся громкий и высокий детский крик. Это Питер со своим игрушечным револьвером вскочил на очередной уступ.

Доремус увидел, как блеснуло лезвие ножа в руке у Крэга, и тот склонился над Элен. Женщина завизжала. Доремус вскинул «кольт» и прицелился. Однако внезапно налетевший чудовищный ветер рванул в сторону руку Доремуса, и теперь дуло револьвера было нацелено на Питера, который как раз в этот момент застыл на месте.

— Убегай, Питер! — заорал следователь. — Беги отсюда!

Услышав эти слова, мальчик бросился в сторону Крэга и, как хорошо вымуштрованная мартышка, тут же оказался верхом на нем. Крэг пошатнулся и опустил руку с ножом, а Элен ничком рухнула на землю. Доремус так и не разобрав, успел Крэг нанести удар или нет. Следователь сломя голову понесся вниз по пологим ступеням, ведущим в сад.

— Майкл, — детским голоском окликнул Питера Крэг. — Ну-ка слезь с меня, Майкл. Дай мне, наконец, покончить с ней!

Он сбросил со спины ребенка и вновь угрожающе занес кинжал над распростертой на земле женщиной. Но в то же мгновение Питер обеими руками вцепился в его ноги и не давал сделать ни шагу. Крэг, высвободив ногу, со всего размаху пнул мальчонку.

— Не надо, — зарыдал Питер. — Мне больно! Не надо! Не надо!

Крэг поднял голову и заметил бегущего на них Доремуса. Психолог яростно отшвырнул Питера сильнейшим ударом ноги, и мальчуган отлетел прямо к скалистой стене. А Крэг опрометью кинулся к дому. Теперь, когда Питер оказался в стороне, Доремус решил выстрелить. Прицелившись, он нажал на курок. Осечка. Затем раздался выстрел,

но Крэгу хватило считанных долей секунды, чтобы увернуться, и пуля пролетела мимо.

Доремус бросился на нижнюю террасу, туда, где началась асфальтированная дорожка. Он опустился на колени рядом с Элен. Женщина без сознания лежала на земле. Следователь бережно приподнял Элен за плечо и заметил кровотокающую рану, всего в паре дюймов от шеи. Питер, раскачиваясь, как сомнамбула, сидел и однообразными, какими-то механическими движениями потирал ушибленную голову.

— Теперь ты у нас будешь шерифом, — объявил Доремус, вручая мальчику игрушечный револьвер, который тот выронил при падении.

Взглянув вверх, следователь увидел, как Крэг, низко пригнувшись, крадется вдоль галереи. Он находился уже почти у выхода, когда Доремус вскинул свой «кольт» и, наспех прицелившись, выстрелил. Пуля, просвистев перед самым носом молодого человека, выбила из стены здоровенный кусок бетона. В следующий момент Крэг, выскочив из галереи, распахнул ворота и скрылся. Очередная пуля, спустя мгновение, впиалась в дерево.

Доремус бросился вслед за Крэгом. Он вдруг споткнулся и, с ходу налетев на острый камень, разодрал на колени штанину и раскроил ладонь. Следователь тут же вскочил на ноги и попытался продолжить погоню, не переставая проклинать себя за двукратный промах, хотя «кольт» он пользовался первый раз в жизни. Однако Доремусу пришлось ограничиться быстрой ходьбой. При этом он еще прихрамывал на одну ногу.

Футов десять отделяли следователя от калитки, когда он услышал, как взревел мотор «шевроле». Взвизгнули шины — и Крэг рванулся с места, забыв снять машину с ручника. И тут Доремус как-то очень отстраненно подумал вдруг об Эми. Ведь надо быть полным идиотом, чтобы оставить девушку в машине этого полоумного. Все было бы ничего, если бы Доремус предусмотрительно вытащил ключи из замка зажигания.

Колеса «шевроле», похоже, уже начали дымиться. Внезапно послышался страшный скрип тормозов, и ночную тишину прорезал оглушительный скрежет. Две машины лоб в лоб столкнулись на полном ходу. Доремус добежал до ворот и увидел разбитый автомобиль Инока Милса с одной горячей фарой, как будто с ненавистью уставившейся на следователя. Машины врезались друг в друга как раз на

выезде, где места едва хватало для одного большого автобуса. «Шевроле», отброшенный вправо на пару футов, сбил кирпичный столбик и загубил часть бесценного забора. В наступившей тишине было слышно лишь шипение пара, вырывавшегося из пробитого радиатора в автомобиле шерифа. Затем раздался протяжный металлический скрежет — это открылась дверца со стороны водителя «пontiака», и оттуда, пошатываясь, выбрался помощник Милса — Чак. Он крепко прижимал к себе левую руку чуть ниже локтя. Молодой человек сделал еще пару неуверенных шагов, упал на колени и, перекатившись на бок, так и замер, прижавшись щекой к холодному асфальту.

Доремус, прихрамывая, добрался до противоположной дверцы искореженного «пontiака» и распахнул ее. Инок Милс с трудом оторвал голову от приборного щитка. Нижняя губа его была здорово разбита, и кровь тонкой струйкой стекала по подбородку. Инок пару раз тряхнул головой и, словно о чем-то сожалея, заявил Доремусу:

— Кажется, нам следовало бы чуток повременить.

Доремус помог ему выбраться из автомобиля.

— Со мной все в порядке, — успокоил следователя Милс. — А что там с Чаком?

— Вырубился пока.

Они обошли автомобиль и приблизились к Чаку. И только теперь Доремус вдруг обратил внимание на клубы дыма, поднимавшиеся вокруг «шевроле». Следователь шагнул к автомобилю психолога и застыл на месте. Крэг Янг, словно выплыв из сизого дыма, пошатываясь шел прямо на них. Боевая пунцовая раскраска сбила следователя с толку, и он не сразу понял, что Крэг ранен, и это течет кровь из его виска. Но самым непостижимым образом Крэг продолжал сжимать в руке кинжал.

Доремус направил дуло револьвера прямо ему в грудь.

— Бросай, — коротко скомандовал следователь.

Крэг замер и подозрительным взглядом обвел мужчин. Рука с ножом дернулась и угрожающе поползла вверх. Доремус хладнокровно взвел курок.

— Это что еще за маскарад? — удивился Милс, изумленно разглядывая Крэга. — Где его барахло?

— Отважные воины не носят одежды. Верно, Крэг? Кстати, с твоей тетушкой Элен все в порядке. Ты только слегка поранил ей плечо. А теперь давай-ка бросай нож, сыграем в другую игру. Эта уже всем порядком осточертела.

Струйка крови стекала по левой щеке Крэга. Губы его раздвинулись, и он вдруг оскалился, как зверь. Доремус заметил, что психолог сбрил свои усы. Без этих роскошных усов лицо Крэга казалось ужасно, неестественно худым. Оно выглядело как череп, обтянутый кожей. Доремус поймал себя на мысли, что он почти видит, как бьется сердце Крэга, пытаясь прорваться сквозь острые, выпирающие ребра. Кровь из виска потекла сильнее. Следовательно вдруг стало жаль молодого человека, и он тут же подумал: «Неужели и Хэп Уошбрук видел перед смертью нечто подобное?»

— Повторяю, Крэг. Бросай нож.— В тот же момент у Доремуса возникло смутное и неприятное ощущение, что он просто застрелит Крэга. И теперь он раздумывал над тем, как сделать это наименее жестоко, чтобы ни за что не корить себя после. Он знал, что на таком расстоянии невозможно промазать, что пуля угодит Крэгу прямо в сердце, и тот скончается на месте.

Его рука с «кольт» опустилась всего на несколько секунд, но и этих мгновений было достаточно Крэгу. Он издал боевой клич и, бросившись на мужчину, метнул нож. Тот рукояткой угодил в лоб Иноку Милсу, и шериф отступил назад, оседая на колени, словно его оглушили. Крэг внезапно развернулся и помчался в противоположную сторону через дорогу к известняковому утесу. Доремус медленно поднимал «кольт» и тщательно прицелился. И тут же опустил револьвер. Крэг ловко, по-кошачьи, карабкался вверх по крутому склону. Следовательно засунул револьвер за пояс и помог Милсу подняться на ноги.

— Куда это его черт понес? — проворчал шериф, потирая шишку на лбу.

— Я думаю, Крэг и сам не знает. Куда-то вверх. Может, он надеется улизнуть. Только это вряд ли ему удастся.

В полном молчании наблюдали они, как психолог продолжает карабкаться вверх. Судя по всему, он уже окончательно лишился рассудка. Они слышали, как Крэг рычит и хрипит от ненависти, как скребут его ногти мягкий, податливый известняк. Мелкие камушки градом сыпались на дорогу. Крэг находился уже на высоте футов тридцать и казался снизу хрупким и тщедушным существом на фоне этой грозной и величественной скалы. Силы, видимо, начали ослабевать Крэга. Каждым дюймом своего тела он пытался вдавнись в известняк. Ветер разбушевался, как будто пыта-

ясь сбросить Крэга вниз со скалы. Раздался отчаянный вопль, но безумец все еще продолжал ползти вверх.

— Не знаю, выдержат ли мои нервы это испытание,— пробормотал Милс. Он подтащил Чака к «понтаку», накренившемуся в сторону лопнувшей шины, и впихнул своего помощника внутрь автомобиля. Затем, подобрав с пола машины радио, Милс проверил, работает ли она. Все это время Доремус, не шелохнувшись, наблюдал за Крэгом. Тот уже почти скрылся из виду, но голос его был хорошо слышен: каждый вопль, полный предсмертного ужаса, прорывался сквозь сильнейшие порывы ветра.

И тут он сорвался, увлекая за собой целое облако известняковой пыли. Он падал, словно птица без перьев, широко раскинув руки, будто из последних сил пытаясь уцепиться за что-нибудь, удержаться любой ценой... Крэг рухнул на асфальт, коснувшись его сначала ногами, а через долю секунды и голова его ударилась о поверхность дороги, в мгновение ока раскроившей его череп. Крэг неподвижно лежал на асфальте, и боевая раскраска индейцев тускло поблескивала в свете единственной фары «понтака».

Внезапно следователь услышал царапанье. Звук доносился из «шевроле». Автомобиль все еще слегка дымился. Открылась правая дверца, и Доремус увидел руки, растрепанные белокурые волосы... Эми с трудом выбралась из машины и встала на ноги. Пошатнувшись, она тут же оперлась о «шевроле». Девушка недоуменно уставилась на поваленный забор, затем перевела взгляд на осколки известняка у своих ног. И тогда Эми увидела тело Крэга. Доремус только и успел подумать: «Как же я забыл об Эми?!»

— Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне,— ослабевшим голосом взмолилась девушка. Ноги ее подкосились, и она рухнула на руки Доремусу.

Глава семнадцатая

Она пробудилась в коттедже, где они проводили свой медовый месяц. Сознание возвращалось к ней вместе с шумом ласковых волн, набегавших на песчаный пляж всего в нескольких ярдах от окна. Солнце только-только поднималось. Минут десять она блаженствовала, находясь где-то между сном и действительностью, в легком забытьи.

Кондиционер был отключен, но все в комнате дышало свежестью, и она вспомнила, что ночью шел дождь. Она скинула с себя прозрачную, почти неосязаемую ткань, которую лишь с большой натяжкой можно было назвать ночной рубашкой, и та плавно опустилась на громадную кровать, туда, где всего пару часов назад спал Доремус. Посреди ночи его вдруг одолела навязчивая мысль, будто не вся рыба еще выловлена, и он, поднявшись ни свет ни заря и все еще не разлепив сонные глаза, побрел на рыбалку, спотыкаясь на каждом шагу.

Она покачала головой: такое пристрастие к рыбной ловле она встречает впервые! Затем она приняла душ.

Улыбаясь, она пошарила в шкафу и достала голубые шорты, а также яркую блузку. Оделась, сунула ноги в итальянские сандалии и вышла на веранду, немного постояла, любуясь окружающими красотами. Солнце светило ей в спину, но было пока не жарко. На небе — ни единого облачка. А на аккуратно подстриженном газоне, на пальмовых ветвях все еще переливались радужными искрами дождевые капли. У берега покачивалась большая лодка, в ней сидели двое мужчин. Увидев мужа, она снова тепло улыбнулась.

На пороге появился высокий официант в белоснежном фраке. На голове он осторожно держал поднос с завтраком. Официант опустил поднос на маленький стеклянный столик.

— Доброе утро, мэм.

— Доброе утро, Джонас.

— Как ваши ожоги? Сегодня, кажется, уже гораздо лучше.

Она обвела грустным взглядом покрасневшую и шелушащуюся кожу на бедрах.

— Да, вроде полегче. Мне всегда казалось, что я отлично переношу солнце, но, видимо, я не умею правильно загорать.

— Да, мэм, солнце на Ямайке ядреное. И круглый год. Но вам еще повезло. Случаются такие ожоги, что несчастных даже увозят в больницу. А вы можете наслаждаться солнцем и здесь, сидя в тени.

— Да,— согласилась она, не сводя глаз с лодки, которая уже причалила.— Мне действительно повезло.

Официант набросил на столик накрахмаленную до хруста скатерть, составил с подноса блюда и зашагал к гости-

нице, расположенной неподалеку. Пустой поднос он засунул теперь под мышку.

Она налила себе горячего кофе и, застыв как изваяние у входа на веранду, продолжала следить за лодкой. Когда же, наконец, мужчины выбрались на берег, она стремительно бросилась к ним навстречу, мимо овального бассейна, прямо на песчаный пляж. Доремус в рыбацких сапогах, плавающих и огромной соломенной шляпе помогал своему напарнику вытаскивать лодку на берег.

— И кого же вы поймали? — спросила она и ослепительно улыбнулась.

Фреди — так звали второго мужчину — восхищенно кивнул в сторону лодки.

— Акулу, мэм. Настоящую акулу.

Волна окатила ее ноги, и женщина испуганно отпрянула:

— Что?!

— Это мако. Она не нападает на людей, — пояснил Доремус, нагибаясь в лодку и подхватывая добычу.

Она внимательно осмотрела рыбину и явно разочаровалась. Конечно, акула смахивала на своих свирепых сестриц с газетных и журнальных фотографий, однако эта рыбешка была не более трех футов длиной.

— А я-то считала, что мальков принято выкидывать обратно в море, — воскликнула она.

Доремус рассмеялся.

— Да, но они не хотят больше расти. А не желаешь ли взглянуть на зубки этого «малька».

— Ух ты! Подожди, я сейчас принесу фотоаппарат. Хоть это и малек, все равно надо щелкнуть на память.

Она помчалась обратно в коттедж, схватила фотоаппарат, который им подарили на свадьбу. Задержалась на минутку, наливая мужу кофе, и тут же кинулась обратно к лодке. Она с трудом переводила дыхание, запыхавшись от быстрого бега. Отдышавшись, заставила мужчин подойти к акуле и сфотографировала их. Фреди забросил рыбину в лодку и отчалил.

— А завтра, — весело добавил он, — мы поплывем за скумбрией. Там ее целые косяки.

— Фреди, я на вас рассчитываю! — отозвался Доремус и, обняв жену за талию, не спеша побрел с ней в сторону коттеджа. — Я думал, ты сегодня не проснешься раньше полудня, — проворчал он.

— А я и не собиралась. Но знаешь, в морском прибое есть что-то завораживающее, и плеск волн может вытащить из самой мягкой и теплой постели.

Она чмокнула его в шею, ощутив на губах горьковатый привкус соли. Всего за какую-то неделю Доремус успел приобрести восхитительный золотистый загар, а ей приходилось теперь мучиться, сидя в тени на веранде. И все из-за того, первого дня, когда они только-только приехали сюда. Дорвавшись до моря, она несколько часов подряд основательно поджаривалась на солнышке. Конечно же, результат не замедлил сказаться.

Зато радовало другое: Доремус начал набирать вес. Вот уже и ребра не торчат, как прежде. Она легонько ущипнула мужа, чтобы собственноручно убедиться в этом. Точно. Хоть чуть-чуть, но уже нагулял жирок. Доремус нагнулся и сжал жену в объятиях. Рыбный дух, исходивший от него, заставил ее отпрянуть. Она с хохотом увернулась и уселась за стол. На завтрак принесли свежие тропические фрукты: папайю, дыню, ананас. Кроме них здесь стояла яичница с ветчиной и целая корзиночка с плюшками. Тут же, на блюде, лежали два письма.

— А вот и почта,— радостно воскликнула женщина и потом вскрыла конверты. Пока Доремус принимал душ, она успела пробежать глазами оба письма. Вернувшись, он непринужденно взял руку жены и коснулся ее губами, почувствовав, как шелушится обгоревшая кожа.

— И кто же нам пишет? — поинтересовался Доремус.

— Элен.

Он широко зевнул и, резко закрыв рот, шелкнул при этом зубами. Наливая себе вторую чашку кофе, Доремус спросил:

— Ну, и как там у них в Шейдс дела?

— Как всегда,— рассеянно откликнулась Эми, увлекшись чтением. На лице ее промелькнула печаль. Она отложила письмо в сторону и уставилась в морскую даль. На пляже появился всадник, спустя некоторое время он скрылся за коттеджами.

— Что-то случилось? — заволновался Доремус после долгой паузы.

— Что?.. Нет-нет, все в порядке.— Но тем не менее Эми поднялась из-за стола и повернулась к нему спиной.

— Надеюсь, у Пэгги все нормально?

— Да, все прекрасно. Они в выходные устраивали пик-

ник. Втроем — Элен, Пэг и Питер. Элен пишет, что Питер теперь болтает без умолку, когда, конечно, забывается. А это обычно и происходит, если рядом с ним Пэгги. У них двоих теперь какой-то свой, ни на что не похожий маленький мирок.

Эми опустила голову.

— А у нас — свой... Я еще никогда не была так счастлива, так почему же я никак не могу забыть всего, что произошло? Неужели этот кошмар будет преследовать меня до конца? И каждый раз я буду испытывать дрожь и страх, вспоминая о... Крэге?

Доремус опустил салфетку на стол, встал и, взяв жену под руку, повел к резной скамеечке.

— Нет, это не навсегда. Не забывай, что прошло совсем немного времени — всего пять месяцев. В жизни случаются такие страшные вещи, которые не скоро забываются. То, что тебе пришлось пережить, сродни ощущениям солдат на поле боя. А ведь некоторым из них до сих пор снятся ужасы Второй мировой войны. Время лечит, Эми.

Она кивнула, но внутреннее напряжение все равно не покидало ее. Доремус ласково обнял жену, и она, улыбнувшись, доверчиво приникла к нему.

— Ты знаешь, у меня иногда возникает такое чувство, что тогда я должна была умереть. Временами мне кажется, что я просто не заслужила такого счастья, что я недостойна тебя. А вдруг вместе с теми страшными воспоминаниями исчезнет и наш с тобой мир?

— Ну вот еще! Попробуй только улизнуть от меня!

— Я так люблю тебя, Доремус. По-моему, я ни на минуту не перестану думать о тебе. А когда ты ночью сбегашь на рыбалку, мне становится страшно. А сейчас мне хорошо. И я чувствую в себе даже храбрость и уверенность. Но когда ты уходишь от меня, пусть даже всего на часок, я начинаю бояться. Наверное, я несущу ахинею, как...

— Настоящая жена, — закончил за нее Доремус. — А почему ты не поела?

Она робко подняла на него взгляд:

— Ну, раз уж мы завели такой разговор, то вот о чем я давно хочу спросить тебя. Может, это глупо, конечно... Почему ты выбрал именно меня? Я была уверена, что ты влюблен в Элен. Мне казалось, что в этих-то вещах я неплохо разбираюсь. Все было, как на ладони. У Эми начинается

период отчаяния и депрессии. Доремус женится на Элен, а несчастная Эми поступает в Армию спасения или что-то в том духе. И вдруг ты являешься ко мне и с ходу огорчиваешь: «По-моему, Эми, нам пора пожениться».

— Да, это у меня здорово получилось. А сколько романтики! — подхватил Доремус, улыбнувшись — Что ж, если разговор пошел по душам, то и я должен кое-что открыть тебе: целый день я с ужасом ждал этого момента. Я-то ведь считал себя старичком, думал, что не подойду тебе. И вполне допускал, что ты дашь мне от ворот поворот, а я так и помру холостым.

— Ничего себе! А я-то как тебя встретила — вся зареванная. Но уже через мгновение мне казалось, что я самая счастливая девчонка на всем белом свете! Какой же ты старичок? Когда тебе исполнится всего сто девятнадцать, мне уже стукнет сто один. Но ты мне так и не ответил. Элен — очень симпатичная женщина, рассудительная и серьезная. У нее свое дело. И зачем тебе именно я понадобилась? Ведь не из одной только жалости ты мне женился!

— Разумеется, нет.

— Ну, спасибо хоть на этом.

— Жалость я испытывал только к самому себе. Не мог заснуть, ворочался по ночам с боку на бок, как шестнадцатилетний юнец. Не находил себе места. Даже есть почти перестал. Я искренне жалел себя, потому что все это время думал только о тебе, Эми. И сейчас думаю, и всегда было так. О тебе, Эми, а не об Элен.

Она внимательно посмотрела на него, а потом кивнула:

— Все, оказывается, так просто!

— Да, и добавить, пожалуй, нечего. Я влюбился в Эми Лоулор и страшно рад, что мне хватило мужества признать-ся в своей любви. А теперь я голоден, как волк, и, если ты сейчас же не перехватишь что-нибудь со стола, я в один момент смету с него все съестное. А потом, когда я, наконец, набью желудок, можно будет прогуляться до гостиницы и дать телеграмму в Чикаго Нельсону. Надо сообщить ему, что я согласен на его предложение и с радостью возьму на себя обязанности представителя сыскного агентства в Сан-Франциско. Не забыть бы напомнить ему и о небольшом авансе, который он может переслать сюда, на адрес гостиницы. Ну, скажем, пару тысконок, поскольку у меня сейчас медовый месяц, и я собираюсь обновить жене гардероб. А после этого мы усядемся в маленький «форд» и поедем...

— Тпру! — перебила его Эми и нежно поцеловала. Доремус заключил ее в объятия и так долго прижимал к своей груди, что проходивший мимо высокий официант чуть шею не свернул, наблюдая за ними.

— А если хорошенько пораскинуть мозгами, — задумчиво протянул Доремус, и улыбка осветила его лицо, — сдается мне, что завтрак никуда не убежит, да и телеграмму можно отослать попозже, например, днем. Или вообще завтра.

— Да-да, именно завтра, — подхватила Эми и, прощаясь, последовала за мужем в коттедж.

Ричард Лэймон

ПОДВАЛ

*Перевод с английского
Юрия Блинова и Вадима Терещенко
при участии Сюзанны Алукард*

7

Джон Фаррис

КОГДА ЗВОНИТ МАЙКЛ

*Перевод с английского
Марии Павловой и Марины Яковлевой*

227

Л 92 **Лэймон Р.** Подвал. Фаррис Д. Когда звонит Майкл. («Библиотека остросюжетной мистики»). Вып. 5: Перев. с англ. / Сост. Т. Чичиной; Ил. В. Федорова — М.: Компания «Ключ-С», 1993. — 448, с., ил. ISBN 5—253—00752—0

В этом выпуске «Библиотеки остросюжетной мистики» вас ждет встреча с героями двух знаменитых триллеров Ричарда Лэймона и Джона Фарриса. Оба автора впервые публикуются на русском языке, хотя их произведения уже много лет широко известны на Западе и снискали своим создателям славу признанных мастеров ледящей крови прозы.

В «Подвале» Лэймона использован другой неотразимый прием — «черная полоса» в жизни героев покажется вам днями райской идиллии, когда они вступят в пору еще более тяжелых испытаний спасаясь от преследования своего бывшего мужа — амнистированного извращенца, насильника и убийцы, — молодая женщина с дочерью становятся жертвами гораздо худшего зла, попав в сексуальное рабство к кровавым чудовищам, над существованием которых еще и сами недавно смеялись.

Представляя одну из лучших работ своего учителя и кумира Джона Фарриса — роман «Когда звонит Майкл», Стивен Кинг говорит в предисловии, что эта книга — «прежде всего удивительно захватывающий сюжет, который от страницы к странице все больше накаляет ваши нервы и вдруг подводит вас к совершенно неожиданной развязке». И с этим трудно не согласиться: напряженная нить расследования вьется вокруг цепи загадочных смертей, каждую из которых предвещает телефонный звонок .. с того света.

Литературно-художественное издание
Библиотека остросюжетной мистики

В ы п у с к 5

Ричард Лэймон

ПОДВАЛ

Джон Фаррис

КОГДА ЗВОНИТ МАЙКЛ

Составитель-редактор
Чичина Тамара Васильевна

Оформление художника
Л. В. Брылева

Художественный редактор
Т. Н. Костерина

Технический редактор
К. И. Заботина

Младший редактор
Т. А. Мосиевич

ИБ 2933

Сдано в набор 10.03.93 Подписано в печать 02.04.93.
Формат 84×108^{1/32} Гарнитура «Академическая». Печать высокая
Усл. печ. л. 23,94. Усл. кр.-отт. 23,94 Уч.-изд. л. 25,12.
Тираж 100 000 экз Заказ № 214 Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательства «Пресса»,
125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

В ближайших выпусках
**«Библиотеки остросюжетной
мистики»**

вас ждут:

— драматическая история
смены часовых у врат Ада
из знаменитой дилогии

Джеффри Конвица
«СТРАЖ»;

— появление двуединой дочери
Дьявола
в романе

Уильяма Джонстоуна
о современном сатанизме
и неоязычестве

«ДЕТСКИЕ ИГРЫ»

— буйство демонов

и разгул кровавого
мракобесия

в знаменитом триллере

Джона Руссо
«ПОЛНОЧЬ»

